ЗВЕЗДЫ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
ЙЕН МАКДОНАЛЬД
ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ «ЛОКУС», «ХЬЮГО», БРИТАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
SCANNING...
CORTA
CLUB
БРАЗИЛЬЯ
ОДИН ИЗ САМЫХ ИНТЕРЕСНЫХ И ИСКУСНЫХ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, И УЖ ТОЧНО НАИБОЛЕЕ ИЗОЩРЕННЫЙ С КУЛЬТУРНОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. ФРЭНК ГЕРБЕРТ, УИЛЬЯМ ГИБСОН, ИЛИ ДАЖЕ ТОМАС ПИНЧОН НАЧАЛА XXI ВЕКА.
ASIMOV'S SCIENCE FICTION

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2032 год. Случайная встреча вовлекает Эдсона, молодого человека, пытающегося выбиться из нищеты, в опасный мир квантовых хакеров, таинственных двойников и паранойи. Он узнает секрет, способный изменить всю историю человечества, но куда бежать в стране, где царит тотальная слежка?

2006 год. Марселина, амбициозный телепродюсер, в поисках материала для реалити-шоу наталкивается на свидетельства древнего заговора, и вскоре мир вокруг начинает рушиться, угрожая не только ее рассудку, но и жизни.

1732 год. Иезуит Луис Квинн отправляется в Бразилию, чтобы по заданию Святого престола призвать к ответу священника, преступившего законы церкви. Но задание оказывается куда сложнее, и в дебрях Амазонки Луис находит то, что ставит под сомнение не только его веру, но и взгляды на устройство Вселенной.

Три героя, три истории, три Бразилии, связанные через пространство и время, в эпическом романе о природе самой реальности, где ничто не случайно, и даже название с секретом.

- Йен Макдональд
  -
  -
  - Богоматерь Дорогостоящих Проектов
  - Богоматерь Спандекса
  - Богоматерь Мусора
  - Богоматерь, Которая Явилась
  - Богоматерь Затопленного Леса
  - Богоматерь Телесериалов
  - Богоматерь Золотой Лягушки
  - Богоматерь Всех Миров
  - Глоссарий
  - Благодарности
  - Выборочный список для чтения
  - Плей-лист «Бразильи»
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226

- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251

Йен Макдональд
Бразилья

Ian McDonald BRASYL

Печатается с разрешения издательства The Orion Publishing Group Ltd при содействии литературного агентства Synopsis

© Ian McDonald, 2007. All rights reserved.

First published by Gollancz, London.

В оформлении обложки использована иллюстрация *Сергея Забелина*

Дизайн обложки: *Марина Акинина*

© Наталья Власова, перевод, 2015

© Сергей Забелин, иллюстрация, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Бразилия – несерьезная страна.

Шарль де Голль

Переводчик благодарит Сергея К. и Анну К. за помощь в транскрибировании португальских названий и полезные советы.

Эта книга, наконец-таки, посвящается Энид

Богоматерь Дорогостоящих Проектов

17–19 мая 2006 года

Марселина наблюдала, как они угоняют машину на Руа[1] Сакопан. Это был «мерседес» С-класса, типичный автомобиль драгдилера, тюнингованный по самое не балуй командой из передачи «Тачку на прокачку. Бразильская версия» – колпаки на колесах, спойлер, синяя подсветка на подрамнике. Сабвуферы размером с чемодан. Команда автомехаников проделала отличную работу. Машина смотрелась куда дороже четырехсот реалов[2], которые Марселина заплатила за нее на городской штрафстоянке.

Они прошли мимо три раза – трое парней в баскетбольных шортах, майках и бейсболках. Первый раз просто присматривались. Второй – примеривались. Троица притворилась, что заинтересовалась колпаками на колесах, четками и брелоком с эмблемой «Фламенгу»[3], свисавшими с зеркала (милый штрих). Что там, проигрыватель на несколько дисков или магнитола с MP3?

Давайте, ребятки, вы же знаете, что хотите эту тачку, думала Марселина на заднем сиденье в машине преследования, припаркованной в двухстах метрах выше по холму. В ней есть все, что вы любите, я постаралась, как вы сможете устоять?

Третий раз – угон. Они выждали десять минут для страховки, десять минут, в течение которых Марселина ерзала перед монитором, боясь, вернутся ли они вообще или в машину кто-то другой заберется первым. Нет, вот они прошествовали по холму – высокие, симпатичные и развязные парни спортивного телосложения. Эта троица была хороша, очень хороша. Марселина даже не увидела, как они дернули за ручку, но трудно с чем-то перепутать удивление на лицах, когда дверь распахнулась. Да, тачка незаперта. И снова: да, ключи в замке. И вот они внутри: дверь закрыта, двигатель заведен, фары включены.

– Поехали! – крикнула Марселина Хоффман своему водителю и прильнула к монитору, когда внедорожник рванул с места.

Господи и Пресвятая Дева, поднажали, мотор взвизгнул, когда они вырывались на Авенида[4] Эпитасиу Песоа.

– Внимание! Всем машинам! – прокричала Марселина в рацию, пока «чероки» вилял в потоке машин. – У нас угон! У нас

угон! Машина направляется на север, в сторону тоннеля Ребосас[5].– Она с силой ткнула в плечо водителя, помрежа, который когда-то давно признался ей в любви к авторалли. – Не упускай из вида, но не напугай их. – На экране ничего не отображалось. Марселина стукнула по нему. – Что с этой фиговиной? – Экран наводнили картинки со скрытых камер, которыми был нашпигован «мерседес». – Мне нужен тайм-код в режиме реального времени.

«Не дай им найти камеры», – молилась Марселина Богоматери Дорогостоящих Проектов, своей божественной покровительнице. Три парня: тот, что в черном с золотом, за рулем, еще один в майке «Найк», а третий вообще с голым торсом, и у него между сосков растет кустик жестких, как проволока, волос. Сирены промчались мимо. Марселина оторвалась от монитора и увидела, что полицейская машина пересекает четыре полосы и обгоняет ее.

– Дайте звук.

Жуан-Батиста, звукооператор, покачал головой, как индиец, и этот жест показался еще более карикатурным из-за наушников. Он повозился с портативным микшером, висящим на шее, и неуверенно поднял палец вверх. Марселина все это репетировала – репетировала, репетировала и снова репетировала, – но сейчас не могла вспомнить ни единого слова. Жуан-Батиста взглянул на нее: *«Ну же, это твое шоу».*

– Вам нравится эта машина? Нравится? – Голос у нее дрожал, как у девочки-промоутера, и звукооператор посмотрел на нее с жалостью. На картинке с камер, спрятанных в машине, парни выглядели так, будто под светодиодной подсветкой автомобиля в стиле «Рыцаря дорог» только что рванула бомба. *«Не оставь меня, Пресвятая Дева, не оставь меня».* – Она ваша! Это ваш суперприз! Все верно, вы на телешоу!

– Это старый раздолбанный «мерс» с дешевым тюнингом, – пробормотал Соза, водитель. – И они это понимают.

Марселина убрала рацию.

– А ты у нас тут режиссер? Режиссер или нет? Сейчас ты водитель!

Внедорожник резко свернул, из-за чего Марселина чуть не свалилась на заднем сиденье. Взвизгнули тормоза. Господи, вот это ей по душе.

– Они передумали ехать в тоннель. Вместо этого направляются в сторону Ботанического сада.

Марселина взглянула на навигатор. Полицейские машины отмечены оранжевыми флажками, их аккуратный строй в районе Зона-Сул[6] ломался и перестраивался, когда угонщики отказались попасть в расставленную ловушку. *«Вот для чего все*

это, – сказала себе Марселина. – *Вот что делает телепередачу интересной*». Она снова взяла рацию.

– Вы на передаче «Побег». Это новое реалити-шоу Четвертого канала, и вы его герои! Эй, вы станете звездами!

Парни переглянулись. В этой культуре ценится внимание. Легче легкого соблазнить тщеславного кариока[7]. Кариока – лучшие участники реалити-шоу на всей планете.

– Эта тачка ваша, стопроцентно, гарантированно и легально! Нужно только, чтобы в ближайшие полчаса вас не арестовала полиция, которую мы на вас навели. Хотите сыграть? – Это может подойти для слогана: «Побег: хотите сыграть?»

Губы парня в футболке «Найк» шевелились.

– Мне нужен звук! – закричала Марселина.

Жуан-Батиста нажал еще какую-то кнопку.

Байле-фанк[8] сотряс внедорожник.

– Я говорю: за эту кучу дерьма? – «Найк» перекрикивал ритм, под который принято трясти ягодицами.

Соза очередной раз резко развернулся, не щадя шин. Оранжевые флажки полицейских машин сбились в стаю, одно за другим отрезая направления к потенциальному побегу. Впервые Марселина поверила, что может снять на этом материале передачу. Она выключила двустороннюю связь.

– Куда мы едем?

– Может, в Росинью[9] или через лес Тижука[10] на Эстрада[11] Дона Касторина.

Внедорожник скользнул через очередной перекресток, от него шарахнулись мойщики машин с ведрами и скребками, а еще жонглеры, чьи мячики каскадом попадали к их ногам.

– Нет, все-таки Росинья.

– Есть что-нибудь годное? – спросила Марселина.

Жуан-Батиста покачал головой. Ей никогда не попадались разговорчивые звукооператоры, даже если это были женщины.

– Эй-эй-эй! Можешь сделать музыку чуть потише.

Звуки «байле» в исполнении диджея Фуракана достигли приемлемого уровня, и Жуан-Батиста поднял палец вверх.

– Как тебя зовут?

– Ага, так я тебе и сказал, когда еду в краденой тачке, а половина полиции Зона-Сул висит у меня на хвосте! Это ловушка.

– Ну надо же как-то к тебе обращаться, – умасливала его Марселина.

– Ладно, Четвертый канал, можешь называть меня Качок[12], а это Америка, – водитель махнул рукой в сторону соседа. – И О'Клону. – Парень с кустиком волос на груди приблизил губы к мини-камере, встроенной в подголовник водительского сиденья,

как в классическом клипе на MTV.

– Это будет типа автобуса 174?[13] – спросил он.

– А ты хочешь закончить как парень в автобусе 174? – пробормотал Соза. – Если они попытаются прорваться в Росинью, то автобус 174 будет на их фоне детским утренником.

– И я стану звездой? – поинтересовался О'Клону, все еще целуя камеру.

– Ты будешь на обложке журнала «Контигу». У нас там свои люди. Можем устроить.

– А можно встретиться с Жизель Бундхен?

– Мы организуем тебе съемку с Жизель Бундхен, всем вам, вместе с машиной. Звезды «Побега» и их тачки.

– А мне нравится Ана Беатриз Баррош! – подал голос Америка.

– Слышите? Жизель Бундхен! – О'Клону просунул голову между сидений и прокричал на ухо Качку.

– Парень, не будет вам никакой Жизель Бундхен и Аны Беатриз Баррош, – сказал Качок. – Это ж телевизионщики, они наобещают золотые горы, лишь бы рейтинги были. Эй, Четвертый канал, а что случится, если нас поймают? Мы ж не просились к вам на шоу.

– Но машину-то вы угнали.

– Вы хотели, чтобы мы угнали эту тачку. Оставили дверь открытой и ключ в замке зажигания.

– Этика – дело хорошее, – сказал Жуан-Батиста, – но на реалити-шоу с ней проблемы.

Сирены звучали со всех сторон, приближались, синхронизировались. Полицейские машины пулей пролетели по обе стороны – порыв ветра, размытый звук и мерцающий свет. Марселина почувствовала, как сердце глухо колотится в груди, это был момент красоты, когда все срослось – все идеально, доведено до автоматизма, божественно. Соза переключился на верхнюю передачу, пролетая мимо закрытой стройки, где росла новая стена фавелы.

– И это не Росинья, – сообщил Соза, миновав цепочку железнодорожных цистерн. – А что там дальше? Может, Вила Каноас[14]. Ни хрена себе!

Марселина оторвалась от монитора, над которым она уже планировала монтаж своего шоу. Что-то странное прозвучало в голосе Созы.

– Ты пугаешь меня, парень.

– Они только что развернулись на сто восемьдесят градусов.

– И где они?

– Едут прямо на нас.

– Эй, Четвертый канал, – Качок широко улыбался в камеру на солнцезащитном козырьке. Он был очень хорош, с крупными белыми зубами. – Какая-то неувязочка в твоем формате. Понимаешь, мне нет резона рисковать своей свободой ради подержанного говенного «мерса». С другой стороны, ради чего-нибудь с ценником повыше…

«Мерседес» скользил по центральной полосе, теряя по пути элементы тюнинга. Соза ударил по тормозам. Внедорожник остановился почти вплотную к «мерседесу». Качок, Америка и О'Клону уже выскочили, держа пушки параллельно земле боковым хватом, который вошел в моду после фильма «Город Бога»[15].

– Выходим, выходим, выходим, – Марселина и члены съемочной группы вывалили на дорогу в потоке сигналивших машин.

– Мне нужен жесткий диск. Без него у меня не получится шоу. Оставьте хотя бы его.

Америка уже сидел за рулем.

– Классно, – заявил он.

– Ладно уж, бери, – сказал Качок, протягивая Марселине монитор и терабайтовый диск.

– Знаешь, у тебя волосы типа как у Жизель Бундхен, – крикнул О'Клону с заднего сиденья. – Только более волнистые, да и сама ты помельче.

Мотор взвизгнул, шины задымились. Америка на ручном тормозе объехал на внедорожнике Марселину и рванул на запад. Через пару секунд промелькнули полицейские машины.

– Вот это, – сказал Жуан-Батиста, – я и называю крутым телешоу.

* * *

Черная Птичка курила в монтажной. Марселина ненавидела это. Она ненавидела почти все в Черной Птичке: ее одежду родом из 50-х, которую та носила неглаженой наперекор трендам и моде (не существует моды без персонального стиля, *querida*[16]) и при этом выглядела потрясающе, начиная с настоящих нейлоновых чулок – никаких колготок, от них очень-очень сильная молочница – и заканчивая пиджаком от Коко Шанель. Если бы она могла носить черные очки и головной платок в монтажной, то носила бы. Марселина ненавидела женщину, которая так уверенно и безошибочно жила по своим собственным правилам. Ее бесило, что Черная Птичка сидела исключительно на импортной водке и

сигаретах «Голливуд», в жизни не сделала ни одного упражнения, но даже после целой ночи работы в монтажной излучала шарм Грейс Келли и не поглощала литрами сладкую гуарану[17]. Но больше всего бесило то, что Черная Птичка, несмотря на намеренный ретростиль, окончила медиашколу на год раньше Марселины и теперь была ее старшим выпускающим редактором. На пятничных коктейлях в кафе «Барбоза» Марселина регулярно утомляла аналитиков и продюсеров неустанными рассказами обо всех трюках и извращениях, к которым прибегла Черная Птичка, чтобы возглавить отдел развлекательных передач на Четвертом канале, коллеги уже могли цитировать историю Хоффман, как литургию. *«Она не знала, что микрофон все еще включен, и операторы услышали, как она говорит…* (хором) *Трахни меня так, чтоб я лопнула…»*

– Саундтрек – основной элемент уникального торгового предложения, то есть наш козырь, мы хотим использовать музыку 80-х из GTA[18]. Ту песню английской романтической группы, где они поют про Рио, но клип снят на Шри-Ланке.

– А я думал, на Шри-Ланке снимался клип «Сохрани молитву»[19],– заметил Леандру, пододвигая к Черной Птичке пепельницу, крышкой которой служил перевернутый цветочный горшок.

Он был единственным редактором во всем здании, который не запретил Марселине появляться в своей монтажной, и считался невозмутимым, как далай-лама, даже после ночной смены.

– «Рио» снимали в Рио. Что логично.

– А ты у нас спец по романтической английской музыке начала 80-х? – съязвила Марселина. – Ты в 1984-м хоть на свет появился?

– Я думаю, ты скоро выяснишь, что тот трек «Дюран Дюран» записали в 1982 году, – сообщила Черная Птичка, тщательно затушив сигарету в предложенной пепельнице и водрузив крышку на место. – А видео на самом деле сняли в Антигуа. Марселина, что случилось с машиной съемочной группы?

– Полиция обнаружила ее раздетой до подрамника на краю Мангейры. Страховка все покроет. Но это значит, что все работает. То есть я хочу сказать, формат требует небольшой доводки, но идея замечательная. Это хорошее телешоу.

Черная Птичка зажгла очередную сигарету. Марселина маялась возле двери в монтажную. *«Дайте мне снять ее, дайте мне, дайте мне, дайте мне эту передачу».*

– Это хорошее телешоу, и меня оно заинтересовало.

Это наивысшая похвала, какую можно услышать от Черной

Птички. У Хоффман дрогнуло сердце, но виной тому, скорее всего, стимуляторы. Потихоньку слезть с них, а потом нормально выспаться ночью – вот, по ее опыту, самый лучший способ отойти от ночной смены. Разумеется, если проект утвердят, то она может поехать прямиком в кафе «Барбоза», постучать в дверь Аугусту особым секретным масонским стуком и провести остаток дня с шампанским, глядя, как мимо проносятся роллеры с крепкими, как персик, задницами.

– Умное, злободневное, для всех возрастов, но, увы, его не будет.

Черная Птичка подняла руку, обтянутую кружевной перчаткой, предвосхищая протесты Марселины.

– Мы не можем запустить его.

Она постучала по панели беспроводного контроля и включила Четвертый новостной канал. В утреннюю смену работала Аузирия Менендес. Значит, Эйтор наверняка позвонит Марселине где-то в полдень и позовет на обед. В такой день страхи и тревоги немолодого ведущего новостей – это то, что ей нужно в последнюю очередь. Казалось, картинка попала на экран прямо из ее головы: полицейские автомобили окружили автомобиль на обочине шоссе. Сан-Паулу, гласил заголовок. Дальше съемка с вертолета: патрульные машины и броневики спецназа перед воротами тюрьмы Гуарульюс. С территории исправительного учреждения поднимаются столбы дыма. На полуразобранной крыше стоят люди с плакатом, изготовленным из простыни, на нем красной краской что-то написано.

– ПСК[20] объявила войну полиции, – сказала Черная Птичка. – Как минимум дюжина копов уже погибла. Они взяли заложников в тюрьме. А потом Бенфика… нет, мы не можем пустить это в эфир.

Марселина топчется у двери, тихо моргая, пока экран телевизора не превращается в крошечное дрожащее пятнышко в конце длинного тусклого туннеля, гудящего от банок «Куата»[21] и амфетаминов, Леандру и Черная Птичка не оборачиваются странными лимузинами, которые волокут ее на своих бамперах. Марселина слышит свой собственный голос словно бы из какого-то динамика, скрытого внутри ее тела:

– Мы должны быть оригинальными и смелыми.

– И твоя идея оригинальная и смелая, а потом каналу не продлят лицензию. – Черная Птичка поднялась и стряхнула сигаретный пепел со своих прелестных перчаток. – Прости, Марселина.

Ее икры, обтянутые нейлоном, потерлись друг о друга, создавая электрический разряд, когда она открыла дверь

монтажной. Свет слепил. Черная Птичка превратилась в аморфную тень в центре сияния, когда шагнула в самое сердце солнечного света.

– Беспорядки утихнут, как обычно…

Но Марселина нарушила собственное правило: не возражать, не оспаривать, не умолять. Нужно любить проект достаточно, чтобы воплощать его, но не настолько, чтобы не дать ему развалиться. Ее любимый жанр – развлекательные реалити-шоу – имел тошнотворный рейтинг успешности в два процента, и Марселина стала толстокожей, она выучила местное кунфу: никому не доверять, пока чернила не высохнут на контракте, и даже тогда составитель телепрограмм царь и бог: он дал, он и взял. Но каждый удар высасывал энергию и лишал стимула – это все равно, что пытаться остановить супертанкер, пиная в него футбольные мячи. Марселина даже не помнила, когда ей в последний раз нравилась эта работа.

Леандру выключил пилотный выпуск и заархивировал план монтажа.

– Не хочу тебя торопить, но у меня еще Лизандра с «Пластикой в обед».

Хоффман взяла свои документы и жесткий диск и подумала, что было бы очень неплохо разреветься. Но не здесь – здесь никогда, не перед конкурентами.

– Эй, Марселина… мне жаль, что так вышло с «Побегом». Понимаешь, время неподходящее. – продолжил редактор.

Лизандра уселась в кресло Марселины и положила журнал дублей и бутылку воды прямо на стол. Леандру пощелкал кнопками.

– Да ладно, это же всего лишь бизнес, ничего личного, – сказала Марселина.

– Знаешь, ты всегда так философски ко всему относишься. Я бы на твоем месте после такого просто пошел и где-нибудь надрался бы.

«Был такой вариант, но после твоих слов я скорее намажу губы дерьмом вместо помады, чем напьюсь до потери пульса в „Барбозе“».

Марселина представила, как медленно выплескивает кислоту из открытого автомобильного аккумулятора в лицо Лизандры, как по ее белой и бархатистой, словно персик, коже текут кровавые узоры в духе Джексона Поллока. Будет тебе «Пластика в обед», сука.

Гунга[22] проговаривал ритм, басы пыхтели – это пульс города и гор. Медиу был болтуном, небрежно и бесцеремонно

разносящим сплетни улиц и баров, новости о жизни знаменитостей. А виола – певицей, она заглушала и басы, и перкуссию – ее мелодия торжественным гимном разносилась на фоне остальных звуков и ложилась на ритмы гунга и медиу, а потом, не переставая трясти ягодицами, скрылась, словно дух самой капоэйры, за ритмичными проигрышами и пассажами, ложными атаками и импровизациями.

Марселина стояла босая в круге музыки, грудь вздымалась, руки были подняты. Пот градом катился по подбородку и локтям, капая на пол. При игры в роде[23] без трюков и обманов не обойтись. Марселина с надлежащей наглостью манит противника поднятой рукой. Ее соперник пританцовывает в жинге[24], готовый атаковать и обороняться, все его чувства обострены. Так нагло вызывать противника на танец – это по-бразильски, в духе жейту[25], в духе малисии[26]. Капоэйристы поют нараспев:

Е-е-е, я шел Прохладным утром
И встретил Великого Сан-Бенту,
Играющего в карты с Псом.

Рода хлопает в ладоши в контрапункт торопливым, звенящим ритмам беримбау. Это с виду такой грубый инструмент, его происхождение от боевого лука явственно проступает в изогнутой форме деревянной верги[27] и туго натянутой, как тетива, струне. Беримбау кажется кустарным: тыква, проволока из автомобильной шины, крышка от бутылки, которая прижата к струне, палка, чтобы извлекать звуки, – в круглом животе инструмента живут всего две ноты. Это инструмент трущоб. Когда Марселина только начала заниматься капоэйрой, то презрительно относилась к беримбау: она же пришла сюда драться, а только потом танцевать. Но танца без музыки не бывает, и когда она выучила порядок, то зауважала дребезжащие просторечные голоса беримбау, а затем разобралась в ритмических тонкостях этого инструментального трио, говорившего всего шестью нотами. Местре[28] Жинга не уставал повторять, что Марселине никогда не получить корда вермелья[29], если она будет пренебрежительно относиться к беримбау. Капоэйра – это больше, чем просто бой. Марсе-

лина заказала себе медиу в фонде местре Бимбы[30] в Салвадоре, духовном доме классической капоэйры Ангола[31]. Медиу так и лежал нераспакованным за диваном. Для Марселины, одетой в красные капри с белыми полосками и короткий топик, бой был тем, что нужно после поражения на работе, которое все еще комом стояло в горле.

Местре Бимба, местре Нестор,
Местре Эзекиел и Кенжикинья,
Все они знаменитые люди,

Которые научили нас играть и петь – поет рода, создав три концентрические окружности внутри влажного бетонного четырехугольного двора, разрисованного святыми культа умбанда[32] и легендарными местре капоэйры, изображенными в прыжках, сочетающих трюки кунфу и изящество балета. И снова Марселина манит соперника и улыбается. Ритм переключается с Сан-Бенту-Гранде[33] на так называемую песню вступления, канту де энтрада – формальность, которой придерживается местре Жинга в своей школе, прославляя былых мастеров капоэйры. Жаир пересекает роду и берет руки Марселины в свои. Они медленно движутся лицом к лицу, так церемонно, будто исполняют форро[34] вдоль круга поднятых рук, голосов и звуков беримбау. Жаир – нахальный парень на десять лет моложе Марселины, высокий, черный и привлекательный, причем последним обстоятельством явно гордится, поддерживает внешний вид и ведет себя с достоинством и уверенностью, граничащими с дерзостью. Он не дерется с белыми и женщинами. Белые двигаются, как негнущиеся деревья или как грузовик со свиньями, едущими на бойню. А женщины вообще никогда не поймут, что такое «малисия». Это доступно лишь парням. А маленькие белые бабы с немецкими именами и белой немецкой кожей – самые смешные из всех. Таким не стоит тратить время на капоэйру. Все равно без толку.

Конкретно эта белая немецкая баба уже дважды удивила его. Первый раз лиричным эс-добраду[35], который начался с ложной подсечки с пола, при этом руки и ноги касались земли, а потом перешел в перекат колесом на одной руке и быстрый удар правой ногой, от которого Жаир увернулся только резко присев в защитную стойку «негачива»[36], подняв руку, чтобы прикрыть лицо. Марселина легко предугадала атакующий удар «мейя луа»[37]. «Е! Е!» – кричат зрители. Второй раз они ахают и громко хлопают, когда Хоффман ныряет в «мейя луа пулада»[38] – бесценный вклад группы Сензала[39] в капоэйру. Боковым зрением она мельком увидела, что местре Жинга присел на корточки со своей резной тростью, словно старый ангольский король, сохраняя при этом каменное выражение лица. Старый козел. Что бы Марселина ни делала, на него это не производило впечатления. *«Ты не магистр Йода».* Затем наступила очередь «шапеу де кору», удара ногой из положения сидя с опорой на

одну руку. Жаир оторвался от земли, а Марселина едва успела упасть на четыре опорные точки, наблюдая, как над головой просвистела нога соперника.

Поначалу капоэйра была лишь очередной модной волной, которую оседлала Хоффман, вечно испытывавшая вампирский голод по чему-то новому и свежему. На Четвертом канале «обеденный перерыв» – слово для лузеров, если только вы не проводите его с пользой. Когда в моде была спортивная ходьба, Марселина первой рискнула выйти на жаркий пляж Ботафогу в спортивных туфлях, костюме из спандекса, в темных очках с узором в виде паучьей сетки и шагомером, отмеряющим канонические десять тысяч шагов. Через неделю несколько ее друзей и куча соперников высыпали на улицу. Потом она услышала сквозь шум автомобильного движения бренчание беримбау, веселый звон агого[40] и пение, доносившиеся из парка Фламенгу[41]. На следующий день она уже присоединилась к ним, хлопая в ладоши, как типичная немецкая блондиночка, пока жилистые парни с голыми торсами крутились колесом, кружились и наносили удары ногой в роде. Местре Жинга просто устроил презентацию своей школы для привлечения новых учеников, но для Марселины это стало Следующим Крутым Новшеством. Капоэйра правила целый сезон, ей посвящали каждый второй питчинг, но потом сдалась под натиском очередного тренда. К тому времени Марселина пожертвовала костюм из спандекса и вышедшие из моды очки в благотворительный магазин, а шагомер подарила соседке с нижнего этажа, сеньоре Коста, которую преследовал страх, что ее муж – лунатик и проходит ночами по улицам километр за километром, воруя всякие мелочи. Марселина же купила себе классический набор из капри с полосками и эластичного коротенького топа и дважды в неделю отправлялась на такси в школу местре Жинга Сильвестре, вверх по серпантину на гору Корковаду, напоминающую женскую грудь, где на вершине, словно торчащий сосок, стоял сам Христос. Она стала адептом этого боевого танца. В конце концов, мода на него вернется снова, так всегда было.

Руки сцеплены, капоэйристы продолжали кружиться. Ночь влажная, и облака низко висели над Тижукой. Теплая сырость задерживала и усиливала запахи: фруктовый и тошнотворно-приторный аромат бугенвилии, нависающей над двориком, где проходили бои, прогорклый дым масла в лампах, которые очерчивали роду, медово-соленую сладость пота, стекающего по поднятым рукам Марселины, плодородную и питательную кислотность ее подмышек. Хоффман разжала руки и отпрянула от

Жаира. На одном дыхании беримбау и агого перескочили на мотив Сан-Бенту-Гранде, и на том же дыхании Марселина резко присела на корточки, схватила Жаира за отвороты брюк с узором из черепов с перекрещенными костями, встала и опрокинула парня на спину.

Рода взревела от восторга. Беримбау, казалось, усмехнулись струнами. Местре Жинга сдержал улыбку. Это «бока де калса»[42] – движение такое простое и глупое, что никогда и не подумаешь, что оно может сработать, но потому и сработало. А теперь завершающий штрих. Марселина протянула руку. Как только один из участников предлагает руку, игра закончена. Но Жаир из защитной стойки «негачива» ударил пяткой с разворота – это «армада». Хоффман легко нырнула под его голой ногой и, пока он не успел восстановить равновесие, резко стукнула ему с обеих сторон по ушам – двойной «галопанче». Жаир с воплем упал, смех прекратился, беримбау умолкли. Каркнула какая-то птица. На лице местре Жинга теперь не было и намека на улыбку. Марселина снова протянула руку. Жаир молча отказался, поднялся и вышел из круга, потряхивая головой.

Учитель ждал в желтом свете фонарей, пока к Марселине приедет заказанное такси. Кто-то сам ведет в этой жизни, а кого-то везут. Низко склоненные ветви деревьев и тянущийся вверх фикус отбрасывали причудливые изменчивые тени на местре, который оперся на палку. На его шее покачивался амулет патуа, защищавший от злых духов.

«Ты не Йода, мать твою, – подумала Марселина. – И не Гэндальф Серый».

– Это было хорошо. Мне понравилось. «Бока де калса» – настоящий прием маландру[43].

Его голос скрежетал так, словно учитель выкуривал по четыре пачки сигарет в день. Насколько Марселина знала, местре Жинга никогда не курил, никогда не употреблял маконья[44], не говоря уж о других наркотиках, а пил только в дни поминовения святых и по национальным праздникам. Говорили, что он хрипит из-за узелков на голосовых связках, но какова бы ни была биологическая подоплека, Марселина от его слов всегда чувствовала себя так, словно оказалась в фильме «Карате-пацан».

– Я думал, что, может быть, ты в итоге сумеешь понять, как себя надлежит вести, понять жейту и тут…

– Я извинилась перед Жаиром, но он отнесся с прохладцей. В ушах позвенит пару дней, но он ведь сам решил продолжить. Я предложила, он отказался. Как вы говорите, на улице нет правил.

Когда она, танцуя, вышла из оборонительной стойки, то видела перед собой лицо не Жаира, а Черной Птички во всей ее

красе, с макияжем, и кулаки тут же поняли, что нужно делать: удар по ушам, самый унизительный в жогу. Двойная пощечина.

– Ты злилась. Злость – это глупо. Разве я тебя не учил? Смеющийся человек всегда победит злого, поскольку злой глуп, им двигает ярость, а не хитрость.

– Да, да, конечно, – сказала Марселина, закидывая сумку с вещами на заднее сиденье такси. Она надеялась, что боевой танец испепелит гнев, превратит в соответствии с доморощенным дзеном местре Жинги в насмешливый хохот настоящего маландру, беззаботного и любимого миром, который присматривает за ним, как мать. Музыка, песни, хитрые шаги подготовительной жинги лишь раздули злость, пока она не пронзила черный резервуар с яростью – неистовства столь древнего, что оно уже превратилось в черное горючее масло. Там скопились долгие годы гнева. Разумеется, на семью, на мать, которая изящно и респектабельно спивалась в своей квартире в районе пляжа Леблон, на сестер, их мужей и детей. На друзей, а по совместительству соперников и подхалимов, которых Марселина держала в поле зрения. Но в большей степени это был гнев на саму себя, на то, что к тридцати четырем годам она так далеко ушла по своей особой дороге, что обратного пути уже не было. «Я не представляю, чтобы дети могли компенсировать мой потенциальный карьерный рост». Все семейство Хоффман собралось в ресторане «Леопольд» на шестидесятилетний юбилей матери. Марселину, тогда еще двадцатитрехлетнюю, только пришедшую на Четвертый канал, ослепили свет, камера, мотор. Марселина до сих пор слышала свой голос за столом – от пива и самоуверенности она объявила войну своим старшим замужним сестрам, их мужьям и яйцеклеткам.

– Я не хочу ехать в Копа, – приказала она, вынимая телефон, а пальцы танцевали свой собственный танец жинга по клавишам, набирая текст. – Отвезите меня на Руа Табатингуэра.

– Хорошо, – отозвался таксист. – Копа кишит полицейскими и военными. Сейчас перекинется на Морру-ду-Паван[45].

* * *

Это был не первый еженедельный брифинг, на который она пришла с похмелья. Зал заседаний Четвертого канала – комфортные диваны, низкие столики, изогнутая стеклянная стена, синий с золотом Ботафогу и смог, висящий над муниципалитетом Нитерой и заливом, – превратился в сверхглубокую партию басов. В соответствии с генеральной

установкой на новизну, оригинальность и кидалтов стены украшали огромные фотографии персонажей «Звездных войн». Марселина чувствовала, как на нее давит Боба Фетт. Все пройдет нормально, если не придется ничего говорить, если только Лизандра своим паучьим чутьем не уловит, что Марселина отходит после двух третей бутылки водки, залитых ледяной «Баварией» из холодильника. Новый день, очередной алкогольный роман.

Если бы только она не ревела каждый раз, когда приходила к Эйтору в гости.

Присутствовали главы отделов по жанрам, редакторы, исполнительные продюсеры и руководители проектов. Черная Птичка сидела в очках и в платке, словно только что слезла, обласканная ветром и поцелованная солнцем, с итальянского мотоцикла Мото Гуччи. Роза, отвечавшая за составление программы передач, вывела вчерашние рейтинги на экран. Минималистские кожаные диваны хрустнули под тяжестью тел. Новый телесериал медиаканала «Реде Глобу» получил аудиторию в сорок процентов за все четыре периода статистической выборки, достигая пика в сорок четыре процента среди зрителей от восемнадцати до тридцати четырех лет. В том же временном интервале «Школа ниндзя» Четвертого канала привлекла лишь восемь с половиной процентов аудитории с сильным перекосом в сторону мужской части зрителей, на полтора процента отстала от «Красотки навылет» на SBT и сравнялась с пиковым сегментом «Глобу спорт». Адриану Руссу вошел, чтобы сделать краткое заявление.

Программный директор Четвертого канала старался выглядеть так, будто только что оставил доску для серфинга в приемной, но при этом для него всегда резервировали стул в конце подиума из стеклянных столов, и, судя по безупречному маникюру, ничего тяжелее папок и «Блэкберри» Адриану в руках не держал.

– Во-первых, имхо, в этой комнате собрались самые креативные, творческие, упорные и упертые люди, каких я только встречал, это без вопросов, – начал он.

По этикету полагалось кивать, пока директор сыпал сетевыми аббревиатурами, словно в чате, хотя иногда, как все считали, он просто придумывал свои собственные.

– Вечер выдался не ахти. ОК. Но нельзя, чтобы весь сезон так прошел. – Он поправил папку на стеклянном столе. – Только для старших редакторов и глав отдела. У меня появилась информация о зимнем расписании «Реде Глобу». – Тут встрепенулась даже Черная Птичка. – Вам разосланы по почте ПДФ, но гвоздь

программы зимнего сезона – новый телесериал. Пока вы не начали стонать про скучные и однообразные передачи, я поделюсь с вами парочкой деталей. Сериал называется «Мир где-то там», сценарий написан Алехандро и Коскимом, но вот в чем реальная тема – проект должен стать триумфальным возвращением Аны Паулы Арозиу. Она играет в паре с Родригу Сантору. «Глобу» вернет их на родину и на телеэкран. Все снимается на секретной закрытой площадке в Бразилии, вот почему никто ничего не слышал. Большая презентация для прессы намечена на следующую среду. Первый выпуск покажут пятнадцатого июня[46]. Нам нужно что-то весомое, яркое и интригующее. Чтобы народ собирался у кулеров и обсуждал нашу передачу, дерзкую и злободневную, мол, как только эти сволочи с Четвертого канала осмелились и все такое прочее. Чтоб у критиков случился полный ГНЛП!

Глаза На Лоб Повылазили, предположила Марселина сквозь гул бесконечного утра. Но не снято еще такое шоу, которое выигрывало бы у мыльной оперы. Любая передача, которая рискнет вякнуть против Аны Паулы Арозиу и Родригу Сантору, падет с десятью пулями в голове. Но «Глобу» считает, что «Мир где-то там» оставит после себя огромную толпу зрителей, которые не станут щелкать по каналам после каждой новой серии и останутся у телевизора. А значит, по опыту Марселины, там пустят что-то дешевое и жизнерадостное. Какое-нибудь «Бла-бла-бла за кулисами» – куча сцен со съемок, интервью с актерами, отрывками из следующих серий, без спойлеров конечно. Вот эту аудиторию и хочет украсть Адриану Руссу. Впервые за долгие месяцы где-то в глубине души Марселины Хоффман ёкнула надежда. Похмелье испарилось от дуновения адреналина. Амбиции блондинки. Карьера блондинки. Снова закрутится карусель проектов. Развлекательные реалити-шоу возьмут свое. Она получит собственный кабинет в виде стеклянного куба. Людям придется стучаться, чтобы войти. Собственный помощник. Ей надо будет только намекнуть, что она хочет «Блэкберри» или розовую «Моторолу Рэзр», и те уже утром материализуются на ее столе по мановению палочки технофеи. Первое, что сделает выпускающий редактор, – отменит шоу всех врагов. Марселина фантазировала, как разобьет в пух и прах все предложения Лизандры во время пятничного мозгового штурма. Она могла бы приобрести ту квартиру в Леблоне, возможно, даже с видом на пляж. Мать порадовалась бы. Марселина могла бы прекратить тянуть время с инъекциями ботокса на скорую руку и объявить полную пластическую атаку на морщины, выдававшие возраст. Спасибо, Богоматерь Дорогостоящих Проектов.

– У нас есть шесть недель, чтобы переломить ход событий. Презентации присылайте главам отделов к пятничному собранию. – Адриану Руссу собрал свои бумаги и поднялся. – Всем спасибо.

«Пока, Адриану. Спасибо, Адриану. Увидимся в пятницу, Адриану. Обнимаю, Адриану».

– Кстати, – он повернулся, уже стоя у двери. – Хотя и не у нас, но напоминаю, что в этом году проходит чемпионат мира по футболу.

«Спасибо, Адриану. Правильно, Адриану. Мы учтем, Адриану».

Боба Фетт все еще грозно держал Марселину на прицеле, но зато Йода, казалось, улыбался.

22 сентября 2032 года

Мяч неподвижно висит в воздухе. Его траектория дугой окаймляет Сидаде-де-Лус, пятьдесят улиц на склоне, на вершину приходится терновый венец фавелы, внизу шоссе исходит от жары в отражении окон и зеркал заднего вида. С другой стороны дороги начинаются закрытые анклавы: красные крыши, голубые бассейны, зеленые тени. В мареве бесконечные башни Сан-Паулу превращаются в архитектурные призраки, в которые с трудом верится, на их верхних этажах горят рекламы. Вертолеты нетерпеливо снуют между посадочными площадками на крышах. Там, наверху, живут люди, чья нога никогда не касалась земли. Но Ангелы Постоянного Надзора поднимаются еще дальше. В ясный день их можно заметить – еле заметное мерцание, словно заблудившиеся клетки в желеобразной массе внутри глаза, когда беспилотники поворачиваются на своей орбите и их большие, похожие на паутинку крылья бликуют на солнце. Шестнадцать беспилотных летательных аппаратов, бренных, как молитвы, постоянно кружат на границе тропосферы. Эти роботы, словно ангелы, никогда не устают, без необходимости не касаются земли и подобно ангелам читают людские сердца и намерения. Они мониторят и отслеживают два миллиарда арчидов – активных радиочастотных идентификационных устройств, – которые рассеяны по машинам, одежде, бытовой электронике и кредитным картам двадцати двух миллионов жителей города Святого Павла. В двадцати километрах над Ангелами Постоянного Надзора огромные воздушные шары размером с городской квартал маневрируют в тропопаузе[47], удерживая позицию над наземными центрами передачи данных. Эксабайты2 информации циркулируют между ними, создавая бесшовный узор коммуникации, в который укутана не только Бразилия, но и вся

планета. А еще выше, за пределами чувств и мыслей, GPS-спутники движутся по предустановленным орбитам, отслеживая малейшее движение, записывая любую трансакцию, каждый реал и центаво. И над всем этим Господь в своем кресле взирает на Бразилию и триста миллионов душ, ностальгируя по тем временам, когда всеведение было его прерогативой.

Все это на долю секунды застывает в параболе, которую описал футбольный мяч ЧМ-2030. А потом он падает. Приземляется на правую ногу девушки в облегающих шортиках из спандекса, на которых сзади написано ее имя – Милена – желтыми буквами на зеленом фоне. Она удерживает мяч на плоской поверхности бутсы, а потом снова отправляет его в полет. Резко поворачивается, отбивает мяч левой ногой, подныривает под него и ловит на грудь. На футбольной майке спереди написана ее фамилия синим на золотисто-желтом. Кастру. Синий, зеленый и золотистый – цвета бразильского флага.

– Грудь могла бы быть побольше, – говорит Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас, втягивая утро сквозь зубы. – Но, по крайней мере, она блондинка. Она ведь настоящая блондинка?

– Вы о чем? Это моя двоюродная сестра!

Двукурок – тощий парень с желтоватой кожей, каких в Бразилии называют эншуфрада, без особого стиля и не разбирающийся в жейту и, если эта девчонка, которая выписывает пируэты под мячом в своих сексуальных шортиках и коротеньком топе – его двоюродная сестра, тогда Эдсон не шестой сын шестого сына. Они сидят на складных армейских брезентовых стульях на краю площадки для футсала[48], в бетонном бункере, полном собачьего дерьма, на пустыре за Ассамблеей Бога[49]. Милена Кастру, королева футбола в Сидаде-де-Лус, теперь удерживает мяч на голове на счет раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Все хорошие девочки попадают в рай. Особенно за Ассамблеей Бога. Мяч послушно подскакивает на ее поднятом лбу. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать. Как богачи и ангелы, этот мяч никогда не касается земли.

– И сколько она так может?

– Да сколько захотите.

Девушка держит шар на голове и широко улыбается, потом подмигивает Эдсону и принимается перекидывать мяч с колена на колено. На ней гетры патриотических цветов. Они окончательно покоряют Эдсона.

– Я беру ее. – Он практически видит, как в глазах Двукурка посыпались реалы, словно в мультике. – Приходите ко мне в офис, поговорим.

«Офис» – это на самом деле хибарка рядом с домом доны Ортенсе, в которой пахнет собачьей мочой и плесенью, но именно оттуда ведет свои дела бюро по поиску талантов «Де Фрейтас Глобал Талант». Королева Милена разворачивается, принимает позу, и мяч с легкостью падает в изгиб руки.

– Я впечатлен.

Ее белая кожа даже не увлажнилась от пота.

– Думаю, у тебя есть талант. К несчастью, в наши дни одного таланта мало. И вот тут я могу помочь. Тебе нужно УТП. Ты знаешь, что это? Уникальное торговое предложение. Кстати, милые шортики, но придется их снять.

– Эй! Это моя сестра на минуточку! – восклицает Двукурок.

Местные ребятишки приходят по трое-четверо на площадку для футсала, нетерпеливо ударяя по маленькому, тяжелому мячу.

– Тут нужны стринги. А еще в какой-то момент потребуется увеличить грудь. Это не помешает?

Королева Футбола качает головой. Мальчишки, пришедшие на игру, пялятся на нее. Она к такому привыкла, думает Эдсон. Но в первом тайме на стадионе Парк-Сан-Жорже на тебя будут смотреть сорок тысяч, пока ты будешь снова и снова отбивать мячик.

– Отлично, отлично, отлично, тогда я попытаюсь пропихнуть тебя в одну из команд серии С. «Атлетику Сорокаба», «Риу Бранку», что-то типа этого. Раскрутим тебя, создадим репутацию, а потом двинемся дальше. Но для начала тебе нужно прийти ко мне в офис, чтобы уладить формальности.

Милена спокойно кивает, натягивает шелковую куртку с эмблемой «Тиман»[50] и вязаные гамаши командных цветов. По крайней мере девчонка понимает, как дела делаются, в отличие от Двукурка, который туп настолько, что Эдсон недоумевает, как ему вообще удалось дожить до двадцати восьми лет. Но она может выстрелить. Это первый крупный контракт «Де Фрейтас Глобал Талант», не считая женской команды по фудволею[51] и Налика, но то была лишь разминка. Эдсон щелкает стульями, они складываются в тонкие трости, которые человек может нести за спиной. Умная штука, эти смарт-пластики. Двукурок обнимает Королеву Футбола за обнаженную талию совсем не по-родственному. Надо заплатить ему комиссионные и вышвырнуть через заднюю дверь.

– Буду после девяти! – кричит Эдсон ему и Милене. Мимо проносятся мальчишки, жаждущие отвоевать обратно свою территорию, натягивают сетку и скидывают гавайские рубашки.

Уродливое лицо появляется на айшэдах[52] Эдсона – это Герсон, пятый из шести сыновей, куда менее любимый во всех

отношениях, чем Эдсон. Эдсон постукивает по оправе, отвечая на звонок.

– Привет, мой непутевый брат, должен сообщить, я только что подписал прелестный контракт…

Эдсон мог перечислить тысячу глупостей, которые совершил Герсон за свою жизнь, но сегодня тот переплюнул себя. Он звонил потому, что через сорок минут ребята из охранной фирмы «Бруклин Бандейра» отследят его и убьют.

Из перевернутой дамской сумочки льется дождь из карточек, монет, ключей, тампонов, губной помады, пудреницы, мини-версии глянцевого журнала.

Монетки и ключи прыгают по мостовой, тампоны катятся в разные стороны, их разносит горячий ветер. Журнал со сплетнями – размером как раз под дамскую сумочку – падает, словно птица с перебитой спиной. Пудреница ударяется о бетон и взрывается, распадаясь на створки, спресованную пудру, пуховку и зеркальце. Последнее прокатывается чуть дальше. Герсон Жуан Оливейра де Фрейтас напал на девушку вне поля зрения систем безопасности. Он выследил ее рядом с магазином «Хьюго Босс» на Авенида Паулиста, ехал за такси до анклава, где обитали представители среднего класса, включая ее маму с папой, – до спрятавшихся за кладбищем Вила-Мариана псевдофазенд в колониальном стиле с крутыми прохладными бассейнами. Нужно было брать, пока девчонка возилась с пакетами. Он потянул за ленту одноразового пластикового пистолета. Девчонка все поняла с первого раза. Герсон вывалил все содержимое из сумочки, выбросил пистолет, который тут же начал разлагаться, и развернул маленький мотоцикл. Все закончилось прежде, чем девчонка успела закричать.

Заднее колесо разбивает зеркало, когда Герсон разгоняется. Кому-то это сулит несчастье. Он стягивает бандану, которой прикрывал лицо, вниз, на шею. Сейчас одного взгляда на нее достаточно, чтобы тебя остановили и обыскали. Антисоциальный наряд. Ее айшэды, часы, футболка, такси – чей-то глаз да срисовал его. Номерные знаки мотоцикла лежат в рюкзаке. Когда он доберется в чипперию, все вернется на место. Двадцать секунд с отверткой, и все дела. Карточки будут уже пусты. Коды ключа изменяются каждые восемь часов. Монеты стоят дешевле пластика, из которого изготовлены. Косметика, тампоны, бабские журналы и вовсе не для парней. Но на улице сумку от Джиорелли Хаббаджабба сезона 2032, которая не просто *должна,* а *обязана* во что бы то ни стало быть у каждой девушки, можно толкнуть за три тысячи реалов. Да-да, три тысячи за сумочку. Приз болтался у

него на руке, пока Герсон летел по наклонному съезду в сторону ревущей Авенида Франсиску Мескита.

Сеньора Ана Луиза Монтенегру де Коэльо постучала пальцами по большим коричневато-желтым айшэдам, отправляя сообщение о правонарушении в компанию «Южное страхование и безопасность». Бандана на лице. Ну, конечно. Без номеров. Разумеется. Но в десяти километрах над Сан-Паулу Ангел Постоянного Надзора поворачивается в своем бесконечном кружении и загружает информацию об украденной сумочке. Из всего снегопада постоянно движущихся данных с арчидов он идентифицирует и находит уникальные чипы дизайнерской сумочки от Антона Джиорелли Хаббаджабба, которая недавно была зарегистрирована на сеньору Ану Луизу Монтенегру де Коэльо. Затем он вызывает нейронную карту Сан-Паулу – две тысячи квадратных километров и двадцать два миллиона душ – и тщательно ищет во всех пригородах, муниципалитетах, в торговом районе и в фавеле, методично обыскивает торговые центры, улицы, парки, футбольные стадионы, беговые дорожки, автомобильные шоссе и в итоге находит фиолетовую с розовым сумочку болтающейся на руке у Герсона Жуана Оливейры де Фрейтаса, сгорбившегося за рулем своего подержанного мотоцикла, который гудит, как неоновая лампа, и несет хозяина вдоль парка Ибирапуэра. Контракт предложен. Автоматические системы торгов десятка частных охранных компаний, готовых работать в рамках установленного бюджета, подают заявки. Через пятнадцать секунд компания «Южное страхование» передает заказ фирме «Бруклин Бандейра». Это средних размеров солидная контора, которая в последнее время сдает позиции под напором молодых, посредственных, но жестоких конкурентов. После всеобъемлющей переподготовки и полной финансовой реструктуризации компания вернулась на рынок с новым подходом.

Все это из-за какой-то сумочки? С фиолетовыми и розовыми цветочками? Да Ана Луиза Монтенегру де Коэльо купит другую такую еще до заката. Но сейчас время крутых мер. Их применяют постоянно и повсеместно— борются с преступлениями и с преступниками. Обычно примерно тогда, когда нужно обновлять страховые полисы. «Бруклин Бандейра» требуется восстановить доброе имя компании, да и ребята из службы безопасности опасно заскучали, смотря бесконечный футбол по спортивному каналу. В гараже заводят два мотоцикла «сузуки». Водители устанавливают местоположение объекта на индикаторах, встроенных в шлемы, а пассажиры на задних сиденьях проверяют оружие и пристегиваются. Игра начинается.

В канаве перед небольшим симпатичным анклавом, где обитает Ана Луиза, одноразовый пластиковый пистолет разлагается, превращаясь в черную вонючую жидкость, которая капает с решетки люка в канализацию. Несколько следующих дней обдолбанные обезумевшие крысы будут, пошатываясь, бродить и умирать на лужайках Вила-Мариана, вызвав волну ужаса среди местных жителей.

* * *

Эдсон трет двумя пальцами левой руки висок, чтобы показать старшему брату, как же он от него устал, пусть даже Герсон его и не видит. Эдсон вздыхает.

– Что ты хочешь мне сказать? Они не могут стереть арчиды?

– Тут какая-то новая фигня. Называется НП[53]-чип.

Герсон попивает кофе и наслаждается сладкими и все еще теплыми булочками в чипперии «Амилкар и мистер Смайлс». Чипперия припаркована сразу за булочной, а значит, ее клиентам обеспечены отличные плюшки и «пан-де-кейжу»[54], пока украденные ими вещи исчезают из поля зрения Ангелов Постоянного Надзора. Амилкар и мистер Смайлс работают в подержанном фургончике, настолько забитом компьютерами, что им приходится жить на улице в палатке или под тентом. Когда все следы ведут к ним, мобильность превыше всего. Насколько Герсон понимал, тут главное подгадать время. Обычно на то, чтобы стереть арчиды уходит в среднем десять, максимум пятнадцать минут. К этому моменту круг поисков сужается до пяти километров, но без конкретики, а значит, службы безопаности не уложатся в бюджет, если придется обыскивать такую обширную территорию. Большинство просто разворачивается и едет домой, как только сигнал с арчида исчезает.

– Сколько хочешь за эту сумку? – Амилкар читает газету, а заодно обдирает струпья экземы со своей потрескавшейся ноги.

– Три тысячи реалов.

– А если серьезно?

– Но эти сумки столько и стоят. Их так просто не достанешь, говорю вам, ни за какие коврижки, ни за деньги, ни за взятку. Отвечаю.

– Даю тебе восемьсот, включая то, что ты должен нам за дечипирование.

– Две с половиной.

Амилкар морщится, когда отрывает до мяса особо жесткий

кусок омертвевшей кожи.

– Парень, ты какой-то необразованный. Я думал, может, моей девушке подарить твою сумку, она любит всякие бренды-шменды. Но не за подобную цену.

Тут открывается дверь. Из вонючего фургончика выходит мистер Смайлс – выпускник факультета информационных технологий университета Сан-Паулу и главный хакер в чипперии. Это высокий худощавый уроженец Кабо-Верде[55] с ярко выраженными и ухоженными африканскими чертами и таким строением зубов, из-за которого кажется, что он постоянно улыбается. Правда, улыбка плохо вяжется с помповым ружьем в его руке.

– Эй-эй-эй! – вскрикивет Герсон, изо рта у него во все стороны разлетаются крошки.

– Герсон, ничего личного, но у тебя есть тридцать секунд, чтобы сесть на свой мотик и умотать отсюда.

– Что?! – Герсон ловит сумочку, которую кидает ему мистер Смайлс.

– В сумке НП-чип. Мне с ним не справиться.

– НП что? Что это за дерьмо? Ты ж ученый, должен знать про такие штуки.

– Я специалист по информационным технологиям, занимаюсь проектированием баз данных. А тут квантовая физика. Обратись к физику. Или просто выкини сумку в реку. Выбирай. Но я не собираюсь иметь дело с ребятами из «Бруклин Бандейра». Или я тебя пристрелю.

Вот тогда-то Герсон и позвонил своему умненькому младшему брату. Эдсон предлагает:

– Иди и выкини сумку в реку.

– Она стоит три тыщи.

– Брат, это всего лишь сумка.

– Мне нужны деньги.

– Что, опять кому-то должен? Господи Иисусе…

Эдсон шугает ребятишек от своего байка. Это кроссовый мотоцикл «Ямаха X–Cross 250», желтозеленый, словно попугай или футбольная майка, и Эдсон любит его больше всего на свете после матери и бизнес-плана. Он именно такой, каким должен быть байк, все по жейту, на нем можно хоть на стену взлететь.

– Дай мне поговорить со Смайлсом.

– Ладно, – ворчит мистер Смайлс после того, как Эдсон доходчиво объясняет, что не позволит убить своего тупого братца, пусть даже из-за женской сумочки. – Думаю, вам крышка, но можете попробовать обратиться к квантумейрос.

– Это кто еще такие? Какие «мейрос»?

– Квантумейрос. Ты слышал про новые квантовые компьютеры? Нет? Про шифры, которые нельзя взломать? А эти могут. Они физики. Я дам тебе их код, они перемещаются по городу еще проворнее нашего. Только вы это, поаккуратнее с ними. Вокруг этих ребят творится всякая странная херня.

На экране появляется карта шоссе Сан-Каэтану. Номерной знак автомобиля не читается. Машина направляется на север по R118. Эдсону становится интересно, сколько еще чипперов, крякеров и квантумейрос кочуют по автомагистралям Сампы[56].

– Попробую обратиться к ним.

– Чем Герсон заслужил такого брата, как ты? – говорит мистер Смайлс. – И я бы не стал особо медлить.

«Ямаха» заводится от отпечатка большого пальца Эдсона. Он достает из дорожной сумки усилитель внимания, заглатывает и неспешно едет по улицам позади церкви. Эдсон не хочет, чтобы грязь, оставшаяся после затяжного ночного дождя, забрызгала белые брюки-клеш.

Братья де Фрейтас встречаются через двадцать три минуты на выезде около перекрестка № 7. Еще двадцать три минуты нужно, чтобы ребята из «Бруклин Бандейра» приблизились вплотную, сузив круг возможностей до автоматного выстрела. Эдсон то и дело посматривал на купленные под заказ камеры заднего обзора, не появятся ли черные, как нефтяная пленка, байки. Он-то сможет удрать на «ямахе» по узким переулкам, в которые громоздким мотоциклам просто не въехать, но не Герсон, мучивший алкодвигатель на своей дерьмовой тарахтелке. Эдсон поверить не мог, что и он когда-то ездил на такой развалине. Платные камеры слежения считывают номера на его байке, пролетающие со свистом спутники списывают сумму со счета. Трудно приходится тем, кто ведет дела законным образом.

Ага, вот она, маячившая на фоне остального потока машин баркентина[57] квантумейрос: огромный сорокатонник, стабильно державший сотку по внешней полосе. Кабина украшена граффити от «Флешбек крю»[58] – стилизованные херувимчики, целая батарея клаксонов на крыше, хромированных и красивых, как трубы архангелов. На кузове красуется надпись: «Полуфабрикаты для вашего стола». Хорошее прикрытие. Ни один коп никогда не станет останавливать и обыскивать грузовик с плохой жрачкой. Эдсон жестом велит Герсону приблизиться вплотную к грузовику. Прикосновение к айшэдам, чтобы связаться с адресом, который дал ему мистер Смайлс. Грузовик, подтверждая сигнал, мигает аварийками и перестраивается в полосу медленного движения, сбрасывая скорость до семидесяти, шестидесяти, пятидесяти,

сорока. Черная створка поднимается, и парень средних лет в майке с надписью «Black Metal» стоит там, держась за цепь, и при этом умудряется курить. Он делает им знак подъехать ближе, еще ближе. Погрузочная платформа выезжает и наклоняется. Сталь ударяется о дорогу. Вокруг братьев Оливейра поднимается фонтан искр. Блэк-метал снова манит их, мол, давайте, въезжайте по платформе. Искры роятся вокруг Эдсона, поравнявшегося с платформой. Он вообще-то бизнесмен, а не каскадер. Эдсон скользит вперед. Пилюли концентрации дают возможность играть с микроускорениями и скоростями. Сначала переднее колесо, потом заднее, а потом Эдсон дает по газам, делает рывок вперед и одновременно тормозит и отпускает сцепление.

Курящий металлист аплодирует.

Тридцать секунд спустя Герсон въезжает по наклонной платформе и останавливается, он бледен, его колотит дрожь. Эдсон пытается представить, что подумали автомобилисты на шоссе Сан-Каэтану при виде парня с розовой сумочкой, который нырнул в движущийся грузовик. Наверное, решили, что это съемки телесериала, и оглядываются в поисках летающих камер. «Эй! Нас снимают в сериале „Мир где-то“! Реально!»

Металлист поднимает платформу и со щелчком закрывает створку. Вспыхивают встроенные светодиоидные лампы. Эдсон ощущает, как зрачки за панорамными айшэдами расширяются. Задняя часть кузова – площадка для стыковки, а первые две трети – настоящий многоуровневый офис. Нижний этаж – приемная – китч в стиле дубайского «Карма Кафе»: ковры с длинным ворсом, кожаные пуфы, надувные кресла и диваны под зебру на хилых ножках. Множество экранов, настроенных на новостные и спортивные каналы. Сложная кофе-машина, которую обслуживает бариста, и негромкая босанова[59]. Наверху кабинет – прозрачный пластиковый куб с яркой неоновой подсветкой, на фоне которой нижний этаж кажется мрачным. Этот куб забит пулами серверов высотой до потолка, аллеями проводов и емкостями с надписью «жидкий азот». Эдсон видит, как чья-то фигура движется среди груды коробок, и успевает заметить красные волосы. Обе части грузовика соединены винтовой лестницей из поблескивающего синего пластика.

С дивана поднимается манерный и женоподобный парень с небрежно растрепанными волосами, каких на гей-сленге называют словом «биша», в золотом костюме и блестящей рубашке. На ногах у него безукоризненно начищенные стилизованные пиратские сапоги.

– Это и есть та самая сумка? – Биша вертит ее в руках. – Я так и думал, что рано или поздно это произойдет, как только

квантовые технологии подешевеют. Куда проще было бы выкинуть ее.

– Мой брат может на ней подзаработать.

Грузовик ускоряется. Ребята из службы безопасности поймали сигнал с арчидов и преследуют их.

– Определенно мы можем почистить *ее* для вас. Это не самая новая модель. Фиа.

Можно влюбиться в кого-то из-за туфель. Это босоножки из крокодиловой кожи, на танкетке с ремешками. Они спускаются по винтовой лестнице. Затем показываются тонкие лодыжки, отличные, не слишком полные икры, штанины узких капри с декоративным швом на боку и белым узором, поднимавшимся к ремню из такой же крокодиловой кожи. Брюки – часть черного комбинезона в стиле ретро с подплечниками и молниями на груди. Все эти детали мелькают перед обостренным зрением Эдсона. Затем появляется голова. Скулы и нос японки в третьем поколении, а глаза она сделала, получились круглые, как у олененка или героинь анимэ. Ее волосы обладают той сверхшелковой прямизной, какую имеют в своих ДНК только японцы. Они начесаны так сильно, что их можно померить строительным уровнем. В этом году в моде снова рыжий. На пышную прическу девушка водрузила люксовые айшэды «Блю Манн».

– Хорошая сумка, – комментирует она.

Эдсон открывает рот, но оттуда не вырывается ни звука. Это не любовь. Даже не похоть. Самое близкое ощущение, которое Эдсон может опознать, – он очарован. Если бы в его теле имелась хоть одна религиозная клетка, то он, наверное, понял бы, что испытывает благоговение в исконном смысле слова. Она пленяет его. Она воплощает все, чем и кем он хотел бы быть. Он хочет лететь по орбите под действием ее тяготения, кружить вокруг ее потрясающего мира, потрясающей одежды, потрясающих друзей и потрясающих мест, куда надо отправиться, быть там и видеть. Она – воплощение бразильского духа жейту, и на ее фоне Эдсон выглядит как чернь из фавелы. Это нормально. Он такой и есть, если сравнивать с ней.

– Они в двух минутах, – ворчит Биша.

– Дашь мне сумку? – спрашивает японка.

– А можно мне взглянуть? – решается Эдсон.

– Там не на что смотреть. Разочаруешься, – отвечает она.

– Не думаю. Хотелось бы посмотреть.

– Посмотришь.

– Около полутора минут, – предупреждает Биша. Герсон пьет кафезинью[60].

Девушка позволяет Эдсону отнести сумку наверх.

– Фиа? Фиа, а дальше как?

Среди всех этих устройств с трудом хватает места для двух вращающихся стульев. Кабеля внутри пластикового куба хватило бы, чтобы сплести висячий мост.

– Кисида, – говорит девушка быстро, ставя ударение по-японски, хотя произношение у нее как у жительницы Сан-Паулу.

Она ставит сумочку от Джиорелли на белый пластиковый поднос под целым набором микроманипуляторов. Опускает айшэды. Руки танцуют в воздухе, а робоманипуляторы исполняют гавот над сумкой в поисках чипа. Эдсон видит призраков и схемы, которые в увеличенном виде трепещут на айшэдах Фии.

– Я знаю эту мелодию. Мне она нравится. Ты любишь байле? – спрашивает Эдсон, играя мускулами в такт. – В эту пятницу будет гафиейра[61]. Там будет играть сет мой клиент.

– Ты не мог бы заткнуться на тридцать секунд, пока я пытаюсь работать?

Руки находят то, что нужно. На очках Фии появляются иконки: ее зрачки теперь танцуют по экрану, отдавая команды. Эдсон осознает, что его внимание приковано к какому-то светящемуся предмету под стеклянной поверхностью рабочего стола. Он поднимает руки по обе стороны от головы и прижимает лицо к поверхности. Стекло достаточно прохладное, а потому от его дыхания образуются узоры. Далеко-далеко внизу – кажется, что дальше, чем позволяют габариты грузовика – под полом лаборатории, под комнатой отдыха, под колесами и поверхностью дороги, – виден какой-то переливающийся свет.

– Что это? – Эдсон опускает лоб, пока не касается им прохладного рабочего стола.

– Реальность, – объясняет Фиа. – Квантовые точки в суперпозиции. Свет – это фотоны флуктуации атома, которые просачиваются из параллельных состояний, где производятся вычисления.

– Ой, ты же физик, – говорит Эдсон и прикусывает язык. Неужели из-за таблетки эта мышца, которая раньше никогда его не подводила, теперь болтает только глупости? Девушка смотрит на него так, будто на ее рабочий стол откуда-то свалился кусок говна. Она тянет руку мимо Эдсона, жмет на какую-то кнопку. Датчики смещаются буквально на толщину волоса, а потом останавливаются.

– Окей, готово. Безопасно и анонимно.

– Так быстро?

– Я же говорила, что ты будешь разочарован.

– Но ведь ничего не произошло.

– Вообще-то я пробежалась по комбинациям десяти в восьмисотой степени вселенных. Не совсем уж «ничего».

– Конечно, – неуверенно соглашается Эдсон.

– Ответ всегда где-то есть.

Эдсон кое-что слышал об этом – он считает своим делом знать понемногу обо всем, что занимает соседние ниши теневой экономики, – а сейчас еще и увидел, чего можно достичь таким образом, но все равно случившееся кажется ему колдовством. Квантовые точки в супер-какой-то-там-позиции. Десять в восьмисотой степени вселенных. Это не реальность. Реальность – это ребята из «Бруклин Бандейра», которые едут к себе в офис, потеряв след добычи, как только исчерпали свой бюджет. Реальность заключается в том, что людям хватает глупости платить три тысячи реалов за какую-то вшивую сумочку, а другим хватает глупости украсть ее. Реальность – это необходимость заполучить это строгое, но притягательное существо.

– Раз ты так говоришь, – уступает Эдсон. Если Фиа думает, что он ничего не понимает, то стоит обратить это в свою пользу. – Но ты могла бы объяснить мне все за обедом.

– Предпочитаю, чтобы ты просто заплатил мне сейчас.

Внизу он швыряет сумку Герсону, пока Биша печатает счет. Эдсона отвлекает какое-то движение наверху среди квантовых компьютеров. Невозможно. Никто не мог подняться мимо них по неоновой лестнице. Но мистер Смайлс ведь предупреждал, что вокруг этих ребят творится странная херня.

– Лучше наличкой, – говорит Биша. Но, какой бы вариант оплаты он ни предпочел, таких денег у Эдсона нет.

– Не стоит становиться нашими должниками, – предупреждает Металлист. Денежное чутье Эдсона подсказывает, что именно он финансирует всю операцию.

– Я возьму сумку, – говорит Фиа.

Эдсон забирает сумку у брата.

– Так что гафиейра? – еще раз рискует предложить он, когда грузовик останавливается в безопасном месте, и створка поднимается. – Гараж Жозе, Сидаде-де-Лус.

– Отвянь, – говорит Фиа-квантумейра, но Эдсон видит, что в глубине души, на квантовом уровне, она – настоящая королева байле.

19 июня 1732 года

Мул потерял голову на мощеном пирсе Сида-де-Байша[62]. Безумие охватило его мгновенно, вот только что он упорно тащил нагруженную тележку с твердостью, свойственной ему и его собратьям, а в следующую минуту уже пятился назад, прижав

уши, обнажив зубы и подняв рев. Мул вырывал уздечку из рук босоногого раба, который управлял им в полудреме, настолько флегматичным было спокойствие животного, перегоняя с энженьу[63] в док, где низкие медлительные галеоны покачивались на волнах Тодуз-ус-Сантус[64], груженные сахаром и золотом Вила-Рика[65]. Раб бросился ловить уздечку, но животное отпрянуло от руки и закатило глаза. Мул ревел и лягался. Тележка раскачивалась, роняя белые сахарные подушки на мостовую. Портовые шлюшки, которые ожидали прибытия в бухту Салвадора португальского корабля королевского флота «Кристу Реден-тор»[66], побежали прочь с криками и проклятиями. Из здания таможни высыпали солдаты в красных камзолах императорской пехоты под командованием лейтенанта со шпагой. Мул скакал и метался, раб танцевал вокруг него, пытаясь ухватиться за уздечку, но рев уже разнесся по всей гавани. «Бешенство, бешенство».

– Помогите! – крикнул раб.

Копыто ударило извозчика по касательной, он покачнулся, из разбитого рта пошла кровь. Мул брыкался и метался, пытаясь освободиться от тяжелой тележки. Из его пасти шла желтая пена. Грудь животного тяжело вздымалась, а шкура взмокла от пота. Верещали и визжали дамы в головных платках и в юбках с кучей подъюбников. Рабы перестали толкать дрезины, их хозяева и хозяйки окружили обезумевшего мула, раскинув руки. Солдаты сняли с плеча мушкеты. Мул с выпученными глазами снова встал на дыбы и понесся во весь опор вдоль пристани. Люди бросились врассыпную.

– Там священник! Ради Бога! Святой отец! – закричал лейтенант.

Отец Льюис Квинн, наблюдавший за тем, как выгружали небольшой сундук с его пожитками с «Кристу Редентора», поднял голову. Мул и болтающаяся из стороны в сторону тележка летели прямо на него, как огненная колесница из легенд о Фиане[67]. Священник вскинул руки. Он был довольно крупным мужчиной и казался еще крупнее в простой черной сутане своего ордена – осколком ночи посреди белого дня. Мул подпрыгнул, приземлился на все четыре ноги и остановился как вкопанный, повесив голову.

Все матросы, офицеры, солдаты, рабы и шлюхи в небольших лодках замерли, уставившись на Льюиса Квинна. Он медленно опустил руки и подошел к подергивающемуся взмыленному животному, тихонько приговаривая все те команды для лошадей, какие знал на двух родных языках, португальском и ирландском.

– Святой отец, не советую вам приближаться к этому

созданию, – крикнул лейтенант, чье бледное европейское лицо выделялось среди кабокло[68].– Мы его пристрелим, а труп сожжем, чтобы бешенство не распространилось.

– Тихо, тихо, – приговаривал Квинн, потянувшись за привязью.

Он видел, как пехота выстраивается в ряд и прицеливается. Его пальцы сомкнулись вокруг веревки. С воплем, скорее напоминающим человеческий, чем крик животного, мул отпрянул, брыкнув подкованными копытами. Льюис увернулся от убийственного удара, и тут мул прыгнул. Казалось, на миг животное зависло в воздухе, а потом оно само и его тележка нырнули в зеленые воды залива. Лодки со шлюхами мигом отплыли в сторону. Священник видел, как мул пытается высунуть голову из воды, в его взгляде читалось безумие, он осознавал неминуемую кончину, а пена из пасти теперь окрасилась кровью. Тяжелая поклажа тянула вниз. Квинн видел, как колени взбивают воду, а потом животное исчезло. Пустые мешки из-под сахара всплывали один за другим по мере того, как их содержимое таяло, словно белые водяные цветы, которые распускаются по ночам.

– Ах, бедняжка.

Это было всего лишь животное, но, тем не менее, отец Льюис Квинн шепотом прочел молитву, а лейтенант, подоспевший к священнику, перекрестился.

– С вами все хорошо, святой отец?

– Я не пострадал.

Квинн заметил, что все собравшиеся на пристани: солдаты, рабы и даже проститутки, – повторили жест лейтенанта. Он не сомневался, что дело не только во внезапном приступе смертельного бешенства, но и в его одеянии. Подобное он наблюдал и во время медленного, спокойного, омраченного лишь цингой путешествия «Кристу Редентора» от устья реки Тежу[69]: бормотание, чертыханья, заклинания и молитвы. Священник, черный иезуит на борту. Удачи кораблю не будет.

– Да, я слышал о бешенстве.

– Сначала с ума сходят лошади, а потом и все остальные вьючные животные. Храни нас Господь от напасти.

Лейтенант сделал знак одному из своих солдат отнести сундук священника. Пока молодой офицер провождал его до здания таможни, Квинн во все глаза осматривал место, где только что высадился на берег. Он сразу заметил, что тут не было ни одного человека на лошади. Вообще никаких животных на широкой набережной под отвесной скалой, на которой стоял Сидаде-Альта[70], и на крутой ладейре[71], что поднималась по

склону между верхним и нижним Салвадором. Этот город приводили в движение лишь человеческие руки. По мощеным дорожкам и набережным сновали рабы, толкавшие груженые тележки по железным рельсам, согнувшиеся под тяжестью поклажи, висевшей у них на спинах на перекинутых крест-накрест лямках, аккуратно пробирающиеся с носилками среди толпы черных и красных тел и тучных белых мешков с сахаром.

– Как и со всеми бедствиями, земля полнится слухами, – продолжал лейтенант. Солдат, потрепанный мамелуку[72] в сюртуке от униформы и в свободных парусиновых брюках, босой, как раб, следовал в шести шагах позади них. – Бешенство приходит от индейцев из самого сердца леса, это работа голландцев или испанцев, наказание Господне. Не позднее чем на прошлой неделе ангелов видели в Пелори-ньу[73]. Они дрались огромными мечами из света три ночи кряду. И это могут подтвердить лучшие жители Салвадора.

– Мы о таком и не слышали в Коимбре.

– Многое, что происходит в Бразилии, не достигает ушей Португалии. – Лейтенант остановился рядом с оживленным портиком таможни. – Ох, как я и боялся! Так всегда бывает, когда прибытие корабля совпадает с отплытием судов, перевозящих сахар. Сейчас в таможне беспросветная толчея. Не думаю, что вы сможете освободиться раньше, чем через несколько часов. Как офицер короны я имею право утвердить ваше разрешение на въезд в колонию.

– За небольшое вознаграждение, как я понимаю, – сказал Квинн.

– Всего лишь пустяковая пошлина.

– Я нахожусь в непосредственном подчинении архиепископа Бразилии, – Льюис говорил с легким акцентом. Владея сразу несколькими языками и будучи эрудированным человеком, он отлично понимал все те преимущества, которые придавал ему налет таинственности. Крупный мужчина с руками, похожими на лопаты, он беседовал не повышая голоса, как и положено людям его сложения.

– Конечно, святой отец, но в Бразилии все по-другому. Вы увидите: здесь редко что-то происходит без поощрения.

В Бразилии все по-другому. Сколько раз ему говорили эти слова все, начиная с отца Джеймса, его духовного наставника, когда тот поручал ему труднейшее задание, и заканчивая этим дерзким юнцом в парике и треуголке, украшенной перьями.

– Не думаю, что человеку в моем одеянии подобает пролезать вперед на глазах у всех. Нет, я подожду своей очереди в таможне, лейтенант. Когда Господь создал время, то он создал его в

изобилии.

Офицер поклонился с кислой миной. Он увел с собой и своего носильщика.

«Я прошу дать мне самое трудное задание». В кабинетах и библиотеках коллегии Коимбры[74] просьба Квинна, которую он ежегодно озвучивал в день покровителя родной Ирландии своему духовному наставнику, была полна рвения и честности. Свечи и аскетичное убранство лишь еще больше его притворство. Каждый год в течение пяти лет он получал один и тот же ответ: «Как только потребуется». В этом году отец Джеймс, преподававший математику миссионерам, отправлявшимся в Китай, где к этой науке относились с особым восторгом, велел зайти к нему после вечернего богослужения.

– Бразилия?

– Бразилия. Где к берегу прибились все грехи человечества. Запрос из коллегии в Салвадоре. Настоятелю требуется адмонитор[75].

– Для каких целей?

– Наш настоятель говорит лишь, что ему требуется адмонитор не из колонии. – Затем отец Джеймс косо усмехнулся. – Мне кажется, это предполагает трудное задание.

Образ отца Джеймса вновь встал перед мысленным взором Квинна: низенького и неразговорчивого уроженца Ольстера со свойственными этой местности акцентом и юмором. Так же, как и он сам, отец Джеймс бежал от уголовного преследования и судоходными маршрутами попал в Португалию.

Льюис Квинн поднял небольшой сундучок и присоединился к шумной толпе под сводами портика. Корабль казался тюрьмой, но мир за его пределами был чересчур велик: горизонт слишком близко, небо слишком далеко, цвета слишком яркие, а люди – крикливые и шумные. Матросы и капитаны, фейторы[2] и помещики расступились перед ним, дотрагиваясь до своих медальонов, склоняя головы: идите, святой отец, после вас, святой отец.

После бесконечной череды вопросов, проверок, печатей таможни настало время найти носильщика. Они сидели на корточках вокруг своего фейтора, тучного кабокло в порванных чулках и в туфлях на высоких каблуках.

– Отец, отец! Перевозка! Перевозка! – Раб был индейцем с согнутой спиной и кривыми ногами, но мышцы его казались железными обручами. На плечах были надеты лямки, болтавшиеся ниже лопаток, а на шее висели стремена. Раб присел на мостовую рядом с потертой деревянной приступочкой, какие использовали для посадки на лошадь.

– Вставай! Вставай! – воскликнул Квинн на языке тупи[76].– Это упряжь для лошади.

– Да-да! Я лошадь, ваша лошадь, – ответил раб по-португальски, устало глядя на своего хозяина. – Всякая лошадь мертвая или сумасшедшая, сумасшедшая или мертвая. А я сильный, ваше святейшество.

– Вставай! Вставай! – скомандовал Льюис на тупи. – Я не позволю человеку быть моим вьючным животным. – Он обратился к фейтору, побледневшему при виде праведного гнева на изможденном лице священника: – Что ты за подлое расточительное создание?! Слушай, сколько будет стоить, если твой человек проводит меня в иезуитскую коллегию?

Кабокло назвал сумму, и несмотря на то что щеки Квинна все еще пахли морем, он понял, что цена завышена в разы. Он представил, как огромным кулаком бьет прямо в центр круглой морды неопрятного толстяка. Воздух задрожал в его легких, но Квинн переборол гнев. Бросил на землю пригоршню медяков. Кабокло кинулся собирать их. Раб попытался поднять сундук Льюиса.

– Оставь! Мне нужно лишь, чтоб ты проводил меня.

Носильщики, каждый с пассажиром на спине, трусцой пробегали мимо, пока священник с трудом тащился вверх по каменным ступеням зигзагообразной ладейры. Группа матросов с «Кристу Редентора» устроила настоящие скачки, пришпоривая своих «скакунов» каблуками и тыкая им в задницы ножами, чтобы бежали быстрее. Проносясь мимо, они здоровались с отцом Квинном. Теперь, на суше, они вели себя приветливо со служителем Господа.

– Животные! – в бешенстве закричал он. – Зверье, едущее на спинах людей! Ну-ка, слезайте!

Пристыженные и в равной мере напуганные праведным гневом столь крупного мужчины, матросы послушно соскользнули со спин рабов. Пока Квинн медленно поднимался в гору мимо носильщиков в белом с носилками, обернутыми защитной сеткой, наездники слезли с утомленных «рабочих лошадок» и тащились вместе с отцом Квинном по жаре. Он слышал шепот: черный священник, пылкий Виейра[77] вернулся.

Перед ступенями иезуитской базилики Льюис поставил свою небольшую сумку и вытащил из кармана сутаны деревянный цилиндр, закругленный с одного конца, а с другого закупоренный пробкой. Вынув ее, он достал сигару, быстро провел ею под носом. Первая сигара после Мадейры. Квинн протянул ее рабу:

– Это тебе по силам. Найди мне огоньку.

Раб забрал сигару, поклонился и поспешил через оживленную

площадь. Льюис заметил, что носильщик передвигается как краб, – так работа его изуродовала. От частного к общему, от единичного к универсальному. Рабовладельческое общество. Здесь о том, что имеют в виду, никогда не говорят вслух, а слова имеют другой смысл. Секреты, тонкости, увертки – не нужно ожидать прямоты или открытости в Новом Свете. Правда будет, должна быть, но никто не скажет ее прямо. Это как корабль, где обиды и привязанности одинаково скрываются, на них лишь намекают определенные сигналы и ритуалы таким образом, что каждое слово, помимо своего привычного значения, может означать что-то совершенно противоположное, и смысл его зависит от множества едва различимых намеков. Насущный хлеб для лингвиста, изучавшего лингва-жерал на том конце океана, или даже для священника, поднаторевшего в хитростях людских душ.

Лица черные, коричневые, кофейные. Немного белых. Нет женщин, если не считать нескольких рабынь, чьи волосы скрыты под платками. Но белых женщин, португалок, нигде не видно. Затем Квинн уловил еле заметное движение за резной деревянной решеткой окна на верхнем этаже, тень в тени. Хозяйки заперты в своих огромных домах, занавешены в паланкинах и менее свободны, чем их рабы. Мужской мир улиц и женский мир домов. Каза и руа. Жизнь дома и на людях. Сокровенное и общественное.

Раб вернулся, в его руке дымилась сигара. С чистым восторгом, который даровал Господь, Льюис затянулся и ощутил, как густой пряный дым клубится внутри его тела.

Повторяющееся «аллилуйя» отражалось эхом от множества труб и псалтерионов[78], а их звуки цеплялись и громоздились на балках крыши. Квинн шел позади хоров. Песнопение в конце богослужения было ему в новинку, а под аккомпанемент виол, теорб[79] и барабана казалось и вовсе почти языческим для европейского слуха, но при этом равномерный ритм напоминал танцевальные мотивы из детства, арфистов и флейтистов у камина в зале, чьи пальцы ярко освещало пламя. Мотивы были духовные и в то же время мирские. Так же, как и это безумство рококо: хозяева подняты на согбенных телах рабов, чтобы обратить свои сердца, руки и лица к святым. А Господь, Христос, Дух Божий, нисходящий в виде голубя? Притаился испуганно среди всех этих полковников и дарополучателей, фейторов и помещиков в окружении толпы жен, детей и богатств: вырезанные и нарисованные картины – негритянские рабы на рубке тростника, корабли, гордые знамена бандейрантов[80], домашний скот, рабы, скованные друг с другом цепью из чистого золота,

продетой через мочки ушей. Свежие панно устанавливали, а старые дорабатывали, добавляя новые победы поселенцев. Западная часть церкви стояла в бамбуковых лесах, закрытых грубой тканью.

– Я заметил, что вас глубоко тронуло исполнение «Аве». – Настоятель Жуан Алвеш де Магальяйнш снял столу[81] и прижал вскользь к губам прежде, чем отдать служке, мальчику с жирной кожей, сыну фейтора, входившего в элитный мирянский орден. – Вы из тех, на кого сильно воздействует музыка?

– Я считаю музыку отражением божественного совершенства, – Льюис поднял руки, чтобы слуги сняли кружевной стихарь[82].– В этом отношении она во многом напоминает математику. Как и цифры, музыка – это вещь в себе, не представляющая никакую реальность.

– Тем не менее физические движения объектов и сам процесс навигации корабля, на котором вы прибыли, описаны в математике самым точным образом.

Мальчики-служки унесли тяжелую, расшитую мантию отца де Магальяйнша к прессу в виде веера. В Коимбре подобную показную роскошь сочли бы претенциозностью и даже суетностью. Сдержанные черный и белый цвета – вот униформа, которая нужна воинам Христовым.

– Или же все эти физические эффекты суть примитивные проявления скрывающейся за ними математической истины?

– Ха! Коимбра прислала мне последователя Платона! – Отец де Магальяйнш рассмеялся. – Но я рад, что вам понравился хор. Литургические произведения нашего местре де капелла[83] исполняются вплоть до Потоси[84]. Он учился у покойного Циполи[85] в миссии в Паране. Потрясающе, не правда ли? Это сочетание голосов индейцев для высоких нот и теноров с басами в исполнении негров. Сверхъестественное звучание. – Он вымыл руки водой из большого кувшина, и слуга-индеец промокнул их насухо. Отец де Магальяйнш хлопнул Квинна по спине. – А теперь выпьем по чашечке кофе во дворе клуатра[86] перед ужином, пока я вам рассказываю, что к чему.

Садик позади коллегии, окруженный стеной, возвращал вечеру тепло прошедшего дня. Воздух был густым от странно бодрящей влажности и мускусных запахов, исходивших от растений с пышной листвой. Птицы и летучие мыши порхали в сумерках. «По какому такому божественному закону, – размышлял Квинн, – там, где перья птиц имеют самую фантастическую окраску и причудливую форму, поют они просто оскорбительно для слуха, а дома скромные дрозды потрясают до глубины души?» Пока служка подавал кофе, небо сменило цвет с

аквамаринового с пурпурными полосами на индиго с россыпью звезд. На корабле быстрые тропические закаты были хорошо видны за счет ширины горизонта, а в этом замкнутом и уединенном пространстве ночь, казалось, накрыла их, будто флаг. Служка зажег фонари. Его лицо было неестественно красиво. Отец де Магальяйнш сделал ему знак рукой уйти, затем насыпал в кофе две ложечки сахара, отпил немного, поморщился и прикоснулся к челюсти.

– Иногда мне кажется, что Господу не нужно никакого другого ада, кроме бесконечной зубной боли. Скажите, отец Квинн, что вы думаете об этой стране?

– Святой отец, я ступил на землю Бразилии только сегодня днем. Вряд ли я могу иметь какое-то мнение.

– Можно пробыть в каком-то месте пять минут и уже получить право на свое мнение. Начните с рассказа о том, что вы видели.

С самого детства Льюис умел запоминать сцены из жизни и затем мысленно проигрывать их, воспроизводя силой зрительной памяти мельчайшие детали – цвет платья, расположение бутылки на столе, птицу на дереве. Сейчас он покинул тихий и пышный сад и прокрутил в обратном порядке короткую прогулку от коллегии через Соборную площадь вниз по переполненной лайдере в порт, а оттуда вдоль пристани на корабль. На каждом повороте его преследовал один образ – морда мула с дикими глазами, пускавшего пузыри из носа и тонувшего в зеленых водах залива.

– Я видел, как обезумевший мул утопился в порту, – коротко сказал он.

– Чума, да. Безумие охватывает животных внезапно, как приступ колик, если они не упадут замертво от бега, то начинают крушить все и вся, поэтому необходимо уничтожать их на месте.

– Это всеобщая эпидемия?

– Похоже на то. Она уже перекинулась на скот. Вы уже слышали последние фантастические рассказы, связанные с чумой? Про сражающихся ангелов?

– Да, а еще я видел людей в лошадиной упряжи. Думаю, это тоже как-то связано.

– В письме из Коимбры говорилось, что вы очень наблюдательный человек, отец Льюис. Я слышал, что кто-то вызвал волнения на ладейре. Разумеется, со времен отца Антониу Виейра мы придерживаемся неизменной позиции касательно рабства. Однако с недавних пор это довольно трудно.

Квинн отхлебнул кофе, быстро достигая равновесия с окружающей средой. Безжалостный климат – темнота ночи не

приносит облегчения. Сигара была бы к месту. После месяцев вынужденного целомудрия на борту жажда дыма вернулась, удвоившись. Начало зависимости или недисциплинированности?

– Я не совсем понимаю, о чем вы, святой отец.

– Иезуитский орден недолюбливают в Бразилии. Нас считают назойливыми идеалистами. Мы нарушаем природный порядок рас: белые, черные, красные. Да, мы все еще вхожи в Консельо Ультрамарино[87], но Сильва Нунес[88] продолжает атаки в самом сердце вице-королевства, и общество в целом, особенно те, у кого есть собственность, не доверяют нам. Вскоре будет новый договор между Португалией и Испанией – раздел Бразилии. Граница по Амазонке останется португальской практически по умолчанию. Когда это произойдет, то разрушение наших редукций[89] в долине Параны покажется детским лепетом по сравнению с тем, что энтрадас[90] ждет в амазонских деревнях. Наши враги уже ищут доказательства против нас.

– У них есть повод?

– Есть. Отец Квинн, во имя Господа нашего Иисуса Христа, я поручаю вам миссию: поспешите на корабле в Белен-ду-Пара, а потом по Амазонке в Сан-Жозе-Тарумаш на Риу-Негру[91], где, будучи ад-монитором, найдите отца Диегу Гонсалвеша и призовите его вернуться к порядкам ордена.

– А в чем природа проступка отца Диегу?

– Боюсь, что излишнее рвение священника ввело его в большой грех. Скажите, отец Льюис, с тех пор как вы высадились на берег, многие ли говорили вам, что в Бразилии все совсем по-другому?

– Всего лишь пара десятков человек, как мне кажется. И еще множество раз на корабле.

– Что ж, не стану присоединяться к ним, но скажу, что на Риу-Негру все совсем по-другому, чем в остальной Бразилии. За пределами Сан-Жозе-Тарумаша местные не признают ни веры, ни закона, ни королевской власти. Но там есть отец Диегу Гонсалвеш. Донесений мало, и они приходят редко, а в тех, что есть, больше вымысла, чем правды: чудовищное тщеславие, ради которого трудятся целые деревни, настоящая империя, которая претендует во имя Господа и Ордена на тысячу миль вдоль Риу-Не-гру. Нива Господня там плодородна и готова к тому, чтобы ее возделали, но, судя по донесениям, отец Диегу пожинает не только души краснокожих.

Льюис сказал:

– Мне известно, что даже такая мелочь, как упавшее распятие, может стать причиной Справедливой Войны против аборигенов. Мне казалось, таким злоупотребляют только

францисканцы.

– Если грешная душа отца Диегу Гонсалвеша и впрямь попала в сети тщеславия и варварства – я молю Иисуса и Богоматерь, чтобы это было не так, – вы обязаны немедленно принять меры. Слухи не должны доползти до Реконсаву, это может стать тем самым клином, который так нужен нашим врагам, чтобы уничтожить Орден. Я набросал черновики писем, которые наделяют вас всей полнотой власти. Важно, чтобы вы понимали, о чем я, святой отец. Всей полнотой власти адмонитора.

– Отец, но вы же не можете…

Внезапно в стене цвета индиго на фоне такой же ночи цвета индиго образовался желтый прямоугольник. Там показалась чья-то тень, которая пролилась на мощеный двор, а потом обрела лицо.

– Святые отцы, к вам посетитель за наставлениями.

Первая тень уступила место второй, более высокой и сложной за счет шляпы, парика, сюртука и шпаги. Настоятель де Магальяйнш тихо произнес:

– Если Господу ничего не нужно от вас, то свои проценты требует кесарь.

Квинн почувствовал запах духов и пота посетителя, первый чуть маскировал второй, заметил важный вид и легкую сутулость и распознал в пришедшем правительственного чиновника раньше, чем высокое неподвижное пламя фонарей осветило его лицо. Гость поклонился, чуть отставив ногу назад.

– К вашим услугам, святые отцы. Жозе Бонафасиу да Нобрега. Представляю Его Высокопревосходительство вице-короля. Не нужно представляться. Отец Квинн, разумеется, мне сообщили о вашем прибытии в Салвадор. Высокопоставленное церковное лицо всегда привлекает наше внимание.

Он поднял фалды сюртука, поправил шпагу и уселся за стол, скрестив ноги в лодыжках.

– Орден иезуитов, по крайней мере в этой стране, давно пользуется благосклонностью короны. Вы являетесь духовниками вице-королей и фидалгу[92]. Однако Третий орден святого Франциска[93] заручился поддержкой капитанов и помещиков, как видно по убранству их церквей. – Он придержал шпагу за эфес с чашкой, пока подергивался, смеясь собственной шутке.

Квинн подумал: «Вы носите свои манеры и скучную умудренность так же, как свой красивый сюртук и аккуратную шляпу, но вы всего лишь курьер, мальчик на побегушках. Я видел с дюжину таких в Порту, английских шпионов, которым дано задание вынюхивать иезуитов, чтобы тайно перевезти обратно в Ирландию».

Отец де Магальяйнш поднял руку, чтобы принесли свежий кофе. Нобрега отмахнулся:

– Не нужно кофе, пожалуйста, святой отец. Мне потом не уснуть. Вечером я предпочитаю вот это.

Он вытащил плоскую серебряную коробочку из рукава и поставил на стол. Внутри были шарики, скрученные из листьев, каждый размером с кончик мизинца. Не отрывая взгляда от Квинна, Нобрега достал с ловкостью фокусника из платка два лайма, разрезал на четвертинки карманным ножом и выдавил одну из них на три шарика, один изящно положил на язык, второй предложил отцу де Магальяйншу на серебряной крышечке, а третий – Льюису.

– Я не знаю, что это…

– О, это чудесная штука. Испанцы называют это аккулико[94], фейторы привозят его через Пантанал[95] из Каракаса. Без этого снадобья не смогли бы работать прииски в Куябе. Оно обостряет ум самым чудесным образом, увеличивает выносливость, наполняет тело и душу энергией и приятными ощущениями. Слишком хорошо для рабов.

– Кстати, отлично справляется с зубной болью, – добавил отец Магальяйнш. – Думаю, оно может способствовать и богопознанию во время всенощных бдений и стояний.

– Увы, здесь климат совершенно неподходящий для выращивания этого растения, – посетовал Нобрега.

– Благодарю, но я лучше по старинке, по-европейски, – сказал Квинн, вытаскивая сигару. Служка дал ему прикурить. Квинн сделал глубокую затяжку, а потом медленно выпустил клубы дыма в звездное небо. – Сеньор Нобрега, а что вам от меня нужно?

– У вашего ордена блестящая научная репутация.

– Лично я лингвист по призванию, но в Коимбре широко изучаются математика и натурфилософия.

– В городе Белен появился безумец, который намеревается измерить мир маятником. – Нобрега наклонился к Льюису Квинну, он был оживлен, глаза расширились.

– Думаю, это может быть связано с еретической английской теорией гравитации, – сказал Квинн, замечая, какое влияние аккулико оказало на физическое и душевное состояние собеседника. – Орден преподает декартовскую теорию вихрей, которая целиком и полностью имеет физическое объяснение. Насколько я понимаю, английская теория чисто математическая.

– Как скажете, святой отец. Этот человек – сумасшедший ученый – Робер Фалькон, географ из Французской академии наук в Париже.

– Насколько я понимаю, Бразилия закрыта для иностранцев, за исключением членов уставных орденов. Таких как я, ведь я – английский подданный по рождению, а то и по склонностям.

– Его Высокопревосходительство считает присутствие Фалькона целесообразным. Он прибыл вместе со своим братом Жаном-Батистом, математиком-самоучкой, который несказанно гордится неким устройством, которое он изобрел, дабы механизировать ткацкое дело[96]. Я бы сказал, что рабы существуют именно для механического труда, так им есть что делать, но такова ваша французская мелкая интеллигенция. Жан-Батист вернулся на родину шесть недель назад из-за дизентерии, но Робер Фалькон остался. Он отчаянно соперничает со своими коллегами-академиками за то, чтобы точно измерить обхват земного шара. Такое впечатление, что, как и со всем остальным в современном мире, есть основательное разногласие по форме нашего земного шара, или же не совсем шара. У вас только-только соленая вода просохла за ушами, так что вы прекрасно знаете, насколько неточна морская навигация, а ведь Португалия – это морская и торговая держава. Мы получили сведения, что в Картахену отправляется конкурирующая экспедиция, которая собирается измерить земной шар с помощью вычислений и тригонометрии и которой Испания позволила въехать через свое вице-королевство в Перу. А доктор Фалькон торчит в Белен-ду-Пара уже пять месяцев.

– Сеньор, при всем уважении, а что требуется от меня?

Нобрега положил на язык вторую горошину аккулико. Эффект был почти мгновенным. Квинн подумал, что чиновник, наверное, пристрастился к этой стимулирующей траве.

– Для самых точных измерений доктору Фалькону необходимо провести свой эксперимент на экваторе. Он выбрал точку в пяти сотнях миль от Сан-Жозе-Тарумаш на Риу-Негру как самую подходящую, там, по его словам, «континентальные влияния» находятся в равновесии.

– Понятно. Я могу поехать с ним.

– Сформулируем это иначе, святой отец. Он может поехать с вами. Гнев короны направлен на голландских пиратов и авантюристов, но слишком ярки еще воспоминания о Дюгэ-Труэне[97] и его пиратах, которые шастали по Рио, как бойцовые петухи. Настоятель уже посвятил вас в политическую ситуацию на Амазонке?

– Я так понимаю, сейчас все в состоянии пересмотра.

– Амбиции Франции уже давно простираются за пределы чумной дыры в Гвиане. Сомнительное отчуждение территории дало бы французам возможность присоединить все к северу от

Амазонки и Солимойнс. Они укрепят деревни и дадут племенам в руки современное оружие раньше, чем мы доберемся до Белена.

– Вы подозреваете, что доктор Фалькон – французский агент, – сказал Квинн.

– В Версале сглупили бы, не попросив его, – голос подал отец де Магальяйнш. – Я хочу лишь, чтобы вы следили и записывали. Я уже упомянул вашу наблюдательность, а если добавить способность к языкам…

– Меня избрали адмонитором или шпионом?

– Разумеется, мы трудимся к вящей славе Божией, – сказал де Магальяйнш.

– Конечно, святой отец, – Льюис склонил голову.

Снова свет упал на стол и ароматные кусты с жирными листьями: рабыни принесли корзины, чтобы подать ужин в прохладном клуатре. Свечи ожили, и на скатерть выставили серебряные блюда под крышками.

– Отлично! – воскликнул Нобрега, вскакивая с места и потирая руки. – Эти листья коки отличная штука, но от них чертовски хочется есть!

В ночном небе над головой Квинна торопливо захлопали крылья. Темные силуэты нырнули вниз, чтобы усесться на черепичном карнизе уединенного сада. На свету блеснули изогнутые крылья, круглые хитрые глаза и проворные когти. «Попугаи, – подумал Квинн. – Самое трудное задание во славу Господа».

Богоматерь Спандекса

24 мая 2006 года

Марселина любила это еле заметное и такое точное мгновение, когда иголка вонзается в лицо. Серебряная, чистая иголка. Исцеляющее насилие, насилие, приносящее совершенство. Боли не было, вообще никогда и никакой, лишь ощущение нежного проникновения, словно комар, изысканно пивший кровь, точный инструмент человеческой технологии проскальзывал между грубыми тканями и клетками ее плоти. Марселина видела иголку лишь краем глаза, в непосредственной близости она казалась стеблем стального цветка. А рука в латексной перчатке была огромной, словно творящая длань Господа: Марселина наблюдала, как шприц проплывает по полю ее зрения, выискивая точку в опасной близости от незащищенного глазного яблока. Нежный укол. Обычно она закрывала глаза, когда пальцы надавливали на поршень. Ей хотелось ощутить, как яд проникает в плоть, представить, как он заставляет обрюзгшие, слабые, ленивые клетки биться в панике, как накатывают волны веществ, выработанных иммунной системой, когда тело осознает, что подверглось токсической атаке. Затем наставал черед благословенного воспаления, когда морщинистая кожа опухала, превращаясь в гладкость, упругость, красоту и молодость.

Марселина Хоффман практически стала ботоксной наркоманкой.

Такая простая процедура, да и салон красоты в том же квартале, что и Четвертый канал. Марселина первой стала делать подтяжки лица прямо во время обеденного перерыва, а потом Лизандра присвоила себе идею для целого цикла передач. Шлюха.

Но радость начиналась еще в фойе, когда администратор Луэза в платье с высоким воротником приветствовала ее: «Добрый день, сеньора Хоффман». Там пахло химией красоты, ароматическими свечами, а вокруг были легкость и яркость панелей из матового стекла, деревянный пол, на стенах кремовые с белым гобелены, звучала музыка «нью-эйдж», которую Марселина во всех других местах презирала (дерьмо в стиле тропикализма)[98], но здесь музыка говорила ей: «Ты чудесная, ты особенная, ты укутана светом, вселенная любит тебя, нужно лишь протянуть руку и получить все, что пожелаешь».

Лежа с закрытыми глазами на кресле с откидывающейся спинкой, Марселина чувствовала, как разглаживаются «гусиные

лапки», появившиеся из-за усталости на работе, ощущала юную и тонизирующую упругость кожи. Два года назад она побывала в Нью-Йорке на съемках «Секса в большом городе» и была поражена, что женщины-янки прихорашивались просто потому, что им так хочется, а не потому, как у кариока, что это их обязанность перед лицом города, где всегда готовы судить и критиковать. Чуждое кредо: туфли за тысячу долларов при отсутствии маникюра. Но вместе с пакетами из магазинов Марселина привезла себе одну мантру, озарение, украденное из рекламы косметики с Дженнифер Энистон. Именно эти слова Марселина шептала себе сейчас в святилище, пахнущем жасмином и ветивером, пока ботулотоксин распространялся сквозь кожу.

«Потому что я этого достойна».

* * *

– **О**х, я обожаю Кубок мира.

Дона Бебел приходила два раза в неделю. По понедельникам – сухая уборка: вытереть пыль, пропылесосить, убрать вещи. По четвергам – влажная: ванная и туалет, мытье посуды и стирка белья, которое Марселина разбрасывала по всей спальне так, что к вечеру среды пол уже не просматривался. Дона Бебел была пышной дамой неопределенного возраста в районе шестидесяти, она стягивала волосы в тугой пучок, от которого болела голова, и всегда носила леггинсы, мешковатые футболки и шлепки. Марселина ценила ее больше жемчугов, злата, кокаина и проектов.

– Милая, она приходит дважды в неделю, стирает твои мерзкие грязные трусы, и после ее ухода ничего не пропадает? – спросил Витор, престарелый гей, бывший участник передачи, которую продюсировала Марселина, где героям создавали новый имидж. Он жил через несколько улиц от ее дряхлого многоквартирного дома, повернувшегося задом к отвесным стенам морру. Старый и ревностный житель района Копа, Витор пил чай каждый вечер в одном и том же кафе в одно и то же время, чтобы посмотреть, как течет жизнь в его байру[99]. Марселина считала еженедельные встречи за чаем с досе[100] и сплетнями частью большой альтернативной семьи, связанной с ней разной степенью благодарности или подхалимажа. – Сколько бы она ни просила, плати.

После череды тощих Марий, которые воровали все, что плохо лежит, словно это был дополнительный налог на социальное

обеспечение, и загоняли стада пыльных клубков под кровать, Марселина без особого энтузиазма отнеслась к очередной уборщице из Морру-ду-Паван. Все решила цена – фавела, приткнувшаяся, как пуповина, на холмах за Арпоадором, была неисчерпаемым источником дешевой рабочей силы, от которой зависел Копа. После доны Бебел стекла сверкали как бриллианты, белье ослепляло белизной, а когда она узнала, чем Марселина зарабатывает на жизнь, то подкинула идею для передачи: «Вам надо снять передачу, в которой участники идут и убирают дома, пока хозяева на работе. Я бы такое смотрела. Нет ничего лучше, чем смотреть на чужой бардак».

В итоге в телешоу «Грязные свиньи» показали вопли, драки, разбитые камеры, разлады между закадычными друзьями, открытый конфликт детей и родителей, разрывы и разводы и как минимум одну стрельбу. Зрители смотрели сквозь пальцы, еле слышно бормоча: «О, нет, нет». Раймунду Сифуэнтис метал громы и молнии на странице с рецензиями в «Глобу», дескать, «настоящие грязные свиньи на Четвертом канале». Впервые телешоу Марселины обсуждали в офисах около кулеров.

Более трех лет лучшие свои идеи Марселина черпала от доны Бебел. Благодаря программе «Китчевые мрази» Витор прославился, а его маленький магазинчик безупречного китча превратился в обязательное место посещения туристов, которое упоминали в журналах авиакомпаний. А все из-за комментария, который отпустила дона Бебел, развешивая белье на веревке в драгоценном садике на крыше, мол, она всегда определяла ориентацию клиентов, у которых убиралась, поскольку у геев в квартирах полно пластиковых игрушек из 1950-х.

Чувство вины и раскаяния были чужды Марселине, но она благородно клала часть своего бонуса в конверт с еженедельным жалованьем доны Бебел за каждый одобренный проект. Она никогда не спрашивала, что ее уборщица подумала, увидев воплощение своей ремарки на экране с высоким разрешением. Она даже не знала, смотрит ли дона Бебел Четвертый канал. Та находилась вне их целевой аудитории.

– Ооох, Кубок мира… – Белье Марселины крутилось в стиральной машине во Влажный Четверг. Квартира была вылизана, плитка на полу пахла хлоркой и сосной. – В баре «Гачинья» собираются установить большой экран. Буду смотреть все матчи. Думаю, в финале Бразилия сыграет с Италией. Даже ставку сделаю. В этот раз мы им покажем. Может, у них и лучшие защитники в Европе, но наш волшебный квадрат[101] войдет в них как нож. Думаю, снять программу о Кубке мира – очень хорошая идея. Я бы посмотрела такую. Если нужно что-то спорное, то

можно вспомнить про Роковой финал.

– Про что? – спросила Марселина, перекрикивая машину, работавшую на тысяче двухстах оборотах.

Дона Бебел впервые за все их знакомство реально удивилась:

– Вы хотите сказать, что не слышали о Роковом финале? Да у каждого истинного бразильца шестнадцатое июля 1950 года высечено в сердце. Это не просто футбольный матч. Это Хиросима. Я не преувеличиваю. После Рокового финала все поменялось.

– Расскажите мне, – попросила Марселина, усаживаясь на перевернутую корзину для белья.

– Что ж, я тогда была маленькой девочкой, и у нас не было телевизора, да ни у кого не было телевизора, но…

* * *

Это не история. Это легенда. Мы построили стадион «Маракана» к чемпионату мира по футболу 1950 года – тогда, да и сейчас тоже, это был крупнейший стадион в мире – и планировали перед двумя сотнями тысяч зрителей явить миру всю красоту и поэзию бразильского футбола. Война закончилась, новый мир восстал из пепла, и предстоял Чемпионат Мира Будущего в Стране Будущего. И была команда, столь же великая, как любая другая «Салесан»[102], как и команда 1970 года, но их имена вы не найдете на пьедестале почета перед входом на стадион «Маракана». Тренер: Флавиу Коста. Игроки: Шику, Жаир да Роза Пинту, Адемир, Зизинью, Фриаса; Бигоде, Данилу, Бауэр; Жувенал, Аугусту, Барбоза. Пять нападающих, три защитника, два полузащитника. Прекрасно. Моасир Барбоза – вы еще много о нем услышите. В 1950 году система отличалась от нынешней, играли в группах вплоть до финала.

Мой отец работал тогда на мосту, у него водились деньги, так что он купил радиоприемник перед Кубком мира. Присоединил его проводами к фонарному столбу. Это был единственный приемник на улице, поэтому все приходили послушать. Иногда в нашей гостиной было не протолкнуться, столько народу набивалось на игру.

Мы начали играть в чемпионате двадцать четвертого июня против Мексики. Бах! Мексиканцы повержены. Четыре-ноль. Следующий! Дальше Швейцария. Тут мы чуть сдали, но если уж давать слабину, то в самом начале. Теперь нужно было победить Югославию, чтобы квалифицироваться в финальную группу. Из каждой группы могла выйти только одна команда. Мы играли

тогда на новом стадионе «Маракана» и выиграли со счетом два-ноль. Итак, мы прошли.

Кроме нас в финальной группе оказались Швеция, Испания, а еще Уругвай, «небесно-голубые».

Приходилось ставить приемник на окно, поскольку наш дом не вмещал всех желающих послушать трансляцию. Отец водружал радио на металлический бочонок, а люди выстраивались в очередь вниз по всему холму.

Первый матч. Мы разгромили Швецию со счетом семь-один. Второй матч, Испания, – шесть-один. Казалось, ничто не может остановить Бразилию. Эта команда должна была стать величайшей в истории. От славы нас отделял только крошечный Уругвай.

Рио ждал, вся страна ждала, весь мир ждал, что мы поднимем кубок Жюля Риме[103] на самом красивом в мире стадионе в самом красивом городе планеты. «Мунду» напечатал фотографии игроков еще до матча с подзаголовком: «Вот они, чемпионы мира!»:

Шестнадцатого июля одна десятая Рио оказалась внутри стадиона. Одна десятая целого города, да. Остальная часть страны прильнула к радиоприемникам: все точно помнят, где они находились в тот момент, когда рефери дал стартовый свисток. Первый тайм безголевой. Но на двадцать восьмой минуте прозошло что-то странное: капитан уругвайцев Обдулио Варела ударил Бигоде, и это было словно макумба[104]. Все поняли, что энергия на стадионе изменилась, можно было почувствовать это даже по радио. Аше[105] больше не с Бразилией. Затем, буквально на первой минуте второго тайма, Фриаса бьет угловой… прострел. Го-о-о-о-л забивает Бразилия! Один-ноль, один-ноль, один-ноль, один-ноль. Все танцевали и пели у нас дома и во всех остальных домах и на улице вплоть до Копа. Затем, на шестьдесят восьмой минуте, уругвайский игрок Гиггиа перехватил макумба и побежал с мячом. Он обошел Бигоде с правого фланга, последовала передача. Мяч оказался у Скьяффино, и он послал его в ворота мимо Барбозы. Сам Господь не мог бы помешать этому удару.

Но мы все еще могли победить. Выкарабкивались из передряг похуже. Мы же Бразилия. А потом, в 16:33, все часы остановились. Снова Гиггиа обыграл Бигоде. Оказался в штрафной. На этот раз без передачи. Он был рядом со штангой, но ударил. Барбоза считал, что в ближний угол забить невозможно. Он двигался слишком медленно, слишком поздно. Мяч угодил в сетку. «Гол Уругвая», – сообщил по радио Луис Мендес, а потом, словно бы не веря в то, что сказал, повторил: «Гол Уругвая». И снова

повторил. Шесть раз. Это правда. Два-один в пользу Уругвая. На стадионе не раздалось ни звука, ни звука не прозвучало в нашем доме и на улице, во всем Паване и во всем Рио. Алсидис Гиггиа всегда говорил, что только три человека одним движением могли заставить умолкнуть «Маракану»: Фрэнк Синатра, папа римский и он.

Когда раздался финальный свисток и Уругвай поднял Кубок, все еще стояла тишина. Мой отец не мог выйти на работу неделю. Один парень, который жил выше на холме, бросился под автобус, он не мог пережить такое. Рио замер. У целой страны был шок. Мы от него так никогда и не оправились. Может, мы ожидали слишком многого, может, политики договорились до того, что это была уже не просто игра в футбол, а сама Бразилия. Те люди, что стояли на стадионе… Знаете, как они себя называли? «Оставшиеся в живых». И это правильно. Но настоящая боль была не в том, что мы проиграли чемпионат, а в осознании, что, возможно, мы не столь велики, как думали о себе. Даже в нашей хибаре, в Морру-ду-Паван, когда слушали радиоприемник, присоединенный к фонарному столбу с металлическим бочонком в качестве усилителя, мы все еще считали себя частью великого будущего. Может, мы вовсе не были страной будущего, предметом всеобщего восхищения и зависти, а лишь очередной южноамериканской банановой республикой, которая расхаживает горделиво, как бойцовый петух с золотыми перьями, но никто ее не воспринимает всерьез. Француз де Голль как-то раз сказал: «Бразилия – несерьезная страна». После Рокового финала мы ему поверили.

Разумеется, мы искали козлов отпущения. Мы всегда так делаем. И вся ненависть обрушилась на Барбозу. Последняя линия защиты, от которой зависела вся страна. Это он опустил Бразилию, и Бразилия никогда ему этого не забудет. Он сыграл за сборную еще всего лишь раз, а потом отказался от футбола, от своих друзей по команде, перестал появляться в обществе и вообще сгинул. Бразилия устроила ему пятьдесят лет ада. Столько не дают даже за убийство.

* * *

– Это будет шоу в формате телесуда, – сказала Марселина.

В эту пятницу мозговой штурм состоялся в конференц-зале Адриану, стеклянном кубе с названиями самых крупных и нашумевших хитов, оставивших след на экваториальной полосе. Среди них была и парочка проектов Марселины. Везде

специально раскиданы игрушки и новые головоломки для стимулирования креативности. На прошлой неделе это была «Зарядка для мозгов» для «Плейстейшен», на этой неделе – листы бумаги и книга под названием «Оригами для взрослых». По всей Руа Мунис Баретто этот кабинет звали «Сауной», и он действительно славился плохим кондиционированием, но пот, который сейчас градом катился по бокам Марселины, не походил на тепличный. Он напоминал пот роды, ведь стеклянная комната была такой же ареной боевых искусств, как любой круг в капоэйре. Марселина знала, что ей пригодится все ее жейту, вся малисия, чтобы перетанцевать врагов. «Помоги мне, Богоматерь Дорогостоящих Проектов».

– Мы его выследим, доставим в студию на суд бразильского народа. Мы представим доказательства, причем и «за», и «против», он ведь имеет право на справедливое судебное разбирательство.

Настолько справедливое, как мы того захотим. Можно пригласить настоящего судью председательствовать. Или Пеле. А потом зрители решат, простить его или нет.

Стеклянные столы в стеклянной комнате образовывали четырехугольник, чтобы было демократично и удобно общаться. Правда, Адриану и Черная Птичка, сегодня вся в образе Одри Хепбёрн, сидели на той стороне четырехугольника, что дальше всего от солнца. Лизандра и ее команда – справа от Марселины, всякие важные начальники – слева. Держи своих врагов в поле периферического зрения, но нельзя, чтобы они заметили, как ты смотришь на них, это глупо. Напротив сидел Арлинду Пернамбукану из отдела развлекательных программ, он был уже слишком стар, чтобы дрочить на журналы со знаменитостями и вообще обращать внимание на баб, но, тем не менее, имел феноменальный коэффициент успеха. Но он не участвовал в жогу. В роде только Лизандра и Марселина.

– И что произойдет, если он виновен? – спросил Адриану.

– Мы заставим его принести извинения в прямом эфире.

Директор поморщился. Но это нормально. Его гримаса означала: раболепство на телеэкране, удовольствие от вины. Позор TV. Ему это нравилось.

– А он хоть жив, вообще?

– Я проверяю по архивам, – сказал Селсу, который занимался для Марселины сбором материалов и стал новым членом ее альтернативной семьи.

Он был пугающе умен, открыто амбициозен, всегда приходил раньше Марселины, а уходил позже. Марселина не сомневалась, что в один прекрасный день он потянется за ее короной, но не

сегодня, когда в ее яичниках снова светится радость – жар идеи, который разгорается из ниоткуда, столь совершенный и полный, будто бы в его основании выгравировано *«Сделано на небесах»*. Марселина думала, что навеки утратила эту радость и теперь может лишь мельком увидеть ее в закатах на Ботафогу, в сиянии и смехе улиц Копа, глядя на них из садика на крыше. *«Я вернулась»*, – подумала она.

– Можно сделать его поиски частью программы, – сказал Адриану.

«Он вносит предложения, – заметила Марселина. *Пытается присвоить проект себе».* Возможно, все получится. Получится.

– Он, наверное, уже совсем старик, – вставила Черная Птичка.

– Восемьдесят пять лет, – тут же откликнулся Селсу.

– Интересная идея, но разве в духе Четвертого канала подвергать пожилого человека насмешкам и унижению? Пелориньо[106] на телеэкране?

Да, хочется завопить Марселине. Четвертый канал это не более чем позорный столб, каленое железо. Именно это нравится нам больше всего – страдания других, паноптикум. Покажите нам пытки и безумие, покажите нам публичные вскрытия и отвращение, покажите, как девушки раздеваются на телеэкране. Мы – похотливое зверье. Радость открытого унижения знакома еще с восемнадцатого века. Если бы сейчас проводили публичные казни, то Четвертый канал показывал бы их в прайм-тайм, и рейтинги били бы все рекорды.

– Это шанс для нас покончить с тем, что до сих пор мучает бразильцев уже пятьдесят лет. Да, с тех пор мы побеждали, но не тогда, когда это действительно было важно, на нашей собственной земле, на нашем собственном стадионе, перед лицом нашего собственного народа.

Адриану кивнул. Лизандра сложила оригами – два красных трахающихся кролика. Помахала ими на краю поля зрения Марселины.

– Нет, мне нравится, – объявил программный директор. – Остро, шумно, вызывает споры. Проведем смс-голосование, виновен или нет. Абсолютно в стиле Четвертого канала. ТЧН.

То, что надо, догадалась Марселина.

– У нас всегда хорошо идут шоу, где есть целый список участников, – сказала Черная Птичка, склонив голову на один градус в сторону Лизандры. – Что-нибудь типа «Самые великие игроки сборной» вызвало бы интерес зрителей.

Селсу сложил оригами в виде зеленого пениса и стал медленно поднимать его в сторону Лизандры.

– Нет. Всем спасибо. – Адриану отодвинулся на миллиметр от

стеклянного стола. Предвкушение потрескивает в комнате, словно искра.

– Я знаю, что ты в состоянии сделать это. ГОМР.

Готов объявить мое решение.

* * *

– **В**селенной осталось выполнить десять в сто двадцатой степени вычислений, – сообщил Эйтор, сидевший, положив ноги на стол, в угловом кабинете и смотревший на машины, которые двигались в сторону пляжа, и золотой с голубым треугольник в конце улицы, напоминавший праздничный флаг. – Потом все остановится и закончится, будет темно и холодно, и Вселенная продолжит расширяться вечно, пока все не окажется бесконечно далеко от всего остального. Знаешь, я уверен, что у меня появляется аллергия на пшеницу.

– Ты мог бы сказать «молодец, Марселина», «поздравляю, Марселина», «убийственно, Марселина, я приглашаю тебя в кафе „Барбоза“ выпить шампанского».

Служба новостей уже привыкла к тому, как Марселина врывается из грязи и стервозности отдела развлекательных программ в их сосредоточенную атмосферу серьезной журналистики, как треснутый глушитель, со злым лицом фланируя между «горячими столами»[107] в сторону маленького убежища Эйтора, где он размышлял над своей ролью – приносить дурные вести миллионам – и над тщетностью средств массовой информации в общем. После этого двери обычно закрывались, из-за них доносились высокопарные речи и гневные тирады, а внештатные корреспонденты возвращались к делам или начинали искать в Интернете варианты отдыха на выходные. Теперь же, когда Марселина вошла – маленькая грудь вперед, золотые кудри растрепались, – сияя так, будто только что употребила шесть дорожек с сиденья унитаза, журналисты сразу занервничали. Никаких криков из кабинета Эйтора. Все в этом здании, не говоря уж о работавших на восьмом этаже, знали, что они время от времени трахались, только удивлялись, почему. Мало кто понимал, что отношения могут родиться из необходимости *не* заниматься сексом со всеми, кому нужно заняться им с тобой. Те же, кто понимал подобное, не спешили делиться прозрением с остальными. Они боялись, что в один прекрасный день им самим придется разыграть такую карту.

– Финансирование от и до, через две недели подаю полное предложение, и до конца месяца проекту дают зеленый свет. Черт

побери, я крута или как?

Эйтор снял ноги со стола, повернулся к Марселине, которая заполнила собой две трети его офиса, королева капоэйры с аурой успеха.

– Молодец, Марселина.

Он не обнял ее и не прижал к своему большому медвежьему телу в сером костюме. У них были не те отношения.

– Какое у тебя расписание на вторую половину дня?

«Кафе „Барбоза“, это же знак. Спасибо тебе, Богоматерь Дорогостоящих Проектов».

– Вечерняя сводка, а потом основной выпуск в семь.

Эйтор был депрессивным диктором, эта шутку знали далеко за пределами Четвертого канала, но Марселина понимала, что такая милая созерцательная меланхолия вызвана не постоянным шквалом сенсационных, жестоких и одержимых знаменитостями новостей, который стал неотъемлемой частью его жизни, просто Эйтор чувствовал ответственность. Он был Смертью, которую пригласили на все телеобеды страны. Марселина же, напротив, только радовалась, делая карьеру на пустяковых банальностях.

– Вот что будет дальше. У меня свидание с иглой. Потом я иду в кафе «Барбоза» со своей командой, альтернативной семьей и любым, кто захочет купить мне пиво. Ты приедешь, мы поедем в Лап[108], а потом к тебе. Я тебя затрахаю до полусмерти. Но сначала мне понадобится твоя помощь.

– Так и думал, что придется платить.

– Проект зависит от того, найду ли я Барбозу. Ты знаешь, как это сделать?

– Ну я не…

– Но знаешь кого-то, кто может. – Стандартная шутка журналистов и адвокатов.

– Разыщи вот этого парня, – Эйтор написал имя на розовой бумажке. – Будет нелегко, но он знает Рио как никто другой. Его можно застать на пляже Фламенгу с утра пораньше.

– Насколько пораньше?

– Тебе даже не представить. Он говорит, что для пляжа лучшего времени нет. – Эйтор отвернулся и поморщился, когда электронный ящик известил о новом письме. – Да, это хлеб, определенно. Не буду больше есть хлеб. А тебе советую прочесть вот это. – На столе, умоляя, лежала открытая книга. Эйтор читал агрессивно, пытаясь найти среди страниц идеи, способные дать хоть какое-то оправдание безумному миру, к которому он обращался дважды в день. Раз в неделю он всучивал очередную книгу Марселине, а та отдавала ее, ни разу не открыв, доне Бебел. Чтение – это слишком статично, это из прошлого века. –

Она о теории информации, самой новой теории всего на свете. Якобы вселенная – это лишь огромный квантовый компьютер, а мы все – программы. Меня эта мысль успокаивает, а тебя?

– Приходи в «Барбозу», Эйтор. Тебе нужно много пива и очень горячего секса.

Он поднял руку, уже поглощенный надвигающимся миром.

Машины на улице почему-то не оказалось. Марселина посмотрела направо, вниз, а потом пошла обратно в фойе к стойке секретаря.

– А мне такси, вообще, вызвали?

– Вызвали, ты вышла и уехала, – ответил Робсон, стоявший в дверях. Роскошное создание – высокий, с шикарными скулами и мускулами пловца, такой черный, что даже светился. Когда на Рождество раздавали награды, то Робсону регулярно доставался приз «Самому сладкому». Марселина не могла поверить, что он натурал.

– В смысле «уехала»?

– В прямом. Ты уехала на такси.

– Я уехала? Да я только что спустилась!

Робсон уставился на свои руки, как делают люди, столкнувшись с безумцами в общественном месте.

– Ну ты вышла из лифта, спросила то же самое, мол, вызвали ли такси. Я ответил, что вызвали, машина ждет снаружи, ты села в такси и уехала.

– Думаю, кто-то из нас сидит на очень сильных наркотиках. – Возможно, она. Это все гуарана и эхо вчерашней гулянки. Давления больше нет, ты получила результат результатов, и теперь мозг кипит и пузырится, как «Ментос» в диетической коле.

– Ну я-то знаю, что видел.

Люди, которые голосовали за красавчика Робсона, никогда не говорили с ним, когда он сердился, когда в его голосе слышалось снобистское раздражение.

– А во что я была одета? – спросила Марселина. Часы тикали. – Ладно, черт с ним.

Загадки подождут. У нее еще свидание с тончайшей стальной иглой любви.

– В черный костюм! – крикнул ей вслед Робсон. – Ты была в черном костюме! И в туфлях на шпильках!

25 сентября 2032 года

Суперсекси в сапожках на шпильках, в боди с воротником «поло» и высоким вырезом до бедра, симпатичной черной мотоциклетной курточке а-ля болеро Эфрин с важным видом идет

по гафиейра. Сидаде-де-Лус подпрыгивает. Это свадебная гафиейра, они самые лучшие.

На открытом пятачке в Гараже Жозе установили сцену. Колонки стоят прямо на разобранных моторах. Диджей Малыш, надевший флаг Бразилии как плащ Супермена, крутит любимые публикой треки. На экранах меняются созвездия светящихся узоров, арчиды гафиейры отслеживаются Ангелами Постоянного Надзора и отображаются в виде красивой россыпи огоньков. Диджей поднимает пальцы в воздух, толпа негромко ревет, тогда он хлопает в ладоши, поднимает руки, и раздается рев погромче… Дамы и господа. Ее появление остается незамеченным в ослепительном покачивании огней под барабанный бой – зачин «Покотокопо», нашумевшего хита этого года, но зрители видят, как серебряный мяч, искрясь, взмывает в воздух. Милена Кастру, Королева футбола, подбрасывает мяч, отбивает его то головой, то грудью, то задницей, то коленями. Улыбается при каждом ударе. На передней части ее стрингов красуются синий ромб и зеленый глобус Бразилии. «Порядок и прогресс»[109]. Девушка поворачивается спиной к зрителям и трясет ягодицами. Толпа улюлюкает. «Хорошая девочка», – думает Эфрин. Она выступает первой из подопечных его второй ипостаси – директора «Де Фрейтас Глобал Талант». Но сегодня он настроен на вечеринку и выглядит просто потрясающе в огромном афропарике. Его тело покрыто золотистой пудрой, он принял таблетку «Разболтая», которую купил у Стритса, поставщика нейрологических добавок, и теперь может сказать что угодно кому угодно и без всякой запинки. Девушки провожают взглядом Эфрина, когда тот проходит мимо, покачивая сумочкой. Так и задумано. Он хочет, чтоб на него смотрели все. Ведь сегодня Эфрин/Эдсон – два в одном – вышел на охоту.

– Привет, Эфрин! – Большой Стейк стоит у барной стойки. Одной рукой он держит кайпи[110], а второй обнимает свою невесту Серену. Он владеет половиной зала на паях с Эмерсоном, старшим братом Эдсона. – Весело тебе?

Большой Стейк с энтузиазмом и размахом наслаждается гостеприимством собственной гафиейры. Серьезная Серена хмурится при виде Эдсона. Она должна бы носить очки, но слишком тщеславна для этого. Большой Стейк подарил ей на помолвку лазерную коррекцию зрения в хорошей клинике на Авенида Паулиста.

– Ты сегодня очень сексуальна, – Эфрин делает реверанс.

Серьезная Серена смотрит на его сказочные бедра:

– Наконец-то нашел кого-то нормального. И долго она может держать мяч в воздухе?

– Подольше, чем ты, – говорит Эфрин, поскольку у него на «Разболтае» развязался язык, и принимает позу, которую можно себе позволить только в сапогах на шпильках и чудовищном парике.

Серена морщится. Большой Стейк жестом отгоняет его прочь, а кто-то другой манит из-за баллонов для газа. «Эй, Эдсон, иди сюда!» Это Индюк с бандой Перьев, в которой раньше состоял и Эдсон, они расположились в дальнем углу, где хранят паленую водку.

Банда, это конечно, громко сказано. Тут и не пахло кодексом чести, пушками и трупами на обочинах шоссе, скорее парни просто тусовались вместе, иногда подворовывали дизайнерские вещички попроще, время от времени не брезговали маконья и незаконными скачками, там могли стянуть что-то из машины по мелочи, тут, наоборот, ходили в местном патруле, порядок охраняли – и все это с разрешения местного авторитета. Так было всегда, молодые люди не видели другого выхода из Сидаде-де-Лус, кроме как идти в фавелу и получить ритуальные шрамы солдаду[111] наркобарона. Но, повзрослев, Перья покидали трущобы, женились, заводили детей, находили работу, ленились и жирели. Эдсон, как и старшие братья, тоже пришел в банду, но быстро понял, что она – скорее препятствие для его амбиций. Он потихоньку ослабил узы, которые связывали его с парнями, уплывая все дальше, на вольные хлеба, пока внутри него росли новые личности, а потом, словно комета, залетал сюда, потряхивая ярким хвостом, только на вечеринки, гафиейры, свадьбы и похороны, став счастливым предзнаменованием. Теперь он был сам себе бандой.

– Не Эдсон, а Эфрин, милый.

– Эфрин, Эфрин, ты должен это увидеть.

Эта штуковина отражает свет от своих изгибов, как нож, ложится в руку, как нож, и даже пахнет, как нож, однако Эфрин видит, как подрагивает лезвие, словно оно одновременно здесь и не здесь, словно сделано из снов. Это что-то куда большее, чем просто нож.

– Где вы это взяли?

– Купили у какого-то парня в Итакере, а он якобы достал у военных. Хочешь попробовать? – Индюк протягивает нож Эфрину.

– Я даже прикасаться к этой штуке не стану.

Индюк в ответ делает три резких взмаха. Лезвие свистит. Разрезает воздух. Эфрин чувствует запах электричества.

– Только посмотри на это. Круто же!

Индюк присаживается на корточки. С деликатностью наркоторговца, отмеряющего дозу на весах, ставит рукоятку ножа

на промасленную землю, под лезвие подкладывает кирпич. Оно легко прорезает глину, будто она жидкая. Индюк быстро подкладывает пачку сигарет под рукоятку. Лезвие продолжает идти вниз, прямо сквозь бетонный пол, пока не останавливается.

Квант-нож. Эфрин слышал про такое. Никто не знает, откуда они берутся: из бразильской армии, от американских военных, от китайцев, от ЦРУ, но с тех пор, как эти ножи появились в фанк-барах, все знают, на что они способны. Рассекают все что угодно. У них настолько острое лезвие, что режет вплоть до атомов. Из разговоров с мистером Персиком Эдсон знает, что нож и того острее, на квантовом уровне. Если сломать такой – а с этим может справиться лишь другой квант-нож, – то обломок провалится сквозь скальную породу до самого центра земли.

– Разве это не крутейшая штука?

– Это смертельная штука, милый.

Он чувствует погибель, исходящую от лезвия, словно солнечный ожог. Нынче у любого уличного пирата эмпатия без синестезии не обходится.

Гараж Жозе вздрагивает, когда диджей Малыш начинает новый сет. Эфрин оставляет ребят из банды играть с квант-ножом. «Так вам из Сидаде-де-Лус никогда не выбраться», – думает он. Пора второму подопечному «Де Фрейтас Глобал Талант» выступить с дебютом.

– Дамы и господа! Микс-войны! Микс-войны! – верещит диджей, и толпа взрывается в ответ. – Раунд первый! Мастер ремиксов Жуан Б. против миксджея Сулейма-а-а-а-а-ана! И пусть останется! Только! Один! Начинайте бой!

Когда противники запрыгивают на сцену, вокруг образуется стена восторженных криков. Налик сразится с любым из этих двоих, с тем, кто завоюет сердца, руки и ноги толпы. Эфрин останавливается около прилавка с шурраску[112], чтобы посмотреть за состязанием.

– А ты секси, Эфрин, – говорит Режина, королева шурраску. Он широко улыбается. В образе травести ему нравится внимание к собственной персоне. Он подносит к напомаженным губам бамбуковую шпажку, на которую нанизан жирный потемневший кусок говядины. Миксджей Сулейман так легко разделывается с Жуаном Б., что даже как-то неловко: у паренька нет чувства ритма, все сводится к импровизациям на гитаре, он думает, что это фанк, но публике это напоминает музыку из теленовелл про гаушу[113]. В него летят пустые стаканчики из-под кайпироски[114].

– Дамы и господа, а теперь На-на-на-налик!

Налик был идеальным алиби – тихоня, никаких связей с

бандами, целиком и полностью предан ритмам, что вырываются у него из наушников. В Сан-Паулу, где каждый житель под колпаком, даже самому респектабельному бизнесмену необходима возможность время от времени выдавать себя за кого-то другого. Много раз Эдсон бродил по Сидаде-де-Лус и даже по фавеле с идентификатором Налика, загруженным на айшэды, пока сам Налик музицировал под видом Эдсона Жезуса Оливейры де Фрейтаса. И как-то Эдсон менял идентификаторы и услышал музыку в айшэдах парня, и тогда с его губ впервые слетели слова: *а ведь из этого что-то может получиться.* Так на веранде с жестяной крышей появилась на свет компания «Де Фрейтас Глобал Талант». И скоро весь мир увидит ее танец.

Налик тут же подхватывает ритм самбы паулистану, заданный миксджеем Сулейманом, выбирает из своего арсенала сэмплов манге-бит[115] и дает такой бит, что динамики подрагивают и жужжат. Толпа даже отшатывается. Вау! А потом все подпрыгивают в середине такта, приземляются в контрапункте, и начинается реальный отрыв. Сулейман пытается умничать с классическим блэк-металлическим тремоло на гитаре и старым добрым драмнбэйсом – классно, конечно, но под такое не потанцуешь. Налик подхватывает гитарное соло, избавляется от баса, зато добавляет фанк в промышленных масштабах: вкручивает басовую партию гринго прошлого века и ритм пау – такой свежак, что его еще даже из упаковки толком не вынули. Эфрин видит треки на айшэдах Налика, пока тот одними глазами отбирает их и миксует прямо в реальном времени. Зрители живут его музыкой, любят ее, аплодируют ей, впитывают ее: не остается никаких сомнений, кто победит в этой битве.

Затем Господь говорит: «Сегодня, Эфрин/Эдсон или кто ты там есть или можешь быть, я улыбнусь тебе из-за спутников, аэростатов и Ангелов Постоянного Надзора».

Она. Около барной стойки, в окружении подружек, держит в руке пластиковый стаканчик с кайпироской. На ней розовые сапожки из крокодиловой кожи (и с чего ей так хочется поставить кайманов на грань вымирания?) и маленькое серебристое платье с трапециевидным силуэтом, сшитое из материала, напоминающего чешую змеи, такое коротенькое, что еле-еле закрывает трусики, но колышется оно великолепно и богато. Айшэды «Корр» закрывают полголовы. Космическая малышка. Сегодня у нее розовые волосы. Розовый и серебряный отлично подходят к сумочке от Джиорелли Хаббаджабба, обязательной в гардеробе каждой девушки в этом сезоне. Она пришла.

– Миксджей де Пепо-о-о-о-о-о-о-о-о! – Ди-джей Малыш объявляет имя следующего участника, пока Эфрин

проталкивается через толпу к бару.

– Эфрин! Эфрин! Эфрин! – Крики звучат в ушах, словно пистолетные выстрелы. Когда Эдсон состоял в банде, Вкусняшка увивался за ним, как кобель за сукой. Судя по его глазам и маниакальному упорству, он накачался наркотой. – Бродяга откинулся, парень! Он умер!

Бродяга – грязный маленький фавеладу, тупой до безобразия, который занял место Эдсона, то есть стал солнцем во вселенной Вкусняшки, когда Эдсон вышел из банды. Хотя надо говорить о нем в прошедшем времени. Некоторые люди рождаются со следами пулевых ранений на теле, словно со стигматами. Даже в полуреспектабельном районе Сидаде-де-Лус убийство – обычная смерть для молодого мужчины. Человек здесь вступает в эпоху зрелости, если доживает до тридцати.

– Его разрезали пополам, чувак. Твою мать, пополам! И бросили на обочине шоссе. Еще и знак вырезали на дороге!

Наверное, прямоугольник с чуть выпуклыми краями и купольной крышкой. Стилизованный мусорный бачок. «Не забудьте вынести мусор». Вырезан квант-ножом наподобие того, с которым парни из банды забавляются в дальнем углу Гаража Жозе. Поэтому все и знают о квант-ножах. Они стали настоящей звездой последних шести сезонов самого нашумевшего в Сан-Паулу телешоу. Ни один телеканал не одобрил бы реалити, в котором парень по имени Жозе всеми правдами и неправдами пытается стать членом команды бандейрантов, чтобы выслеживать бандитов на улицах. Но сейчас время тотальных СМИ, общего доступа к контенту и викивидения. И какая-то пиратская киностудия запустила платный показ для двадцати миллионов айшэдов. Реформаторы, христиане-евангелисты, священники, адвокаты и социалисты требуют, чтобы кто-то что-то сделал, мол, мы знаем, кто все эти люди, давайте выдворим их из нашего славного Сан-Паулу. Но полиция смотрит сквозь пальцы. Кому-то нужно выносить мусор. Эфрин никогда не стал бы пачкать свои глаза просмотром такого видео, но ему нравится бизнес-план этих ребят. А теперь они явились в Сидаде-де-Лус. Правда, сейчас не время для таких разговоров. Не стоит пугать народ на гафиейре, да и сам Эфрин на охоте. Она все еще здесь, за импровизированной барной стойкой, сделанной из столов на козлах, которые одолжили в приходском центре. Священнику хватает ума не проверять, что тут делают с его столами, но кренчи, верующие, с их безошибочным чутьем на неспасенные души, раздают брошюрки про страшный и ужасный ад, которые превращаются под ногами в пропитанное алкоголем папье-маше. Женщины разливают кайпироску пластиковыми стаканами из

тазов. Два парня в облегающих майках давят лайм в больших деревянных ступках. Надо быстро избавиться от этого придурка.

Эфрин достает из сумки маленький шарик маконья, завернутый в фольгу.

– Вот, малыш, это тебе.

Парень и так под кайфом, но Эдсон хочет, чтобы он вообще унесся в дальние дали и не мог никого напугать. Как грубо.

– Бери, давай, это тебе.

«Дамы и господа, миксджей Рауль Гло-о-о-оория!»

Еще одна победа Налика.

– Привет, милашки! – Эфрин подплывает, вихляя бедрами под ритмы самбы, и оценивает их с ног до головы. – Фу, какие шокирующе ужасные туфли!

Фиа и ее подружки гикают и радуются. Эфрин позволяет «Разболтаю» выполнить свою работу, он кружится вокруг девушек и изображает, что инспектирует каждую по очереди.

– Дорогая, никто не сказал тебе, что пальцы на ногах как у птеродактиля – это нет-нет-нет? Господи Иисусе! Розовый и оранжевый? Эфрин помолится за тебя, поскольку такой девушке поможет только Богоматерь Убийственных Туфель. Теперь ты, тебе нужно заняться спортом. Сделай усилие. На тебя же смотрит Эфрин. Ты такая дряблая, как член старого священника. А тебя, малышка, спасет только пластика. Я знаю тут кое-каких ребяток, которые делают операции по дешевке. Мы ведь все о таком мечтаем? – Он останавливается перед кван-тумейрос. Сумочка удобно примостилась на ее руке, будто спящий кот. «Ты не знаешь, кто я. Зато я знаю, кто ты». Эфрин любит анонимность. – А тебе я хочу продемонстрировать магию травести. Ты мне не веришь? Мы, девочки, все владеем магией, обладаем властью. Дай мне сумочку, и я расскажу тебе кое-что волшебное.

Смеясь над бесстыдством Эфрина, Фиа протягивает ему сумочку. Он теребит ее, нюхает и лижет:

– Эта вещица говорит мне, что ее тебе подарили, ты ее не покупала. Мужчина, который тебе преподнес сумочку… погодика, она говорит, что он бизнесмен, человек со связями, знает нужных людей. – Эфрин подносит сумочку к уху, надувает губы, а потом выпучивает глаза, изображая удивление. – Она говорит, что тот человек подарил ее в благодарность за услугу. Ты спасла его тупого братца.

Эфрин уводит Фиу от подружек. Им кажется, что это забавно, они машут руками, шлют воздушные поцелуйчики, а она и сама не прочь уйти, окунуться в гафиейру. Эдсон поднимает сумочку, что-то ей нашептывает, кивает и закатывает глаза.

– Эта вещица говорит, что тот человек все еще должен тебе.

Все-таки это был его брат, может, он и бесполезен, но дороже сумочки. Даже такой, как эта.

Фиа хохочет. Ее смех напоминает звон монеток, отскакивающих от тротуара.

– И как этот большой бизнесмен хочет меня отблагодарить?

– Он вот-вот заключит сделку по одной арабской ланшунете[116]. Их кибе[117] просто убьют тебя на месте. Он бы хотел, чтобы ты первой попробовала блюдо, которое станет самой популярной франшизой в Сампе и сделает его богатым-пребогатым парнем с квартирой в Ильябела.

Эдсон всегда мечтал о домике у моря. Когда-нибудь, еще не выйдя на пенсию, но уже слишком облени́вшись, чтобы наслаждаться бизнесом, он обзаведется домиком в Ильябела, где сможет каждое утро просыпаться с видом на океан. Он не поедет туда, пока дом не достроят, но, когда все будет готово, он первый раз войдет внутрь темной-темной ночью, чтобы почувствовать шум прибоя, а на следующее утро первым делом взглянуть на океан. Сантус всего в получасе езды на скоростном поезде, но Эдсон никогда не видел моря.

– Цветы дешевле. И симпатичнее, – говорит Фиа.

– Цветы уже мертвы.

– Это тебе все сумочка сказала?

– Немного магии травести.

– Думаю, сегодня ты уже продемонстрировал достаточно волшебства, как бы там тебя ни звали.

У него колотится сердце.

– Сегодня вечером я – Эфрин.

– Какие еще секретики у тебя есть, Эфрин/Эдсон?

«Только один, – говорит он про себя, – и его даже моя мать не знает». Он дергается, трясет огромным афропариком, но Эфрину такое сходит с рук.

– Ну, ты пришла на гафиейру, а теперь, думаю, стоит поесть кибе. Сумочка советует.

– Помнишь, что я сказала тебе в прошлый раз?

– Отвянуть?

Он видит, как Фиа мысленно перебирает все причины, чтобы снова отказать ему, и отметает их. Это всего лишь обед. Тут на ее айшэды в область периферического зрения поступает звонок. Лицо девушки меняется. Эфрин через сейсмический грохот музыкальной битвы слышит тоненький мужской голос. Ему хочется заколоть этого мужика. Фиа делает айшэды непрозрачными, скрывая лицо звонившего. Сжимает губы. Хмурится. Разговор явно неприятный. Она смотрит на двух парней, стоящих на самом краю толпы, а потом дотрагивается до

его руки.

– Мне нужно идти.

– Детка. Не покидай меня сейчас. Так что насчет обеда?

Он поворачивается, прежде чем толпа унесет ее прочь, и дотрагивается до айшэдов. На них вспыхивает адрес.

– Будь осторожна. Там в толпе могут притаиться настоящие убийцы.

– О, я знаю! – восклицает она. – Знаю.

Все, ушла.

Дона Ортенсе пишет об этом в своей Книге Плача. И теперь обо всем знают мертвые, брошенные, больные, отчаявшиеся, обездоленные, погрязшие в долгах, а еще жены нерадивых мужей и матери беспечных детей, которых дона Ортенсе занесла в свою Книгу. Бесполезный Герсон, который вернулся домой и целыми днями качается в гамаке брата, знает. И все остальные оставшиеся в живых братья знают, включая четвертого сына Милсона, который служит в бразильском подразделении миротворческих войск ООН на Гаити. Дечиу, который бреет Эдсона под деревом араса, усадив в черное кожаное кресло, гладкое и мягкое, словно вагина, знает. Его брокер знает, и дилер знает, знают парни, которые чинят его мотоцикл, и дети, играющие в футсал за Ассамблеей Бога. Знают все братки из банды, а еще те, кто обеспечивает им алиби, и те, кто обеспечивает алиби тем, кто обеспечивает алиби.

Эдсон влюбился.

Единственный, кто не в курсе, это мистер Персик. И Эдсон, который сейчас выступает в образе Мальчика-Загадки, пытается найти способ все ему рассказать.

В Великом Сан-Паулу медленно течет очередной преступный день, а Капитан Великолепие и Мальчик-Загадка просто лежат на кровати в фазенде. Мальчик-Загадка курит маконью, выдувая причудливые колечки дыма прямо в потолок. Плащ и маска висят на набалдашнике резной массивной кровати из красного дерева. Он все еще в ботинках. Капитану Великолепие так нравится.

Иногда это герой и преступник. Иногда преступник и герой. Иногда, как сегодня, герой и герой. Супермен и его помощник. Костюм Мальчика-Загадки из спандекса наполовину зеленый, наполовину желтый, от макушки до пальцев ног. На левой, желтой стороне на нем нарисована огромная синяя цифра «шесть» от коленей до подбородка. Большая шестерка, маленькая шестерка. Сестинью. Таким прозвищем мистер Персик, то есть, простите, Капитан Великолепие, называет Эдсона полжизни. Конкретно этот костюм дешевка, поэтому больно врезается между

ягодицами. А уж гениталии у Мальчика-Загадки всем гениталиям гениталии.

Мальчик-Загадка рад, что сегодня по сценарию встреча героя с героем. Когда кто-то из них преступник, то дело доходит до связывания. В подвалах фазенды многое напоминает о временах рабства, включая железную маску, чтобы затыкать рот непослушным, и она пугает Эдсона. Вообще, дом полон всяких старинных вещиц, которые мистер Персик то и дело отдает ему, но Эдсону, в свою очередь, некому их передать. Он мог бы заработать кучу денег онлайн, но предпочитает оплату наличкой, быструю и тайную, и продает через парня в Кредитном союзе Сидаде-де-Лус. Компания «Де Фрейтас Глобал Талант» построена на деньги с продажи антиквариата.

По сценарию это спортивный зал, и герои разглядывают друг друга перед зеркалом. Эдсон передает косяк Капитану Великолепие, тот делает пробную затяжку через маску и выпускает ароматный дым через ноздри. Капитан Великолепие весь одет в титановый и черный: ботинки, брюки, пояс, перчатки, маска, закрывающая лицо. Ее он любит носить даже потом, на расслабоне. Вроде как его видят, а на самом деле нет. Когда он лежит на спине, то живота не видно. Эдсону не так противен его живот, как думает мистер Персик. Ему нравится этот старый хер.

– Эй, герой.

– Что?

– А что ты знаешь про квантовые компьютеры?

– Почему ты спрашиваешь? – Персик передает косяк обратно.

– Да так, говорил кое с кем.

– Говорил кое с кем о квантовых компьютерах?

– По делу. Не доставай меня. Скажи лучше, как это работает?

Гражданская ипостась Капитана Великолепие – это мистер Персик, пожилой профессор теоретической физики, работающий на полставки в университете Сан-Пауло, последний наследник бывшей кофейной плантации Алваранга, супергерой-фетишист, наставник и половой партнер Эдсона Жезуса Оливейры де Фрейтаса.

– Помнишь, я рассказывал тебе про тени и лягушек?

Эдсон/Сестинью извивается в неудобном костюме и прижимается к мистеру Персику. С самой первой нерешительной ласки – причем мистер Персик тогда чувствовал себя куда менее комфортно, чем еще совсем юный и дерзкий Сестинью, – каждая их встреча оплачивалась какой-то историей. Эдсон чувствует, что, как заправский супергерой, может взлететь до заоблачных высот, у него кружится голова от того, что физика рассказывает ему о реальности.

История о тенях и лягушках одна из самых лучших, простая, но заковыристая. В ней есть переход от обыденного к удивительному, странному, но очень важному. Эдсон не уверен, что уже понял весь ее философский и эмоциональный подтекст. Он подозревает, что это не под силу никому. Как и все отличные истории, эта начинается с ужасающе очевидного вопроса: а из чего состоит свет? Не такой уж простой вопрос, на него нельзя ответить, рассекая предмет дальше и дальше, пока уже нечего будет рассекать (хотя Эдсон за время супергеройских встреч выяснил, что даже это верно: у фундаментов есть фундаменты, а их можно разложить на вибрирующие струны типа гитарных, хотя мистер Персик и не придерживается данной интерпретации реальности). Элементарные частицы света – фотоны – похоже, изменяются в зависимости от того, что с ними делают. Если выстрелить единственным фотоном по определенному металлу, то он выбьет с его поверхности электроны. Эдсон сразу вспоминает, как подглядывал за старшими братьями, когда те палили по дорожным знакам из пневматики. А если выстрелить фотоном через две крошечные щели, то произойдет нечто совсем иное. Возникнет рисунок тени, темные и светлые полосы, словно встречаются две волны на луже. Как может единственный фотон пролететь синхронно через обе щели? Не может же быть один предмет двумя в одно и то же время. Физика, как всегда говорит мистер Персик, описывает только физическую реальность. Тогда что же такое фотон – волна или частица? Этот вопрос лежит в основе квантовой физики, и любой ответ на него означает, что физическая реальность кардинально отличается от наших представлений о ней. Ответ мистера Персика таков: когда единственный фотон проходит через щель, то реальный проходит через одну щель, а его призрак – через другую в тот же момент, и происходит интерференция. На самом деле на один-единственный фотон приходится триллион фантомов, большинство из которых так далеки от цели, что никогда не интерферируют с оригиналом. Разумеется, Эдсону хотелось знать, что такого особого в этих частицах, что у них есть двойники. На что мистер Персик ответил – ничего. Физические законы применимы ко всему, и если у фотонов есть призраки, то, значит, ими обладаются и любые другие частицы, и все вокруг состоит из этих частиц. Триллион фантомов Сестинью. Триллион фантомов фазенды Алваранга. Триллион фантомов Бразилии, Земли и Солнца. Всего чего угодно. Существует слово для физической системы всего, и это слово – Вселенная. Существует триллион и даже больше, куда больше, вселенных, таких же реальных для живущих в них Сестинью и мистеров Персиков, их Мальчиков-

Загадок и Капитанов Великолепие, как эта. В этот момент Эдсон, у которого закипала голова, подумал: «Возможно, в какой-то вселенной я не стал брать персик, который водитель вытащил из сумки, когда у него не нашлось сдачи для тринадцатилетнего пацана, решившего приглядеть за машиной». Физическая реальность состоит из этих призрачных вселенных, расположенных друг за другом, образуя мультивселенную, и на самых малых, кратковременных и слабых уровнях ворота между вариантами открываются. Эдсон все еще думает об этом: теперь, когда он встретился с девушкой, по работе перебирающей десять в восьмисотой степени вселенных, такая идея кажется ему реальной как никогда. Но при чем тут лягушки?

Ох, все просто, говорил мистер Персик. У лягушки такие чувствительные глаза, что она может уловить отдельные фотоны света.

– Лягушки видят на квантовом уровне, они могут заглянуть в мультивселенную, – говорит Мальчик-Загадка, когда Капитан Великолепие гладит руками в перчатках его крепкую задницу. – Вот почему они сидят с выпученными глазами.

Так откуда внезапный интерес к квантовым компьютерам? – спрашивает Капитан Великолепие.

Свет, пробивающийся сквозь ставни, меркнет. Комната погружается во тьму. Порыв ветра качает цветочные корзины на веранде. Внезапный дождь стучит по черепичной крыше.

– Ты кого-то встретил, да? Ах ты, сучка! Кто она? Говори!

Капитан Великолепие садится, щекочет Мальчика-Загадку. В его голосе нет ни ревности, ни горечи. Не те у них отношения, не тот это город. Здесь можно жить множеством жизней и быть множеством «я». На глазах мистера Персика Сестинью не раз разбивали сердце, но это никак не изменило их встречи в фазенде на вершине холма. В жизни Эдсона есть стороны, о которых мистер Персик почти ничего не знает, а о многих, наверное, никогда и не узнает.

– Расскажи мне, может, тогда я расскажу тебе, – говорит Мальчик-Загадка, уворачиваясь от беспощадных пальцев и держа в руке окурок маконьи. Эдсон надеется, что в один прекрасный день он перестанет быть чьим-то Мальчиком, превратится в Мужчину или даже в Капитана.

– Хорошо. Ложись обратно в постель. Но ты ведь расскажешь мне? – Он накрывает ладонями вставший член Мальчика-Загадки и начинает историю.

По словам Капитана Великолепие, существует два типа вычислений: выполнимые и разорительные. Здесь, как и на любом другом предприятии, время – деньги, поэтому нужно понимать,

сколько часов потребуется на твои подсчеты, будут ли они завершены сейчас или же им понадобится срок, превышающий жизнь этой вселенной. Удивительно, но огромное количество повседневных задач попадает во вторую категорию и называется НП-задачами. Наиболее распространенной проблемой, к примеру, является факторизация целых чисел на простые множители.

Мальчик-Загадка говорит:

– Про простые я знаю. Это такие волшебные числа, из которых строятся все остальные. Типа химических элементов, но только в математике.

– Хорошая аналогия, Сестинью, – говорит Капитан Великолепие. – Легко и просто перемножить два простых числа, неважно, насколько они велики, пусть даже в них сто тысяч цифр. Но разложить полученное произведение обратно уже не так просто – это мы и называем факторизацией. Существует множество математических трюков, чтобы устранить те числа, которые очевидно не годятся для нашей задачи, но в какой-то момент все равно приходится делить исходное число на все нечетные, пока не получится целое. Если добавить всего один знак к исходному числу, то время, необходимое компьютеру для вычислений, увеличится в три раза. На расчет для числа из двухсот пятидесяти знаков даже самой быстрой машине потребуется больше десяти миллионов лет. И этим пользуются кодировщики. Скажем, можно легко взять два простых числа из двухсот пятидесяти знаков в качестве ключа к чипу арчида и перемножить их между собой. Но, чтобы одному компьютеру в одиночку разложить получившееся произведение с миллионом знаков на простые множители, во вселенной не хватит времени.

Однако квантовые компьютеры могут решить задачу за миллисекунды. А что, если разделить число, факторизация которого займет десять миллиардов лет, между разными машинами?

– У десяти компьютеров на решение уйдет миллиард лет. У миллиона— тысяча. У десяти миллионов – сто, а у сотни миллионов…

– По крайней мере в Сан-Паулу есть такое количество процессоров. Но с современным уровнем шифрования приходится сталкиваться с расчетами, которые займут в десять миллиардов раз больше времени. А на такое компьютеров во всем мире не хватит. Даже если бы каждый атом на Земле был крошечным нанокомпьютером, мощности все равно не хватило бы.

– Но есть фантомные вселенные, – догадался Мальчик-Загадка.

Дождь хлещет по крыше, а потом идет на убыль. Вода капает

с карнизов. Солнце пробивается через ставни.

– Именно. На квантовом уровне вселенной – всех миров в составе мультивселенной – обнаруживается то, что мы называем когерентностью. По сути отдельные частицы в других вселенных – это одна и та же частица, просто в разных аспектах. И они делят между собой информацию, состояние, в котором находятся. А если есть информация, значит, можно проводить вычисления.

– Она говорила про десять в восьмисотой степени вселенных. А еще там была какая-то светящаяся штуковина, которую сохраняли в холоде. – Он думает о лягушках, способных видеть квантовые миры.

– Похоже на высокотемпературный конденсат Бозе – Эйнштейна, материю в квантовом состоянии. Такая установка может производить расчеты… дай-ка подумать… во вселенных числом десять в стотысячной степени. Многовато для сумочки. Это же почти что универсальный квантовый компьютер. Большинство таких машин имеют специальное назначение, они взламывают алгоритмы шифрования. Но универсальный компьютер куда более мощный и опасный зверь.

– А что можно сделать с его помощью?

– Да все что угодно. К примеру, любой государственной тайне последних трех лет теперь грозит разоблачение. Определенно Пентагон, Белый дом, ЦРУ, ФБР тоже в деле. Но самое главное, такая машина могла бы создать что-то вроде, можно сказать, универсального симулятора, который способен проникать на квантовые уровни. А есть ли разница между настоящей бурей и ее моделью?

Мальчик-Загадка пытается представить ураган, который дует между мирами. Он содрогается и говорит:

– Думаешь, она в опасности?

Капитан Великолепие в своем костюме из спандекса пожимает плечами:

– Да кто может чувствовать себя в безопасности в наши-то дни? Каждый по умолчанию в чем-то виновен. Черт, да тебя могут раскромсать на куски просто ради телешоу. Но гринго и правительство ревностно охраняют свои квантовые технологии. Если она использует нелицензированную машину, то кто-нибудь обязательно заинтересуется. Даже в университете Сан-

Паулу за квантовыми ядрами так пристально следят, что приходится брать с собой офицера службы безопасности. Опасную девицу ты себе нашел, Сестинью. Так кто она, эта Квантовая девушка?

– Ее зовут Фиа Кисида.

Такое впечатление, будто какая-то неведомая сила и впрямь

превратила Капитана Великолепие в реального супергероя, поскольку он взлетает над кроватью. Мальчик-Загадка видит, как Персик зависает в воздухе. Капитан Великолепие наклоняется над Мальчиком-Загадкой, и спандекс вокруг его рта раздувается от дыхания. Он нащупывает молнию, расстегивает ее и высвобождает седеющие кудрявые волосы.

– Что ты сказал? Фиа Кисида? Фиа Кисида?!

22 июля 1732 года

– Так, значит, вы – фехтовальщик, – сказал епископ Гран-Пара, когда Льюис Квинн прикоснулся губами к кольцу, – Моложе, чем я ожидал. И крупнее. Большинство моих знакомых фехтовальщиков были мелкие, тощие, как цыплята. Слабаки. Но я уже давно понял, что зачастую крупные мужчины могут похвастаться проворством.

– Моя шпага осталась в другой жизни, Ваша милость, – ответил Квинн, разогнувшись, и встал, покорно сложив руки.

В покоях епископа Вашку да Машкареньяша, обставленных резной мебелью из токантинского де-

рева насыщенно красного и черного цвета, царил полумрак. У херувимов и серафимов были пухлые африканские губы и носы, индейские глаза и скулы. Жара стояла гнетущая, свет за закрытыми ставнями казался мучительным.

– Ваш орден считается военным, разве нет? Разумеется, я не могу заставить вас, но для вашего общества было бы лучше казаться более. мужественным. Бразилия уважает силу, и ничего, кроме силы. Здесь в изобилии здоровяки – этакие праздные туши, выросли из капитанов и сколотили состояние, – которые воображают себя злодеями со шпагой. Да, к чему я это: я хочу организовать соревнования.

– Ваша милость, я отрекся…

– Конечно, отреклись. Деревянные шпаги, хороший укол в мягкое место, большего не нужно. Было бы неплохо показать этим напыщенным индюкам, что к чему. Научить их уважению к церковной власти и заставить держаться подальше от девушек-индианок. У нас тут мало новшеств, как вы понимаете. – Епископ поднялся с резного кресла. Деревянная ножка громко скрипнула, скользнув по камню. – Вы же любите спорт, святой отец? Расскажу вам кое-что. Тут есть отличная игра, с ней нас познакомили индейцы. Играют в нее мячиком из надутого каучука, но лучше всего эта игра дается черным. В мяч играют только ногами, хотя разрешено отбивать головой, но только не руками, руками ни-ни. Закатываете мяч в ворота противника ногами. Потрясающее

зрелище. Пройдемте в сад, в помещении в это время суток невыносимая жарища.

Епископ Вашку был крупным мужчиной, но не мог похвастаться проворством. Он обильно потел, пока семенил по тенистым дорожкам. На декоративных панелях из раскрашенных вручную бело-синих португальских изразцах «азулежу» были изображены аллегории библейских добродетелей. Фонтан бил тонкой струйкой в центре потертых известняковых плит, и его журчание казалось хрупким и глубоким, словно годы. Птицы посматривали и кричали с карнизов.

– Жаль, что вас прислали не ко мне, Квинн. Иногда мне хочется, чтобы Белен стал псом, чтобы можно было потрясти его за шкирку. Здесь кругом разврат и жадность, скажу я вам, разврат и жадность. Жадность до золота, не только до золота Вила-Рики, но и до красного и черного золота, особенно сейчас, когда бушует чума и бешенство. Вы знаете, о чем я. У нас тут с дюжину, ну или с полдюжины миссионеров, даже один проверяющий из Святой Палаты! Это всех столкнет лбами. Я слышал, что вы поругались по поводу носильщиков в Сидаде-Байша. Именно это нам и нужно, Квинн, именно это. Поездка была утомительная, как я понимаю?

– Ветра мешали течениям, ваша милость, но я не моряк. Я проводил время в молитве и подготовке.

– Да, здешние капитаны говорят, что быстрее и проще доплыть до острова Мадейра, а потом до Белена, чем по неспокойному морю у берегов Пернамбуку. Скажите, а что такое произошло, что потребовалось спешно отправлять адмонитора из Коимбры? Я знаю про француза. Да и как не знать, если он порхает по променаду, словно бабочка, со своими безделушками и всякой ерундой.

– Ваша милость, это деликатный вопрос.

Епископ Вашку резко остановился, лицо его раскраснелось не только из-за полуденной жары. Он постучал посохом по камням. Птицы тут же взметнулись с карнизов от внезапного шума. В темных дверных проемах появились лица.

– Чертов иезуит… это все из-за Гонсалвеша, да? Не отвечайте, я не хочу заставлять вас лгать. Храните свои иезуитские секреты. Я черпаю сведения из своих источников. – Он опустил голову, пот тек ручьем из-под парика. – Простите, отец Квинн. Я становлюсь невоздержанным от этой жары и. этой страны. Поймите одну вещь. В Бразилии все по-другому. Даже в этом городе общество Иисуса, францисканцы и кармелиты вряд ли смогут договориться между собой о статусе, а в верховьях Амазонки и вовсе царит неприкрытая вражда. Святая Церковь – не более чем движущая

сила, что работает на душах краснокожих и на их плоти. Что такое? Что вам нужно?

Секретарь преклонил колени перед епископом, протягивая ему какие-то бумаги на кожаном подносе.

– Хм, другие дела требуют моего внимания. Что ж, отец Квинн, я отправлю вам инструкции по поводу тех соревнований, о которых упоминал. Я даже готов сам рискнуть и сделать ставку. Не терпится увидеть вас в деле.

Епископ изобразил посохом удар шпаги, когда Льюис поклонился, а потом, не дожидаясь возражений, тяжело поковылял за секретарем в белом одеянии в удушливый полумрак.

* * *

Вер-у-Пезу взревел от смеха, когда краснокожий юноша в поношенной рубашке развалился на мостовой, получив пинок по заду ботинком. Красный смех, черный смех доносился с бесконечных телег на ближней к городу стороне широкого причала, рядом с которым корабли и паромы с верховий Амазонки и Токантинс были пришвартованы в четыре ряда. Белый смех долетал из носилок и временных пьедесталов, установленных на бочках и досках. На улице и на ступеньках, везде вокруг Квинна, раздавался мужской смех. А с деревянных балконов разноцветных домов фейторов и постоялых дворов, бесстыдно открытых жаре и чужим взглядам, доносился женский. Льюис стоял с победоносным видом перед каменным пьедесталом для рабов. Друзья под насмешки рабов оттащили юного участника прочь с арены. Это был толстый надменный сынок пробившегося наверх плантатора с претензией на дворянство. Его унизили в двух состязаниях, Квинн с деревянной шпагой гонял его по всей четырехугольной площадке, словно карнавального шута, а тот визжал и всхлипывал под хохот зрителей, бившихся в конвульсиях. Последний удар. «С глаз моих долой!» Квинн смотрел на довольные лица. Разный цвет кожи, но рты открыты одинаково: алые, жадные. Подняв взгляд, он увидел глаза над порхающими веерами и бисерными вуалями. Льюис прошел вдоль арены, подняв руки под хвалебные крики жителей Белен-ду-Пара.

– Некоторые мужчины носят свои грехи на лицах, – сказал епископ Вашку, сгорбившийся на кресле и дико потевший, несмотря на отделанный бахромой навес, закрывавший его от растопленного солнца, и усилия двух мальчиков-рабов,

орудовавших веерами из перьев.

– Женщины? – спросил королевский судья Рафаэл Пиреш де Кампош. Благородный член братства Милосердия[118], изгнанный в эту отсталую и чумную страну, он страстно увлекался любым видом спорта, который мог нарушить монотонность жизни алчных фрейторов. Все в Гран-Пара знали, что Пиреш де Кампош финансирует вылазки епископа в область частной морской торговли и что епископальный флот неоднократно грабили голландские пираты с острова Кюрасао.

– Нет, мой друг, тут дело в гордыне. Да, уверен, что наш адмонитор был тот еще нахал. Еще пятьдесят эскудо! Как вы вообще могли подумать, что этот толстый увалень сможет победить иезуита? Наличными или в кредит?

– Вычтете из общей суммы. А откуда он, этот иезуит? Странный акцент.

– Из Ирландии.

– А где это? Не знаю страны с таким названием.

Епископ Вашку объяснил, где находится Ирландия, и вкратце рассказал о бытующих там суровых законах против еретиков. Пиреш де Кампош поджал губы и покачал головой:

– Ваша милость, не могу похвастаться мудростью, однако мне кажется, это хорошо, что ваш иезуит вскоре покинет Белен. Несмотря на духовный сан некоторые с радостью пристрелили бы его прямо в постели.

Квинн умыл лицо и прилипшие от пота волосы, зачерпывая воду в бочонке у уличного продавца. Состязания закончены, собравшимся придется подождать следующей продажи рабов. Толпа пришла в движение, стряхнула с себя пыль и уже хотела закрыть ставни, но единый порыв рассеялся, когда какое-то движение на рыночной площади со стороны порта привлекло всеобщее внимание. Овации переросли в бурное улюлюканье, и на арене появился худощавый мужчина. Его наряд граничил с пижонством – европейский, слишком изысканный для Бразилии. Кроме того на носу красовались зеленоватые круглые очки, которые вызвали пересуды и веселье среди зрителей. Мужчина отвесил сложный поклон.

– Отец Льюис Квинн?

Иезуит кивнул. Вода смешивалась с потом, капающим с лица. Он стоял на арене и под палящим полуденным солнцем понял, что внутри него поднимается жаркая радость, словно приливная волна, зной снаружи усиливал горячку внутри. Хватит. Но он никогда не уходил от поединка, с Богом или с человеком.

– К вашим услугам, святой отец. Я доктор Робер Франсуа Оноре Фалькон, географ и геометр Французской академии наук в

Париже, прибыл в колонию с визитом. Я так понимаю, вы владеете шпагой. Я же тренировался у самого фехтмейстера Тейагори в Париже и рад был бы возможности попробовать свои силы против вас.

– Хорошо, месье, – ответил Квинн по-французски. – Я с превеликим удовольствием сражусь с человеком, который в состоянии произнести правильно мое имя. Надеюсь, вы не возражаете, если вас победит священник?

Толпа загудела в знак одобрения.

– Не думаю, что ваш воротничок защитит вас, – сказал Фалькон, передавая трость, шляпу, парик и тяжелый плащ своему рабу, оставив только забавные очки, скрывавшие душу, – Я происхожу из семьи отъявленных вольнодумцев.

Квинн поднял деревянную шпагу в знак приветствия. Фалькон поднял оружие, брошенное предыдущим участником, и ответил на приветствие. Оба заложили свободную руку за спину и начали кружить по арене. Вер-у-Пезу замолчал, словно бы пораженный ангелом.

– Еще пятьдесят на иезуита, – сказал епископ Вашку.

– Да? А мне кажется, этот французик еще его удивит, – Пиреш де Кампош аккуратно промокнул потное лицо надушенным платком. – Видите?

Зрители вокруг арены громко ахнули, а потом закричали от радости, когда Квинн сделал выпад не вовремя, а Фалькон проворно уклонился и ткнул священника деревянной шпагой в спину, когда тот оступился. Льюис покачал головой, улыбнулся и восстановил равновесие. Двое мужчин продолжили кружить на жаре.

– Ваш парень все утро отбивался от разных пройдох. А французик свеж, как букетик цветов, – прокомментировал Пиреш де Кампош, а потом понял, что сидит сжав в кулаке носовой платок, горло его сжалось для крика, когда Фалькон провел серию потрясающих ложных выпадов, прогнав Квинна по всей арене, а потом атаковал стрелой, да так, что затаивший дыхание епископ Вашку чуть было не вскочил с кресла. Напряжение переросло в удивление, а потом и в изумление, поскольку иезуит отпрянул назад и увернулся от разящей шпаги. Оба упали на мостовую и покатились, но ирландец первым поднялся на ноги. Кончик его деревянной шпаги уперся в икру Фалькона, затянутую в чулок.

– В Париже это не считалось бы, – буркнул геометр, вставая и отпрыгивая от Квинна.

– Как видите, мы не в Париже, – сказал Квинн и, радостно заливаясь смехом, как безумец, нанес целый шквал ударов,

оттеснив француза к кромке воды.

– Очень искусно даже для иезуита! – воскликнул тот, перехватывая шпагу Квинна и отворачивая ее в сторону. Как только между противниками появился зазор, маленький француз прыгнул и пнул священника в грудь. Иезуит сделал шаг назад, в сторону центра арены. Вер-у-Пезу превратился в круг ревущих голосов.

– Тейагори такому не учил, – парировал Квинн.

Они снова стояли лицом друг к другу, держа шпаги на изготовку. Действие и противодействие, выпад и отражение, круговое движение и финт. Колкие замечания и остроты превратились в мычание и вздохи. У епископа Вашку побелели костяшки, так сильно он вцепился в золоченый набалдашник своего посоха. Крики зрителей постепенно смолкли, настолько все были поглощены действием. Развернулась настоящая битва. Квинн кружил перед франтоватым пританцовывавшим французиком. Ярость поблескивала, как далекие летние молнии, распугивающие облака. Льюис то наступал, то отступал. Он смахивал пот с кончиков спутанных волос. Он устал, ужасно устал, и каждую секунду солнце иссушало его силы, но не он мог позволить, чтобы этот маленький человечек победил его на глазах рабов и их мелких хозяев. И снова отозвалась знакомая злость, старый друг, сила неведомо откуда, за гранью добра и зла. «Я приду. Я ведь никогда тебя не подводил». Все солнце над площадью стеклось воедино и горело в животе, сведенном судорогой тошноты. Квинн увидел себя словно со стороны, как он надвигается на этого пританцовывающего фехтовальщика, как одним ударом выбивает его смешную палку, опрокидывает наземь, протыкает концом деревянной шпаги грудную клетку насквозь, пронзая органы. Льюис резко распрямился, его глаза были широко открыты, ноздри раздувались. Разогнул левую руку, она повисла вдоль тела. Затем поднес шпагу к лицу, коснулся носа и отбросил ее на мостовую. Фалькон замялся. «Что там в этих глазах за зелеными очками?» – подумал Квинн. Француз кивнул, хмыкнул, отсалютовал шпагой и бросил ее рядом с оружием соперника.

Публика свистела и кричала с неодобрением. Сверху начали сыпаться фрукты, взрываться ароматами на раскаленной арене. Боковым зрением Квинн видел, как рабы Вашку поспешно унесли епископа на носилках. Кто-то из его приближенных остался и яростно спорил со слугами фидалгу в бледно-голубом одеянии. «Ты послал мне испытание, и я прошел его, – подумал Льюис Квинн. – Бразилия уважает только силу, но сила ничто, если лишена контроля».

Фалькон поклонился:

– Что ж, святой отец, жду с нетерпением нашего совместного вояжа. Нам многое нужно исследовать.

Град насмешек, летящий на дуэлянтов, постепенно стих, когда зрители начали расходиться. Порядок восстановился. Тропические плоды гнили на солнце, тошнотворно воняли, привлекая мух. Одна за другой дамы Пелоуриньо закрыли желозияс[119].

* * *

Дона Мариа да Маиа да Гарна снова перевела взгляд с лимона на апельсин.

– Расскажите мне еще раз, как часы могут поведать нам о том, вытянут наш мир или же он плоский. Уверена, со второго раза я точно пойму.

Доктор Фалькон вздохнул и снова установил маятник. Дона упорствовала из вежливости перед своим образованным гостем, остальные дамы уже давно оставили демонстрацию и вернулись к своим бессодержательным светским разговорам, которые никогда не надоедали, хотя женщины виделись ежедневно. Пять месяцев Фалькон прозябал, не желая того, вдали от общества, жил в гниющем доме у океанских доков, ежедневно подавая прошения бюрократам и чиновникам, чтобы ему дали разрешение на то и документы на это, но всякий раз его отправляли восвояси, требуя дополнительных бумаг, сведений и письменных показаний. А теперь пришествие этого иезуита устранило все препятствия, разрешения и поручительства доставили в тот же день со специальным посыльным, а двери в высший свет, доселе плотно закрытые на засов, распахнулись. Фалькон подозревал, что его познания в географии и геометрии интересуют людей куда меньше, чем тот факт, что он – француз, владеющий искусством борьбы. Дона Мариа и правда надеялась устроить после ужина небольшое состязание. Черный раб из района Баия, знавший боевой танец, был готов, и под такое событие на сахарном складе расчистили площадку. Пока что все навыки, какие продемонстрировал француз, сводились к паре лионских фокусов с ножами для рыбы, которым может научиться любой желающий на побережье Атлантики. Вместо этого она наблюдала, как маятник покачивался – тик-так-тик-так, – пока гость держал в правой руке лимон, а в левой апельсин.

– Ньютоновская сила притяжения – гравитационная сила, – действующая на маятник, прямо пропорциональна расстоянию от

центра тяжести, который притягивает его, – в данном случае центр Земли. Мой маятник – увы, ваш часовой механизм слишком груб, чтобы ощутить какие-то изменения, – будет вибрировать быстрее, если находится ближе к центру Земли, и медленнее на отдалении.

Чернокожий слуга по имени Жуан стоял бесстрастный, как смерть, у двери в столовую, сохраняя то же суровое выражение лица, как и тогда, когда доктор Фалькон метался, словно ящерица, осматривая все часы в доме хозяев, приподнимая странные зеленые очки, чтобы взглянуть на них поближе. Брови Жуана слегка приподнялись, когда француз открыл немецкие напольные часы, трофей хозяина, по которым сверяли все время в доме, и ловко отцепил маятник.

– Таким образом, мы имеем чувствительный механизм, который поможет установить, какую точную форму имеет наша планета, вытянута ли она, как лимон – то есть по полярной оси, – или же сплющена у полюсов, как этот апельсин.

На другом конце стола раздался смех. Это дона де Теффе оживилась от выпитого вина. Доктор Фалькон ответил кивком головы. Его губы едва коснулись бокала. Вино плохо влияло на организм по такой нездоровой жаре, кроме того в бокале плескалось никудышное португальское пойло. Но было очень приятно, необычно приятно отужинать в компании дам. Неслыханное дело во Франции, даже в Кайенне не позволяли себе таких вольностей. Но, как ему постоянно напоминали, Амазонка – это другой мир, и иногда по делам торговли сеньоры и португальские купцы уезжали из города на несколько месяцев.

– Да, да, простите, доктор. Наверное, я глупая. Все это прекрасно, математически и научно, я не сомневаюсь, но это не объясняет мне, что удерживает его в воздухе.

– Удерживает его? – Озадаченный Фалькон глянул поверх круглых зеленых стекол.

– Лимон. Или апельсин. Теперь я понимаю, почему он вращается вокруг солнца: эта ваша сила тяготения, она привязывает нас к светилу и ничем не отличается от болас[120], которыми пользуются вакейру[121] на нашей фазенде. Но я не могу понять, что держит планету в воздухе, почему мы не падаем без конца в вакууме.

Фалькон отложил фрукты. С его губ сорвался вздох раздражения:

– Ничто не держит, мадам. В этом нет необходимости. Гравитация притягивает нас к центру Земли так же, как Землю к Солнцу, но и оно, в свою очередь, притягивается к центру Земли. Все ко всему притягивается и пребывает в движении, все вместе.

– Должна признаться, старое объяснение казалось мне проще и убедительнее. – Дона ловко разрезала апельсин на четвертинки и почистила острым изогнутым ножичком. – Мой ум протестует против круглой Земли, когда все притягивается к темному инфернальному центру. Это не только противно природе, но и не по-христиански: если мы к чему-то должны притягиваться, то разве не к небесам, где наш дом и надежда?

Фалькон прикусил язык и не стал отвечать. Это не Парижская академия и даже не встреча Лунного общества[122] в каком-нибудь буржуазном салоне. Он удовлетворился зрелищем того, с каким чувственным мастерством хозяйка дома ест дольки очищенного апельсина, того, как они проскальзывают между ее раскрасневшихся губ. «И вы еще называете небеса своим домом и надеждой?» – подумал он. Дона да Маиа да Гарна с облегчением переключилась с лимонов и ада на беседу, ведущуюся за дальним концом стола. Ее служанка, высокая прету[123] с повязкой на глазу, некогда красивая, но теперь сильно располневшая, наклонилась со своего места за креслом доны, чтобы изучить маятник. Француз заметил, как она прижала большой палец к запястью, чтобы соотнести движения маятника с собственным пульсом. Даже во время необъявленного домашнего ареста Фалькон довольно близко сошелся с обществом Белена, чтобы понимать, что значат повязки на глазу. Ревнивые жены часто мстили любовницам-рабыням, ослепляя их ножницами.

– Простите, святой отец, я прослушала, что вы сказали, – проворковала дона Мариа, обращаясь к Квинну.

Даже в черной сутане священника Квинн был центральной фигурой за столом, притягивая к себе внимание и разговоры, словно от него самого исходила сила человеческого притяжения. Он выдержал взгляд хозяйки дома без следа ложной религиозной скромности, что так раздражало Фалькона. Сама дона даже не вздрогнула, глядя на него. «Как мужчина», – подумал француз.

– Я просто рассказывал об одной очень интересной лингвистической особенности моего родного языка – я про ирландский. В ирландском нет слов «да» и «нет». Если вам задают вопрос, то вы можете лишь подтвердить или опровергнуть спрашивающего. К примеру, на вопрос «Вы едете в Голуэй?» можно ответить: «Я на самом деле еду в Голуэй».

– Должно быть, из-за этого разговоры становятся утомительными, – заметила дона.

– Нисколько, – ответил Квинн. – Просто ирландцу очень сложно сказать вам «нет».

За столом зазвенел женский смех. Фалькон испытал укол зависти к небрежному флирту Квинна. Кому меньше всех нужно,

больше всех дается. Он всегда наслаждался женским обществом и считал себя мастером беседы с острым языком и не менее острым умом, но иезуит очаровал весь стол, он присоединялся к разговорам, слушал и заставлял каждую из дам почувствовать, что она единственная завладела его вниманием. «Искусство лингвиста или распутника?» – задумался Фалькон. А сейчас Квинн заворожил всех ритмичным монологом, читая длинное стихотворение на родном языке.

– Это любовное стихотворение? – спросила дона.

– А разве другие заслуживают декламации?

Раздались аплодисменты. Фалькон лениво вонзил в ненужный и забытый лимон маленький нож, после чего заметил:

– Мой дорогой отец Льюис, разве неспособность сказать «да» или «нет» не демонстрирует напрямую связь между языком и мышлением? Ведь слово – это сама мысль, и наоборот, если вы что-то не можете сказать, значит, не можете и подумать об этом.

Разговор стих. Гостьи озадаченно нахмурились. Отец Квинн постучал указательным пальцем по столу и наклонился вперед.

– Мой коллега-доктор сделал очень интересное замечание. Одна из привлекательных черт Амазонки – для лингвиста вроде меня, а не для общества в целом – это богатство языков. Насколько я понял, вдоль дальних притоков живут индейцы, у которых нет слова для синего цвета и никаких терминов родства, кроме «сына» и «дочери», нет категорий прошлого и будущего. Было бы интересно обсудить, как это влияет на их восприятие мира. Если они не могут сказать «синий», то могут ли увидеть синий?

– Да, и об их духовных способностях, – подхватил Фалькон. – Если у них нет категорий прошлого и будущего, какой смысл тогда имеет доктрина первородного греха? И как они могут воспринять идею о жизни после смерти? Нет рая, нет ада, только вечное настоящее? Но тогда нет и вечности, то есть чего-то за границей времени. Может, они уже живут в раю, в безгрешной невинности? Наверное, незнание и впрямь может быть благословением.

Некоторые дамы начали усиленно обмахиваться веерами, им стало неловко от провокационной и радикальной речи за столом. Никто из ныне живущих не мог припомнить визита Святой Палаты в Ресифи, но в памяти народа все еще саднила рана от аутодафе[124] на Праса, и сетования епископа Вашку против пороков Белена вызывали тревогу. Хозяйка чинно добавила:

– Я слышала, что откуда-то привезли таких отсталых песас[125], что они за раз могут выразить только одну идею. Такое впечатление, что каждое предложение для них – это отдельная

мысль. Мы можем понимать их язык, хоть и с некоторым трудом, но они никогда не смогут понять наш. Это то, о чем говорит доктор Фалькон: если ты не можешь что-то произнести, то не можешь и подумать об этом. Кто вообще придумал привезти сюда этих созданий? Они совершенно бесполезны для работы.

Доктор Фалькон собрался что-то ответить, но тут вошел управляющий Анункан, потрещал небольшой деревянной погремушкой, чтобы привлечь всеобщее внимание, и объявил, что сейчас подадут кофе под музыкальное сопровождение.

– Ох, я совсем забыла! – воскликнула дона, радостно хлопая в ладоши. – Святой отец, вам очень понравится. Это просто прелестное создание, воистину ангельский голос.

Служанки налили кофе из серебряных кофейников, вытирая капли с чашек мягкими хлопковыми тряпками. Анункан привел крошечного индейского ребенка, худенького, в грубой белой робе. Фалькон не смог понять, мальчик это или девочка. Дитя встало на колени и поцеловало каменную плиту.

– Купили за бесценок в портовой таверне. Бедное дитя было на грани смерти. Очевидно, жертва какого-то нелепого разграбления. Только иезуиты, прощу прощения, святой отец, учат так петь. Пой, дитя мое!

Ребенок стоял, вытянув руки вдоль тела, в его глазах читалось что-то отдаленно животное. Раздался голосок, такой слабенький, такой далекий, словно бы исходил он не из открытого рта, а из тайного места за пределами Земли и неба. Фалькон давно уже отдал рабам свой парик из-за ужасной жары и теперь ощущал, как буквально зашевелились короткостриженые волосы на загривке. Голосок достиг совершенства, ребенок исполнял «Аве», но какого-то неизвестного Фалькону композитора; ритм произведения был сбивчивым, тактовый размер – подвижным и непостоянным, а гармонии – тревожащими и диссонирующими. Тем не менее Фалькон почувствовал, как слезы потекли ручьем по лицу. Когда он посмотрел на ту сторону стола, то увидел, что Квинн так же тронут. А женщины Белена сидели как камни, неподвижные камни. Служанки, стоявшие за каждой из дам, отводили глаза от белой расы. Несмотря на заявление доны, это не был голос ангела. Он долетал из кого-то более глубокого и древнего места, это был зов далекого леса, реки, детский голос, который можно найти, если проплыть по этим водам на невольничьи рынки Белен-ду-Пара.

Пока ребенок пел, Жуан забрал маятник, лежавший перед доктором Фальконом, и, стуча каблуками по камню, пошел вернуть его в нутро хозяйских часов.

Богоматерь Мусора

25–28 мая 2008 года

Последний из Настоящих Кариока забросил леску с грузилом в розовую воду залива Гуанабара. Это был Час Йеманжи[126]. Солнце еще не выглянуло из-за холма на другой стороне, а такое розовое зарево встречалось только на туристических фотографиях, тех самых, на которых тощие мальчишки в шортах-бермудах кувыркались на пляже. Фонари еще горели вдоль парка Фламенгу и на изгибе Ботафогу, словно линия прибоя из бриллиантов вокруг подножия морру. Огни машин скользили по мосту Нитерой. Ночные рейсы, словно карнавальная процессия, приземлялись на посадочную полосу аэропорта Сантус-Дюмон, сами самолеты казались изысканными и длинноногими пауками-охотниками в мерцающем свете. От членов братства Рыбаков Зари виднелись лишь силуэты, элегантные, как журавли, они замахивались и забрасывали удочки, а тяготы возраста стирал рассвет. Их тихие голоса разносились по сладостно-опьяняющему воздуху, а грохот самолетов, когда те один за другим разгонялись перед взлетом, постепенно стихал. Марселина вдруг поняла, что сама говорит шепотом. Среди холмов выли полицейские сирены, а струйка дыма от горящих покрышек в воздухе лишь усиливала ощущение ритуальности. Марселина не была так близка к просветлению с тех пор, как снимала «В погоне за НЛО» в Валеду-Аманьесер[127]. Розовый превратился в лиловый, а потом и в темно-синий, когда взошло солнце.

– Я знаю сотню историй про Кубок мира, – сказал Раймунду Суарес, наблюдая, как грузило нырнуло в сверкающую воду.

Он утверждал, что является последним профессиональным кариока: немного журналист, немного писатель, написавший хорошую книгу о босанове и отличную книгу «Феноменальный Рональду», а еще посредственный гид, обучающий всех желающих как быть профессиональным кариока. Немного рыбалки с утра вместе с братьями, немного кафезинью, когда станет совсем жарко, несколько сот слов на ноуте, а остаток дня он проводил в кафе, наблюдая за какой-нибудь задницей, направляющейся на пляж или гуляющей по городу, запоминая ее, увековечивая в памяти. По вечерам приемы, вечеринки, открытия, многочисленные любовницы. Поздний сон и снова подъем на рыбалку. Он утверждал, что никогда не носил ничего, кроме серферских футболок и шорт-бермудов, уже двадцать лет, даже на похоронах собственной матери. Он был бездельником, маландру,

которому не нужно особо стараться, кариока в квадрате, его уже давно надо было сделать Национальным Достоянием.

– Это правда. Дэвид Бекхэм приезжает в Рио: он планирует сыграть на стадионе «Маракана» в честь Пеле. Он – гость Бразильской федерации футбола, поэтому с ним и жена, и дети. Его селят в «Копакабана Пэлэс»[128]. Все к его услугам: президентский люкс, частный лимузин и все такое. Но вот однажды вечером Бекхэм выходит погонять мяч на пляже, и тут на него нападают бандиты. С пушками. Раз, два, три, сажают в машину и увозят. Похищают. Прямо под носом у охранников. Бекхэм сидит на заднем сиденье у этих маландру с позолоченными пушками и думает: «Боже, мне крышка! Пош Спайс[129] – вдова, а Бруклин и Ромео вырастут без отца». Короче, они везут его в Росинью по Эстрада да Гавеа, а дальше сворачивают на дорогу поменьше, а потом еще раз, пока не подъезжают к такому крутому и узкому проулку, что дальше просто не проехать. Его выволакивают из машины и тащат вверх по лестнице под дулом «узи», парни готовы пристрелить любого, кто только посмеет высунуть нос из дома. Выше, выше и выше, на самый верх фавелы. В итоге его заводят в одну из этих крошечных бетонных комнаток под сенью деревьев, а там Бен-те-ви, наркобарон. Это было еще до того, как его пристрелили. Короче, стоит он там и смотрит на Бекхэма так и сяк, словно на машину, а потом делает знак одному из своих ребят, который держит большую сумку. Бекхэм думает: «Иисус и Мария, что у них там?» Бен-те-ви встает позади него, а из сумки достают Кубок, настоящий, из золота. Прикинь, прямо из сумки. Бен-те-ви берет его с одной стороны, а тот парень достает цифровую камеру и приказывает: «Улыбайтесь, мистер Бекхэм!» Щелк! Вспышка! Затем Бен-те-ви поворачивается к Бексу[130], пожимает ему руку со словами: «Спасибо вам, мистер Бекхэм, это настоящая честь… Ой, кстати… Если кто-нибудь когда-нибудь об этом узнает…»

Раймунду Суарес хлопает себя по бедру и вертится на маленьком раскладном стуле. Это приземистый человек с крупными чертами, у него мускулистые руки, а волосы, подозревает Марселина, черные скорее от краски, чем от природы. Рыбаки Заката улыбнулись и закивали. Они слышали его историю уже сотню раз, для них это как скучная ектенья.

– Это прекрасно!

– Эйтор Серра сказал, что вы, возможно, поможете мне с одной программой.

Марселина сидела на еще холодном песке, подтянув колени к груди. Раймунду Суарес прав: это лучшее время на пляже. Она представляет, как составляет компанию старым бесстыжим дедам

с отвисшей грудью, одетым в плавки и в гавайские рубахи, из-под которых выбиваются седые волосы, и женщинам с мелированными волосами и кожей цвета каштана, уже немолодым, но все еще при полном макияже – все они приходили к утреннему морю и плавали. Нет лучшего и более правильного начала дня.

Хорошая идея, но ее мир и так лоскутное одеяло из хороших идей, у большинства из которых нет ног. Кофе и сигареты в садике на крыше, наблюдая, как другие выходят из моря, оставляя узоры капель на дорожках пляжа Копакабана. Профессиональные телевизионщики склонны слишком сживаться с темой. Когда она снимала программу про НЛО, то хотела сбежать и жить в юрте, продавая амулеты «патуа» страждущим.

– И как он? Все еще убежден, что жизнь жестока, глупа и бессмысленна?

Марселина вспомнила, как ушла от Эйтора, обогнула на цыпочках его храп, больше похожий на предсмертные хрипы, и оделась, не включая свет, лишь отблески, отражающиеся от воды в лагуне проникали через балкон в квартиру на Руа Табатингуэра. Эйтору нравилось, когда Марселина расхаживала перед этим окном обнаженной, в чулках, сапогах и ажурном боди, которое он купил, а ей не хотелось признаваться, что боди ужасно врезается в задницу. Марселине нравился этот анонимный эксгибиционизм. Ближайшие соседи жили в километре на той стороне пруда. На большинстве балконов вдоль лагуны Родригу-ди-Фрейташ стояли телескопы на треногах. Пусть потешатся. Она никогда с ними не встретится. А Эйтора возбуждало именно то, что на них смотрели, и наблюдатели никогда не узнают, что квартира, в которой миниатюрная женщина гарцует в костюме путаны, принадлежит человеку, ежедневно рассказывавшему им о бунтах, ограблениях, цунами и террористах-смертниках.

Он тяжело, с рычанием, перекатился на другой бок и проснулся. Эйтор дошел-таки до кафе «Барбоза». Потом было пиво для Селсу и других членов ее команды, Агнетты и Сибеле, водка с гуараной для Марселины, водка с мартини для Эйтора. Они не танцевали, и она не затрахала его до полусмерти.

– Куда ты намылилась в такую рань?

– На пляж. – Гуарана поблескивала за водочным мраком, словно молния. – Ты ж сам сказал, что лучше пораньше. Позвони мне потом.

Как солдаты или летные экипажи, журналисты умеют хвататься за любую возможность поспать. К тому моменту, как Марселина подошла к входной двери, Эйтор уже издавал этот странный задыхающийся стон, который в любой момент мог

перерасти в слова или плач. В прихожей Эйтор держал свою библиотеку. Из-за книжных полок пространство уменьшилось бы настолько, что крупному мужчине в блестящем костюме стало бы тесно, так что книги – среди них попадались такие названия, как «Ключи от вселенной», «Длинный хвост[131] и новая экономика», «Ежегодник клуба „Флуминенсе“ 2002», «Отрицание смерти» – возвышались в стопках до потолка, и некоторые подрагивали, когда Марселина кралась на цыпочках мимо. Один раз хлопнуть дверью посильнее, например после неудачного рабочего дня, – и книги обрушатся и задавят Эйтора своей концентрированной эрудицией.

– Да, и закончится слишком рано, – продолжила Марселина. – Эйтор сказал, что вы можете помочь мне отыскать Моасира Барбозу.

Рыбаки замолкли за своими удочками.

– Может, расскажете тогда, зачем? – спросил Суарес.

– Мы думаем, сейчас самое время простить его за Роковой финал, – солгала Марселина.

– Даже сейчас с тобой многие бы не согласились, но мне кажется, прощение опоздало на годы. Хотя программа про Мараканасо[132] и сейчас вызовет немалый интерес. Разумеется, я тогда был слишком мал, но есть те, кто до сих пор помнит тот июльский вечер, и еще больше тех, кто продолжает верить в легенду. Есть один журналист в Арпоадоре, Жуан Луис, моего возраста, он нашел оригинальную запись того матча и сделал монтаж, будто бы мяч попадает в штангу, а потом из другого репортажа вставил эпизод, как Бигоде якобы выбивает мяч из штрафной зоны. Один парень помоложе вас снял короткометражку пару лет назад о футбольном обозревателе – думаю, он имел в виду меня, – который отправился назад во времени, чтобы попробовать изменить исход Рокового финала, но, когда ему это удается, мяч все равно пролетает мимо Барбозы в сетку. Я даже слышал, как он рассказывал на «Дискавери» про квантовую теорию и параллельные вселенные. Говорил, что существуют сотни, тысячи вселенных, в которых Бразилия выигрывает Роковой финал. Я его толком не понял, но мне аллегория показалась симпатичной. Вот очень интересная история про Барбозу. Случилось это через несколько лет после финала, пока он еще не исчез из поля зрения. Он пригласил нескольких друзей по команде – всех чернокожих игроков, ну, вы понимаете, о чем я, – на барбекю. Было много пива, разговоров о футболе, и тут кто-то заметил, что дерево в мангале то и дело вспыхивает, трещит, и от него исходит специфический такой, химический запах. Он присмотрелся и увидел еще не догоревший

кусок, выкрашенный белой краской. Барбоза изрубил на щепки ворота с Мараканасо и пустил на дрова.

– Правда? – Марселина сбросила туфли и зарылась ступнями в прохладный песок, ощущая шелковые песчинки между пальцами.

– Разве это имеет значение?

– А вы знаете, где он?

– Барбоза? Нет. Он с концами исчез где-то лет десять или пятнадцать назад. Возможно, даже умер. Некоторые утверждают, что видели его в торговых центрах, прям как Элвиса. Барбоза сейчас старик. Он старик вот уже пятьдесят лет. Если бы я думал, что вы хотите обречь беднягу на публичный позор, то не подал бы вам руки. Он и так достаточно натерпелся. Но это.

– Нет, ничего подобного мы с ним не собирались делать, – Марселина соврала во второй раз.

– Даже Зизинью уже умер… Остался только один, кто может знать, – Фейжан-Боб.

– Он игрок или?..

– А вы и впрямь ничего не знаете, да? Он был физиотерапевтом, вернее, помощником физиотерапевта на испытательном сроке, а его отец работал в Спортивной конфедерации Бразилии и еще до того, как ее переименовали в Бразильскую конфедерацию футбола, нашел сыну работу в команде. Вообще-то он там ничего особо не делал, только губки в ведре мочил, но стал своего рода счастливым талисманом команды, игроки трепали его волосы перед выходом на поле. Паренек преуспел. Закончил карьеру командным врачом в клубе «Флуминенсе», а потом открыл свой небольшой спортивный клуб, который продал около пяти лет назад и ушел на пенсию. Мы встречались, когда я работал над книгой о Рональду и обществе спортивных журналистов. Вы, кстати, в курсе, что все закончилось судом? Меня обвинили в клевете по поводу длины члена Рональду.

Это правда, зашептали собратья по удочке.

– Разумеется, судья решил все в мою пользу. Если кто и знает про Барбозу, так это Фейжан. Он теперь живет в Нитерой. Вот его номер. – Раймунду вытащил маленький блокнот с резинкой из бокового кармана бермуд и нацарапал огрызком карандаша номер. – Скажете, что я вас направил, тогда он поговорит.

– Спасибо, мистер Суарес.

– Эй, вам понадобится кто-то, чтобы представить факты, а кто сделает это лучше, чем один из самых одаренных писателей и последний профессиональный кариока?

Да, он такой, хором вторили короли рыбалки. Он – маландру.

– Я замолвлю словечко. – Третья ложь Марселины.

Петух не кукарекнул, но поплавок Раймунду внезапно нырнул.

– Глянь-ка! – Он сдвинул кепку на затылок и склонился над удочкой. Когда Марселина оглянулась из тенистой зелени парка Фламенгу то увидела, как братья-рыбаки снимают улов с крючка и возвращают в море. Рыба в заливе была заражена, но Марселине нравилась мысль, что старик предлагает ее в жертву, чествуя Йеманжи.

* * *

С того места, где таксист высадил ее, Марселина слышала звуки электрооргана. «Акварела ду Бразил» в ритмах самбы, достаточно тяжелая на нижнем мануале, летела над балконами среди спутниковых тарелок и цистерн с водой. Любимая музыка ее матери. Марселина поймала себя на том, что ускорила шаги в такт, а потом кивнула Малвине за стойкой консьержки. Музыка кружила вниз по лестнице. Малвина улыбалась. Когда дона Мариза играла на органе, улыбался весь дом. Даже музыка в лифте не могла ее заглушить, аккорды громыхали вокруг барабанов лебедки и контргрузов.

Любой ребенок считает свое детство нормальным. Но не у каждого мать – Мариза Пинзон, королева органа в Бейжа-Флор. Дни славы королевы Маризы, когда она правила по ту сторону полуночи и, как Венера, появлялась из раковины, украшенной в стиле ар деко, в клубе «Вурлицер», уже были сочтены, когда родилась Марселина. Двух ее старших сестер объединяли куда более болезненные и горькие воспоминания о том, как их нянчили бабушки и родственницы, а еще продавщицы папирос и уборщики-геи, пока их матушка, закутанная в атлас, украшенный искусственными бриллиантами, с блестящей тиарой на лбу, отбивая ритм позолоченной туфелькой, играла румбы, пагоде и форо[133] для редких посетителей за серебряными столиками. Сохранились фотографии матери, на которых она позировала с Томом Жобином[134], флиртовала с Шику Буарки[135] и состязалась с Либераче. У Марселины же остались лишь смутные воспоминания о том, как она смотрела на блестящий шар, крутившийся под потолком, и у нее кружилась голова от бесконечного карнавала огоньков. Она не помнила отца. Марселина была совсем крошкой, когда Мартин Хоффман надел костюм, взял свой кожаный портфель, поехал по делам в Петрополис и больше не вернулся. В течение многих лет она

верила, что ее отец Либераче.

Марселина вздрогнула от удовольствия, когда двери лифта распахнулись навстречу размашистому глиссандо. Мать играла все реже и реже, с тех пор как ей диагностировали артрит, превративший ее костяшки в бразильские орехи. Марселина потопталась перед дверным звонком, наслаждаясь музыкой. Альтернативная семья подняла бы ее на смех, но совсем другое, когда дело касается собственной матери. Она нажала звонок. Музыка резко прекратилась.

– Ты не звонишь, ты не заезжаешь…

– Вот же я. И я отправила тебе смс.

– Только потому, что я тебе первая отправила.

Они обнялись и поцеловались.

– Ты опять какая-то напряженная, – сказала мать, держа дочь на расстоянии вытянутой руки, чтобы изучить ее лицо. – Снова делала ботокс? Дай мне номер врача.

– Тебе нужна цепочка на дверь. Сюда может войти кто угодно, тебя просто сметут в сторону.

– Ты читаешь мне лекции о безопасности, а сама живешь в грязном и тошнотворном районе Копа? Слушай, я нашла тебе миленькую квартирку с двумя спальнями всего в паре кварталов от меня. Попросила агента распечатать подробную информацию. Не забудь взять перед уходом.

Орган стоял перед открытым двустворчатым окном, комната была залита сияющим светом. На маленьком балконе расположился столик. Марселина уселась на пластиковый стул. Самое безопасное – смотреть на горизонт. Золотистые серферы резвились на волне. Марселина не могла смотреть на них без болезненного ощущения чужой жизни, которую она могла бы прожить. Дона Мариза принесла тарелку со сластями: лимонный пирог, арахисовые квадратики из Минас-Жерайса, от которых болели зубы, крошечные медовые вафли. Кофе в кофейнике и послеобеденная водка для хозяйки. Третья, поняла Марселина, глядя на пустые стопки на органе и на ручке дивана.

– Что ты хотела мне сказать?

– Нет уж, сначала твои новости. Я живу пятнадцатью этажами выше ссор и радостей. – Она предложила дочери арахисовое печенье, но Марселина предпочла медовую вафлю. Для ее строго вымеренного по калориям рациона – это самое меньшее зло.

– У меня новое шоу.

Мать прижала руки к груди. В отличие от других матерей, о которых Марселина слышала на Четвертом канале, Мариза Пинзон отлично понимала, чем ее дочь зарабатывает на жизнь. Марселина – настоящая наследница, Глориа и Ирасема

расстроили ее удачным замужеством и дорогими тряпками. Их подростковый бунт заключался в обыденности. С Марселиной же все было по-другому: в случайно оброненных фразах о знакомствах с видными людьми, профессиональных контактах со звездами и эпизодическим романом с умным парнем, который каждый вечер с бледно-голубого экрана вещал всей стране об ужасных вещах, чувствовался аромат той эпохи, когда Королева Клавиш правила из Копа Пэлэс. Для мужчин и детей найдется время, когда дочь станет старше, а сейчас звезды висят достаточно низко, ты в состоянии до них дотянуться, и волшебство все еще работает.

Марселина не хотела прерывать полет матери над тысячей огней Ипанемы, несмотря на горькие сомнения: что, если сестры сделали правильный выбор, а она продала яйцеклетки в обмен на нервозность и двухсекундную похвалу продюсера? Марселина объяснила, о чем передача. Мать потягивала первосортную водку и хмурилась:

– Барбоза плохой черный парень.

– Только не говори мне, что ты помнишь про Роковой финал?!

– Любой кариока помнит, что произошло. Я в то время крутила идиотский и легкомысленный роман с адвокатом Дина Мартина[136]. Дино тогда дал пять концертов в Копа Пэлэс. Он заслуживает того, что ты с ним сделаешь, он выставил нас посмешищем.

– Что? Ты о ком?

– Барбоза. Злодей.

Для Марселины дона Мариза всегда была безошибочной фокус-группой. Мать залпом осушила рюмку:

– Дорогая, не нальешь мне еще?

Марселина разрезала лимон на четвертинки и положила лед в бокал. Мать сообщила:

– Я собираюсь приготовить фейожаду[137].

– По какому поводу?

Дона Мариза принадлежала к тому типу кухарок, которые блестяще готовят всего одно блюдо, чтобы затмить все остальные кулинарные промахи. Су-шеф в кафе «Питу» дал ей рецепт фейожаду десять лет назад, когда она только-только переехала в Леблон, и мать готовила это изумительное блюдо каждую субботу накануне какого-нибудь семейного торжества.

– Ирасема снова беременна.

Марселина почувствовала, как ее пальцы сжались на мраморном пестике, которым она аккуратно долбила лед.

– Двойня.

Треск и звон стекла. Дно бокала лежало на полу вместе со льдом, лаймом и водкой, выбитое слишком сильным ударом.

– Прости. Рука соскользнула.

– Ничего, ничего. Я и так слишком много пью. Такие вот домашние посиделки с рюмкой разрушили жизнь многих уважаемых женщин. Но двойня! Как тебе это нравится?! У нас раньше в семье никогда такого не было. А тут сначала Патрисиа, теперь эта парочка во Флорианополисе рожают одну двойню за другой, словно семена из стручка.

– Сыграй мне что-нибудь. Ты теперь совсем не играешь.

– Ох, меня никто не хочет слушать. Я играю только старье.

– Нет, для меня это не так. Давай. Я с удовольствием тебя слушала, пока шла сюда. Слышно было аж с парковки.

– Боже, что подумают соседи.

«Ты отлично знаешь сама, Королева пятнадцатого этажа, – подумала Марселина. – Как и я, они видели, как ты играла на балконе в тиаре и жемчужных сережках, и улыбались».

– Ох, ты меня сама уговорила.

Дона Мариза выпрямилась на скамейке, несколько раз нажала на педали, как спортсмен, разогревающийся перед бегом с препятствиями. Марселина наблюдала, как пальцы матери порхают, словно колибри, над рычажками смены регистров. Затем она погладила красную кнопку включения кончиком ногтя, и «Дезафинаду»[138] разлетелась в стороны, словно ангелы покоряли небесные пространства между многоэтажками Леблона.

Либераче подмигнул ей с верхней крышки.

Фейжан-Боб засунул пачку американских сигарет за пояс плавок. Плавки, шлепки и его собственная кожа, загоревшая до оттенка мягкой замши. Он суетился, неугомонный и нервный, словно оса, на своей роскошной веранде, то у деревянной скамейки, то около выложенной изразцом посадочной грядки, то рядом со складным столиком. Худой, как хлыст, он явно прекрасно владел своим телом, но Марселина, тем не менее, поблагодарила Бога, что у него нет растительности на теле. От мысли о седых жестких кустиках на груди мужчин за шестьдесят она вздрагивала от ужаса.

– Раймунду Суарес. И как поживает старый пройдоха?

– Много рыбачит.

Фейжан плеснул травяного чая из японского чайника. Напиток пах сырым лесом.

– Это правильный ответ. Знаете, он же мне позвонил. Сказал, что вы вообще не разбираетесь в футболе, но нормальная. Журналисты часто приходят ко мне разнюхивать про Барбозу, так

что, увы и ах, вы далеко не первая. Я говорю им, что Барбозы нет, он умер. Я ничего не слышал о нем десять лет. И это почти правда. Но вы все сделали правильно.

Богоматерь Дорогостоящих Проектов, которую Марселина представляла помесью Девы Марии с многорукой индийской богиней – в руках камеры, микрофоны, бюджеты, расписания, – улыбнулась в своем ореоле таймкода. Фейжан постучал по пачке, вытаскивая сигарету. Жест получился странно сексуальным.

– Все они закончили свой путь здесь, чернокожие парни из 1950-го. Вам пытаются внушить, что в Бразилии нет расизма. Это дерьмо собачье. После того матча обвинения сильнее всего ударили по черным игрокам, как обычно и бывает. Жувенал, Бигоде. Даже сам местре Зиза[139] – Господь, будь к нему милостив. Но больше других пострадал Барбоза. Нитерой – это тебе не Рио. Залив может быть настолько широк, как ты сам того захочешь.

Квартира на уровне бельэтажа выходила на такую красоту, которую можно позволить, только продав успешный бизнес. Внутренний дворик, обнесенный стенами, был длинным и узким, влажным и пышным, с цветущими кустами и лианами, ползущими по стенам. Палисандры и гибискусы опоясывали Рио на той стороне залива. Марселина летала в другие уголки планеты в поисках ярких и дрянных сюжетов, но никогда не переезжала через мост на сваях, ведущий в Нитерой. Изумительный город[140] отсюда казался меньше, злее и не столь уверенным и неизменным, как обычно. Нитерой – зеркало самодовольного нарциссизма.

Фейжан отхлебнул чай.

– Полезно для иммунитета. Раймунду Суарес расскажет вам сотню потрясающих историй, но он – ужасный балабол. И лишь одна из его баек правдива. Однажды пятнадцать лет назад Барбоза зашел в магазин купить кофе, а женщина, стоявшая за кассой, повернулась и закричала остальным покупателям: «Смотрите! Это человек, который заставил рыдать всю Бразилию!» Я знаю, поскольку лично был там. После того как отошел от дел, Барбоза заглядывал в мой спортзал, хотел оставаться в форме, ну и вообще знал меня в старые добрые времена. Потихоньку он прекратил общаться со всеми из 1950 года, но не со мной. А потом обрел религию.

– Что-то типа Ассамблеи Бога? – У спортсменов стало модно ударяться в христианство, благодарить Иисуса за голы, медали и рекорды, которые раньше приписывали святым и Деве Марии.

– Вы не слушаете, – Фейжан затоптал бычок и сразу же зажег новую сигарету. – Я сказал религию, а не Бога.

В ответ на сигарету Марселина достала наладонник:

– Террейру[141] умбанды?

Чернокожие ищут чисто-белого Иисуса, белые ищут афробразильских ориша[142]. Таков уж Рио.

– Могли бы послушать, вместо того чтобы набрасываться с вопросами. Барькинья Санту-Дайме[143].

У Марселины перехватило дыхание. Проклятый вратарь обратился в Зеленого Святого. Рейтинги будут заоблачными.

– Значит, Барбоза все еще жив.

– Разве я так сказал? Вы снова забегаете вперед. Он вышел из своей квартиры три года назад, и с тех пор никто не видел его, даже я.

– Но в церкви Дайме должны знать… я их найду. – Марселина открыла Гугл.

Фейжан потянулся через стол и закрыл рукой экран.

– Нет, нет, нет. Не спешите. Барбоза попал в ад раньше, чем вы родились. Он мало кому доверяет, а вы сидите в моем садике исключительно потому, что вам доверяет Раймунду Суарес. Я сам поговорю с Баркинья, знаю тамошнего бенса[144]. А потом позвоню вам. Но предупреждаю, если попытаетесь обойти меня, я об этом сразу узнаю.

Тощий, иссушенный солнцем, он одним залпом выпил травяной чай и яростно затушил окурок в фарфоровой чашке.

В такси, которое ехало по длинному, тонкому, как тетива, мосту Нитерой, Марселина, просматривая картинки в Гугле, поняла, что узнает священную лозу. Психотрия виридис: блестящие овальные листья и гроздья красных ягод обрамляли вид из дома Фейжана на Изумительный город.

* * *

Алейжадан ехал на складном велосипеде с огромными колесами по центру Стеклянного Зверинца, уворачиваясь от коробок с записями и стопок журналов о звездах. Он дважды сделал круг вокруг Марселины.

– Это что за ерунда? – спросила она.

– Тебе нравится? Будущее транспорта!

– На холмах Рио? Ты на такой штуке по тоннелю в час пик проехаться не хочешь?

– Нет, но это типа круто. Складывается до размеров ноутбука. – Алейжадан попытался развернуться и чуть не врезался в принтер. Он был офисным планктоном в длинном помещении с открытой планировкой, который именовали

Стеклянным Зверинцем. – Управлять сложновато. Это новейшее изобретение того англичанина, который комп придумал.

Ключевое слово – «новейшее».

– Алан Тьюринг? Он же, – Нет, другого. Он еще сконструировал те штуковины на колесах, в которые садишься и крутишь педали, – далеки, что ли? Как же его зовут? Хокинг не Хокинг?

Когда-то давно игривость Четвертого канала, его вечное желание оседлать волну современности, волновали и увлекали Марселину, но потом наступила новая эпоха, и неумолимая жажда новизны начала удручать ее, превратившись в поток убогих банальностей; всезнайство и ирония обернулись мрачностью и унынием.

Альтернативная семья Марселины выглянула из стеклянных отсеков при появлении босса. Хоффман многое могла понять по тому, что у каждого на обед, – они ели прямо на рабочем месте, разумеется. Селсу подцеплял суши с изысканностью и проворностью, такой профессионализм – результат ежедневных одиноких тренировок. Агнетта мрачно жевала диетический батончик вместо ланча, как обычно на низком старте в ожидании, когда ей в офис доставят новые туфли, чтобы вечером уже в них пойти домой. Сибеле, единственная, кого Марселина не только опасалась, но и уважала, принесла с собой бауру, домашний сэндвич. Она притаскивала их каждый день. Говорила, домашняя готовка – это новый писк сезона, вместо суши. Сибеле понимала, как работают такие трюки, как добавить собственную завитушку к гребню волны, а потом наблюдать, как хаотичная математика штормов и экспоненциальные законы усиливают ее, превращая в новую моду. Уже половина съемочной группы Лизандры сама готовила себе обеды. «Умница, но я тебя знаю».

– Господи, мы что теперь, тоже должны переодеваться в обед? – запаниковала Агнетта.

– Ты о чем?

– Ты только что была в костюме, а теперь в капри!

Марселина покачала головой. Она обычно не понимала процентов восемьдесят из того, что говорила Агнетта.

– Мне звонили?

– Ты об этом спрашивала пять минут назад, – буркнул Селсу, размешивая васаби.

Хоффман недоуменно пожала плечами.

– Сегодня что, Национальный День Безумной Марселины Хоффман?

Она увидела, как Адриану отрывается от творческого

совещания с Лизандрой и Черной Птичкой и манит ее, подняв палец, а заодно и брови:

– Забавный мейл. Когда-нибудь кто-нибудь и правда снимет программу типа этой, рейтинги взлетят до небес, но не думаю, что это будет Четвертый канал. Более того, если бы я считал, что ты на полном серьезе предлагаешь снять цикл программ, где простые граждане будут выслеживать и убивать фавеладу, как в «Бегущем человеке», я бы РДЖ.

Разволновался До Жути.

– А, да… – промямлила Марселина.

– В будущем неплохо было бы черпать свои идеи из более традиционных источников.

Марселина вернулась в свою обитель любви, сверкая, словно ракета после неудачного старта. В ту же секунду все отставили ланчи.

– Я не знаю, кто придумал такую шутку, но чтобы больше ничто не покидало наш производственный отдел, пока я не дам разрешения. Никогда!

– Мы всегда только так и делаем, босс!

Она включила свой ноутбук.

– Да, но кто-то отправил идиотский мейл Адриану, и это была не я.

– Вообще-то ты, – чуть слышно сказала Агнетта. – Ты это сделала. Я видела.

Болтовня, звонки и гул Стеклянного Зверинца внезапно зазвучали как-то иначе, Марселине показалось, что она падает сквозь столы, рабочие станции и кипы бумаг, чтобы разбиться в конце концов о большое окно, которое стало полом.

– Представь себе, что я очень и очень тупа и не имею ни малейшего понятия, о чем ты сейчас говоришь.

– Около пяти или шести минут назад ты вошла в офис, поздоровалась, включила ноут и настрочила мейл, – сказал Селсу.

Сибеле откинулась на стуле, скрестив руки.

– Но у меня ноутбук включается только по отпечатку пальца. – Обычная мера предосторожности в мире, где идеи – это валюта.

– Ну он и сейчас включен, – сообщил Селсу.

Марселина подошла к экрану. На панели задач мигала иконка «вход выполнен». Она открыла корпоративный почтовый клиент.

Кому: Adriano@canalquatro.br От: capoeiraqueen@canalquatro.br Тема: Вынести Мусор…

Стеклянный куб завертелся вокруг нее. Марселина стала блестящим стеклышком в калейдоскопе летящего безумия.

Она выпила тот чай.

Зеленый Святой – святой видений и иллюзий.

У Фейжана в саду растет священная лоза.

Санту-Дайме – церковь галлюцинаций.

Она выпила тот чай. Другого рационального объяснения нет.

Марселина закрыла программу и приложила большой палец, чтобы подтвердить выход.

12 октября 2032 года

Поездка на рынок. Поездка в биодизельный смог под незаконченным перекрестком на Тодуз-ус-Сантус – к недостающей пряжке на поясе шоссе вокруг города Святого Павла. Поездка к принтеру за новыми туфлями.

Такси высаживает Эдсона и Фиу рядом с Богоматерью Мусора. Дело не в том, что водители не поедут дальше – а они не поедут, сколько бы чаевых вы ни предложили, – просто не могут. Тодуз-ус-Сантус, как ад, состоит из концентрических колец. Но, в отличие от преисподней, здесь двигаться надо наверх: вершина огромной горы мусора в самом его сердце видна над крышами сляпанных на скорую руку магазинов и фабрик, над вышками, башнями и линиями электропередач. Внешняя зона – это карусель транспорта, где автобусы, такси, мототакси и частные автомобили забирают и высаживают своих пассажиров. Грузовики пропахивают этот водоворот, громко сигналя цифровыми сиренами. Священники проводят мессу под пологом леса из огромных зонтиков на автобусной станции Тодуз-ус-Сантус – около рядов из аккуратно растянутого брезента, где высятся пирамиды зеленых апельсинов и еще более зеленых лаймов, скирды латука и пекинской капусты, красные томаты и зеленые перцы, частоколы сахарного тростника, что скоро отправятся в ручные мельницы, и перегонные кубы, источающие сладкий аромат кашасы[145]. Первый круг Тодуз-ус-Сантус – овощной рынок. Ежедневно, каждый час телеги, прицепленные к мотоциклам, велосипеды с повозками, пикапы и авторефрижераторы подвозят сюда товар с городских садов и огородов. Здесь покупатели всегда толкутся вокруг фермеров, когда те разгружают коробки и мешки на расстеленный брезент, пластиковые прилавки или же в арендованные магазинчики, где есть полки и шкафы-холодильники. Когда наступает вечер, купля-продажа не ослабевает, продолжается при свете миллионов неоновых экономичных ламп, а для тех, кто не в состоянии

приобрести биодизельные генераторы, – при свете фонарей. Те же, чью прибыль съедят даже такие растраты, просто воруют электричество.

– Моя мама этим занимается, – говорит Фиа. – У нее маленькая городская ферма, пара огородов плюс полдюжины крыш в аренду. Но она не приезжает сюда, специализируется на дизайне декоративной капусты для японских ресторанов. Мама скучная. Это красиво.

Фиа скрытная, ей нужно время. Эдсон ее пока даже не поцеловал, не говоря уж о сексе. Поедая кибе в маленьком арабском ланшунете, как и обещал (и они не разочаровались, так что «Желтый пес» скоро пополнит портфолио «Де Фрейтас Глобал Талант»), Эдсон рассказывал девушке сюжет волнующей семейной телесаги: «Сыновья доны Ортенсе». Эмер, каменщик, купил долю в спортивном зале на деньги, которые принес с башенных кранов Сан-Паулу. Андер погиб восемь лет назад – убит в фавеле. Денил строит изящные самолеты для могущественной компании «Эмбраер». Мил воюет на жестокой чужбине, и его дона Ортенсе поминает каждый вечер в своей Книге Плача, чтобы высокоточный выстрел не нашел его синий берет. Гер – честолюбивый маландру, который не работал бы ни дня в своей жизни, если бы мог. И Эд, бизнесмен, талантливый менеджер, человек с множеством лиц, который в один прекрасный день приобретет ланшунете, построит целую империю, а сам удалится на покой в домик у океана, чтобы наблюдать, как солнце выныривает из моря. Братья Оливейра: по праздникам дом так наполнялся тестостероном, что дона Ортенсе отправляла сыновей на улицу поиграть в футбол, чтобы хоть как-то снять их мужскую агрессию.

Фиа аплодировала, но о своей семье рассказывать не стала. Эдсон полагает, что только так и можно ответить, если ты – одна из тайных квантумейрос.

Они уже десять раз сходили куда-то, и сегодня она берет его к Богоматери Мусора, чтобы купить пару туфель и рассказать, наконец, о своей семье.

– У моего папы магазин программного оборудования для бухучета, но он больше всего на свете обожает писать статейки для нью-эйджевского сайта. Ему пришла в голову идея смешать буддизм махаяны с умбандой. Неужто в Бразилии и без него мало религий? Мой младший брат Йоси в академическом отпуске, ездит по миру, занимается серфингом. Все девушки от него без ума. Я росла в небольшом домике с черными балконами и с красной крышей в Либердаде, как и шесть поколений моей семьи до этого. У нас был бассейн, а у меня – розовый велосипед с

полосатыми ленточками на ручках. Видишь? Я же говорила, это скучно.

– А они в курсе, чем ты занимаешься? – спрашивает Эдсон, пока Фиа ведет его за руку по временным улицам между грузовиков и автобусов.

– Я говорю, что на фрилансе. Это не ложь. Мне не нравится лгать родным.

Эдсон понимает, что свидание – это проверка. Богоматерь Мусора царствует над пейзажем суеверий и городских легенд. Слухи о ночных видениях, странные соприкосновения этого города с каким-то другим, иллюзорные пейзажи, ангелы, небесные пришельцы, НЛО, духи, ориша. По слухам, некоторые люди тут обретали странный дар: способность предвидеть будущее, талант распознавать правду, возможность влиять на погоду. Кто-то исчезал с концами, уходил и не возвращался домой, хотя родные мельком видели пропавших среди мусорных башен, близко и в то же время далеко, словно те попали в зеркальный лабиринт, откуда нет выхода. Говорили, что Богоматерь Мусора меняет тебя. Ты видишь дальше, видишь вещи такими, какие они есть на самом деле.

Эдсон не простит себе, если даст Тодуз-ус-Сантус напугать себя. Но определенно это место, где нужно двигаться с уверенностью и изяществом, поэтому он оделся в духе жейту: в белый костюм и рубашку с оборками на груди. Костюм Фии для шопинга состоит из облегающих сапожек, золотистых шортиков с кармашками на пуговицах, искрящегося пальто с фалдами ниже колен и сумочки от Хаббаджабба.

– Эй!

Эдсон едва не ломает ей руку, рывком заставляя девушку остановиться. Она поворачивается, широко открыв мультяшные глаза, и уже готова обрушить на Эдсона весь свой гнев, когда видит, как мусоровоз качается и останавливается, сигналя всеми пятнадцатью клаксонами. Водитель крестится. За ним копятся другие грузовики, мусорная пробка. Есть только одна прямая дорогая в сердце Тодуз-ус-Сантус, и она принадлежит муниципальным мусоровозам, которые работают в пыли и биодизельной вони. Многочисленные колеса оставляют глубокие борозды в красной глине, под дождем она превращается в грязь, и грузовики плывут по ней, как динозавры, погрузившись по ось. Они движутся к единственному законченному въезду на недостроенную развязку, а оттуда поднимаются еще выше, как детские модельки машин, по извилистым дорогам, пока не добираются до края, разворачиваются, сверкая огнями и сигналя, и опорожняют там свое нутро в растущую гору Тодуз-ус-Сантус.

– Я спас тебе жизнь, – сообщает Эдсон.

Фиа не отводит взгляд три секунды. Это сигнал к поцелую. Но Эдсон мешкает. Момент потерян. Она отпускает его руку и идет на второй круг. Это район магазинов, подделок, нелегальных фарм. У вашего ребенка туберкулез, грипп, малярия? ВИЧ? Вот вам пилюлька по ценам ниже, чем у корпораций. Вы не можете выкорчевать себя из кровати по утрам, ваш муж сидит и день-деньской смотрит телесериалы, дети не ходят в школу? У нас есть кое-что и от этого. У вас давно не было эрекции? Господи, какая жалость. Вот, держите. Будете ведрами кончать! Вам нравится этот трек, этот фильм, эта серия «Мира где-то там», но вам не по карману прокат, и вы не желаете расставаться с ними по истечении месяца? Мы стырим, вы сохраните. Развлечения для жизни, а не на прокат. Хотите смотреть футбольный вебканал, но вам это не по карману? У нас есть чип на все случаи жизни. У вас долги, любовницы, преступления, за вами охотятся страховщики, полиция, священники, адвокаты, любовницы, жены? Вот вам глаза, вот вам отпечатки пальцев, имена и лица, алиби, двойники, фантомы, люди, которых никогда не существовало. Мы можем отмыть вас так, что вы будете чище Иисуса. И среди всего этого разнообразия розовая дверца, покрашенная из баллончика, через которую по шаткой лестнице можно подняться в офис на втором этаже, где на самоклеящемся крючке болтается вывеска «Магазин “Атом”. Открыто».

Не всегда дело ограничивается сексом и спандексом. Сегодня мистер Персик готовит Эдсону мукеку[146]: «Тебе надо подкрепиться, Сестинью, ты не заботишься о себе. Чахнешь, как влюбленный идиот». Костюм супергероя висит в шкафу. Мистер Персик одет в ужасные шорты и пляжную рубашку. Эдсон в помятом белом костюме, говорит:

– Так и не могу поверить, что вы с ней знакомы по университету.

Лук с шипением соскальзывает на сковородку. Это старый семейный рецепт, блюдо, которое готовили рабы еще со времен кофейных плантаций. Капитаны и рабовладельцы Алваранга растаяли и исчезли, оставив только имя. Эдсон фантазировал, что мистер Персик усыновит его и сделает наследником своей фазенды.

– Почему ты так удивляешься? Это огромная мультивселенная и маленький мир, даже еще меньше, если брать квантовые компьютеры. Я был научным консультантом, когда она писала докторскую по вычислительной и информационной

физике. Тезис заключался в том, что весь человеческий разум в целом – это мультиверсный квантовый компьютер, а значит, – основной элемент реальности, связанный через вселенные с помощью квантовой запутанности. Мне всегда нравились наши консультации, она была одной из лучших моих студенток. Пугающе умна. Мы жарко спорили – у нее дурной нрав. Но спорщица она великолепная. Ты уже в курсе? Ее теория заключалась в том, что мультивселенная – это огромный квантовый компьютер параллельного действия, а значит, по сути напоминает разум. Я спорил, что это в лучшем случае метафизика, а в худшем – религия: как ни посмотри, ты в итоге приходишь к антропному принципу, а это синоним солипсизма. В нас нет ничего особенного. При наличии достаточного количества вселенных, такие, как мы, просто обязаны были появиться, причем неоднократно.

Богатый аромат чеснока, а потом терпкий запах перца.

– Не удивлен, что она работает с квантумейрос, научное сообщество, да и наука в целом не давали ей такого выброса адреналина, но не могу сказать, что я в восторге.

Теперь лангуст, свежий, с фермы на холме под ветряками. Электростанции с турбинами и золотыми полями рапса спускаются к фазенде сверху, а снизу, улица за улицей, наползает новая застройка, а мистер Персик тем временем отдает свое наследство Эдсону: то лампу, то картину, то вазу. Словно хочет, чтобы Алваранги исчезли, хочет полностью испариться. Он вываливает то, что получилось, из сковородки прямо на тарелку, добавляет немного порубленного кориандра. Зеленое на желтом: патриотическое блюдо.

– Но меня беспокоит вопрос: ты ее уже трахнул?

– Мы вроде как договорились, что можем встречаться с кем захотим, и это неважно.

Эдсон понимает, что у мистера Персика широкий круг знакомств, как среди гетеро-, так и среди гомосексуалов, но он никогда никого из них не нарядил бы в лайкру.

– Неважно, пока речь не идет о ком-то из моих бывших студентов.

Эдсону неприятно знать об отношениях мистера Персика и Фии еще с того раза, когда они переодевались в Капитана Великолепие и Мальчика-Загадку. Они уже бывали Капитаном Правдолюбом и Мальчиком-Домино, Банджаменом и Пони, Лордом Лайкра и Спандекс-Малышом, но у Эдсона все равно такое ощущение, словно он делится ей с мистером Персиком.

– Может, она и суперумница. Но готов поклясться, ты не в курсе, что она смотрит «Мир где-то там». Горячая поклонница.

Скачала все серии. Мы могли пить пиво, есть или даже сидеть в клубе, и, если ей не нравилась музыка, я замечал, что она смотрит его на айшэдах, – замечает Эдсон. Она всегда была такая.

Эдсон резко отодвигает тарелку:

– Я не голоден.

– Голоден. Ты всегда голоден. Мама тебя что, не кормит?

– Мама меня любит. И не стоит говорить о моей матери в таком тоне.

Они ссорятся из-за женщины. Эдсон поверить в это не мог. Они позволяют какой-то девице вклиниться между ними. А мистер Персик учил Эдсона не только посткоитальной физике, но и много чему другому: как бриться, как покупать и пить вино, как смешивать коктейли, как стильно и модно одеваться, как завязать галстук десятью разными способами, как вести себя и как говорить с людьми, чтобы они оценили тебя по достоинству, запомнили и позвонили, чего ждут и что любят женщины, что любят и чего ждут мужчины и как не нарушать норм приличия, но пробиться в иерархическом обществе.

Однажды, когда он был совсем маленький, какой-то мужик ошивался рядом с домом, и Эдсон спросил у доны Ортенсе, уж не его ли это отец. «Ну что ты дитя, нет», – ответила она. Дни, когда мужчины заходили к ним в дом поиграть в карты и выпить вина, давно прошли, но он до сих пор помнит, как тогда у него от стыда горели щеки. Эдсон взглянул на мистера Персика, на его загорелую кожу, на седые жесткие волосы, выбивающиеся из-за ворота рубашки, на худые ноги в мешковатых шортах. «Ты отец, которого я никогда не знал, отец, у которого я сосу».

– Просто съешь, – говорит мистер Персик. – Ради меня. Мне нравится тебе готовить.

Эдсон подозревает, что мистер Персик, может, и не сделал себе блестящей карьеры в мире квантовой физики, но в одной области он определенно преуспел. Он отлично готовит по старинным рецептам рабов.

* * *

В магазине «Атом» Эдсон пытается улучить момент для поцелуя. Когда она скользит между ним и огромными 3 D-полимерными принтерами, когда наклоняется, чтобы загрузить нужный дизайн со своих айшэдов в систему, он наклоняется вместе с ней, изучая голограмму туфель на экране. Прикосновение, шепот, аромат ее духов, медового пота и кондиционера для белья, но не более.

– Хорошая сумочка, – говорит девушка-администратор с глазами размером с манго и одуревшим от испарений видом. Здесь сильно пахнет пластиком, рай для токсикоманов, нюхающих клей. – Оригинал? – Фиа протягивает сумочку. Девушка подносит ее к свету, вертит так и сяк, скашивает глаза, разглядывает. В этом магазинчике печатают ожерелья, шляпы, сережки, бронежилеты, часы, очки – короче, все, что можно соткать из смартполимеров. В том числе и брендовые сумочки. – Похоже на то. Мы не смогли бы распечатать в таком разрешении.

– Знаю, – говорит Фиа, забирая сумку. – Но зато вы можете изготовить для меня эти туфли.

Она дотрагивается до айшэдов и загружает модель в домашнюю сеть магазина. Эдсон не сомневается, что модель обуви украдена. Плохо словить за такое пулю, за нарушение авторских прав на пару брендовых туфель. Девушка заправляет картриджи, закрывает прозрачную крышку. Огоньки мигают, в основном желтые. Головки принтера поднимаются, как змеи перед нападением, а потом покорно принимаются за дело: молекула за молекулой, миллиметр за миллиметром воссоздают подошвы и кончики каблуков туфель с открытой пяткой от Маноло.

Чтобы напечатать туфли, потребуется около часа, поэтому Фиа ведет Эдсона на третий ярус Тодуз-ус-Сантус, в круг продавцов. Восстановление, ремонт, модернизация, переосмысление – вот здешние ключевые слова. Запчасти автомобилей, моторы для стиральных машин, головки станков, развлекательная техника, собранная на скорую руку крупная бытовая, мотоциклы, домашние и промышленные роботы, системы наблюдения, компьютеры и память, айшэды и оружие – все собрано из частей, которые спускаются со следующего яруса, круга разборки.

Монтажные платы нагреваются на жаровнях, из них вытапливается свинцовый припой, словно жир из свинины. Ртутные ванны извлекают золото из розеток и вилок. Доморощенные дистилляторы испаряют жидкий металл, сокровище тяжелым осадком остается на дне. Два мальчика перемешивают ручеек процессоров размером с песчинку в пластиковом чане с реагентом, растворяя углеродные нанотрубки их матриц. Два восьмилетних пацана сидят, скрестив ноги, на мешке соевых бобов и проверяют пластик из кучи перед ними – нагревают над зажигалкой и нюхают, чем пахнет. Дети помладше катят тележки со всяким электронным хламом с центральной свалки. Это круг рабов, проданных за долговые обязательства родителями, которых раздавили процентные ставки в 5000

процентов. Они останавливаются, только чтобы почесаться. Самый громкий звук здесь – это кашель. Неврологические проблемы и отравления тяжелыми металлами – обычное дело. Здесь мало кто вышел из подросткового возраста, столько просто не живут. А те, кто все же умудрился дожить, насквозь больны. Эдсон задыхается от паров кислоты. Все вокруг него пышет жаром и оставляет ощущение грязи. Воздух полон тошнотворных запахов. Эдсон прижимает платок ко рту. Фиа, неприкосновенная, беспечно топает вперед, словно ее ничто вокруг не трогает, переступая через ручейки из желтого кадмия к самому сердцу Тодуз-ус-Сантус.

Эдсон и не думал, что она приехала сюда только ради туфель. Экономика предложения[147] возвела Богоматерь Мусора из крошечного чипа. Сухой и тенистый нижний ярус развязки оказался отличным местом, чтобы разместить здесь предприятия по переработке электронных отходов, подальше от внимания горожан, с глаз долой. Раньше катадорам приходилось толкать свои тележки десять километров вдоль шоссе к старой муниципальной свалке в Сан-Бернарду-ду-Кампу. Первый водитель, который схитрил и высыпал свой груз на незаконченной развязке, положил начало медленному росту мусорного ледника, который за двадцать лет превратил Тодуз-ус-Сантус в самую огромную кучу отходов во всем Южном полушарии. Население маленького городка роется на склонах горы из техноотбросов. Вечером здесь невероятно красиво, когда двадцать тысяч факелов и масляных фонарей пританцовывают и покачиваются в долинах и на гребнях горы. Тодуз-ус-Сантус достигла достаточного размера, чтобы иметь собственную географию: Лес Фальшивых Пластиковых Деревьев, где с каждого выступа свисают влажные рваные мешки, словно испанский мох. Долина Обрезков, где металлургические предприятия сваливают катушки и кожухи от станков. Хребет Потерянных Рефрижераторов, где дети, закрыв лица платками, смоченными в обеззараживателе, сливают хлорфторуглеродные отходы в пустые бутылки из-под «колы», которые висят на их плечах, словно патронташ. А над ними пики – гора Майкрософт и Эппл-Хиллс, неустойчивые зиккураты[148] из процессоров и интерфейсов. Сборщики мусора раскалывают их молотками и монтировками, проворно откручивают компоненты. Грузовик сбрасывает кучу вышедших из моды айшэдов, которые падают, словно дохлые летучие мыши. Катадоры налетают на скользкий коварный мусор. Из-за гниения отходов температура воздуха повышается на три градуса. Испаряющаяся влага и летучие вещества задерживаются в этой странной мертвой зоне ветрового режима, появившейся из-

за развязки. Богоматерь Мусора – настоящие городские джунгли: насыщенные парами, ядовитые, пораженные болезнями, влажные. Мусорщики носят пластиковые мешки из-под удобрений, как дождевики, пока пробиваются через испускающий пар мусор под постоянной моросью, подбирая монтажную плату там, мотор от стиральной машины тут и закидывая в корзины на спинах. Их дети – мусорщики во втором поколении – работают сортировщиками, распределяют корзины по типу отходов, а потом перевозят в тележках на Третий Круг. Среди этих курганов Фиа останавливается, оборачивается и упирается рукой в грудь Эдсона:

– Дальше я одна.

Он не останавливается:

– Что?

Звучит глупо. Это плохо.

– Эд, понимаешь, у нас есть что-то общее, а есть лично мое. Так вот это мое. Увидимся в магазине «Атом».

Дюжина возражений приходит Эдсону на ум, но он сдерживается: в лучшем случае он покажется настырным. В худшем – нытиком.

– Мои игрушки, – говорит Фиа. Она кладет руки ему на лицо и крепко целует в губы, взасос, с языком и слюной. Но Эдсон все равно не позволяет ей увидеть, как он уходит, поэтому торчит на месте, пока она пробирается по грудам мусора в неподходящих для такого похода сапожках, надев капюшон против кислотного дождя, чтобы попасть в Квантовую Долину.

Любой мужчина считает, что ему нужна Таинственная девушка, но на самом деле хочет знать о своей избраннице все, чтобы не было белых пятен.

У мистера Персика одна часть истории Фии Кисиды, у Эдсона другая, но две половинки не подходят друг к другу. Слишком много необъяснимых вещей между ее уходом из университета и появлением в грузовике с надписью «Полуфабрикаты для вашего стола». Эдсон провел тайное расследование – он всегда сует свой нос в чужие дела. Выяснилось, что контора «Полуфабрикаты для вашего стола» легально зарегистрирована в Торговой палате. Интуиция его не подвела. Компания целиком принадлежит Металлисту, Флойду. Первые деньги он заработал на металлистах, обеспечивая маленькие до- и послеконцертные грешки по требованию блэк/детметаллистов, типа кокаина, чирлидерш, американского виски, отошедших от церкви монашек, живых коз, автоматов и минометов, китаянок в латексе и заявок на участие в подпольном шоу «Не забудьте вынести мусор». Он инвестировал свои средства в небольшую контору

«Полуфабрикаты для вашего стола». Водителем у него работает Аристидес, гонявший раньше алкотанкеры по маршруту Гояс – Сан-Паулу. Биша, который обеспечивает прикрытие в двенадцать слоев, пользуясь всеобщим распространением коррупции, это Титифрик. А Фиа работает с группой из четырех восстановленных квантовых ядер, взламывая НП-коды.

Проблема Эдсона и причина, по которой он смотрит вслед девушке, пока та не исчезает из виду, а потом идет за ней к дымящейся груде жидкокристаллических экранов, заключается вот в чем: если он все выяснил по четырем запросам, то почему кто-то другой не мог этого сделать?

С неизбежностью смерти квантовые отходы тоже проложили путь в великую геенну Тодуз-ус-Сантус. Странности сочились, как хлорфторуглерод, из скоплений квантовых отходов, сваленных в одном месте, именно им Богоматерь Мусора обязана большинством своих мифов и легенд. Любая квант-технология лицензируется, ее использование проходит под наблюдением правительства, а производство и распределение строго контролируются. У мусора же своя мораль и траектория. Одна пластиковая обшивка напоминает другую как две капли воды: унесите это отсюда, нам оно больше не нужно, выбросьте. Раз в несколько месяцев катадоры вырывают из груды отходов работающую К-матрицу. В те священные дни весть разносится по городу, словно молния, словно скандал. Покупатели стекаются из Рио, Белу-Оризонти, Куритибы. Фиа приехала осмотреть свежий лот.

Эдсон цепляется за что-то белоснежными брюками. Он готов выругаться, но это ниже его достоинства. Парни с корзинами в драных шортах и шлепках не обращают на него внимания. Эдсон присаживается на корточки и выглядывает между двумя поломанными пластиковыми рамами. Внизу, в долине, Фиа говорит с двумя парнями, которые ее подзывали на гафиейре. На перевернутом ящике между ними стоит большой цилиндр. Фиа наклоняется, изучает цилиндр через айшэды, комично поворачивая голову, как попугай. Чуть подальше стоит человек, которого Эдсон не узнает, – высокий мужчина с точеными чертами лица и волосами, зализанными в грязный конский хвост. Почему-то на нем облачение священника. Эти квантумейрос – реальные чудики. Он что-то говорит. Эдсон не слышит, но Фиа отрывается от цилиндра и качает головой. Незнакомец снова что-то говорит, она снова качает головой: нет. Кажется, она испугалась. Когда Эдсон распрямляется, то слышит какой-то шорох за спиной. Куртка разваливается прямо на нем. Две ее половинки скользят по его рукам. Эдсон смотрит на это,

ошеломленный, пораженный, потом поворачивается.

Биша Титифрик делает движение из боевых искусств, рисуя квант-ножом в воздухе светящийся синий рисунок. Лезвие замирает строго горизонтально. Титифрик смотрит на Эдсона из-под небрежной челки, а потом засовывает оружие в магнитный футляр. Раненый воздух пахнет озоном.

– У вас, фавеладу, вообще нет понятия о манерах, да?

Эдсон переминается с ноги на ногу, чувствуя себя совершенно по-идиотски в болтающейся разрезанной куртке.

– Она же попросила тебя не ходить, но тебе непременно нужно было сунуть свой нос. Слушай, в тебе нет ничего эдакого. До тебя были десятки других. Ей нравятся парни определенного типа, но она не твоего поля ягодка. Это ничего не значит. А ты думал, что значит? Это бизнес, и ты не можешь даже отдаленно представить, чем мы тут занимаемся, и, честно говоря, незнание – это счастье. Правда. Ты что думал, такие штуки можно найти в коробке из-под хлопьев? – Титифрик распахивает куртку и демонстрирует нож. – А теперь вали. И не возвращайся. Оставь ее в покое. Это все равно, что клубу «Соракаба» играть против «Сан-Паулу». Ты ее больше не увидишь. Пошел вон! Иди, а не то я тебя разрежу!

Лицо Эдсона пылает от ярости, а унижение звенит в ушах. Он стряхивает с себя половинки куртки. Бог с ним, с содержимым карманов. Он не станет нагибаться, чтобы собрать свое барахло.

– Биша! – кричит он, пытаясь сохранить собственное достоинство, пока спускается по вероломному склону технологических отходов.

Титифрик пожимает плечами.

– Не забивай мне голову, фавеладу.

* * *

На третий день Герсон приходит к младшему брату, шестому сыну шестого сына, и стоит над ним, смотрит, как тот качается, ярясь, в гамаке рядом с офисом. Все его звонки тонут в мертвом эфире. Эта тварь, Биша, заблокировал его, уверен Эдсон. Он три дня топает по дому, пиная тарелки с фарофой[149] и кусочками пирогов, которые дона Ортенсе преподносит Богоматери, ему нечего делать, он ничего не зарабатывает.

– Ты загораживаешь мне свет.

– Слушай, если ты хотя бы наполовину такой, каким себя выставляешь, то был бы там, несмотря на все квант-ножи.

Эдсон думает: он прав. Черт! Черт! Черт! Это ужасное

состояние, когда Герсон прав. Через тридцать минут желто-зеленый кроссовый мотоцикл выезжает с дорожки за домом доны Ортенсе. Но его оседлали не стройные бедра Эдсона. Это Эфрин в серебристом платье на бретелях типа того, что Фиа надевала на гафиейру (хотя Эфрин ни за что не признался бы в подражательстве), мягких замшевых сапожках розового цвета и в своем прекрасном афропарике. Финальный штрих к костюму – он меняется удостоверениями личности с Наликом, его самым надежным алиби.

Эдсон перепрыгивает через замусоренный подъезд к заброшенному торговому центру, где квантумейрос припарковали свой грузовик. Огибает обвалившийся отдел доставки. Матери и дети, сбежавшие долговые рабы, чья нищета еще хуже, чем в фавеле, следят за ним. Эдсон не оставил бы тут даже пустую банку из-под «колы», однако дурная репутация квантумейрос удерживает уличную шпану на расстоянии. Огромная парковка пуста. Эфрин касается розовым сапожком асфальта, отталкивается, а потом разгоняется по заросшей сорняками парковке и едет в сторону шоссе.

Айшэды предупреждают, что впереди пробка, растянувшаяся на три километра, но Эфрин скользит вдоль конвоя с продуктами, который движется из Сантуса. Поверх машин и застрявших автобусов он видит верхушку грузовика. Его крыша наклонена под странным углом. Полицейские выставляют конусы дорожного ограждения и пытаются перенаправить транспорт на одну полосу. Там три патрульных машины, одна скорая помощь и куча мигающих оранжевых огней. Два беспилотника с камерами кружат над головой. Эфрин, которому уже плохо от ужаса, маневрирует на «ямахе» между автомобилями. Никто не обратит внимания на очередного зеваку, поскольку все пассажиры вытягивают шеи, выглядывая из окон.

Грузовик накренился так, словно внезапно обвалилась дорога. Линия разреза начинается над решеткой радиатора, проходит через кабину, мотор и прицеп. Со стороны водителя с переднего колеса снята аккуратная спираль поблескивающей стружки. Эфрин понимает, что, если коснуться этого металла, он порежет похлеще любой бривы. Острый до квантового уровня. Рана тянется через всю машину и выходит сзади, создавая такую же странную спираль на задних колесах. Обрезки валяются в ста метрах дальше по шоссе. Ручейками текут бензин и гидравлические жидкости.

Наверное, дело было так, думает Эфрин, проезжая на мотоцикле мимо обломков грузовика квантумейрос. Кто-то ждал на обочине, типа автостопщик. Аристид начал бы сигналить, мол,

придурок, ты слишком близко к дороге. А ему и нужно быть близко, чтобы прикоснуться к грузовику. Осталось только выхватить квант-нож и позволить машине наехать на лезвие. А узоры на колесах, наверное, от того, что шины продолжали вращаться и пересекли линию разреза. Удивительно, что водитель удержал грузовик на дороге. Аккуратный круг вырезан на боку прицепа.

Анализируй, распиши сценарий, проиграй его в голове. Эфрин перестает думать, что это реальность. Перестает бояться. Он задерживает взгляд на фигуре под пластиковой простыней просто из любопытства. Это не гидравлическая жидкость. Дорога черна от мух. Над головой кружат грифы. Из-под простыни торчит рука, развернутая ладонью вверх, умоляя Ангелов Постоянного Надзора. Манжеты, серебряные запонки, десять сантиметров дорогого пиджака. Этого достаточно, чтобы опознать Титифрика, не говоря уже о лезвии, сломанном почти вплотную к ручке. Так, значит, он сражался. Обрубок лезвия искать бесполезно. Он движется к центру Земли.

– Эй! На что это ты уставился?

Попался. Эфрин в ужасе поднимает руки. Коп пригвождает его взглядом зеркального визора шлема.

– Проваливай, пока я не задержал тебя за препятствие расследованию.

– Да, да, да, – бормочет, опуская голову. Поскольку он и правда уставился на врачей скорой помощи в зелено-желтой форме, которые грузили носилки в машину. На носилках лежит труп под пластиковой простыней, но простыня слишком короткая, и ноги торчат наружу, разъехавшись в стороны. Ноги в туфлях. Эфрин узнает подошвы этих туфель. В прошлый раз он видел их в печатной мастерской Тодуз-ус-Сантус, когда их слой за слоем изготавливали из смартпластика.

22–28 августа, 1732 года

На борту корабля «Веря в Бога».
Река Амазонка: над Пауши
Моя любезная Элоиза!

Наконец-то, дорогая сестрица, наконец-то я плыву по спокойным водам великой Амазонки и оказался в сфере мифологии. Остров Маражу, который в прежние времена был местом обитания многих развитых индейских племен и по размеру все равно, что Бретань и Нормандия вместе взятые, с легкостью умещается в устье реки. Объем воды, равный совокупному объему всех рек Европы, река проносит каждый

день. Вода, как говорит наш капитан Акунья, опресняет море на семьдесят лье. При этом Амазонка падает всего лишь с высоты в пятьдесят туазов[150] по всей длине, и течение ее такое мягкое, что древесному листу понадобится месяц, дабы проплыть со смрадных предгорий перуанских Анд до корпуса нашего корабля.

Пока я томился в Белене, к удовольствию генерал-губернатора, ни дня не проходило, чтобы я не видел ла Кондамина[151] и его экспедицию, плывущими в облаке парусов. Но теперь наш корабль движется вверх по течению под командованием командира Акуньи, торговца весьма угрюмого и надменного, но, как меня заверили в Белен-ду-Пара, нет человека более опытного в коварных сезонных мелководьях и банках, которые формируют и изменяют течение великой реки. Мы погрузили маниоку и бобы, порох и пушечные ядра, необходимые для экспедиции в верховья Амазонки, – меня заверили, что носильщиков и проводников в изобилии можно найти в Сан-Жозе-Тарумаше, – не говоря уже о множестве ящиков с научным оборудованием, и капитан Акунья сетует, что барк перегружен. Но мы в итоге идем довольно шустро: уже оставили позади узкие части русла у форта Пауши, и впереди нас ждет Сан-Жозе-Тарумаш. Это вглубь материка, дальше от прибрежных влияний, ветры слишком слабые и изменчивые, а река слишком извилистая, чтобы поднять паруса, поэтому мы движемся вверх по течению могучей Амазонки только силой человеческих мышц, на веслах. Классическая картина: рабы на галерах.

Рабство – чуждое мне состояние. Те невольники, что я видел в Париже, были мне в диковинку, поскольку как общество мы практикуем более тонкую форму угнетения сеньорий. Боже упаси, чтобы бешенство тяглового скота не перекинулось на Францию! Не проходит и дня, чтобы мы не проплывали мимо флотилий из цепочки плотов, груженных по ватерлинию связанными рабами: мужчинами, женщинами, детьми – все краснокожие и обнаженные, как невинные Адам и Ева. Просто чудовищное движение! Цены на рабов в Белен-ду-Пара настолько низкие, что даже обидно. У индейцев нет нашей устойчивости к болезням, а жизнь на плантациях настолько тяжелая и удручающая, что редко кто держится более пяти лет, да и вряд ли кто-то пожелает жить дольше. Экономика на руку хозяевам энженьу: раб окупается за два урожая сахарного тростника, все, что дальше, – прибыль.

Через пять лет хозяин получает вдвое больше, чем заплатил, так что нет оснований не загонять рабов до смерти. Мне говорили, что многие индейцы попросту накладывают на себя руки, чтобы не влачить такое существование. Но при этом поставки краснокожих по великой реке, похоже, так же

бесконечны, как и само течение ее вод: целые народы «спускают», как звучит местный эвфемизм.

Что сказать тебе о моем компаньоне в этом путешествии? Для начала, он скорее сопровождающий, а не попутчик. У меня нет никаких сомнений, что лишь благодаря его появлению мне разрешили отправиться в путешествие вверх по течению. Полезность моих изысканий меркантильным португальцам кажется подозрительной, ибо они живут на огромной, незащищенной территории, по большей части еще не нанесенной на карты, на которую исторически наша страна поглядывает с завистью. Но неважно, это самая меньшая из неучтивостей. На самом деле мне даже льстит, что португальцы считают меня таким важным шпионом, что поручили следить за мной столь незаурядному человеку, как отец Квинн, член общества Иисуса.

Ты знаешь мое пренебрежительное отношение к религии, однако время от времени можно встретить священника, обладающего такой силой личности, такими качествами и харизмой, что поневоле задумаешься, какая причина могла подвигнуть такого человека принести обет? Льюис Квинн определенно из числа подобных. Он родился в старой католической семье, лишившейся своих владений и вынужденных заняться портовой торговлей после вступления на престол дома Оранских. Выглядит как медведь в человеческом обличье – ирландец, а это нация грубоватых неуклюжих гигантов, которые вспыхивают по малейшему поводу. При этом в Веру-Пезу во время нашей псевдодуэли он двигался с изяществом, энергией и расчетом, чего я никогда не наблюдал ни у одного из его соотечественников, и при этом с такой непреодолимой жестокостью, что я задумался о причинах, которые привели его к обетам и рясе.

Он очень умен. Никогда не встречал иезуита, который был бы, по меньшей мере, приятным собеседником, а в лучшем случае – эрудированным спорщиком. Я всегда считал, что языки помогают расширить умственные способности, ведь говорить – значит думать, язык – это культура. Отец Квинн говорит на двух диалектах родного ирландского, на западном и северном, разумеется, знает латынь и греческий, а еще английский, испанский, французский, португальский, итальянский, может объясниться на марокканском арабском и утверждает, что сам по дороге из Лиссабона выучил тупи лингва-жерал, язык, на котором люди на местном побережье говорят куда чаще, чем на португальском. Какое содержимое может столь шумная семья голосов сформировать в чьей-то голове – вот повод для размышления.

Вчера вечером в долгой и скучной темноте, которая сгущается так рано и стремительно в этих широтах, я продемонстрировал ему работающую модель Механизма Управления. Я показал, как цепочка перфокарт, подающаяся из ящика, регулирует движение утка ткацкого станка.

– Таким образом, самые сложные виды парчи можно легко представить как серию отверстий в перфокарте: математически речь идет о субстанции или отсутствии, единицах или нулях. В этом смысле весь узор на ткани можно свести к цепочке цифр: единиц и нулей.

Отец Квинн потрогал устройство, грамотно управившись с деревянным механизмом и наблюдая, как колышки попадают в отверстия, и тогда уток удерживается внизу, а если прижата сплошная карточка, то ремизы[152] поднимаются.

– Вполне могу представить, как использовать такой набор перфорированных карт, чтобы проиграть программу на музыкальном автомате, – прозорливо заметил он. – Это куда более гибкая система, чем головки в музыкальных шкатулках, один механизм мог бы играть любую мелодию, зашифрованную в виде последовательности отверстий или единиц и нулей, как вы предлагаете. Новые фортепиано, которые выпускают сейчас, идеально подошли бы, так как их конструкция аналогична устройству ткацкого станка. Можно сказать, музыкальный узор.

Я размышлял, какие еще задания можно было бы облегчить за счет автоматизации механизма управления: например, упростить арифметические вычисления, а Жан-Батист, чей гений и родил эти перфорированные карты, разработал целый ряд карточных наборов, которые могли выполнять математические расчеты столь сложные, как разложение на множители и извлечение квадратных корней, что считается занятием трудным и требует много времени.

– Должен признаться, что эта мысль наполняет меня интеллектуальным восторгом, – сказал я Квинну, когда мы стояли на палубе нашего корабля, вдыхая вечернюю прохладу, – Если простые арифметические расчеты можно свести к последовательности единиц и нулей, может быть, и всю математику можно в итоге сократить до того же базового кода. Великие законы Ньютона, его правила для сил гравитации, которые организуют физическую Вселенную, тоже можно свести к единицам и нулям, к материи и пустоте. Может, эта простая машина при наличии большого количества должным образом закодированных карточек может моделировать саму Вселенную? Универсальное управляющее средство?

Я не скоро позабуду его ответ:

– Ваши слова находятся на грани с богохульством, мой друг.

Для него я свел сотворенный порядок и все вещи в нем к чему-то даже менее значительному, чем простой механизм Ньютона, – к простой цепочке единиц и нулей, материи и пустоте. То, что Землей и небесами можно было бы управлять *ex nihilo* – из ничего, нулями, отсутствием Господа, – не ускользнуло от внимания этого проницательного человека. Он сказал:

– Математика – продукт ума, а не наоборот. И то, и другое – творения совершенства Господнего.

Мне стоило понять, что он дает мне возможность остановиться, и даже отступить от того, что ему показалось сколь логичным, столь и еретическим выводом из моих заключений. Но широкие возможности ментальных абстракций всегда манили меня, соблазняли, я хотел бежать вдаль, словно жеребец, который отвязался после долгих лет работы на мельнице, или, может, как обезумевшие умирающие лошади Бразилии. Я попросил его подумать об автоматическом фортепиано: тот же механизм, который превращает цифры на карточках в ноты, можно развернуть в обратную сторону, кодируя удары клавиш в последовательность отверстий, пробитых в картонке. Тогда мы смогли бы получить точную запись выступления любого музыканта в любой период времени, сохранить все мысли и замыслы Генделя или Вивальди-отца навеки. Эту запись можно было бы размножить неограниченное число раз наподобие того, как печатают книгу, создать вечное воспоминание о выступлении, независимое от слабости и капризов человеческой памяти. Это модель части разума: я предполагал, что всего через несколько лет после того, как механизм управления получит признание в промышленности, будут найдены способы записывать и кодировать другие аспекты человеческой мысли.

– Тогда возблагодарим Господа, что наши души – нечто большее, чем просто цифры, – сказал Квинн. Он приподнял наше изобретение, и на мгновение я испугался, что он бросит его в реку. Квинн положил его на палубу, словно младенца, мучающегося от кишечной колики. – Модель модели разума. Ваш механизм, месье Фалькон, всех нас сделает рабами.

Его разум является рабом доктрины, он так же закован в кандалы, продан, как те бедняги, которые проплывают мимо нас на галерах. Как только разговор заходит о божественном, спор окончен. А каким покровительственным тоном говорит со мной проклятый иезуит! Он самонадеянно полагает, что владеет истиной в последней инстанции, что ему не нужно вступать в споры, ведь я могу быть прав только при условии, что согласен с его доктриной. Больше в тот вечер мы не разговаривали,

расселись по гамакам, он отгонял москитов дымом крепких сигар, которым отдает предпочтение, а я злился, мысленно выстраивал аргументы и возражения, разоблачая его глупость и легкомысленность. Увы, все мои попытки будут бесплодны, ибо не мы открываем истину, но она дается нам. Меня злило, что человек столь одаренный и умный доведен до состояния ребенка под гнетом догмы своего ордена.

Храни и спаси тебя Господь, дорогая сестрица, выражаю свою любовь Жану-Филиппу, малышам Бастьену, Аннет и Жозе – он должно быть уже совсем большой. Наверняка Жан-Батист уже вернулся во Францию и оправляется после дизентерии. Передаю ему братский привет. После Сан-Жозе-Тарумаша возможностей отправить письмо будет мало, если вообще будут, так что, возможно, это последнее письмо, которое ты от меня получишь до окончания эксперимента. Если увидишь Мари-Жанну, то передай мои слова, которые утешат ее и придадут уверенности на время нашей вынужденной разлуки: «Я решил, и мой ответ – да. Всем сердцем».

С любовью,
Твой брат Робер.

Льюис Квинн начинал упражнения на рассвете. Корабль стоял на якоре у северного берега, чтобы рабы не сбежали, они спали прикованными к веслам. Лохмотья тумана клубились над водой и цеплялись к деревьям, теснившимся на глинистой прибрежной полосе. Река казалась океаном, дальний берег было не разглядеть сквозь пар от скрытого внутри тепла. Звук стелился близко к поверхности воды под гнетом слоев теплого и холодного воздуха, казалось, он идет сразу со всех сторон и преодолевает невероятно далекое расстояние. Льюис Квинн поймал себя на том, что задержал дыхание, сдерживая малейший хруст сустава или пульсацию крови, дабы распутать узор голосов, растекшийся вдоль реки. Языческий вопль обезьян-ревунов – они уже не пугали его так, как во вторую ночью после отплытия из Белена, когда ему показалось, что это адские полчища, – лягушки, насекомые, утренние крики птиц, чистивших перья, но на фоне всего этого… плеск? Весла? Он пытался услышать, но водовороты в потоках тепла и прохлады сметали еле слышный звук обратно в общий хор. Внезапно все остальные чувства перебил запах воды, прохладной и священной. Радость была столь острой, что граничила с болью, и Квинн схватился за перила. Он чувствовал течение реки, мир двигался под ним. Он был бесконечно малой песчинкой в окружении славы и незнания, словно орех в толстой

скорлупе на ветви дерева. Квинн повернулся лицом к жемчужносерому скрытому солнцу, а потом прижал руку к сердцу. Грех поклоняться созданию раньше, чем ты поклонился Создателю. Тем не менее. Он положил книгу в кожаном переплете на перила, развязал тесемку, открыл рукописные страницы. Это тоже радость, огонь другого толка, он кропотливо переводил «Духовные упражнения»[153] на ирландский. Вторая неделя. День четвертый. Размышление о двух знаменах.

Лойола – искусный солдат. Везде-то у него непереводимая игра слов.

– Чудесное утро, святой отец.

Жестокая громкость голоса для Квинна, который приготовился погрузиться в тишину, прозвучала словно удар. Он пошатнулся рядом со скрипучими перилами.

– Простите, святой отец. Я не хотел напугать вас.

Фалькон стоял на кормовой части, наполовину скрытый тенью тента. Он тоже положил открытую книгу на перила – это был этюдник в кожаном переплете, в котором он рисовал углем.

– Глава нашего ордена считает рассвет самым лучшим временем для благочестивых размышлений.

– Он прав. И какая тема сегодня?

– Два знамени, Иисуса Христа и Люцифера.

Зачастую во время путешествий Квинн возвращался к духовным упражнениям. Поездка из Коимбры до Лиссабона на почтовой карете была лишена удобств, поскольку ему предназначалась роль не более чем почтового груза. Плавание до Салвадора стало временем для подготовки, изучения лингва-жерал и трудов великих исследователей и миссионеров. Пока они неспешно ползли вдоль побережья к Белен-ду-Пара, у Квинна появилась возможность изучить своего попутчика, за которым предстоит наблюдать, – этого маленького яростного человечка со странным набором убеждений и сомнений, а также резкими перепадами настроения. Но сплав по реке, обители времени и пространства, неизменной и в то же время изменяющейся от вздоха к вздоху, стал настоящим торжеством благочестия.

– Нам заповедано представить себе огромную поляну в окрестностях Иерусалима, где Иисус Христос собирает войска праведников, и поле в окрестности Вавилона, где Люцифер созывает под своим знаменем врагов Христа.

– Как вы представляете себе знамя Люцифера? – Корабль начинал просыпаться, и от движений команды по зеркальной глади воды пошла рябь.

– Разумеется, золотистым, как птица, гордая хищная птица с перьями из языков пламени и алмазами вместо глаз. Люцифер

ведь Владыка Света. Алмазные глаза так красивы и так искусно сделаны, что очаровывают и соблазняют всех, кто их видит, они думают: «Да, да, и я сам вижу в них свое отражение, и я хорош. Великолепен». Кого бы оно привлекло, если бы не отражало тщеславие людей и не отвечало их надеждам?

Фалькон оперся всем телом на перила и всматривался в утреннее небо, туман начал рассеиваться, и на нем появились синие полосы.

– У вас настоящий дар образности, святой отец. Я же нахожу, что должен подпитывать свою память чем-то более материальным.

Квинн посмотрел на страницы этюдника доктора. На двойном листе был нарисован видимый берег, линия деревьев, более высокие верхушки торчали из зеленого полога, беспорядок из птичьих гнезд, прибрежная полоса: кустарниковые заросли – извилистые тени обозначали аллигаторов в засаде из бесцветных опавших веток – трава доходила до края потрескавшегося ила. Капитан Акунья не уставал повторять, что никогда не видел такого низкого уровня воды. Рисунок сопровождался комментариями и сносками странным курсивом.

– А я не умею рисовать, – признался Льюис. – Эти буквы мне незнакомы. Могу я поинтересоваться, что это за язык?

– Это шифр моего собственного изобретения, – объяснил Фалькон. – Общеизвестно, что ученым нужно надежно прятать свои записки и наблюдения. В нашей профессии не обходится без зависти.

– Кому-то это может показаться шпионажем.

– Зачем шпиону показывать вам, что он зашифровывает? Смотрите! Ох, смотрите!

Внимание Квинна переключилось туда, куда показывал доктор, перегнувшийся через перила. «О да, – хотел сказать он, – если этот шпион подозревал, что его записи могут так или иначе заполучить, посредством какой-либо уловки или кражи».

Небольшая выпуклость показалась на поверхности воды, а затем исчезла в расходящихся кругах. Через мгновение снова что-то пробилось наверх и погрузилось в мглистую морось. Два круга волн встретились, столкнулись, усиливая и ослабляя друг друга. Фалькон помчался с развевающимися фалдами и пачкой плохо скрепленных листов вдоль узкого планшира к бушприту, где буквально повис над водой, внимательно изучая затуманенную гладь через свои необычные очки.

– Вон! Вон!

Два горба торчали из воды на небольшом расстоянии от корабля, разувая легкие, чтобы сделать глоток спертого воздуха.

– Потрясающе, вы видели, Квинн, вы видели? Клюв, выдающийся вперед узкий выступ, почти как рог у нарвала! – Он в возбуждении черкал углем по бумаге, не отрывая глаз от близкого, но размытого горизонта. – Это боту – речной дельфин Амазонки. Я читал… Вы видели цвет? Розовый! Совершенно розовый. Боту – существо необычное и, как мне кажется, неклассифицированное. Если бы поймать одного такого, это было бы и впрямь ценное приобретение: классифицировать Cet cea Odontoceti falconensis. Интересно, может ли капитан, команда или кто-то из моих подчиненных раздобыть мне такого для изучения? Дельфин, названный моим именем.

Но Льюис смотрел на жемчужную дымку, висевшую над рекой. Тень, геометрическая фигура, двигалась в тумане выше по течению от корабля, мелькнула и снова исчезла. Его тело содрогнулось от суеверного ужаса, когда в тумане замаячила темная масса, словно дверь, открытая в ночь, а за ней виднелся еще один прямоугольник, чуть светлее. Что это за жуткий фантом? Бесшумно, совершенно бесшумно, не поднимая рябь, парит над водой, а не по ней. Квинн открыл уже рот, чтобы крикнуть, но в этот момент раздался предупреждающий крик вперёдсмотрящего. Капитан Акунья в хвостовой части корабля резко поднял подзорную трубу, и Квинн увидел, как его свободный глаз расширяется от ужаса.

– Гребцы! – заорал он, когда из подрагивающего тумана выплыл дом. Рулевой вместе с товарищами отхлестали непроснувшихся толком рабов кнутами, когда плавучий дом тяжело развернулся на понтоне и проплыл мимо буквально в волоске от корабля. За ним двигался второй предмет, который увидел Квинн: еще один дом на понтонах, а дальше из тумана вынырнула целая деревня, медленно вращающаяся в могучем течении.

– По левому борту! – кричал Акунья, пробегая вдоль центральной палубы с багром туда, где на двух скамьях скованные цепями гребцы вытягивали шеи, глядя через плечо, и видели деревянный дом без крыши, который несся на них, развернувшись углом. – По моей команде удерживаем судно от удара! Любая из этих сук может потопить нас! Аккуратнее, аккуратнее! Давайте!

Рабы выдвинули весла как можно дальше и по команде капитана осторожно коснулись боковой части понтона, заставив дом медленно и тяжело отплыть от борта корабля. Капитан оттолкнул его багром, как рычагом, навалившись всем весом, лицо его подрагивало от натуги. Передние весла отвели беглый дом дальше, напрягшиеся мускулы гребцов блестели влагой в

тумане. Дом задел корму корабля, содрав краску, и исчез за горизонтом.

Квинн с верхней палубы наблюдал, как мимо проплывают хижины. Плавучая деревня, брошенная на произвол судьбы. Последние жилища, многие из которых плыли парами и тройками по прихоти течения, были обглоданы пожаром: мало у каких из них осталась крыша, а некоторые обуглились до ватерлинии, почерневшие деревянные обрубки торчали, словно гнилые зубы. Двадцать, тридцать, пятьдесят. Шесть раз гребцам пришлось отталкивать отбившийся от стаи дом – однажды ценой трети весел по левому борту. Это была даже не деревня, а городок. Покинутый городок, брошенный, вырезанный, покоренный.

– Приветствую, деревня! – прогремел Квинн, его глубокий, закаленный в море голос полетел над гладкой водой. Затем он повторил на лингва-жерал приветствие, но никакого ответа не последовало, ни слова, ни даже лая собаки или хрюканья свиньи. И тут один из домов, сгоревший почти до основания, развернулся в потоке, и через пустой проем двери Квинн увидел какой-то темный предмет и вскинул бледную руку, – Там есть живой человек!

– Поднять якоря! – закричал Акунья.

Затрещали лебедки. Якоря поднялись из воды, серые и скользкие от речного ила.

– Гребцы! С правого борта! По моей команде!

Загремел барабан. Весла поднялись, а потом окунулись в воду. Корабль развернулся на стальных водах.

– Взялись все!

Рабы напрягли все силы. Корабль рванул вперед, к тому дому, который видел Квинн. Акунья искусно руководил гребцами, маневрируя между дрейфующих, разворачивающихся понтонов.

– Поднажмите!

Последний рывок – и их корабль оказался у борта. Квинн напряг зрение. Чья-то фигура лежала на полу в здании, которое, судя по сваленным статуям и обугленному алтарю, некогда было церковью. Слуги Акуньи, все как на подбор гибкие и проворные индейцы пауши, запрыгнули на «борт» с веревками и пришвартовали дом к кораблю.

Квинн последовал за капитаном. Его ноги скользили по сырой, обугленной бумаге, когда он шел внутри дымящихся и все еще теплых развалин. Акунья и пауши присели вокруг бредившей женщины, которая прижимала к себе облачение кармелитского послушника, словно ребенка. Судя по скулам и складке век, она была кабокло, но лицо ее так сильно пострадало от огня, что

невозможно было рассмотреть другие черты. Она обвела непонимающим взглядом окружавшие ее лица, но, когда на нее упала тень Квинна, издала такой душераздирающий вопль, что даже капитан отпрянул.

– Что случилось, дочь моя? – спросил священник на лингва-жерал, опустившись на колени рядом с женщиной, но та не отвечала, не могла ответить, лишь отталкивала его руки, ахая от страха.

– Оставьте ее, святой отец, – велел Акунья. – Пусть сюда придет доктор Фалькон.

Французу помогли переступить через узкую полоску воды между двумя бортами.

– Я же географ, а не врач, – пробормотал он, но, тем не менее, наклонился над сестрой. – Отойдите, отойдите, ей нужен воздух. Пусть она увидит свет. – После краткого осмотра он с уверенностью заявил Квинну и капитану Акунья: – Она сильно обожжена, от огня пострадала большая часть тела. Не знаю, вдыхала ли она горячий воздух, но дыхание поверхностное, затрудненное, сильно отходит мокрота. Как минимум могу сказать, что легкие пострадали от дыма. Я видел много пожаров в ткацких мастерских Лиона, они вспыхивали, если в хлопок попадал уголек. Точно знаю, что чаще убивает дым, а не сам огонь. Но я боюсь, что куда больший вред вот от этого. – Он поднял вверх ботанический пинцет, в котором держал крошечное белое яйцо размером с рисовое зернышко.

– Яйца овода, – сказал Акунья.

– Вы совершенно правы. Ее ожоги заражены ими, и некоторые личинки уже вылупились. Значит, городок сожгли не менее трех дней назад.

– Господи, они сожрут ее живьем, – Акунья перекрестился и поцеловал два пальца.

– Боюсь, мы мало что можем предпринять, чтобы унять ее страдания. Капитан, я видел в Белен-ду-Пара одно растение, называется аккулико. Стимулирующее средство с эффектом обезболивания. Мне кажется, оно могло бы облегчить страдания несчастной.

Капитан Акунья кивнул в знак согласия.

– В камбузе должен быть запас. Это средство увеличивает выносливость рабов.

– Отлично. Думаю, пары шариков хватит. А теперь нужно перенести ее. Только очень осторожно.

Они как можно аккуратнее перенесли послушницу на гамаке, свисающем с бамбукового шеста, на корабль, но она все равно кричала и плакала всякий раз, когда гамак качался, и ее плоть

касалась ткани. Рабы отнесли несчастную под навес на корме. Фалькон дал ей аккулико, и неистовый стон обгоревшей смягчился, превратившись в монотонный и неумолкающий бред. Квинн остался в плавучей церкви. Он встал на колени перед алтарем, перекрестился и поднял один из обожженных листов. Это были ноты: месса Тассара Салвадорского. К вящей славе Господней. Простая церковь у реки. Квинн проплывал мимо многих таких в плавучих деревнях вдоль варзеа[154] сезонной заливной долины реки, поднимающихся и опускающихся на понтонах на воде. В деревнях везде поголовно шла торговля, это были своего рода базы снабжения для судов, двигающихся по реке вглубь материка. Деревенские церкви располагались в простых домиках на понтоне с тростниковой крышей, внутри располагалось деревянное возвышение, служившее алтарем, а рожки и трещотки заменяли колокола. Наполовину сгоревшая престольная одежда, на которой были вышиты тесьмой и украшены перьями причудливые изображения четырех евангелистов, лежала у подножия алтаря. Ее можно было бы продать за хорошую цену на любом плавучем рынке, но те, кто осквернил церковь, предпочли сжечь ее и все остальное.

Это кара, подумал Льюис Квинн.

На алтаре лежала кучка экскрементов, размягченных дождем. Квинн убрал их и вытер поверхность остатками бывшего покрывала, задыхаясь от запаха нечистот, дыма и мокрого пепла. Он принес крест из кучи сожженного мусора, куда его бросили. Тот был такими же замысловатым и красивым, как и престольная одежда, на панелях скрупулезно вырезали раскрашенные барельефы, повествующие об остановках Иисуса на крестном пути. Квинн поцеловал панель с изображением распятого Христа в центре, задержав крест у губ, прежде чем поставить его на место. Иезуит сделал шаг назад, склонил голову, а потом встал на колени и снова перекрестился.

Упавший крест. Разрешение для Праведной Войны.

* * *

У послушницы начиналась истерика в присутствии Квинна, пока он не сменил одеяние священника на белую рубашку и бриджи.

– Она боится не моего лица, а моей рясы, – заметил Льюис, зажигая огонь, чтобы отогнать комаров. – Миссия кармелитов довольно бедная, однако они подражают иезуитам. Музыка в церкви, аляповатые картины. Но кто стал бы нападать на миссию

возле реки?

– Не бандейранты, они таким никогда не занимаются, – сказал капитан, покачав головой. Он был коренастым приземистым мужчиной с нездоровым цветом лица, жесткими жирными волосами и окладистой бородой, скорее напоминавшим рабовладельца, чем моряка. – Они не стали бы спускать по течению целый город. Сейчас всем нужна плоть.

Акунья посмотрел на Квинна, его темные глаза на фоне густой растительности на лице напоминали глаза обезьяны.

– Это были голландцы, голландские мерзавцы. Они давно уже положили глаз на северный берег.

Поднять якорь! Пора двигаться дальше, и так проторчали тут слишком долго.

Слова прозвучали как команда, но Квинн услышал нотки беспокойства в голосе. Голландцы – торговцы, но не работорговцы. Три дня назад на город напали мародеры. Украденных жителей, наверное, уже провезли мимо них, безымянных, незаметных, прикованных друг к другу за ухо или за нос, как животных, которых запрягают в плуг.

С воды раздались крики. Пауши сплавали к другим сгоревшим домам и вернулись с новостями, которые коротко доложили капитану, выпуская очереди слов, будто стрелы.

Акунья подозвал Квинна.

– Они нашли тела братьев в других домах, – тихим голосом сообщил он.

– Мертвы.

– Разумеется. И… над ними надругались. Делали ужасные вещи.

– Можете не продолжать, – с жаром заговорил Квинн. – Они осквернили… я пошел в церковь… а там алтарь… и нечистоты, человеческие нечистоты…

К ним присоединился Фалькон.

– Она заговорила.

– Рассказывает что-то? – спросил Квинн.

– Нет, это бред. Видения. Снова и снова она возвращается к галлюцинациям об ангелах возмездия, целой толпе ангелов, чьи ноги касались верхушек деревьев. Золотые и серебряные ангелы. Братья и сестры вышли встретить их. Ангелы сообщили, что их судили, и они не оправдали надежд. Затем спалили деревню пламенными мечами. Сама она спряталась под алтарем, когда ангелы подожгли церковь. Оставшихся в живых собрали и сказали, что за грехи их отправляют в рабство.

– Ангелы? – переспросил Квинн.

– Она тронулась умом.

– И все же это напомнило мне легенду, услышанную в Салвадоре, об ангелах, которые сражались в Пелориньу мечами из света. Те самые ангелы, что наслали чуму на скот.

– А еще и ваш костюм…

– У иезуитов нет костюма, наше одеяние не более чем привычное облачение священника: сдержанное, простое и практичное.

Из-под навеса раздался негромкий крик. Квинн поспешил к кармелитке, приподнял ее голову, чтобы напоить водой из оловянной кружки. Фалькон наблюдал, как он аккуратно промокает обгоревшее лицо и удаляет яйца насекомых из гноящихся ран. Жалость, гнев, печаль и беспомощность – разные эмоции клокотали внутри, и его шокировало то, каким сложным образом они переплетались друг с другом, словно узоры на ткани. *«В Бразилию? С ума сошли?!»* – воскликнул Орсэ в Академии, когда Фалькон подошел с просьбой финансировать его экспедицию. *«Жадность, тщеславие, ненасытность, жестокость и неуважение к чужой жизни – вот пороки всех великих держав мира. А в Бразилии это добродетели, которые практикуют с большим рвением».* Усталый, испытывая отвращение к миру, Фалькон прошел мимо скованных гребцов за веслами к своему гамаку, который снова повесили на носу корабля. Рабы, корабль, река и ее беглые жители, разграбленные алдейи[155] и показные церкви были не более чем винтиками и механизмами огромной темной «энженьу», мельницей, которая работала без остановки, молола и дробила. Все эти рассказы про государственность, про подъем просвещения для местных, создание культуры, образования, искусства – чушь собачья, единственным вершителем здесь является обогащение, личное обогащение и личный рост. Ни одного университета или даже просто печатного станка во всей Бразилии. Знания – прерогатива благородной королевской Португалии. Бразилия же должна гнуть спину, работая на плантациях.

Рабы взялись за весла, и корабль пополз по широкой реке. Фалькон смотрел, как Квинн сидит рядом с обгоревшей женщиной, иногда говорит с ней, иногда с яростным рвением читает свои «Духовные упражнения». Француз попытался зарисовать по памяти плавучий город. Проекции, углы тумана и тени, бессмысленные, религиозные. *Это река страха,* написал он. *Утонченной душе, разумеется, чужда театральность, однако Бразилия превращает гиперболу в реальность. Здесь витает дух, темный, гнетущий, ужасный. Он иссушает сердца и тянет энергию так же, как и чудовищная жара и влажность, бесчисленные насекомые и проливные дожди, теплые, как кровь, но при этом*

пробирающие холодом до костей. Нахожу, что я почти поверил всему, что мне рассказывали про Амазонку. В то, что боту – это создания наподобие русалок, которые по ночам всплывают на поверхность, дабы найти себе любовников среди людей, которые станут отцами детей с розовой кожей. Поверил в духа леса курупира с ногами, вывернутыми в другую сторону, который обманывает охотников и защищает лес. Жаркими бессонными ночами легко услышать Уакти[156]*, огромного, словно корабль, он мчится через ночную сельву, и ветер выдувает странную мелодию из множества отверстий в его теле. А как же женщины-воины, в чью честь (ошибочно) названа река, – амазонки?*

Тени удлинялись, быстро сгущались сумерки, корабль огласили крики и шумы, пока он вставал на ночь на якорь. Фалькон чувствовал себя старым и хрупким, как ветка во время засухи накануне собственной гибели. Фигуры на корме казались самыми темными – чернила на фоне индиго. Фитили, обмакнутые в пальмовое масло, горели в терракотовых горшках и позволяли изучить лицо Квинна, пока тот заботился об умирающей женщине. Фалькон понимал все жесты и движения губ. Когда иезуит подошел, чтобы набрать свежей воды, Фалькон тихо спросил:

– Вы ее соборовали?

Льюис опустил голову.

– Да.

Страх, что он не более чем просто бороздка на ленте, которая тянется в этой душной мельнице, работающей на крови, не давал уснуть Фалькону, но, когда огромные неяркие южные звезды выстроились аркой над ними, нежное покачивание корабля на воде заставило его погрузиться в сон об ангелах, огромных, как грозовой фронт, движущихся медленно, но неодолимо вдоль притоков Амазонки. Он видел во сне их ногти на ногах размером с паруса, рисующие волны на белой воде.

Наутро послушница исчезла с корабля.

– Вы же сидели с ней, как это могло случиться? – В голосе Фалькона явно слышалось обвинение.

– Я спал, – просто и мягко ответил Квинн.

Француз взорвался:

– И где она? Она же была на вашем попечении?

– Боюсь, она нырнула в реку. Действие аккулико кончилось. В бреду она, наверное, покончила с собой.

– Но это же отчаяние, смертный грех.

– Я верю в благодать и милость Господа нашего Иисуса Христа.

Фалькон посмотрел на своего попутчика. Квинн снова надел

простую черную рясу и шапочку, а на лице его застыли смиренное участие, духовная сдержанность, горе и неизбежность потери. «Ты лжешь, иезуит, – подумал Фалькон. – Ты соучастник! Она призналась тебе в своем последнем смертном грехе, а ты простил ее. Ты не остановил ее. Или вовсе помог? Помог дойти от гамака до борта, перелезть через перила и упасть в ласковую реку?!»

– Я горько сожалею о своей неспособности спасти сестру, – сказал Квинн, словно бы прочитав сомнения Фалькона. – Я помолюсь о ее душе и упокоении, когда мы доберемся до Сан-Жозе-Тарумаша, а на себя наложу епитимию. А пока что, с вашего позволения, мне нужно вернуться к «Духовным упражнениям», которые я забросил.

Богоматерь, Которая Явилась

30 мая—3 июня 2006 года

Последователи Санту-Дайме приехали на дорогих машинах: скандинавских, немецких и «люксовых» японских. Они припарковались в десять рядов вокруг спортивного клуба на Рекрейу-дус-Бандейрантис. Слуги вымыли окна и пропылесосили все внутри, натертые воском полы вбирали желтые огни с автостоянки. Частные охранники в беретах, с заправленными в берцы брюками патрулировали территорию попарно, не убирая ладоней с легких автоматов. Какая-то женщина с мелированными волосами, собранными под зеленым беретом, трижды перечитала рекомендательное письмо Марселины. На берете была нашита эмблема в виде креста из кулака, сжимающего молнию. «Это уже перебор» – подумала Марселина. Женщина забрала у Марселины наладонник и мобильник.

– Никаких фотографий.

Ее коллега, бритоголовый головорез, терроризировал водителя такси, проверяя, соответствует ли номерной знак тому, что указан в лицензии, и бормотал устрашающие, но бессмысленные звуки в микрофон на воротнике. Марселина ненавидела охранников. Они вышвыривали ее с куда более интересных сборищ, чем это. Но в ароматной прохладе парковки Хоффман слышала, как в тяжелом воздухе покачиваются барабаны, и чувствовала, что ритмы Зеленого Святого начинают действовать на нее.

Рекомендательное письмо еще раз изучил «абья», кандидат в медиумы, еще не прошедший инициацию, голова которого была повязана куском белой ткани наподобие тюрбана. Алва[157], очень молодой и очень чистый. Марселина заподозрила, что он просто рисуется перед иау[158] Баркинья ду Санту-Дайме, а сам понятия не имел, что читает.

– Это письмо поможет проникнуть в террейру, потом уж сама, на этом моя любезность заканчивается.

Сходишь куда-то раз и пойдешь туда снова. Во второй раз за неделю Марселина проехала по арке моста над заливом Гуанабара, чтобы получить чашку травяного чая во влажном и душистом дворике Фейжана. Она поставила нетронутую чашку на низком пластиковом столике. «Ты дал мне наркотики, ты потчевал меня священными секретами?» Но ей казалось, что Фейжан, возможно, и сам какое-то время был вхож в Баркинью, но потом произошел какой-то раскол, и он потребовал вернуть долг.

Такая интрига ради впавшего в немилость вратаря.

Эшу, Дух Перекрестков, стоял по обе стороны от двустворчатых дверей, ведущих в зал для футсала: дешевое бетонное чучело божества в образе маландру – ярко раскрашенный, улыбающийся «прету» в белом костюме, панаме и ботинках. Марселина открыла двери. Барабанный бой ударил в лицо.

Марселина обожала безумие доморощенных религий Рио. В Новый год она выходила из своей квартиры и терялась в хаосе из двух миллионов спрессованных душ на Копакабане, бросала цветы в волны, подношение Владычице Моря Йеманже. Через неделю пляж воняет гниющими лепестками, раскиданными по песку, но Марселина ходит по ним голыми ногами, ощущая ступнями память о прошедшем сумасшествии. Настоящие религии – это те, которые глубже остальных воспринимают все иррациональное, экстатическое, и Санто-Дайме не так смехотворна, как многие другие. Атмосфера в зале была напряженной, удушливой, непонятной. Марселина понимала, что верующие били в барабаны, танцевали и кружились уже с раннего вечера. Осталось недолго. Ей нужно попасть только на третий акт.

Она нашла местечко у низкой изогнутой стены зала среди вздымающих руки поборников Санто-Дайме. Танцовщица в центре площадки, кружась, двигалась в направлении собравшихся, а кто-то из толпы, с закрытыми глазами, занял ее место, голыми ногами сминая аккуратно разложенную пластиковую пленку.

Марселина понимала, зачем это сделано.

У всех присутствующих в одежде есть что-то белое, как минимум тюрбан у неофитов и белые рубахи у посвященных, которые Марселине кажутся блестящим уродливым полиэстером, притягивающим статическое электричество. Ей кажется, что она привлекает внимание, но верующие уже кружились в танце два с половиной часа под барабанный бой, так что не заметили бы даже Годзиллу. Однако она должна быть не так заметна, как пожилой черный экс-вратарь. Марселина обвела взглядом помещение. Кругом белые, даже белее, чем она с ее кариока-немецким ДНК. Она могла понять, чем шаманизм, единение и свобода от ограничений так привлекательны для белого среднего класса, обитающего за высокими заборами, утыканными камерами слежения, под присмотром вооруженной охраны. Это дикий мир, дух джунглей в пределах двадцати минут езды каждый второй вторник вечером. Ее брови слегка приподнялись при виде нескольких Медийных Лиц Национального Масштаба: две звезды телесериалов и поп-певица, прославившаяся тем, что подражала

Мадонне во всем, но выступала в уникальном бразильском стиле. Неудивительно, что девица в берете отняла у нее камеры. Марселина развлекалась подсчетами, сколько отвалили бы таблоиды за снимки с неизбежного окончания данной церемонии.

На штрафной площадке под навесом от солнца стоял маленький алтарь с урной, закрытой белой тряпкой. За линией ворот расположилась батерия[159], музыканты играли настолько хорошо, насколько вообще можно ожидать от белых. Совершенно одурманенная девушка била по барабану, висящему на бедре. Мужчина с длинными седеющими волосами, завязанными в конский хвост, и седой бородой Санта-Клауса мог быть только Бенса Бенту, специалистом по охране окружающей среды, как выяснила Марселина. Он отправился защищать природу, а вернулся обретя Бога, ну или что там у Санту-Дайме управляет Вселенной. Божественное. Интересно, сколько из припаркованных перед зданием блестящих внедорожников ездят на биотопливе? Бенса Бенту был настолько расслаблен, словно сидел в собственной гостиной, и мило болтал с алабе[160] и экеди[161], которые как на подбор были женщинами постклимактерического возраста, закутанными в белое, они подергивались под звук барабанов. На мгновение Марселина представила среди них свою мать, как та подыгрывает на своем органе музыкантам из батериа. Снова вспышка: ее взгляд моментально приковала фигура на противоположном конце барракана[162]. Голову человека полностью закрывала белая тряпка, виднелись лишь глаза, Марселина не понимала, мужчина это или женщина, но глаза были одновременно знакомыми и пугающими. Она отвернулась: ритм изменился, танцовщицы опустили руки вдоль тела и, мокрые от пота, стали кружиться к краям площадки. Бенса Бенту подошел к навесу и сдернул белое покрывало с урны.

Начиналось таинство единения. Экеди подоспели с длинными упаковками пластиковых стаканчиков из супермаркета размерами с чашку под кафезинью. И снова по боку охрана окружающей среды. «Почему ты смеешься?» – спрашивала себя Марселина, пока женщины проходили мимо урны, наполняя стаканы. Так ли отличается то, что ты сама делаешь в обнесенном стенами садике под звуки песен и беримбау? Музыка стихла. Бенса Бенту поднял руки.

– Во имя Санту-Дайме, Зеленого Святого и Богоматери Растительного Союза, подойдите, получите любовь и объединитесь с порядком Вселенной.

«Он похож на Кристофера Ли в роли Сарумана», – подумала Марселина и хихикнула. Верующие сделали шаг вперед, а потом бросились бежать. Кариока, представители среднего класса,

окружили экеди, толкаясь и буквально когтями вырывая чашки с чаем из айяуаски[163]. Марселина заметила, что новички «абья» отошли назад, как и Тюрбан с Глазами Призрака. Ее сосед, долговязый парень тридцати с небольшим лет, который некрасиво терял волосы клоками, вернулся, его глаза расширились, а зрачки стали размером с булавочную головку под действием галлюциногенного чая. Марселина увидела, как он переборол один спазм, но потом сделал шаг назад, изрыгнув фонтаном реактивную рвоту.

Настоящие иау считали, что рвота, побочный эффект от отвара из смеси лесных лиан и кустарников, которые и воплощали Зеленого Святого, очень ценна, поскольку она очищает человека, пока галлюцинации мгновенно раскалывают лобные доли.

Теперь оркестр снова заиграл – Марселина обратила внимание, что ни музыканты, ни бенса не пили Дайме – а верующие плясали и кружились, погрузившись в свои видения.

Некоторые катались, бились в конвульсиях на грязном пластике в трансе, одержимые духами, существующими вне переделов физической реальности. Подростки в белых одеяниях, мальчики и девочки с белыми тюрбанами на головах, встали на колени рядом с теми, кто погрузился в транс, и тоже исполняли роль экеди, защищая своих подопечных, чтобы их не затоптали другие верующие.

Марселина участвовала в похожем ритуале пару лет назад, когда снимала материал для совместного проекта с каналом «Нэшнл Джеогрэфик», передача называлась «Самые странные религии мира». Да, это тебе не католицизм. Она наблюдала, как подражательница Мадонне и две звезды телесериалов самозабвенно блевали на пол. И каббалу тоже за пояс заткнет, если уж на то пошло. Интересно, с кем у них договор на уборку помещения. Во всей Бразилии нет столько денег, чтобы Марселина согласилась убирать галлюциногенную рвоту.

Хоффман почувствовала, что на нее смотрят, бросила взгляд через плечо и заметила, как Страшные Глаза покидает площадку. Она чуть не схватила его, не спросила требовательно: «Эй, в чем проблема?» Но потом вздрогнула. В этом зале для футсала могло случиться все что угодно. Марселина уже испытала всю силу Дайме. Она надеялась, что это было действие Дайме.

Хоффман подождала окончания мессы, верующие с трудом поднялись на ноги, сорвали с себя перепачканные и грязные белые одеяния, которые отправились в мусорные мешки, и всех присутствующих распустили с миром. «Вы позволите им сесть за руль в таком состоянии?» – подумала Марселина. Хотя у местной

полиции в любом случае задачи поважнее, чем ловить пришельцев в белых одеяниях, которые все равно откупятся, – нужно обуздывать фавелы. Марселина переступила через пластиковый рулон, в который экеди свернули грязную пленку в центре площадки.

Музыканты запаковывали свои барабаны.

– Мистер Бенту?

Глаза под густыми, как у чародея, бровями зажглись искренним радушием.

– Меня зовут Марселина Хоффман. Я продюсер Четвертого канала. – Она передала карточку, которую бенса передал одному из помощников. – От Фейжана.

Старик снова двинул бровями.

– Да, конечно. Он звонил, предупреждал, что вы заедете. Я просто не думал, что вы будете на мессе.

– Я пытаюсь снять передачу, в которой мы отыщем Моасира Барбозу и простим его за Мараканасо. – Она уже почти сама поверила в эту ложь. – Фейжан сказал мне, что Барбоза был связан с этой террейру. Я пришла, поскольку надеялась встретить его тут.

– Вы не найдете здесь Барбозу.

Надежды Марселины дрогнули, словно она пропустила атакующий удар.

– Простите, мисс Хоффман, что вы зря потратили время.

– Фейжан сказал, что он несколько лет назад был частым гостем этой церкви.

– Фейжан слишком много болтает. Как вы уже, наверное, догадались, у нас с ним есть разногласия по многим вопросам.

В Марселине проснулось исследовательское чутье: какой-то скандал между бывшим врачом футбольной команды и главой успешной, явно богатой церкви Дайме? Это ощущение, когда идеи словно кружили вокруг, подобно урагану из листьев, было ее личным демоном, одноногим Саси Перере[164] в красной шапке и с трубкой, отпрыском несговорчивой и противоречивой Богоматери Дорогостоящих Проектов: каждый раз, когда проект Марселины отвергали, ее разум начинал бешеную гонку, хватаясь за любую задумку в пределах досягаемости лишь для того, чтобы доказать: у нее с креативностью все в порядке, она в норме, нет причин волноваться.

– А вы знаете, где он может быть?

Бенса был словно высечен из камня.

– Можете хотя бы сказать, жив он или умер?

– Мисс Хоффман, разговор окончен.

Команда экеди энергично драила зал, вооружившись

швабрами и ведрами.

Марселина фантазировала, как выуживает информацию из Бенту. «Ты лжешь, старикан, говори мне, где Барбоза». Наверное, она справилась бы с Бригадой Уборщиков, но девушки с автоматами и в брюках, заправленными в берцы, – уже совсем другая история. Первое правило телевидения от Эйтора: ни одно телешоу не стоит твоей жизни.

Она не повержена.

Марселина почувствовала, как во внутреннем ухе раздается пронзительная песня подступающих слез, которой не слышала с тех пор, как впервые вышла в роду и ее перед всеми унизил какой-то шестнадцатилетний пацан.

Она найдет другой путь. Найдет Барбозу.

Ее малисия и профессиональная жейту таксиста одновременно сработали на Авенида Сернамбетиба: Марселина бросила взгляд через плечо, таксист пристально посмотрел в зеркало. Голова начинает неприятно кружиться, когда в схеме транспортного потока ты с уверенностью видишь, что за тобой увязался «хвост». Невинность становится глупостью, каждое действие – потенциальным предательством. Огни фар кажутся большими пальцами, упирающимися в основание черепа. И ехать теперь можно куда угодно, вот только цели нет, ведь они за твоей спиной. Ты не оглядываешься – не осмеливаешься, но начинаешь придумывать преследователям характер и мотивацию. Кто вы? Что вы хотите? Куда, по-вашему, я должна вас привести? У вас возникает практически телепатическая связь, охотничья эмпатия: вы знаете, что я знаю? А если так, может, этого будет достаточно, чтобы вы отцепились и уехали?

За Марселиной один раз до этого уже следили, тогда машина ехала вплотную к фургончику со съемочной группой телепрограммы «Любовная проверка: Испытай Жениха». Тогда за ними увязалась ревнивая невеста одного из участников. Ее схватила охрана, но Марселину еще несколько часов била дрожь, казалось, за ней со всех сторон наблюдают чьи-то глаза. И в этом не было ничего даже отдаленно напоминающего сериал «Полиция Майами».

– Видите, кто это? – спросила Марселина.

– Таксист, – ответил водитель.

Она смотрела, как он пристально вглядывается в зеркало заднего вида, по глазам знала всех водителей, которые работали в фирме, обслуживавшей Четвертый канал.

– Дайте мне номер. Я позвоню и скажу, что один из таксистов преследует меня.

– Его уволят.

– А мне плевать.

– Да не вижу я номера, – пробормотал водитель. – У него кто-то сидит на заднем сиденье.

– Мужчина или женщина?

– Я тут тоже вести пытаюсь, на минуточку.

Марселину внезапно охватила дрожь. Как-то на Хэллоуин парни из отдела спецэффектов превратили одно крыло штаб-квартиры Четвертого канала в настоящий дом с привидениями. У Марселины тогда мурашки бежали по всему телу, и ей овладела необъяснимая изнурительная тревога. Она боялась того, что скрывалось в запертой кладовой, расположенной в конце коридора. Тогда, конечно, это был умный трюк – игра инфразвука, потоков воздуха и слегка искаженных перспектив. Теперь же ее колотило от настоящего иррационального страха. В машине сидело нечто, охотившееся за ней, словно все ее грехи, собранные с холмов, пляжей, заливов и кривых улиц города, обрели плоть. В том такси ехала анти-Марселина, и когда они встретятся, то истребят друг друга.

«Хватит. У тебя все еще глюки от травяного чая. А может, они что-то распыляют в террейру».

– Насколько отстает от нас?

– Примерно машин на пять.

– Давайте в Росинью.

Водитель перестроился между полосами на автостраде Лагоа-Барра. Марселина осмелилась оглянуться. Следившее за ними такси вынырнуло из потока и село им на хвост, все еще отставая на пять машин. «Теперь ты в моем шоу. Это “Угон”: предельно реальное телевидение. Но я тебя обхитрю», – думала Марселина. Росинья с неприятной внезапностью протеза примыкает к многоэтажкам Сан-Контраду, где жилье стоит миллион реалов. Огромная фавела разворачивается, словно веер из драгоценных огней на каменистом седле, между лесопарком Тижука и каменными пиками Дойс-Ирманс. Щекой к щеке стоят импровизированные жилые кварталы, некоторые даже высотой в пару этажей, построены буквально в паре метров от туннеля Гавеа. Военная полиция оборудовала постоянный контрольный пункт на транспортной развязке: два бронетранспортера, полдюжины молодчиков в светло-каштановой униформе толпятся вокруг машин и пожирают фастфуд из бара через дорогу. То же выражение скуки и гнева Марселина видела на парковке рядом с террейру. Штаны точно так же заправлены в берцы. Только пушки куда больше.

– Притормозите тут.

Полицейские подняли головы, когда такси прижалось к

обочине чуть дальше бронетранспортера. Сейчас время непростое, напряженное. Только-только удалось загнать жителей фавел обратно в трущобы. Строительная техника выстроилась вдоль улицы, стекла на ночь закрыли оцинкованными пластинами и выставили охрану. Получилась еще одна стена фавелы. Высокий полицейский двадцати с чем-то лет от роду, баюкая винтовку, двинулся к машине. Марселина включила телефон на камере. Фотография будет служить доказательством. Вот он едет. Вот он.

Такси промчалось мимо на всех парах и унеслось в туннель Гавеа, который вел в Зона Сул. А на заднем сиденье, на заднем сиденье… Вспышка камеры. В ее лучах Марселина увидела человека с белым тюрбаном на голове. Тот самый тип из террейру. Она чуть не всхлипнула от облегчения. Ты не сошла с ума. Вселенная рациональна. «Ты просто много работала, слишком много стрессов, тревог, вот и все».

Стук в окно. Военный жестом попросил опустить стекло.

– Какие-то проблемы? – Он нагнулся и заглянул в салон.

– Нет, офицер, все в полном порядке.

– Могу я увидеть ваше удостоверение личности?

* * *

Это был даже не совсем запах, но он стоял в воздухе; не совсем ощущение, но кожу покалывало, как от электричества; дома ничего не поменялось, и все же что-то немного не так – ничего явного, но Марселина все поняла, как только открыла дверь в квартиру. Когда она только-только закончила магистратуру и пахала на телевидении забесплатно, исключительно из любви к искусству, то делила обшарпанную каморку у кладбища с трансвеститом Форталезой, приехавшим попытать счастья в Рио. Он работал в ночную смену в одном из баров Лапы, пил пиво Марселины, ел ее еду, пользовался ее стиральным порошком, смотрел ее кабельное и разбивал ее японский чайный сервиз чашку за чашкой, никогда не платил ни центаво сверх арендной платы, но зато воображал, что его колоритная личность сама по себе является достаточной компенсацией всех расходов, беспечно игнорируя очевидные доказательства того, что трансвеститы в Лапе стоят не дороже бобов. Марселина приходила, когда его уже не было, и ни разу не поймала его с поличным, но всегда знала, что сосед рылся в ящике с трусами. Как бы тщательно он ни пытался скрыть свои преступления, она всегда чуяла, словно рябь по эфиру, легкую

ноту чужого, но до безумия знакомого парфюма. И сейчас уловила то же самое, стоило войти в маленькую выложенную плиткой прихожую собственной квартирки.

Кто-то побывал в ее доме.

* * *

Одной из загадок альтернативной семьи Марселины было то, почему ее члены, разбросанные по всему Центру города и Зона Сул, всегда приезжали одновременно и уезжали вместе. Хоффман принимала их в своем садике. Она вообще всегда устраивала посиделки на крыше. Сам Адриану побывал здесь на вечеринке в честь концерта «Роллинг Стоунз»[165] и вертелся вместе с остальными гостями в углу с видом на океан, смотря в щель между зданиями на паукоподобную фигуру, скачущую и брыкающуюся за кругом света… «Вон, это Рик. То есть Мик». Крыша была убежищем и храмом Марселины, воздухом и лилово-розовым вечерним светом, крыша связывала ее с океаном через параллелограмм пляжа, моря и неба, именно из-за нее она купила эту уродливое, шумное и странно пахнущее жилище, которое одной стороной выходила к морру, словно бы улица атаковала ее, и последние три ночи Марселина спала на крыше.

Квартира была инфицирована.

Она пошла прямиком к Глории, консьержке. Та ничего не видела. Мимо нее могла бы пройти целая школа самбы «Мангейра»[166] при параде, в блестках и с перьями, прихватив с собой целый оркестр, а Глория так и чирикала бы по мобильному.

Селсу Сибеле, Агнетта, Витор, покинувший свой наблюдательный пункт в уличном кафе, Мойзес и Титу, которых она встретила, когда снимала «Гей-джунгли» (основная идея: могут ли одиннадцать «голубых» на необитаемом острове посреди Амазонки превратить в гея единственного гетеросексуала), и завербовала в свою альтернативную семью. Телевизионщики и геи. Посмотри, к кому ты побежала в момент кризиса. Всем гостям Марселина предложила по косяку. Когда она только покупала квартиру, агент по недвижимости открыл проржавевшую дверь на крышу, и Хоффман прошла за ним на залитое солнцем поле маконья.

– Это входит в цену? – поинтересовалась она.

В тени водяных цистерн и спутниковых тарелок росло столько марихуаны, что на улице ее можно было бы толкнуть как минимум тысяч за десять. Дона Бебел научила Марселину, как обращаться с сырьем в сушильном шкафу. Одна она бы столько

скурила минимум лет за пять.

– Я собрала всех вас сегодня…

Смех, аплодисменты.

– Вы знаете, о чем я. Вы – моя семья, мои гей-папы. Я рассказываю вам то, что не рассказала бы даже кровным родственникам.

Охи-вздохи.

– Нет, серьезно. Если я не могу доверять вам, то кому вообще можно доверять? И мне хотелось бы думать, что и вы мне доверяете. и не только в работе. Но и в остальном. – Выходило плохо, глупо и неискренне, как в тот вечер, когда она пыталась сказать парням, угнавшим машину, что они попали на телевидение. Но она никогда ничего особо у них не просила, никогда не обнажала перед ними свою бледную душу. – Мне нужна помощь, ребята. Некоторые из вас заметили, что я веду себя несколько… рассеянно в последнее время. Вроде как не помню того, что делала, а потом у меня началась реальная паранойя.

Никто не осмелился ответить.

– Я хочу, чтобы вы рассказали мне, нет ли еще чего-то, что я не помню, но делала или говорила.

Члены альтернативной семьи переглянулись. Поджали ноги, надули губы.

– На днях ты прогарцевала мимо меня, – сказал Витор. Его голос напрягся, стал резче и увереннее. – И даже не обернулась, когда я окликнул тебя. Я был в ужасе. И сегодня даже не хотел приходить.

– Когда это было?

– Ну я не знаю, как обычно. Ты же знаешь мой распорядок. Когда я пью чай.

– Мне нужно знать точно, Витор.

– Около пяти или половины шестого. В среду.

Марселина сложила руки вместе, словно в молитве, и этот особый жест отлично знали члены ее команды: она делала так, когда пыталась ухватить еще сырую идею.

– Витор, тебе придется поверить мне, я в это время была в Нитерой и получала рекомендательное письмо в Баркинью от Фейжана. Я могу дать его номер, позвони.

– Но ты прошла прямо мимо меня и ранила своим безразличием. Ранила в сердце, дорогая.

– И куда я шла?

– Как обычно, к стоянке такси.

Марселина подняла ладони к губам.

– Это была не я, Витор. Меня там не было, я ездила в

Нитерой, поверь мне.

Все дружно затушили косяки.

– Еще кто-то сталкивался с чем-то подобным?

Теперь Мойзес заерзал на стуле. Это был довольно толстый мужчина шестидесяти с чем-то лет от роду, у которого было несколько таинственных антикварных магазинов, он был кариока старой закалки, любитель безжалостных, пусть и не всегда точных острот, а его голос напоминал лезвие бритвы, обернутое в бархатную ткань. После «Гей-джунглей» Марселина искала способ отснять передачу специально под него.

– Ну ты мне как-то вечером позвонила. Я решил, что это как в «Коде да Винчи», загадочные зашифрованные послания, и все такое.

У Марселины закружилась голова. И вовсе не из-за косяка.

– Когда это было?

– Ты же знаешь, я сова, но поздновато было даже для меня. В половине четвертого утра.

– На домашний или на мобильный?

– Разумеется, на мобильный. Я потом несколько часов заснуть не мог, все прокручивал твои слова в голове.

– Мойзес, ты можешь повторить то, что я сказала?

– Ой, что-то очень странное, дорогая, очень. Чего-то про время и Вселенную, мол, тот порядок вещей, который мы видим, ненастоящий. Ты впуталась в какой-то заговор? Так интересно!

– Я пытаюсь снять передачу о вратаре, игравшем на чемпионате мира, только и всего.

Марселина присела у стены.

– Ребята, коллеги, есть еще что-то, о чем я не знаю?

– Кроме того письма по электронной почте, пожалуй, нет, – ответил Селсу.

Агнетта добавила:

– Но тебе стоит знать, что Черная Птичка подкинула Лизандре пару тысяч, чтобы та развивала свою идею передачи «Великая Сборная».

Ее дитя, тающее, словно воск, предложили святоше.

– Все нормально? – спросила Сибеле.

– Происходит что-то, чему у меня нет объяснения, – ответила Марселина. – Могу сказать одно, вы меня знаете, а потому поверьте: если кто-то выглядит как я, но ведет себя странно, значит, это не я. Звучит нелепо, конечно, но я и сама ничего не понимаю. А еще за мной охотятся.

– Призрак? – Это произнес Титу, ее третий гей-папа, сам похожий на духа, – такой же бледный, он вел ночной образ жизни и лично знал всех привидений Копакабаны, приветствовал

каждое, пока, пошатываясь, тащился до дома.

– Нет, это кто-то другой. Он еще не умер.

– Слушай, а тут богатый материал для шоу, – сказал Селсу, но члены альтернативной семьи отводили глаза. Впервые они попрощались по отдельности и ушли поодиночке.

«Вы меня не поддержали», – подумала Марселина. Дух маконьи витал в воздухе. Море в рамке из многоквартирных домов все еще удерживало сиреневый цвет. Прибой нарастал, воздух был таким неподвижным, что шум океана доносился сквозь гул машин в Копа, и пах он так, как, по мнению Марселины, должны пахнуть колибри: сладким, цветочным, переливающимся красками ароматом. Огромная бледная луна Йеманжи выплыла из-за водяных цистерн и антенн. Вдали трещали автоматные очереди: маленькая фавела Паван на западном конце Копа все еще не могла успокоиться. Марселина вспомнила одну сиреневую ночь, случившуюся целую жизнь назад. Внезапно ее вытащила из постели высокая королева из диснеевского мультика, в шелестящем платье и вся увешанная бриллиантами. «Пойдем, одевайся». Три сестры Хоффман ехали в тесноте рядом с матерью на заднем сиденье такси вдоль бульваров и бурлящего темного моря. «Это карнавал?» – спросила Марселина при виде толпы перед залитым огнями отелем, белым и большим, как скала. «Нет, – ответила мать, – это намного лучше, чем карнавал». Она начала протискиваться сквозь толпу. Некоторые зеваки пялились на нее, потом ахали и охали, кланялись и расступались, но большинство она просто расталкивала. «Идем, девочки, идем». Глория, Ира-сема и Марселина шли гуськом, взявшись за руки, пока не оказались в первом ряду. Марселина подняла голову и смотрела на мужчин в военной форме, мужчин с камерами, мужчин в смокингах и женщин, разодетых даже шикарнее, чем ее мать. Под ногами лежал красный ковер. Какой-то крупный сеньор с седеющими волосами и синими-пресиними глазами шел по красной дорожке под вспышки камер, крики толпы и аплодисменты. Марселина испугалась шума, огней и напирающих на нее тел, но мама крикнула: «Привет! Привет! Эй! Эй!» Мужчина посмотрел в их сторону с озадаченным видом, потом поднял руку, улыбнулся и зашагал дальше по аллее огней. В такси по дороге обратно Марселина задала вопрос, который слишком взрослые и слишком застенчивые Глория и Ирасема не решались произнести вслух.

– Мам, а кто это был?

– Милая моя, это был мистер Фрэнк Синатра.

Лицо матери сияло, как у прихожанок во время торжественной новены[167].

Серебряный миг. Вспышка на экране. Мать показала Марселине момент славы на ступеньках «Копа Пэлэс», демонстрировала каждой прекрасной мелодией, которую извлекала из органа. Марселина гналась за ним, прыгала, тянула руки, пока, наконец, не поймала и не прижала к груди, а слава дрожала и поминутно меняла форму, и вот тогда, схватив ее, Марселина в ту же самую минуту увидела, в чем, собственно, фокус.

Она взяла матрас, легкий спальный мешок и разделась до трусов и майки в рассеянном свете, отраженном от морру.

27 января 2033 года

Как плакать в Сидаде-де-Лус?

Каждая новая запись в книге требует испечь Пирог Плача. Мука, маргарин, сахар, орехи, еще сахар – святые такие сластены – щедрая порция кашасы, против чего святые тоже не возражают. Испечь. Нарезать на кубики ножом, смоченным в святой воде, один кубик на каждую молитву. Остальное можно оставить на подносе для всех соседей. Теперь нужно выбрать святого. Айшэды подсказывают доне Ортенсе, что лучший вариант для такого случая – святая Христина (Чудесная). Она распечатывает изображение, аккуратно вырезает его ножницами, наклеивает на дощечку размером с картонный пакетик со спичками вместе с другими католическими символами из журнала, который издает церковный приход, и украшает по краю пластиковыми бусинками, блестками и осколками стеклянных рождественских украшений. Затем икона очищается солью и ладаном. Гадание на китайском компасе дает наилучшее расположение, затем Книгу Плача открывают перед алтарем, вписывают имя и просьбу обязательно маркером с толстым стержнем, чтобы надпись легко читалась в полумраке барракана, а потом все это припорошить фарофой, которую потом собирают в кучку перед святой Христиной Чудесной. Затем, пока плач не прекратится, это прошение, как и все другие на этот день, орошают слезами.

«Святая Христина, прояви себя, – молила дона Ортенсе. – Удиви меня. Страдает мой младшенький и второй из самых любимых сыновей. Лежит себе в гамаке и только глазами моргает, я понимаю, что он играет в игры и читает форумы в айшэдах, а еда на тарелке тем временем стынет и привлекает мух. Он забыл про все свои сделки, контракты и планы, с его-то амбициями, деловой хваткой и решимостью. Я знаю, что Герсон – глупый, мягкий Герсон – подсыпает таблетки в колу Эдсона, и эти таблетки крадут его энергию, высасывают его волю. Подними его, пусть выйдет из дома, встретится с друзьями и клиентами, они

ему помогут. А до тех пор позволь мне стирать его одежду, поправлять его бумаги, приносить ему кофе, оставлять тарелки с цыпленком, бобами и рисом и сказать Герсону, чтоб прекратил таскать таблетки, а вместо это лучше принес бы нормальных денег в дом».

Рано утром в день почитания Богоматери из Апаресиды[168] дона Ортенсе видит, что ее младшенький и второй из любимых сыновей лезет на крышу. На нем шорты, футболка без рукавов и шлепки, его силуэт нарушает геометрию белых пластиковых труб, которые окружают водонагреватель на солнечных батареях. Сидаде-де-Лус носит с гордостью статус «байру», района, однако водопроводная система и провисшие провода – здесь все еще можно подключиться напрямую к фонарному столбу – с головой выдают бывшую фавелу.

– Нужно поменять эти трубы. – Эдсон стоит, уперев руки в боки, и осматривается. Он смотрит не на трубы и водопровод, понимает дона Ортенсе, но на город, на небо, на свой мир. Началось.

– Я приготовила кибе, – говорит дона Ортенсе.

– Спущусь через три минуты.

В тот же вечер дона Ортенсе переворачивает икону святой Христины ликом вниз и крошит Пирог Плача птицам.

По утрам у пенсионеров скидки в спортивном клубе. Эдсон проходит мимо беговых дорожек, которые крутятся вместе с мужчинами в бейсболках и мешковатых шортах и женщинами в капри и безразмерных футболках. Во второй половине дня приходят качаться парни из банды одного из наркодилеров Сидаде-Альта. Главарь договорился о корпоративном членстве для своих ребят. Сделка хорошая, но у этих посетителей есть привычка оставлять максимальный вес, чтобы выглядеть настоящими мачо в глазах следующих посетителей. Эмерсон пытается заварить сломанный тренажер, поглядывая через квадрат дымчатого стекла на сверкающую дугу.

– Все еще вытряхиваешь денежки из стариков? – спрашивает Эдсон.

Эмерсон поднимает голову, сначала улыбается, а потом откровенно ухмыляется.

– По крайней мере я зарабатываю деньги, – он выключает сварочную горелку, снимает перчатки и крепко обнимает младшенького. Шестой братишка всегда был ужасно независимым, никогда не спрашивал ни у кого разрешения, но постоянно делился планами с Эмерсоном, словно бы прося благословения, которое не дали бы дона Ортенсе и все ее святые.

В холодильнике есть холодное пиво. Эмерсон выгоняет

администратора Марию из кабинета – «она все равно только и делает, что чатится» – и они усаживаются за потрепанный стол. Пенсионеры топают и сопят по ту сторону стекла.

– Ну?

– Со мной все будет нормально. Время настало, понимаешь? Время для всего. Я снова вернулся. Это понятно? Я был где-то в другом месте, словно бы в отпуске в собственном доме, а теперь я здесь, как будто была весна, а теперь снова наступило лето.

Эмерсон не говорит: «Вообще-то прошло три с половиной месяца». Он не произносит даже идиотских фраз в духе ток-шоу, мол, не думаю, что смогу понять, как много она для тебя значила. Вспоминает, что чувствовал, когда убили Андерсона. Они тогда работали в фавеле, на последнем этаже жилого дома: каменщик и электрик, братья Оливейра. А потом вдруг начался фейерверк, как на день поминовения какого-нибудь святого. Полиция. На крутых лестницах пехотинцы местного Хозяина выбрасывали айшэды, кредитки, ценные вещи с арчидами – все, что могло выдать их местоположение Ангелам Постоянного Надзора. Полицейские беспилотники кружили над Сидаде-Альта, словно черные грифы. Теперь стреляли в районе перекрестков, там, где Сидаде-Альта вырастает из Сидаде-де-Лус. Андерсон ушел за изолентой. Он оказался в ловушке. Палили повсюду. Бежать было некуда. Только сидеть на той крыше. Он кричал Андерсону, чтобы тот уходил, шел домой, шел в Лус, а если не может, то спрятался где-то, в любом месте с дверью и стенами. Ответа не последовало. Полиция всех перестреляла. Теперь Эмерсон испугался. Провел локализацию айшэдов Андерсона с точностью до миллиметра. Сигнал с камер брата замер в восьми сантиметрах над уровнем земли. Это как раз высота переносицы, если лежишь на тротуаре. Именно в таком положении Эмерсон и нашел его в огромном темном озере засыхающей крови. Он казался таким напуганным, таким раздраженным. Полиция приняла его за одного из солдаду. Возмущение муниципального совета Сидаде-де-Лус вынудило копов признать, что Андерсон попал под перекрестный огонь, когда пытался найти убежище. На большее надеяться не приходилось. Банальность в ответ на соболезнования от друзей и соседей. Слов не хватало, пришлось прибегнуть к банальностям в надежде, что дона Ортенсе и пять оставшихся в живых сыновей прочтут за ними не выразимую словами правду. Иногда одних только общих фраз и оказывается достаточно.

Эдсон говорит:

– Хочу кое-что спросить.

Эмерсон по опыту опасается вопросов с прелюдиями, но отвечает:

– Давай.

– Было видео?

– Ты о чем?

– Ну есть такая передача «Вынести мусор». Ты видел?

– Я такое не смотрю.

– Я знаю, но…

– Не слышал.

– И я.

– О чем ты думаешь?

И снова он слышит дрожь в дыхании Эдсона.

– Просто там был квант-нож, и все сразу подумали про эту передачу. Но что, если дело не в ней?

– Продолжай.

Эдсон поворачивает бутылку в пластиковой упаковке на столе Эмерсона.

– Когда я в последний раз виделся с ней, в Тодуз-ус-Сантус, когда ее приятель-гей пытался меня напугать, она говорила с какими-то людьми. Один из них был священником, белым священником. Ну он был одет, как священник, но белые часто ими притворяются. А тем вечером во время гафиейры ее позвали какие-то ребята, которых не было в списке приглашеных.

– Что ты хочешь узнать?

– Хочу пойти и поискать.

– Что?

– Мусорный бак.

– И если найдешь?

– Значит, конец.

– А если не найдешь?

– Тогда не знаю.

– Пусть себе лежит спокойно.

– Я знаю, что должен это сделать. Но не думаю, что могу.

– Тогда, братишка, будь очень осторожен.

Старики топают и скрипят.

Эдсон начинает не с той стороны дороги, потом разворачивается через алкозаправочную станцию «Ирипанга» на разделительной полосе и подъезжает к обочине. Он может воссоздать каждую деталь сцены убийства в замедленном режиме, но здесь и сейчас не видит никаких следов на пустом бетоне. Ни тебе цветов, ни карточек с молитвами, ни съедобных подношений. Эдсон оставляет «Ямаху» и проходит вдоль дороги туда-сюда, и его жалит щебень, вылетающий из-под колес быстрых грузовиков. Вот валяется обрезок покрышки, словно сброшенная змеиная кожа. Стальная стружка как уличные

украшения. Эдсон стоит там, где ждал с протянутой рукой убийца, словно бы ловил попутку. Он тоже протягивает руку, рисует воображаемую разделительную линию среди этого марева из машин, домов, многоэтажек и неба. Ничего не чувствует. Целостность этого места слишком нарушена, чтобы сохранить воспоминания или горе.

На противоположной стороне останавливается мототакси. Из него выходит длинноволосая женщина. Поток машин обрамляет ее, словно объектив видеокамеры. Незнакомка тоже проходит вдоль края дороги туда-сюда. Наклоняется, уперев руки в бедра, и смотрит через шоссе. Эдсон резко распрямляется. Образ впечатывается в его зрительные центры. Каскад волос, наклон скул, фальшивая невинность в глазах олененка, как у героинь аниме. Она.

Их взгляды встречаются через крыши машин. Сердце остановилось, время замерло, пространство сгустилось. Эдсон делает шаг навстречу и тут же падает на гравий, сбитый с ног оглушительными гудками. Женщина бежит к мототакси и жестом показывает водителю: поехали, поехали!

– Фиа! – Шоссе проглатывает его крик. Он видел ее на этой самой обочине, там, где сейчас стоит. Видел мертвой. Лицо закрыто. Логотипы на подошвах туфель. Он видел их, когда ее уносили.

Мототакси вплетается в транспортный поток. Очарование рассеивается. Эдсон включает на айшэдах режим съемки движущихся объектов. Прыгает на мотоцикл, заводит мотор. На ней зеленый кожаный пиджак. Зеленый кожаный пиджак и развевающиеся длинные-длинные волосы. Он их найдет. Эдсон, рискуя, перестраивается через шоссе на скоростную полосу. Их разделяет двенадцать машин, но мотоцикл Эдсона может обогнать все, что движется сейчас по дороге, шныряя между конвоем грузовиков на биодизеле, он сокращает разрыв. Она бросает взгляд через плечо, и волосы хлещут по лицу. «Это я, я!» – кричит Эдсон встречному ветру. Она ударяет водителя по спине, тычет пальцем вперед, а потом направо. Водитель газует, и такси летит вперед, как истребитель. Эдсон сидит у них на хвосте. А она говорила, что никогда не ездит на заднем сиденье. Из-за резкого торможения он едва не влетает в школьный микроавтобус. Массовые пробки Сан-Паулу. Он ее потерял. Эдсон едет вдоль стоящих машин. В этой полосе ее нет. Он протискивается на мотоцикле между двух автомобилей, так близко к огромному джипу «Рав», что водитель орет: «Машину поцарапаешь, фавеладу!» Ее нет в центральном потоке. И во внутреннем тоже. Где же? Эдсон видит, как зеленый жакет,

набирая скорость, выворачивает на съезд с противоположной стороны шоссе. Попался на свой собственный трюк. Но он знает, куда ведет та дорога – к Богоматери Мусора, в Тодуз-ус-Сантус.

* * *

– **В**озьми, – мистер Персик протягивает пистолет Сестинью рукояткой вперед. Это красивая и дерзкая пушка, которую он хранит в прикроватной тумбочке в ожидании той ночи, когда работники биофермы, что находится выше по склону, и застройщики снизу встретятся, и мир над фазендой Алваранга рухнет.

– Я ж не знаю, как с этим обращаться.

– Все просто, я тебе показывал. Раз, раз и готово. Просто возьми этот пистолет, урод тупой.

Он никогда не сквернословит. Мистер Персик никогда не ругается.

– Прости… – Он прижимает руку к голове. – Ты просто не знаешь, что делаешь. Так что возьми гребаный пистолет.

Эдсон берется за рукоятку из слоновой кости ослабевшими пальцами. Пистолет куда тяжелее, чем он думал. Он понимает, что мальчиков так привлекает в пушках, – сексуальный металл, сила. Эдсон быстро запихивает оружие в сумку. Дона Ортенсе не должна найти его. Если она узнает, что самый младший и второй любимый сын ушел куда-то с пушкой, то ей в сердце словно гвоздь вобьют. Эдсон быстро говорит:

– Ты смотрел видео, что думаешь?

– Призрак, – отвечает мистер Персик.

– Я не верю в призраков.

– А я верю, – говорит мистер Персик. – На свете нет ничего реальнее призраков. Бери пушку, Сестинью, и, пожалуйста, дорогой, позаботься о себе.

В тот вечер в своем гамаке Эдсон принимает пригоршню пилюль и изобретает новую грань своей личности – Бисбильютинью, Маленького Ищейку, частного детектива. Вежливого и неразговорчивого. Он все тщательно планирует, двигается медленно и осторожно, чтобы люди безошибочно понимали всю его серьезность. Всегда оставляет себе пути отхода. Имеет дело с киллерами. Маленький Ищейка совсем молод, ему надо расправить крылья, чтобы они заиграли всеми цветами радуги, но Эдсону нравится новая личность, он понимает, что Мелкому Проныре есть чем удивить его.

– Куда ты идешь? – говорит Налик, когда Бисбильютинью

меняется с ним удостоверениями личности. – Эй, мы так не договаривались. Если тебя убьют, то я буду мертв.

– Тогда сможешь унаследовать всех моих клиентов, – говорит Маленький Ищейка.

– Каких клиентов? – кричит ему вслед Налик.

Это риск – оставить мотоцикл с целехоньким мотором, но, возможно, придется быстро сваливать. Он платит двум разным мальчишкам, чтобы те стерегли транспорт, и обещает вдвое больше по возвращении. Они будут следить друг за дружкой. Тодуз-ус-Сантус ночью напоминает город, переливающийся огнями. Свет фар от грузовиков покачивается и меняет направление, пока машины бороздят разбитые дороги к сердцу Богоматери Мусора. Тлеют мусорные костры, дети собираются вокруг горящих бочек из-под бензина и шевелят пламя сломанными досками. Торговцы шурраску чистят маленькие жаровни, в которых красные угли тлеют под белым разлетающимся пеплом. Мальчики играют в бильярд под прицепленными неоновыми лампами в потрепанных ланшунете. Эдсон видит пистолеты за поясами их мешковатых брюк, типа такого, как у него. Но он не чувствует себя в безопасности. Головы поворачиваются, пока он идет наверх по спиральной дороге. Магазин «Атом» закрыт.

Бар набит посетителями, которые смотрят футбол на большом экране. Маленький Ищейка заказывает колу и показывает видео бармену. Эдсон посмотрел клип столько раз, что тот уже стал визуальной молитвой: она отворачивается, когда мототакси набирает скорость.

– Ее родители волнуются, – объясняет он бармену.

– Я бы тоже волновался, раз уж ты ищешь ее здесь, – говорит бармен, красавчик лет двадцати с небольшим, – Нет, я ее не помню.

– Не возражаешь, если я покажу клиентам?

Болельщики передают айшэды из рук в руки, бегло просматривают запись, надувают губы, качают головами, тихонько вздыхают. Некоторые комментируют, мол, симпатичная девчонка. «Гооооооооооол!» – кричит комментатор, когда Маленький Ищейка выходит на улицу. Половина бара вскакивает на ноги.

Терпеливо и вежливо Маленький Ищейка движется вверх по спирали. Те, кто привозит мусор, и те, кто его собирает, не знают отдыха, кроме того, всегда открыты мастерские и пункты по демонтажу. Ребятишки, которые везут тележки с запчастями к решеткам жаровен и печам, бросают быстрый взгляд на видео. Вы ее видели, вы ее видели? Чипперы и сварщики, склонившиеся над

свистящим светом сжиженного газа, трясут головами, недовольные тем, что их отвлекли.

– Родители? – Женщина огромных размеров, жир собирается в щедрые складки, когда она садится, вытянув одну ногу, на ступеньки цеха по очистке золота. Все богатство у нее во рту, на шее и на пальцах, она с незатейливым удовольствием курит короткую сигару со сладковатым запахом. – Они тебя наняли? Сынок, ты – не частный детектив, но и не кто-то еще, так что я отвечу на твой вопрос. Да. Я знаю это лицо. – Сердце Эдсона екает так сильно, что толстуха наверняка слышит этот шлепок плоти. – Она продавала всякие штуки, технические, аппараты, каких я не видела, да и никто не видел. И кое-какие побрякушки.

– В прошлом месяце?

– Вчера, сынок.

А за лачугами черные мусорные горы усыпаны звездами, светодиоды в шлемах и свечи в фонарях мигают, словно светлячки. Свалка постоянно источает миазмы синих и желтых цветов. Лучезарная красота. Городские легенды гласят, что здесь творятся странные вещи. Ходят слухи о ночных видениях, о том, что этот город накладывается на другие, об иллюзорных пейзажах, ангелах, пришельцах, НЛО, ориша. И о призраках.

– А вы знаете, кто их покупал?

– Сынок, тут постоянно кто-то что-то покупает. Обычные дилеры, но в такое время суток ты их здесь не поймаешь. Они ж не чокнутые.

– Вы не знаете, она где-то здесь живет?

– Она была бы еще большей дурой, чем ты, если бы жила здесь. У меня вот слабеют глаза и плохая память. Благодари судьбу, сынок.

Спустившись вниз по спирали, Маленький Ищейка заходит в футбольный бар, покупает бутылку хорошего импортного виски и дарит полуслепой женщине. Дорого, но так делаются дела в этом городе. Любезность в ответ на любезность. А его мотоцикл стоит нетронутым, на нем ни царапинки.

Двадцать три часа тридцать восемь минут, у Эдсона задница болит, будто сделана из затвердевшего бетона. На крыше отеля есть одна безопасная ниша, но маленькая, неудобная, и тут можно отморозить себе яйца. Районч ик без особого шика, позабытый, как выброшенные трусы, прячется за фасадами, исписанными иероглифами, розовыми вывесками суши-баров, как волосы у жительниц Харадзюку[169] и похожими на театральные подмостки кафешками тэппанъяки[170]. Датчики движения и управляемый дрон идут в довесок к скучающему подростку с дурацкой порослью над губой, который охраняет барьер

безопасности. Эдсон наблюдает, как через ворота в тупик въезжает пикап, груженный овощами. Почти сразу за черепичными крышами вырастают жилые высотки толщиной с карандаш, увенчанные движущимися рекламами пива и телесериалов. Он никогда не был так близко к мифическому сердцу города. Соборная площадь отсюда в десяти кварталах.

«Она здесь выросла», – думает Эдсон. Ее жизнь сформировалась на этой длинной улице с шаровидным концом, которая напоминает вагину. Она ездила на розовом детском велике по этому кругу. Сооружала прилавок из садовых инструментов и листьев, продавала сладости и чай со льдом соседям. Она взасос поцеловалась со своим первым парнем вон за той лестницей, где охранники ее не видели. А теперь ее родители разгружали грузовик, и ящики с зелеными и темно-красными овощами, такими мягкими, что можно представить, как заваливаешься туда спать.

– Призраки. Типа того, что ты рассказывал про фантомы? – спросил он у мистера Персика, прижимая твердый пистолет к его заднице.

– Продолжай. – Так мистер Персик вел себя – нетерпеливо подавался вперед, напрягая руки – когда хотел получить нечто большее от Сестинью, чем просто любовь и секс.

– Существует миллионы других Фий в других вселенных и других частях мультивселенной.

– Да.

– И одна из них…

– Продолжай.

– Прошла через миры.

– Отличное выражение. Прошла через миры.

– Это невозможно.

– То, что ты и квантовая теория считаете невозможным, – это разные вещи. Невозможность ограничивают принцип неопределенности Гейзенберга и принцип запрета Паули. Все остальное – оттенки вероятности. Квантовые вычисления опираются на то, что мы называем «суперпозицией», то есть связью между одним и тем же атомом в разных состояниях в разных вселенных. Ответ приходит откуда-то из этих вселенных. А иногда и не только ответ.

Справа. На крыше гаража. Какое-то движение. Фигура. Сердце Эдсона колотится так гулко, что болит. Его тошнит. Он перебирается на нижний парапет и перегибается через него. В чертовом желтом свете невозможно разглядеть детали. Инстинктивно поднимает руку, чтобы переключить зум на айшэдах. Фигура ставит банку краски на парапет. Это какой-то

паренек, уличный художник, он наклоняется, начинает валиком рисовать линию. Сердце успокаивается, но тошнота, напротив, нарастает.

Слева. Медленно идет по улице с поднятым капюшоном, а руки спрятаны в переднем кармане странной вязаной короткой толстовки, как у уличной монашки. Облегающие серые леггинсы заправлены в сапоги, которые так и кричат: «Трахни меня». Сапоги. Отличные сапоги, но кто носит леггинсы с сапогами? Он узнает эту напряженную походку и короткие шажки. Лицо скрыто капюшоном, но того, что он видит, пусть даже мельком, Эдсону достаточно. Фиа/Не-Фиа. У этой волосы длиннее. Но это Фиа. Одна из них. Другая Фиа. Она останавливается, оглядывается на охраняемой улице. «Ты тоже родилась здесь, на Либердаде в другой вселенной, да? Город, улицы, дома – все то же самое. Что привело тебя сюда? Любопытство? Доказательства? Что ты чувствуешь? Почему ты вообще в этом мире?» Охранник ерзает в своей кабинке. Фиа отворачивается и идет дальше. Эдсон покидает свой наблюдательный пост, прислоняется спиной к защитному порогу вокруг люка, тяжело дышит, прижав колени к груди. Ему никогда не было так страшно. Ни когда он поднимался на вершину холма, чтобы попросить благословения у Хозяина на открытие своей конторы, ни в ту ночь, когда Сидаде-Альта взорвалась вокруг Эмерсона и Андерсона.

«Ты опознал ее. А теперь слезай с этой крыши, убирайся отсюда». Эдсон спрыгивает в тридцати метрах позади Фии. Молодой охранник смотрит на него. Эдсон догоняет девушку. Она бросает взгляд через плечо. Их разделяет двадцать шагов. Он знает, что нужно делать. План у него в голове. И тут машина останавливается в другом конце улицы.

– Фиа!

Дверца автомобиля открывается, выходят какие-то люди. Фиа оборачивается на звук имени, которое никто не должен произносить. Эдсон вытаскивает огромный хромированный пистолет из-за пазухи. Охранник вскакивает на ноги. Все в некоем пространственно-временном пузыре, красиво, неподвижно.

– Фиа! Ко мне! Беги ко мне, Фиа! Мы знакомы, ты поняла? Я знаю тебя.

Она принимает решение за ту секунду, которая у Эдсона уходит на то, чтобы взять пистолет двумя руками. Она бежит к нему, прижав локти к телу, как бегают девочки. За ней бросаются два парня. Крупные, бегать умеют, и полы их пиджаков развеваются на ветру. Эдсон хватает Фиу за руку и тащит за собой, а потом резко останавливается. Фиа врезается в него. С другого конца улицы появляется третий преследователь, и

маленький огонек голубого цвета танцует вокруг его правой руки там, где обнаженное лезвие квант-ножа ранит пространство и время. А придурочный желторотый охранник держит пушку обеими руками, как он видел в какой-то игре, и орет:

– Не двигайся! Не двигайся, мать твою! Опусти пистолет! Опусти пистолет!

– Не дури! Они нас всех поубивают! – кричит в ответ Эдсон. – Сматывайся!

Паренек паникует, бросает пистолет и удирает прочь в скрипящие пальмами сады декасэги[171]. Свет вспыхивает за бамбуковыми занавесками, когда Эдсон затаскивает Фиу на боковую улочку, где припарковал «Ямаху». Господи и все святые, это будет трудновато… Ее руки смыкаются у него на талии. Заводись. Заводись. Заводись. Мотор оживает и ревет. Эдсон рулит одной рукой, объезжая мусорные баки и хлам.

– Возьми пистолет. Возьми пистолет. Стреляй во все, что окажется перед тобой.

– Но…

А он уже летит. Два выстрела вспыхивают над ухом. Он слышит, как пули с визгом рикошетят от стен и балок. Видит два темных силуэта, которые уворачиваются от мотоцикла. Но третий, тот, что с ножом, блокирует выезд с улицы. Дуга синего цвета. Он держит квант-нож ровно, один удар разрежет пополам. Пиф-паф! Парень с ножом выжидает, а потом делает выпад в их сторону с лезвием на изготовку. Закричав от страха, Эдсон лягает его. Удар тыльной стороной руки снимает резиновую стружку с подошвы его кроссовок, но противник повержен. Эдсон выворачивает ручку газа и выезжает на улицу. За ним торопятся два других киллера. Шорох двигателей: на место пребывают полицейские беспилотники и разворачивают свои антенны. Сирены звучат со всех сторон, но Эдсон проезжает сквозь них, к свету и бесконечному потоку машин его Сампы. Холодное дуло упирается в ямочку за ухом на Руа Луиш Гама.

– В этой штуковине не осталось пуль.

Он ощущает щекой теплое дыхание Фии.

– Уверен? Ты считал?

– Ты собираешься убить меня прямо в потоке машин?

Она протягивает руку и кладет ее на ручку газа рядом с его ладонью:

– Рискну.

С норовом. Очень в ее стиле. В стиле Фии.

– Так кто ты такой, черт бы тебя побрал?

– Убери пушку, и я тебе расскажу. Одному Господу известно, сколько камер это записало.

– Камер?

– Ты и правда не отсюда, да?

Холодное дуло сменяется жарким шепотом:

– Да, не отсюда.

– Меня зовут Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас.

– Это ничего не значит. Просто имя. С кем ты? С каким орденом?

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Она была знакома с тобой? Я про мой… двойник.

– Ну да. Она была моей девушкой.

Она говорит быстро и резко:

– Я не она. Ты должен это понимать.

– Но ты – Фиа Кисида.

– Да и нет. Я – Фиа Кисида. Это ты был тогда на шоссе? Куда мы едем?

– Куда-нибудь. Где безопасно?

Не домой. Некоторые вещи, даже посерьезнее пистолетов, не объяснишь доне Ортенсе. Эмерсон может бросить пару матрасов на полу в офисе. Покатит, пока Эдсон будет размышлять, что делать с двойником своей убитой подружки, которая явилась из параллельного Сан-Паулу и за которой охотятся с пистолетами и квант-ножами. Он чувствует, как руки Фии сжимаются на его талии, пока он расплывчатой кляксой летит через волну габаритных огней. В лицо бьет ветер, девушка молчит. Она понимает, где она. Это все еще Сан-Паулу.

Ее руки сжимаются сильнее, когда он сворачивает с шоссе на серпантин, ведущий в нутро Сидаде-де-Лус. Она смотрит на мототакси, автобусы и на величественный фасад Ассамблеи Бога с колоннами, напоминающий построенный на скорую руку рай, на провисшие кабели и белые трубы, которые бегут через дома и обнесенные стенами дворы, в сияющую, хаотическую массу верхнего города – к настоящей, упорствующей в своем грехе фавеле.

Дорога в очередной раз сворачивает, затем Эдсон резко бьет по тормозам. Впереди кто-то есть, практически у него под колесами. Мотоцикл заносит. И Фиа – Фиа-2, как он называет ее про себя, – скользит по маслянистому бетону и ударяется об обочину. Придурок на дороге – это Вкусняшка, который покинул свой обычный наблюдательный пункт на заправке Ипиранга, где он терроризирует водителей, чтобы те дали ему помыть ветровое стекло, пока заправляют машины.

– Эдсон, Эдсон, Эдсон! Налик! Он мертв! Его убили! Прямо сюда приехали.

Эдсон хватает Вкусняшку за край мешковатой майки и тащит

за заправочную станцию, подальше от света, к газовым баллонам.

– Заткнись и не произноси мое имя, непонятно, кто нас слушает или смотрит.

– Налик, они его…

– Заткнись. Стой здесь.

Он поднимает красивую нежную «Ямаху» и подкатывает к Фии-2. Просто Фии. Нет, это неправильно.

– Все в порядке? – Она собирается что-то сказать по поводу своей разодранной толстовки, но на это у Эдсона нет времени.

– Подними капюшон. Держись подальше от камер. И запрись в женском туалете. Здесь есть люди, которые могут тебя опознать. Я вернусь за тобой, а сейчас мне нужно отлучиться по одному делу.

Эдсон велит Вкусняшке сбегать к доне Ортенсе и попросить его походную сумку.

– Она знает, что это значит. И веди себя с моей матерью вежливо, ты, неуч.

Он едет через переулки и ладейру под провисшими проводами и бугенвилиями. Мимо проскакивают мототакси, оттесняя его к стенам узких улиц. Перед домом все еще стоит машина скорой помощи. Эдсон слышит, как полицейские беспилотники кружат над головой. У небольшой толпы терпеливый язык тела людей, которые из свидетелей превратились в дежурных. Дырка с человеческий рост прорезана в воротах, затронута и часть стены. Точно такая же зияет во входной двери и дверной коробке. Из нее как будто вырывается целый шквал черных птиц, они летают над Эдсоном, ослепляя его своими крыльями, клювами и когтями, птица за птицей, их слишком много, они слишком быстрые, и он бьет их, колотит, но вылетают все новые и новые, и кругом сплошные крылья, и Эдсон знает, что если зазевается, то упадет, и когти вонзятся ему в спину.

– Что случилось? – спрашивает Эдсон у миссис Мораес, сидящей на обочине в шортах и шлепках, ее волосы все еще закручены на фольгу, а рука прижата ко рту. Вокруг стоят соседи.

– Приехали на мотоцикле. Тот, что сидел сзади, сотворил это. Господь любит моего мальчика, моего бедного сыночка, разве он вообще что-то кому-то сделал плохое?

Рядом с машиной скорой помощи он видит дилера, который помогает ему сбывать антиквариат. Все алиби Эдсона тут же в толпе. На их лицах написано: «Он умер за тебя». «Что, если тебя убьют?» – пошутил Налик. В итоге убили его самого. Санитары уносят в своем черном мешке тело, на котором надеты айшэды, сообщающие – это Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас. А Эдсон

теперь никто. Ему нет места в Сидаде-де-Лус. На заправке Ипиранга он видит, как мимо проезжает скорая с включенными мигалками и орущей сиреной. Вкусняшка принес его походный мешок.

– Еще одна просьба, Вкусняшка. Сходи и скажи доне Ортенсе, что я у Сестер.

– У Сестер.

– Она поймет. Молодец.

В следующий раз он будет должен Вкусняшке.

Мотоцикл едет на запад через полосы света. Эдсон обращается к Фии, сидящей позади него:

– Деньги есть?

– Есть немного налички от продажи техники и украшений, но большую часть я потратила на еду и ночлег. А что такое?

– У меня нет ничего. Я не существую. Та скорая, что проезжала мимо, увезла меня в морг.

Она не задает вопросов, пока Эдсон объясняет устройство своего мира. Ангелы из углеродного волокна наблюдают за городом денно и нощно, никогда не перестают, никуда не спешат. Универсальные арчиды ставят метки и мониторят твое местоположение, и тебя предают одежда, обувь и игрушки в кармане. Тотальная слежка – все от полицейских камер на шоссе до футболок и айшэдов прохожих постоянно делает снимки, конфиденциальность доступна только богатым и мертвым. Информацией не владеют, но ее берут взаймы; музыка, помеченная определенной датой, и дизайнерские логотипы должны постоянно обновляться: нарушение интеллектуальной собственности карается смертью, но убийства стали развлечением в прайм-тайм, когда за каждый просмотр взимают плату, а полиции оплачивают каждое раскрытое дело. Любой клик айшэдов, любое сообщение, звонок, карта, любой крик «Гоооооол!», любой апдейт, штраф за проезд и купленный кафезинью генерирует облако маркетинговой информации, хвост которого тянется через всю инфосферу Сампы. Алиби, несколько удостоверений личности, резервная копия самого себя – небезопасно быть кем-то одним слишком долго. Скорость – это жизнь. Ей нужно понять, как она сможет существовать – должна существовать – в этом мире Порядка и Прогресса, без скана, без отпечатков пальцев, без номера. Мертвая девушка, которая воскресла. А он покойник, который едет на запад в ночном потоке машин.

16–17 сентября 1732 года Робер Франсуа Оноре Фалькон: экспедиционный журнал

Какой удивительный день, и я не сомневаюсь, что все мы будем жить вечно. Я с удобством устроился в коллегии при кармелитской церкви Носса-Сеньора-да-Консейсан, выбрит, лежу на чистом белье и предвкушаю первый нормальный ужин за несколько недель, но мои мысли возвращаются к феномену, свидетелем которого я стал, – я говорю о встрече вод.

Капитан Акунья, желая показать высокомерному французу чудо его земли, позвал меня на нос корабля посмотреть удивительное зрелище – две реки: одна черная, а вторая молочно-белая – текли бок о бок по одному руслу. Черным потоком была Риу-Негру, впадавшая в море аж в двух лье от того места. Она бежала параллельно илистому течению Солимонойс. Мы следовали вдоль границы вод, я заполнял страницу за страницей своими набросками и видел с довольно близкого расстояния, что черная и белая воды закручивались друг вокруг друга, словно изящная резьба: в завитках – завитки, а в них другие, и далее по убыванию. Подобное я видел в узорах папоротника и на листьях некоторых деревьев. Мне стало интересно, будет ли эта модель повторяться до бесконечности в своем самоподобии? Может, я с излишним предубеждением отношусь к макроскопическому? Может, существует скрытая геометрия, математическая энергия в чем-то ничтожно малом, что каскадом вздымается вверх, автоматическая сила самоупорядочивания? Я думаю, тут есть какой-то закон – в течении реки, в папоротнике, в листе.

Теперь для сравнения я изучаю Сан-Жозе-Тарумаш ду Риу-Негру. Форт, населенный кучкой офицеров, наполовину свихнувшихся от малярии, и командой местных мушкетеров; доки, правительственная таможня, суд, торговые компании, поставляющие специи, таверны и тут же – поселение-кайсара, напирающие друг на друга ряды побеленных глинобитных хижин местных индейцев, площадь, коллегия, и над всем этим высится церковь. Церковь Носса-Сеньора-да-Консейсан – кричащая смесь фантазий маньеристов и буйных пестрых украшений, которая, казалось, поднялась отвесно прямо из темной воды. Она так себя выпячивает, поскольку дальше церквей нет: за Сан-Жозе разбросаны только отдельные алдейи и редукции в долинах Риу-Негру и Риу-Бранку. Ощущение пограничности, огромное психологическое давление девственной природы за пределами Сан-Жозе придает ему особую энергию. Доки переполнены каноэ и большими речными судами, тут же на реке выстроились плоты из бревен цезальпинии. Рынок громкий и яркий, торговцы с нетерпением ждут покупателей. Вокруг сплошная стройка и суматоха, вдоль реки в спешке сколачивают новые склады, а чуть выше возводят дома, обнесенные стенами, яркие новые дома для

негоциантов, которым не хватает только крыш. В каждом жителе, от священника до раба, я вижу жажду деятельности. Думаю, это будет хороший и сильный город, настоящая столица провинции.

Весть о прибытии отца Льюиса Квинна опередила его. Кармелиты приветствовали иезуитского адмонитора музыкальной процессией. Трубы, тамбурины, даже переносной орган на носилках, и целая толпа индейцев в белом – мужчин, женщин, детей – в головных уборах, сплетенных из пальмовых листьев, размахивающих все теми же пальмовыми листьями и исполняющих великолепную кантату, в которой соединились европейские мелодии и контрапункты с народными ритмами и сочными красками. Пока я тащился вместе с Квинном за обозом с вещами, поймал себя на мысли, что иду в такт музыке. Священник, как человек, которого музыка очень трогает, был в восторге, но мне интересно, насколько сильно его удовольствие маскирует раздражение из-за того, что о нем уже всем известно. Несмотря на теплый прием, я ощутил беспокойство.

Отец Квинн причастился, я же примирился со сребролюбием, представив все свои бумаги командиру форта, капитану Араужу с последующим пространным допросом, который не был грубым и излишне любопытным по своему тону и родился скорее из долгой жизни в уединении и отсутствия новизны. Здесь моим планам впервые нанесли удар. Меня проинформировали, что Акунья не сможет отвезти меня вверх по Риу-Негру, поскольку новые приказы из Салвадора запретили любым вооруженным судам заходить дальше Сан-Жозе из страха перед голландскими пиратами, которые снова появились в этом районе и могли с легкостью захватить подобный корабль и применить против гарнизона. Мне не хотелось комментировать, что, судя по виду, дерево, песок и глинобитные постройки вполне способны со смехом выдержать удар игрушечных пушек корабля Акуньи, но одному я в Бразилии уже научился – никогда не вызывай неудовольствия у местных царьков, от чьей доброй воли зависишь. В заключение капитан сказал, что слышал о моих изрядных навыках фехтования, и, если время позволит, был бы не прочь попробовать свои силы в поединке перед фортом, где традиционно проводятся дуэли. Думаю, я откажусь. Он довольно милый болван, отказ его расстроит, но не более. Рядом с понтонными домиками у плавучей гавани целая куча каноэ. Завтра начну договариваться.

Дополнение:

Меня обеспокоила сцена, которую я увидел из окна коллегии. Крики и адское мычание заставили меня выглянуть на улицу, и при свете факелов я увидел тучного быка, которого тащили на

площадь перед церковью, веревки были привязаны к копытам, рогам и ноздрям, и люди волочили его, при этом с трудом контролировали ревущее испуганное животное. Какой-то парень с резаком подошел к волу и прицелился между его ушей. Семь ударов понадобилось, чтобы бешеный зверь упал и затих. Я отвернулся, когда быка начали расчленять прямо на площади, но уверен, что его поразила та самая чума, которая царит здесь. Она добралась и до Сан-Жозе-

Тарумаша, как может показаться, последнего места в мире, или же она берет свое начало отсюда?

Надеюсь, кровавое варварство не испортит мне аппетит.

* * *

На них напали прямо при сходе на берег. Лица были скрыты платками. Трое нападавших выскочили из укрытия понтонных домов по обе стороны от шатких сходней. Сбежать или увернуться в таком узком проходе не представлялось возможным. Квинн не успел среагировать, как широкий плотницкий молоток с размаху вылетел из ночной тени и с силой ударил его в грудь. Он упал, и в ту же минуту нападавший занес оружие, чтобы опустить его на голову святого отца. Но тут Фалькон ногой ударил атаковавшего по запястью. Хрустнула кость. Человек издал дикий вопль, когда под весом оружия рука запрокинулась, сломанная и бесполезная. Злоумышленники неправильно выбрали момент для атаки, поскольку на сходнях могли действовать только по одному. Пока Квинн пытался прийти в себя, второй нападавший оттолкнул своего раненого напарника и вытащил пистолет. Фалькон, издав протяжный крик, снова нанес точный удар ногой, и пистолет покатился вниз по настилу. Француз подхватил его и направил на второго человека в маске, когда нападавший поднял ногу, чтобы наступить с силой на шею Квинна.

– Отойди или ты труп, – скомандовал он.

Злоумышленник сердито посмотрел на него, покачал головой и пошел на Фалькона, тот со щелчком взвел курок. Тогда третий убийца оттолкнул коллегу с дороги. В руках он держал нож и стоял к геометру так близко, что можно было уловить его дыхание, подняв руки так, как это делают бойцы с холодным оружием, его поза отчасти напоминала молитвенную.

– Я не думаю….

Противник нанес удар. Фалькон увидел, как часть пистолета в палец длиной шмякнулась на дерево. Твердую древесину, сталь и латунь нож разрезал так чисто, словно шелк. Нападавший

улыбнулся и взмахнул ножом. Фалькону показалось, что он видит какое-то синее свечение. Француз поднял руку, чтобы защитить лицо, и по недосмотру нажал на спусковой крючок. Выстрел напомнил пушечный взрыв в этом лабиринте деревянных веранд и мостков. Пуля пролетела мимо цели, куда-то в небо. Но Фалькон и не хотел попасть точно в цель. В удивлении и замешательстве он ударил человека дважды кулаком – так дрались в порту Лиона. Лезвие выпало из руки нападавшего, ударилось о дерево и пронзило его так, словно это была вода, пока эфес не задержал дальнейшее движение. Теперь в схватку вступил Квинн, пришедший в себя и полный ярости. Он схватил упавший нож. Тот прорезал доски насквозь, дощатый настил скрипнул и покосился под ирландцем. Квинн поднялся во весь свой рост, его огромная фигура заполнила весь проулок, напоминавший по ширине гроб. Раненый обладатель молотка и пистолейру уже убежали. Хозяин ножа тоже спасался бегством, но в панике споткнулся о край доски и упал на спину. С животным воплем Квинн плюхнулся на него сверху, занеся нож, чтобы нанести удар прямо в кишки, отнюдь не по-христиански.

– Льюис. Льюис Квинн.

Чей-то голос пробился сквозь сверкающую, захватившую разум ярость. На мгновение Квинн подумал, уж не повернуться ли и не пустить этот нож, божественный и дьявольский, против писклявого голоска, что смеет перечить ему, представил, как будет кромсать противника снова и снова, пока от того не останется только пятно. Затем он увидел дома, двери и окна совсем близко от себя, почувствовал, как тростник щекочет плечи, а еще увидел человека, на которого нацелен нож, беспомощного и смешного человека, в глазах которого над платком, повязанным для маскировки, застыл жуткий страх. «В последнюю минуту, прежде чем предстать перед вечностью, ты все еще прячешь свое лицо», – подумал Квинн, а потом прогремел:

– Беги! Беги!

Нападавший отполз, поднялся и кинулся наутек.

Квинн метнулся мимо бледного потрясенного Фалькона на пристань, где буквально несколько минут – что казалось целой вечностью в ледяном потоке времени, столь хорошо знакомым по той поре, когда он дрался на дуэлях, – назад они торговались с владельцами каноэ. Он еще раз бросил восхищенный взгляд на нож – такой не делали ни в одной мастерской в Бразилии – и со всей мочи швырнул его поверх голов гребцов. Ребра заболели от напряга. Ангельский нож оставил голубую арку, рану в воздухе? Теперь француз стоял рядом.

– Друг мой, похоже, я злоупотребил гостеприимством этого

города.

В церкви было темно, как в могиле, ее освещали лишь свечи, горевшие у ног святых, и красное пламя в лампаде, но Фалькон легко нашел Квинна, следуя за дымом сигары.

– Во Франции курение в церкви сочли бы ужасным грехом.

– Не вижу ничего дурного. – Иезуит встал, прислонившись к кафедре – головокружительной конструкции, которая была прицеплена к алтарной части храма, словно гнездо какой-то лесной птицы, а от нарисованных на ней ангелочков и аллегорических фигур рябило в глазах. – Мы чтим крест нашими сердцами и умами, а не вдохами и выдохами. И разве мы не пьем вина в самом святом из святых мест?

Зной Рио-Негру, казалось, задержался в церкви. Фалькону изнывал от жары, был подавлен и напуган. Ему уже дважды довелось видеть ярость священника.

– Ваше отсутствие заметили на ужине.

– Мне предстоит закончить набор упражнений, прежде чем я продолжу свою миссию.

– Я так им и сказал.

– Они упомянули о сегодняшнем нападении?

– Нет.

– Странно, что в таком маленьком городке, как Сан-Жозе, братьям нечего сказать о нападении на приезжего адмонитора. – Квинн изучил тлеющий уголек сигары и аккуратно затушил ее о выложенный плиткой пол. – Что-то неправедное так сильно здесь укоренилось, что, боюсь, не в моей власти уничтожить его.

– «Уничтожить». Слишком воинственное слово для истово верующего.

– Я состою в военном ордене. Вы знаете, почему меня выбрали адмонитором в Коимбре?

– Из-за вашей способности к языкам. И потому, что, простите, вы убили человека.

Квинн хохотнул, и смех с этим его необычным акцентом казался каким-то сплющенным и уродливым.

– Полагаю, несложно догадаться. А вы можете догадаться, как именно я убил того человека?

– Ну, очевидным предположением будет – в пылу искупления грехов.

– Да, это очевидное предположение. Но нет, я убил человека высокой оловянной кружкой. Я ударил его по виску, а потом, воспользовавшись его беспомощностью, сел сверху и выколотил из него дух все той же кружкой, более того, избил так, что даже хозяин не смог его опознать. Вы знаете, кто был тот человек?

Фалькон почувствовал, как у него чешется череп под париком.

– С ваших слов, получается, что слуга. Ваш личный?

– Нет, это был раб из таверны в Порту. Бразильский раб, вернее сказать, индеец. Судя по речи, индеец тупи. Владелец сколотил состояние в колонии и вернулся с семьей и рабами в Португалию. Тот раб даже особо ничего не сказал мне – просто сообщил, что ему велели больше мне не наливать. И я перед всеми своими друзьями, пьяницами и драчунами, схватил пустую пивную кружку и ударил его. Сможете ли вы теперь догадаться, зачем я посвятил себя иезуитскому ордену?

– Разумеется, раскаяние и покаяние, причем не только за убийство – не будем спорить, это было именно убийство, – но и потому, что вы принадлежали к высшему классу, который может убивать безнаказанно.

– Да, именно так, но вы упустили самое главное. Я уже сказал, что состою в военном ордене: дисциплина, мой друг, дисциплина. Когда я убил того раба – я тоже буду называть вещи своими именами – знаете, что я испытал? Радость. Такую радость, какой не испытывал ни до, ни после. Когда я причащаюсь или сам совершаю таинство, когда молюсь в одиночестве и знаю, что со мной дух Христов, или когда музыка трогает меня до слез – все это даже близко не сравнится с тем, что я ощутил, когда взял в руки чью-то жизнь и вырвал ее с корнем. Ничто, Фалькон, ничто с этим не сравнится. Когда я участвовал в дуэлях, то мог прикоснуться лишь к краю этого переживания. Это ужасная и прекрасная радость, Фалькон, и от нее очень сложно отказаться.

– Я видел, – промямлил Фалькон слабым голосом. Как жарко – он не мог дышать, и пот катился по затылку. Француз снял парик и нервно сжал его в руке, как поклонник сжимает букетик цветов.

– Вы ничего не видели, – сказал Квинн. – Ничего не понимаете. И никогда не сможете. Я просил самое сложное задание. Господь выполнил мое желание, но миссия оказалась куда масштабнее и тяжелее, чем мог представить отец Джеймс или кто-то другой в Коимбре. Двенадцать лет назад сюда, на берег этой реки, приехал член нашего ордена, отец Диегу Гонсалвеш. Его трудам могли бы позавидовать сами апостолы, он завоевывал для Христа и умиротворял целые народы, две сотни лье вверх по Риу-Бранку, алдеи и редукции, ставшие сияющими маяками того, что вообще можно достичь на этой дикой земле. Мир, изобилие, обучение, правильное понимание Господа и его церкви – каждый здесь умел петь, читать и писать. Епископальные проверяющие описывали красоту и блеск этих поселений:

великолепные церкви, умелые рабочие, которые трудятся свободно, а не по принуждению или в рабстве. Я читал эти письма на корабле из Салвадора в Белен. Отец Диегу обратился к настоятелю с просьбой разрешить установить печатный станок: он был мечтателем, истинным пророком. К своему прошению он приложил рисунки образовательного центра, нового города в верховьях Риу-Бранку – нового Иерусалима, как он назвал его, университета в лесу. Я видел рисунки в библиотеке Коллегии в Салвадоре, они греховно величественны, безумны по размаху – целый город на Амазонке. Разумеется, ему отказали.

– Колониальная политика Португалии весьма прозрачна. Бразилия – это торговый придаток, не более того. Продолжайте, пожалуйста.

– А на этом все. Отец Диегу Гонсалвеш отплыл семь лет назад из этого форта в леса за Риу-Бранку. Энтрадас и выжившие из потерянных бандейрас рассказывали о чудовищных конструкциях, о том, что целые народы порабощены и задействованы на работах. Империя внутри империи, прорубленная в сердце джунглей. Смерть и кровь. Когда один за другим отсюда не вернулись три ревизора, призванные подтвердить подлинность этих слухов, Орден попросил направить сюда адмонитора.

– Ваша миссия – отыскать отца Диегу Гонсалвеша.

– И призвать вернуться к дисциплине Ордена, любыми способами.

– Боюсь, я понял смысл ваших слов слишком хорошо, святой отец.

– Я могу убить его, если потребуется. Вы об этом? По одним только слухам он стал опасен для Ордена. Наше присутствие в Бразилии шатко как никогда.

– Убить брата-священника!

– Мой собственный Орден сделал меня лицемером, но я подчиняюсь ему, как должно подчиняться любому солдату.

Фалькон вытер пот с шеи рукавом блузы. Запах несвежего фимиама бил в ноздри. У француза чесались глаза.

– А те люди, что на нас напали… вы думаете, их послал отец Диегу?

– Нет, я думаю, их нанял тот самый святой отец, с которым вы так приятно поужинали. Он, конечно, слишком лоснящийся и откормленный, чтобы быть сносным интриганом, наш брат Брага. Я задал ему пару вопросов после мессы: он врет хорошо и по привычке. Богатство кармелитов всегда основывалось на красном золоте, полагаю, что их присутствие здесь терпят исключительно потому, что они обеспечивают бесперебойный поток рабов на плантации.

– Вы считаете, что он может быть ответственным за разрушение того плавучего города?

– Даже кармелиты пока настолько не скомпрометированы. Но мне здесь находиться небезопасно, вы, мой друг, хоть как-то защищены, поскольку выполняете миссию для короны. Я же всего лишь священник, а в этих широтах священники всегда были разменной монетой. Мы уезжаем утром, но я не вернусь в коллегию сегодня вечером.

– Тогда я буду наблюдать и ждать вместе с вами, – заявил Фалькон.

– Я бы предостерег вас от того, чтобы проводить слишком много времени в моей компании. Но, по крайней мере, оставьте мне свой меч.

– С радостью, – Фалькон отцепил клинок от пояса и протянул его Квинну. – Жаль, что вы выкинули тот необычный нож в реку.

– Пришлось, – сказал иезуит, поднося ножны к свету, чтобы посмотреть и опробовать оружие. – Это был неправильный нож. Он меня испугал. Теперь идите, вы и так пробыли тут слишком долго. Я буду наблюдать и молиться. Мне хочется помолиться. Душа осквернена, испачкана уступками.

* * *

Свет на темной воде; миллион блестящих осколков восходящего солнца, что проводило золотым лезвием вдоль реки. Противоположный берег залило лучами, прибрежный песок казался ярко-желтым, и несмотря на расстояние более одного лье все детали были четко видны, каждое дерево лесного полога казалось таким четким, что Фалькон мог рассмотреть листья и ветки. Адские крики рыжих ревунов долетали до его ушей.

Какое-то время француз стоял на верхней ступени лестницы, щурясь от яркого света и прикрывая глаза рукой, даже его зеленые очки не спасали от столь победоносного солнца. Жара поднималась вместе с ним, насекомые пока были малочисленными и вялыми, и Фалькон надеялся выйти в фарватер к тому времени, когда зной и мошкара станут невыносимыми. Сейчас все было таким свежим, чистым, заново отчеканенным, таким настоящим, что все ужасы и шепоты ночи казались призраками, и Фалькону хотелось насладиться моментом до последней ноты.

Квинн уже сидел в своей пироге. Команда состояла из иезуита, облаченного в белые одежды индейца, чье лицо покрывали оспины, и огромного негра. Остальную часть лодки

занимали маниока и бобы. Флотилия Фалькона, куда более впечатляющая, качалась на волнах: каноэ с тентом для самого географа, три для его помощников, пять для багажа, еще три для провианта, и в каждой рабы из племени манао.

– Отличное утро, слава Богу! – крикнул Квинн на французском. – Не могу дождаться отплытия!

– Вы путешествуете налегке, – заметил Фалькон, спускаясь по лестнице.

Река разливалась в ночное время, и доски наспех проложили по уже потрескавшейся грязи, но все равно несколько последних шагов до каноэ пришлось пройти по хлюпающей жиже.

– Это лучшее, что можно было купить за легендарное золото иезуитов?

– Лодка легкая и быстрая, – сказал священник по-португальски. – Уверен, лучше три добровольца, чем целый флот рабов.

Чернокожий парень широко улыбнулся. Фалькон с решительным видом прошел по раскачивавшемуся каноэ до своего места в центре, под навесом из хлопка. Он чувствовал безмолвные насмешки своей команды и слышал громкий смех маленького экипажа Квинна. Осторожно опустился на плетеный стул, навес скрывал его от насекомых и издевок. Фалькон взмахнул платком:

– В путь.

Золотая река разлеталась монетками света, когда весла ударяли по воде и выныривали обратно. Географ крепко сжимал подлокотники, когда волны из-под носа поднимались по бортам. Секундный страх, а потом его флотилия выстроилась вокруг, гребцы начал работать веслами в бессознательной гармонии, и строй в форме стрелы вышел в Риу-Негру.

Пирога Квинна, маленькая, легкая и хрупкая, будто листок на воде, рванула вперед. Фалькон отметил, с какой легкостью массивное тело иезуита, несмотря на ужасный удар, который ему недавно нанесли, приспособилось к ритмам гребцов. Француз не смог побороть детский порыв и помахал Льюису платком, на что тот ответил широкой, беззаботной улыбкой.

Время стерлось вместе с бурлящим потоком. Когда Фалькон выглянул из-за своего навеса, то Сан-Жозе-Тарумаш уже исчез из виду за изгибом реки, столь незначительным, что ускользнул даже от натренированного взгляда географа, и теперь стены зелени, казалось, смыкались за его спиной. Вопреки воле и здравому смыслу Фалькон понял, что в него вселяется дух реки. Он проявился в спокойствии, нежелании двигаться, брать что-то из инструментов, которые Фалькон разложил перед собой, дабы

измерять солнце, пространство и время, и вообще принимать хоть какие-то решения, после которых его мысли и воля кругами разошлись бы по черной воде. Крики птиц и животных под пологом леса, брызги речной жизни, взмахи и удары весел, плеск воды о корпус – все это казалось ему партиями большого хора, которые в сумме давали колоссальную, космологическую тишину. Неподвижные спирали дыма из-за зеленой полосы леса, поселения на берегу, приземистые конусы церквей, деревянные кресты, возведенные еще до них, оживленное речное движение, участники которого приветствовали путников, махали руками и улыбались, – все это было столь далеко от него, будто нарисовано акварелью на бумаге, а сам Фалькон стал дождевой каплей, сбегающей по стеклу. Его руки должны были измерять, рисовать, чертить карты, делать аннотации, но вместо этого вцепились в борта каноэ, загипнотизированные рекой, и так проходил час за часом.

Это наваждение нарушил Квинн. Его пирога вырывалась вперед час за часом, пока не стала казаться комаром на поверхности воды. Там, где русло разделяла коса островков, иезуит велел своим гребцам развернуться поперек и ждать посередине реки. Дрейфуя в сторону фаланги[172] Фалькона, Льюис трижды обеими руками поднял весло над своей головой. В тот же момент все гребцы флотилии Фалькона остановились. Импульс был потерян, и безжалостная рука Риу-Негру подхватила лодки, развернула, рассеяла их строй, превратив в полный хаос.

– Гребите, олухи! – крикнул Фалькон Журипари своему переводчику из племени манао. – Вели им грести, немедленно!

Тот хранил молчание, весла не двигались. Фалькон стукнул по спине раба, который стоял на колене[173] непосредственно рядом с ним. Невольник воспринял удар так же равнодушно, как кряжистое лесное дерево. Квинн и его команда проворно подплыли к дрейфующим каноэ. Он приблизился к орущему и бранящемуся французу:

– Простите, друг мой, но дальше вы со мной не поедете.

– Что вы сделали? Что за бред? Какой-то жалкий иезуитский заговор!

– Скорее легендарное иезуитское золото, о котором вы упоминали, доктор. Наш орден никогда не боялся наживы, в отличие от некоторых других. Но дальше нам не по пути, доктор Фалькон. Впереди раскинулся архипелаг Анавильянас. Как говорит Мануэл, это не нанесенный на карту лабиринт подвижных отмелей и лагун. Я велел вашей команде разбить лагерь на одном из островов на пять дней. За это время я так сильно оторвусь от вашей экспедиции, что вы меня никогда не

найдете. Мой друг, вам небезопасно ехать со мной, и, по правде сказать, моя собственная миссия может вынудить меня на такие поступки, которые не должен видеть никто со стороны. Однако небезопасно вам было и оставаться в Сан-Жозе-Тарумаше, а на архипелаге вас никто не найдет. – Квинн поднял меч Фалькона со дна пироги и протянул французу – Это ваше оружие, не мое, если у меня его не будет, по милости Божьей, то не возникнет соблазна воспользоваться им. – Он бросил клинок, Фалькон поймал его двумя руками, каноэ качнулись на спокойной воде. – Споры бесполезны, мой дорогой друг, с властью и золотом иезуитов не поспоришь. – Квинн кивнул своему проводнику-индейцу, весла ударили по воде, и пирога двинулась прочь от беспомощного француза. – Должен признаться, я совершил еще одно преступление против вас, доктор, хотя, раз я вернул ваш меч, это по сути всего лишь сделка. Ваш Механизм Управления на этой земле стал бы самым ужасным из мыслимых средств порабощения. Простите, я извлек его из багажа вместе с планами. Адское изобретение!

– Квинн, Квинн! – закричал Фалькон. – Что вы сделали с Механизмом, вероломный священник?

– Поищите меня где-нибудь в устье Риу-Бранку! – отозвался тот, и река стала разносить их, пока пирога, крошечная и хрупкая на фоне зеленой стены варзеа, не затерялась среди узких грязных каналов.

* * *

Только внезапное хлопанье крыльев летящих птиц, тихий плеск выпрыгивающей рыбы или солнечный блеск в алмазной россыпи капель, поднимающихся от ударов весел, выводили отца Квинна из восторженного оцепенения. Тогда он осознавал, что провел часы в задумчивости реки. Он перестал считать дни после того, как расстался с Фальконом в Анавильянасе. Утро следовало за утром, как нить жемчуга: рассветный хор леса, потом забег по туманной воде и мерный плеск весел, пожирающий время, простое таинство физического труда. Нет ни необходимости, ни желания говорить. Никогда за время благочиния и духовных упражнений Квинну не удавалось раствориться в чем-то так легко и всецело. Ленивое скольжение жакаре[174] по воде; капи-бары бросаются врассыпную, когда пирога входит в болотистое поперечное русло фуру между двумя рукавами реки, их носы и маленькие ушки торчат над поверхностью; тукан летит над гладью с каким-то птенчиком в клюве, а за ним гонится

ограбленная мать. Один раз – он это себе вообразил или же правда видел? – огромные надменные глаза одинокого ягуара, который устало прилег у соляного источника. Бездумные движения животных были сродни машинальной покорности его мышц веслам. В телесности крылось подлинное подчинение собственной личности.

Вперед, вперед и вперед. Когда душа Квинна воспаряла вверх в физическом мире, то зачастую ее отбрасывало обратно. Воспоминания путались с реальностью. Льюис стоял на колене не в средней части пироги, а у леерного заграждения португальской караки[175], пробиваясь к Испанской Арке в ирландском Голуэе под весенним небом быстрых серобрюхих облаков, готовых пролиться ливневым дождем. Пятнадцать лет, его первое возвращение с самого детства. Он думал, что вряд ли помнит родной язык, но, когда капитан Сибни проводил его со склада к портовым купцам в таверне, и те приветствовали парня, словно родственника, с которым их разделило море, Квинн обнаружил, что грамматика и идиомы, слова и брань встали на место, словно бревна в кладке. Сын Шеймуса Квинна вымахал рослым парнем, здорово было увидеть, как один из семейства вернулся к своему народу и на свою землю. Снова воспоминание: большой зал на верхнем этаже дома в Порту, и Педернейраш, учитель, ведет его за руку из классной комнаты в это огромное залитое светом помещение, но кажущееся ниже из-за всех аллегорий богатства и власти купцов и мореплавателей Порту. Он смотрит через украшенное колоннами окно на шумную улицу, Педернейраш открывает длинный узкий футляр, обтянутый акульей кожей. Внутри лежат на грубом сукне мечи.

– Иди, потрогай один из них, почувствуй, восхитись.

Ладонь Квинна опускается на эфес, и руку обжигает трепет, в животе пожар, та твердость и давление, которые теперь ему кажутся сексуальными, и это ощущение двадцатилетней давности до сих пор волнует его физически, даже когда он молится, преклонив колени.

– Я вижу, вас не нужно подбадривать, сеньор Луис, – говорит Педернейраш, глядя на не по годам развитое достоинство, скрытое бриджами. – А теперь к бою!

И снова в его руке яркий металл, сплющенное серебро приземистой пивной кружки, помятое из-за ударов по черепу. «Хозяин велел мне больше вас не обслуживать». Его тело до сих пор помнит ту глубокую, восторженную радость. Квинн вернулся к своим духовным упражнениям, чтобы стереть воспоминания о грехе. *Подготовительная молитва:* попросить Христа великодушно направить все намерения и действия к его вящей

славе. *Первый пункт:* грех ангелов. Были они наги и целомудренны, обитали в раю щедрости и милосердия, но в лесах и средь больших рек Враг рода человеческого развратил их. Они употребляли человеческую плоть, они радовались мясу своих противников, и потому мы заклеймили их как язычников, животных, без души и духа, годных только в рабство. Но тем самым заклеймили сами себя. *Второй пункт:* грех первого Адама. Воспоминания Квинна развернулись от покореженного металла в его кулаке к размозженному черепу на полу. Он снова слышал животные завывания друзей, которые подбадривали его сквозь пламя похоти и пьянства. *Третий пункт:* грех души, осужденной за смертельный порок. Отец Диегу Гонсалвеш, что вы о нем знаете? Мануэл, проводник, прилежный служка, не осмеливался и слова сказать против Церкви, но сутулые плечи и склоненная голова, словно бы он съежился перед ширью Риу-Негру, поведали Льюису о старом страхе. Земба, освобожденный раб, получив вольную в Белене, пробирался вверх по реке, где, по слухам, на огромной территории за Сан-Жозе-Тарумаш раскинулось настоящее эльдорадо, земля будущего, где можно забыть о своем прошлом. «Город Бога, – сказал он. – Там построено Царствие Небесное».

Квинн созерцал три греха и увидел, что они неразделимы: дерзновение правителей, дерзновение духа, дерзновение власти. «Теперь я понимаю, почему вы отправили меня сюда, отец Джеймс». Он завершил размышление молитвой «Отче наш». Но, пока утешительные слова обретали форму, река взорвалась вокруг, отвлекая его от размышлений: десятки речных дельфинов-бото подпрыгивали в воде вокруг пироги, выгибаясь, чтобы сделать вдох, некоторые вырывались на свободу из воды в восторженном прыжке. Сердце Квинна тоже прыгало от радости и удивления, пока он в молчаливом благоговении смотрел на летящего и крутящегося бото в верхней точке арки. Ангелы двигались над варзеа, скользили по лесному пологу, их ноги касались верхушек деревьев. Ангелы были карминными и золотыми, Мадонна – голубой и серебряной, ангелы несли арфы и псалтерионы, барабаны и маракасы, мечи и изогнутые луки – силы небесные. Мы боремся не против людей, а против невидимых сил, сил тьмы, что правят миром.

Пирога вышла из узкого фуру в главное русло, и Квинн в изумлении непроизвольно поднялся на ноги. От берега до берега все было черным-черно от каноэ. Мужчины, сидя в кормовой части, толкали вперед свои подпрыгивающие деревянные скорлупки, а в лодке сидели их семьи. Некоторые суденышки были полностью заняты широко улыбающимися детьми, мокрыми

от брызг. В центре флотилии высился объект, вызвавший изумление Квинна. По реке плыла базилика. Неф, алтарь, апсида, опоры и окна – церковь во всех деталях от деревянного купола до распятия между двумя башнями. Каждый сантиметр базилики покрывали резные и раскрашенные рельефы с изображениями сцен из Евангелия, мученичества святых и сошествия ангелов, круглые окна-розетки отражали свет заходящего солнца. На деревянных продольных брусьях красовались рисунки цветов. На огороженном балкончике над портиком стояли фигурки, крошечные, как насекомые. Образ насекомого преследовал Квинна, поскольку величественная церковь, чудилось, скользит по воде на тысяче длинных ножек. При тщательном рассмотрении оказалось, что это лес весел, который сплавлял высокое здание по реке. Но базилику двигала не только сила человеческих мускулов. Флероны продолжались, превращаясь в мачты, там висели коричневые пальмовые листья-паруса, на башне возвышались бушприты, леера и флаги. На одном – фигура Богородицы с Младенцем, на втором – женщина, стоящая на одной ноге, ее торс оплетали лианы и цветы. Красные обнаженные тела, раскрашенные в черный цвет экстрактом плодов женипапу[176], облепляли веревки и тросы. Затем Квинн перевел взгляд на верхушки мачт. Каждую из них венчала огромная резная фигура ангела: труба, арфа, меч с ромбовидным лезвием, щит и кастаньеты. Лица небесных созданий были такими, как у людей в каноэ: черноволосые ангелы Риу-Негру с высокими скулами и узкими глазами.

Теперь из базилики зазвучали колокола. Фигуры на балконе пришли в движение, и огромное каноэ вырвалось из линии причальных свай у носа плавучей церкви. Квинн прочел надпись над главными воротами, хотя уже знал, что там должно быть написано: «Ad maioram Dei Gloriam»[177].

Богоматерь Затопленного Леса

6–8 июня 2006 года

Марселину Хоффман разбудил серебряный дождь. Ее лицо и волосы увлажнились от росы, спальный мешок блестел под яркими капельками тумана, похожими на куколки какой-то необычной сатурнии луны. Потолок из мягкого пушистого облака летел над лицом, казалось, так близко, что можно лизнуть. Морру внезапно ампутировали, их верхушки исчезли в тумане. Марселина смотрела на текущую серую слезу вокруг игл и стержней антенн, которые венчали высокие многоквартирные башни. Она высунула язык – не поцелуй, а проба на вкус – и позволила теплой мороси попасть на него. Уличные шумы притихли, шины шлепали по мокрому жирному асфальту. Чайки всхлипывали, то появлялись, то исчезали в тумане, под их желтыми алчными глазами лежал пропитанный дождем Копакабана. Хриплые предсказатели погоды. Марселина задрожала в своем мешке, крики птиц всегда тревожили ее, голос моря окликал из-за горизонта: новые миры, новые вызовы.

Квартира внутри показалась холодной и брошенной. Мебель была прохладной на ощупь, влажной и незнакомой, одежда в шкафах принадлежала предыдущему, сбежавшему жильцу. В помещение вернулся ее природный запах – отличительный феромон места, который ударил в нос Марселине с почти физической силой в тот момент, когда агент открыл дверь, и который она с таким трудом изгоняла с помощью ароматических свечей, ароматических ламп, кофе и маконья, но смрад проползал обратно под дверь и через вентиляционные решетки всякий раз, когда она уезжала больше чем на пару дней. Марселина сварила кофе и почувствовала, что кухня наблюдает за ней. Приходится ходить на цыпочках в собственном доме.

Мобильник, поставленный на зарядку, мигал. Голосовое сообщение. Получено в два часа двадцать три минуты. Номер знакомый, но не вызывает в памяти ни имени, ни лица.

На нее рявкнул чей-то мужской голос. Марселина едва не отшвырнула трубку. Телефон крутанулся на голом, почти хирургически чистом столе, а голос продолжил бормотать. Марселина взяла трубку. Раймунду Суарес был разъярен, причем куда сильнее, чем положено, по ее мнению, Последнему Настоящему Кариока. Марселина удалила сообщение и тут же перезвонила.

Суарес узнал ее номер. Семь часов не остудили его. Он был

разъярен настолько, что не стал утруждаться всякими «привет, доброе утро, как вы?»

– Подождите, подождите, подождите. Я понимаю, что вы сердитесь на меня, но из-за чего?!

– Что ты имеешь в виду? Не играй со мной больше в тупые игры. Чертовы бабы, вы все одинаковые, играете и манипулируете.

– Подождите, подождите, подождите. – Сколько раз она произнесла это слово за последние семь дней? – Притворитесь, что я ничего не знаю, и начните с самого начала.

Всякий раз, когда она слышала подобное, то вспоминала попурри из хитов «Звуков музыки», только в духе самбы, которое играла ее мать. Это была Субботняя Фейжоада: фейжоада и орган, счастливое Благовещение блаженной Ирасемы. Забавно, как мозг тянется к смешному, когда мечется в темноте и панике.

– Я не такой дурак, чтобы клюнуть на ваши умасливания. Я знаю, как вы работаете на реалити-шоу. Ваше письмо – шутка в мой адрес? Наверняка прямо сейчас меня снимает скрытая камера? Вы наверняка снимали меня даже в уборной, так что можете полюбоваться, как я почесываюсь!

– Мистер Суарес, о каком письме вы говорите?

– Никакой я тебе не мистер, больше не называй меня так. Я, конечно, слышал о таком: люди нажимают не ту кнопку, и письмо отправляется к кому-то, кто не должен был его увидеть. Но я видел письмо и знаю твою игру. Ты могла бы обдурить меня, но не обдуришь всех жителей Рио, о, нет!

– Так что это было за письмо?

– Знаешь, может, ты и притворяешься невинной, может, и правда не в курсе, потому что это случайность. Ты бы не стала специально посылать мне заявку на шоу про Моасира Барбозу, да?

Надоедливый запах кухни атаковал Марселину, от него кружилась голова. Слова здесь не помогут. Она сделала это. Она лгала, предавала, с радостью решила отправить старика к позорному столбу, чтобы продвинуться по карьерной лестнице. Богоматерь Дорогостоящих Проектов отвела глаза. Но все равно оставалась загадка.

– Я не посылала то письмо.

– Слушай, девочка, я не из тех стариков, что бороздят просторы Интернета, но в силах узнать обратный адрес электронной почты. Ты думаешь, что чертовски умна, а мы все такие старые и медлительные, и можно просто посмеяться над нами. Но у меня еще остались знакомства в этом городе. Вы еще услышите обо мне, поверь. Так что не пошла бы ты кое-куда

вместе со своими приятелями с телевидения, я не стану представлять ваше шоу даже за миллион реалов.

– Мистер Суарес, мистер Суарес, это важно, когда… – Повесил трубку. – Когда я отправила то письмо?

«Да ты бы никогда и не представлял мое шоу, – молча злилась Марселина в молчащую трубку. Она знала свой небольшой грешок, но ей нужно было всегда сказать последнее слово, когда враг уже не в состоянии ответить. – Даже если бы ты был самым последним гребаным кариока на планете». Но это плохо, даже хуже, чем она могла себе представить.

Господи, Христос Рио, Христос на Горбатой горе[178] с руками, распростертыми к морю, Христос в тумане, помоги мне. Марселина посмотрела на часы в микроволновке, которые всегда спешили на восемь минут. Ей нужно в офис, а потом к матери.

Робсон не работал по пятницам, а вместо него дежурил парень, который старался выглядеть крутым, но не скрывал своей ориентации, по кличке Лампиан[179]. Он был новеньким, поэтому попросил Марселину показать удостоверение. Она не перекусила его пополам. Он пригодится позже.

Морось переросла в полноценный дождь, разводы на стекле превратили Стеклянный Зверинец в странные техноджунгли. В папке «Отправленные» на рабочем месте нашлось подтверждение: описание шоу «Суд века» было отправлено на адрес raicariocão@wonderfish.br пятого июня, в двадцать три часа тридцать две минуты. Альтернативной семье не удалось ее толком утешить. Мол, нужны нормальные пароли, логины и все такое. Марселина вошла на страницу безопасности и нажала на кнопку «изменить пароль». Одна за другой звездочки исчезали, когда она стирала их. Новый пароль? Пальцы замерли над клавишами на середине слова «mestreginga». Она знает тебя. Каждую мысль, каждую реакцию, каждую деталь, каждую запись в дневнике жизни. Знает, что ты занимаешься капоэйрой. Знает твой размер туфель, размер платья, твой плей-лист, и сколько бутылок пива стоит в твоем холодильнике, и какие батарейки стоят у тебя в вибраторе. В текучей серости Марселина обняла себя за плечи, ей внезапно стало холодно. «Это оно, да? Ты в программе внутри программы, пилотный выпуск бесконечного реалити-шоу „Сведи с ума Марселину“. Даже сейчас камеры передают сигнал в какую-то темную диспетчерскую. Там собрались все: Селсу, Сибеле, Агнетта, Черная Птичка и даже Адриану. Они не собирались снимать твою заявку, Адриану согласился с ней во время пятничного мозгового штурма, поскольку так прописано в сценарии: умная-преумная комедия о продюсере телепрограмм, которая не понимает, что снимается в

собственном шоу. Девушка, Которая Охотилась За Собой. Лизандра. Тупая корова. Это ее рук дело. Она готова на все что угодно, чтобы стать генеральным продюсером. Наверное, прямо сейчас смеется над тобой, сидя на галерке с парой ассистентов и редактором Леандру.

Это просто шоу. Любая другая теория – безумие».

Марселина взяла первую попавшуюся книгу с полки, открыла на сто тринадцатой странице и напечатала сто тринадцатое слово в пустом поле. Завет. Хорошее слово. На него редко когда наткнешься на Четвертом канале.

Воскресный мальчик Лампиан слал кому-то смс, мелькающие пальцы превратились в размытое пятно.

– Можешь оказать мне услугу?

Он надул губы, разозлившись, что его прервали:

– Ну…, я не знаю, то есть… у меня не будет из-за этого неприятностей?

– У меня много знакомых продюсеров.

Он закатил глаза:

– Тогда говорите, что надо.

– Ты дежурил вчера вечером?

Парень покачал головой.

– Мне нужно взглянуть на съемку с камер.

– Что?

– Ну, с камер слежения. – Она махнула в их сторону так, как стюардесса показывает аварийные выходы. – Все записывается на жесткий диск объемом в сто гигов. У тебя там.

Охранник в легкой панике заглянул под стул.

– Загрузить легко.

– Никто другой по эту сторону стола заходить не должен.

– Это для шоу.

– Тогда нужна бумажка.

– Я получу ее в понедельник.

– Хорошо. Я вам запишу.

– Было бы проще…

Он уже склонился к внешнему жесткому диску «ЛаСье».

– Сколько по времени вам нужно?

– Пара часов. Скажем, с десяти тридцати до двенадцати тридцати.

– Запишу на DVD.

«Я бы лучше все загрузила себе на КПК», – хотела сказать Марселина, но кивнула в знак согласия. Нельзя недооценивать склонность бразильцев к бюрократии. Она смотрела на дождь и фуникулеры, исчезающие в облаках вокруг Сахарной Головы[180]. Вертолет жужжал над Дойс-Ирман. Но даже зимний дождь не мог

затушить угли недавних беспорядков. «Густая жаркая магма течет под нашими красивыми улицами и проспектами, мы ходим, бегаем, выгуливаем наших собачек по корке, затвердевшей на магме, прихорашиваемся с важным видом, словно мы в Нью-Йорке, Париже или Лондоне, пока скрытый порядок не нарушается, и женщина, которая убирает твой дом, готовит тебе еду и заботится о твоем ребенке, мужчина, который везет тебя в такси, доставляет тебе цветы, чинит твой компьютер, не становятся внезапно твоими врагами, и тогда огонь бежит прямо к морю».

Тут она подумала: «А что, если вертолет врежется в фуникулер? Вот настоящий кадр для Си-эн-эн».

– Вот, пожалуйста. А что за шоу?

– Я не могу сказать, но мы все в нем снимаемся.

Облака цеплялись за Дойс-Ирман и длинную гряду Тижуки, превращая Леблон в чашу из башен, предложенную морю. Дерзкие парни в ярком, словно оперение туканов, неопрене бравировали на серых приливных волнах. Пока Марселина бежала от такси до лифта, она промокла и начала дрожать. Сегодня не было слышно бурлящих глиссандо Королевы Бейжа-Флор. Влага вредна для электроники. Водитель такси купил цветы и на удивление хорошую бутылку французского вина. Большинство водителей, обслуживавших Четвертый канал, были куда лучшими помощниками продюсера, чем настоящие ассистенты, грезившие работой на телевидении. С бутылкой в одной руке и цветами – а также подписанной открыткой – в другой Марселина ехала в зеркальной кабине, и с нее капало на пол из искусственного мрамора.

Она нажала кнопку звонка. После звонка шла фермата[181] – это противоположность эху, молчание, скорее осязаемое, чем слышимое, когда разговоры внезапно прекращаются. Благодаря Четвертому каналу Марселина знала о тонкостях этого беззвучного щелчка. Дверь открыла мать.

– Ой, ты решила все-таки прийти. – Она отпрянула, когда Марселина потянулась поцеловать ее.

Они сидели аккуратными рядами на всех доступных местах в тесной гостиной: Глория и Ирасема на диване, между ними малыши, дети постарше у их ног, все липкие от сладостей на журнальном столике, муж № 1 примостился на подлокотнике кресла, а муж № 2 устроился на пластиковом стуле, который притащили с балкона и втиснули между торшером и органом. Рядом с креслом матери на маленьком столике стоял высокий стакан с водкой. Пузырьки поднимались между кубиками льда, а из стакана торчала палочка для перемешивания коктейлей,

украшенная фигуркой тукана. В маленькой квартирке сильный сильный запах тушеного мяса и бобов с умеренной кислинкой зеленых овощей и свежей ноткой долек апельсина. Фейжоада всегда была для Марселины праздником. Окна запотели.

– Что это, жюри присяжных? – пошутила Хоффман, но вино казалось маской Рональда Макдональда на похоронах, а цветы – самой смертью.

– Ну у тебя и самообладание, хочу сказать, – подала голос Глория. Марселина слышала, как мать закрыла за ней дверь.

Фейжоада пахла удушливо и тошнотворно.

Ирасема пододвинула открытку через стол. Близнецы в меховых костюмах ангелочков поднимаются на небо среди порхающих колибри и маленьких пушистых облачков: ПОЗДРАВЛЯЮ – это двойня! Марселина открыла открытку: *«… надеюсь, у тебя случится выкидыш, а если нет, то пусть они родятся с синдромом Дауна…»* Она резко ее захлопнула. Комната закружилась вокруг нее. Родственники висели где-то далеко, на космологических расстояниях, но находились так близко, что она ощущала налет на их зубах.

– Вы должны знать: я этого не писала.

– А почерк твой, – Глория открыла судебное разбирательство.

– Похоже, но…

– Кто еще знал, что Ирасема ждет близнецов?

Муж Глории, Паулу, поднялся с насеста:

– Пойдемте, детки, посмотрим, как там у нас еда готовится.

– Я этого не писала, зачем мне такое писать?

Глория перевернула открытку.

– Напиши это снова на оборотной стороне.

«…загордилась своими идеальными детьми и идеальным мужем, и даже подумать не можешь, что он встречается с другими женщинами. Иначе зачем, как ты думаешь, он четыре вечера в неделю пропадает в спортзале…»

Каждый росчерк. Каждый завиток. Каждая черточка.

– Я этого не писала!

– Не повышай голос! – цыкнула мать. – Ты уже достаточно натворила, и детям необязательно это слышать!

– Зачем мне посылать такое?

Единственный вопрос, который Марселина могла задать, но еще до того, как прозвучали слова, она поняла, насколько роковую ошибку допустила.

– Да потому что ты завидуешь. Завидуешь, потому что у нас есть то, чего у тебя нет, – Глория посмотрела на нее холодно, глаза в глаза, сестра на сестру.

Если бы не это, то Марселине, возможно, хватило бы ума

извиниться, развернуться и уйти. Но теперь ей бросили вызов, и она не могла оставить другим последнее слово.

– И что же у тебя такое есть, чему я могла бы завидовать?

– Ой, думаю, мы все это знаем.

– Чему же? Твоему очаровательному дому? Твоей премиленькой машинке? Замечательному абонементу в спортзал? Прекрасной страховке? И обалденным расходам на детский сад? По крайней мере я заработала все, что имею. – «Марселина, остановись. Марселина, заткнись». Но остановиться она никогда не могла: – Нет, нет, это не я завидую. Это не я не могу смириться с фактом, что не самая любимая. Это твоя проблема. Ты завидуешь, а я живу полной жизнью.

– Вот только не надо все оборачивать в свою сторону и делать меня виноватой! Я не отправляла эту открытку, тут уж ничего не попишешь.

– Я тоже не посылала, но я не собираюсь оправдываться и объясняться, потому что тебе никто не может ничего объяснить, потому что ты всегда права, такая милая и славная, и все-то у тебя идеально.

Гул голосов на кухне, бас и пикколо, стих.

Слушайте, детишки. Ваша тетя – чудовище. Не ждите никаких подарков до окончания университета. Я оплачу вам психотерапевтов. Ирасема в слезах. Ее супруг Жуан-Карлос слез с пластикового стула и присел на корточки рядом с женой, поглаживая ее запястье. Ароматная праздничная фейжоада теперь отталкивала: запах врезался в память, изменился навеки. «Убирайся вон, Марселина, пока не нанесла рану сильнее, чем можно залечить». Но уже у двери она повернулась и изрыгнула напоследок:

– Хоть кто-нибудь из вас хотя бы на секунду подумал, может, тут что-то не так? Нет, вы все слепо списали на Марселину, да? Вы хоть на минуту допустили мысль, что творится нечто совершенно непонятное, и все очень, очень плохо? Да пошли вы. Вы мне не нужны, никто из вас не нужен.

Она захлопнула дверь с такой силой, с какой только смогла из-за слишком эластичного пластикового половика. Двери в лифте закрылись, оставив двухмерную полоску от матери, распахнувшей двери с криками: «Марселина! Марселина!» Затем она превратилась в линию, в молчание.

Ветер дул с холмов, уносил прочь низкие плачущие облака, сдувал верхушки серых волн. Чайки парили над пеной, растопырив лапки и слегка наклоняя крылья, чтобы держаться над водой. Красивые мальчики в симпатичных резиновых костюмах сидели, развалившись, на песке и ждали, когда небо

прояснится. На украшенном черно-белыми узорами тротуаре Авенида Делфин Морейра Марселина поняла, что все еще сжимает в кулаке промокшие цветы. Она вынула одну орхидею из целлофана и кинула серферам. Те засмеялись, принялись махать ей руками. Она сажала цветы в щербатый от дождя песок Леблона, пока они не кончились. Началась приливная волна. Где-то в затылке нарастал шум, это был свист конца света, и слезы полились из пустот в ее черепе.

«Вы сказали, вы сказали, вы сказали. Но это была не я, это была не я». Но что?? Реалити-шоу? Даже когда она отчаянно, невзирая ни на что жаждала шока, потрясения, Марселина никогда бы не отправила такую карточку. Семья – никогда нельзя трогать семью. Но разве ты не делала того же в «Грязных свиньях»? Дружба заканчивалась, матери и дочери ссорились, семьи воевали?

На мосту через канал, который соединял лагуну с океаном, где кончался Леблон и начиналась Ипанема, она зубами разорвала пластиковую обертку на горлышке винной бутылки, вдавила пробку внутрь большим пальцем и принялась жадно пить импортное французское «Марго» за сто реалов. Велосипедисты и роллеры пялились на нее, проносясь мимо, колеса поднимали узкие волны дождевой воды. «Смотрите на меня, смотрите все, кто хочет». Дойдя до Арпоадора, она допило вино и выкинула пустую бутылку, та описала дугу в воздухе и приземлилась среди любителей спортивной ходьбы. Марселина откинула мокрые волосы с лица, чтобы сердито взглянуть на лица тех, кто на нее уставился.

– Что? Что?

Услышав короткий визг сирен, Хоффман с завыванием села прямо на землю и глазела на патрульную машину, словно та свалилась у ангела из-за пазухи. Женщина-полицейский помогла ей подняться на ноги. Капли дождя капали с козырька фуражки на поднятое лицо Марселины.

– У вас брюки заправлены в ботинки, – пролепетала Марселина.

– Поднимайтесь. Сколько вы выпили?

– Только вино, офицер, только вино.

– Вам должно быть очень стыдно за себя, еще и на публике. Вставайте.

– У меня красный пояс по капоэйре. Я могу вас выставить в очень-очень смешном свете. – Но рука полицейской на локте Марселины не дрогнула. Женщина повела Хоффман к машине, а ее напарник, широколицый мулатинью, трясся от смеха.

– Рада, что вам кажется это смешным, – пробурчала

Марселина, когда ее с силой усадили в машину. – Ой, я вам всю обивку промочила. – Она попробовала вытереть капли рукавом. – А куда вы меня везете?

– Домой.

Марселина вцепилась женщине в форменную рубашку:

– Нет, не нужно туда, я не могу, она там.

Офицер быстро и решительно отцепила руки Марселины.

– В таком состоянии вам нельзя находиться на улице. Куда вы хотите, чтобы я отвезла вас?

– К Эйтору, – сказала Марселина. – Отвезите меня к Эйтору! К Эйто-о-о-о-о-ору!

Он терпеливо поблагодарил офицеров, которые явно пришли в благоговейный трепет из-за того, что находятся в присутствии телевизионной знаменитости, и обрадовались, думая, какие истории теперь станут рассказывать. Марселина присела на верхнюю ступеньку крыльца, ручьи дождевой воды катились с морру, выраставшей за домом.

– К понедельнику это будет в журнале «Кень»[182],– проворчал Эйтор.

В том, что полуобнаженная женщина гарцует перед теми, кто смотрит с той стороны лагуны, есть скрытый эксгибиционизм, но, когда она же надирается и визжит возле черного входа – это совсем другое дело.

– Господи. Ты собираешься входить или как? За мной через пять минут приедет машина, а мне придется переодеться. Этому костюму конец.

– Точно, давай оплачем твой костюм! – закричала Марселина, глядя на промокшие под дождем плечи Эйтора, когда он прошел через раздвижные двери в спальню. – Моей чертовой жизни конец! Вот и все.

Эйтор швырнул ей полотенце. Она намотала его вокруг головы, как Кармен Миранда, но поднялась на ноги, вернее, на блестящие туфли-лодочки и осторожно-осторожно поковыляла в спальню. Эйтор стоял в трусах и носках, повязывая шелковый галстук, который Марселина привезла ему из Нью-Йорка. Она стояла, и с нее капало на ковер.

– Думаешь, это что-то типа аше, магической силы, которая может принимать разные формы?

Эйтор натянул брюки и проверил стрелки:

– Ты о чем?

Марселина скинула туфли, а Эйтор, наоборот, надел ботинки, пользуясь рожком из панциря черепахи. За туфлями последовали джинсовые капри. Марселина упала на кровать, пока

пыталась высвободить ноги из штанин.

– Ну, сильные переживания, или стресс, или слишком сильные желания могут материализоваться и зажить собственной жизнью в реальном теле, – объяснила Марселина. – Типа как колдуны культа умбанда якобы могут вырвать свою душу и придать ей форму собаки или обезьяны.

Марселина подняла руки и соскользнула с кровати, снимая с себя мокрый топик, а затем и лифчик. Эйтор посмотрел в зеркало на ее маленькие груди с твердыми сосками. Надел пиджак.

– Это легенда. Магия. Суеверие. А мы живем в научной энтропийной вселенной.

– Но если представить, представить, представить… – твердила Марселина в стрингах.

Загудел домофон. Такси. Эйтор поцеловал ее, крутя между пальцами соски. Марселина прижалась к нему, пытаясь скользнуть языком в его рот. Эйтор мягко оттолкнул ее на кровать.

– Увидимся позже. Пей побольше воды.

– Эйтор!

Дождь, который лил через бетонный садик, узкий, как гроб, теперь окрасился в коричнево-желтый цвет из-за эродированных почв. Марселина села, закутавшись в простыню, подтянула коленки к подбородку, смотрела на морру, размытую между растениями в горшках, и дрожала от ужаса. Спать было невозможно. В поисках воды она босиком прошла по отполированным деревянным полам Эйтора. Медленно наклонилась, продемонстрировав голую задницу подзорным трубам по ту сторону лагуны. Протрите линзы, мальчики и девочки. Хлопнула себя по ягодицам. Ей все еще хотелось, чтобы близнецы ее родной сестры умерли в утробе.

Марселина включила плазму. Шум, болтовня, бессмысленное бормотание. Прекрати думать о себе. А вот и Эйтор. Камера двигалась, дала крупный план, пока бежали надписи. Сегодняшние заголовки. Горящие машины, полицейские вертолеты, трупы в бермудах. Стены вокруг фавел станут еще на ярус кирпичей выше. Лулу снова обвинили в коррупции. Бразилия, страна будущего. Затем Марселина увидела, как Эйтор сканирует следующую строчку телесуфлера, и его глаза расширяются. Возникла еле заметная пауза. Такого раньше с Эйтором не бывало. Он был старым приверженцем того, что аудитории с возрастной группой от восемнадцати до тридцати четырех и с любовью к шумным провокациям правду надо говорить не колеблясь. Эйтор – профессионал до кончиков блестящих ботинок. Марселина не могла отвести глаз от экрана.

– Сам Четвертый канал оказался в новостях из-за обвинений журналиста Раймунду Суареса, которые будут опубликованы завтра в «Журнал де Копакабана» и касаются телепрограммы о Мараканасо. Суарес сообщает, что получил конфиденциальное сообщение по электронной почте от продюсера Четвертого канала, где говорится о том, что руководство канала хочет для развлекательной программы найти восьмидесятипятилетнего Моасира Барбозу, которого многие считают главным виновником провала на Мараканасо, и публично унизить его, устроив суд в формате реалити-шоу.

Видеовставка – Раймунду Суарес в серферской рубашке и шортах на мокром от дождя пляже Фламенгу, его братия кивает позади него. Цинизм. Ложь. Поставить старика к позорному столбу. Марселина не могла больше слушать, поскольку звук в ее глазах, в ее голове, в ее ушах просочился в мир.

Все закончилось. Богоматерь Дорогостоящих Проектов отвернулась от нее. Марселина взяла пульт и отправила Эйтора в темноту. Теперь самым громким шумом в комнате стало биение ее сердца.

– Кто ты?! – закричала Марселина. – Почему ты так со мной поступаешь? Что я сделала?

Она ринулась в спальню и вывалила содержимое сумочки на кровать. Вот, вот, вот он. Коробочка из полупрозрачного пластика. Она вставила диск в плазму Эйтора.

Палец замер над кнопкой «play».

Ей нужно знать. Ей нужно увидеть.

Она просмотрела кадры, на которых сотрудники Четвертого канала разбредались по домам, кивая и что-то говоря Лампиану. А вот и Леандру. Перемотала несколько минут, пока Лампиан тупо смотрел в мерцающий телевизор. Он почти не двигался. Затем Марселина увидела край вращающейся двери. Появилась чья-то фигура в темном костюме. Пальцы Марселины спотыкались о кнопки, пока она пыталась найти, как запустить режим замедленного воспроизведения. Назад. Назад. Устройство заскулило. И вот снова та фигура. Женщина. Она двигается рывками кадр за кадром. На ней хороший костюм темно-серого цвета. Миниатюрная, с копной вьющихся белокурых волос. Лойра[183]. Лампиан оторвался от телевизора и улыбнулся. Кадр за кадром, и вот женщина повернулась, чтобы проверить расположение камеры. Марселина нажала на паузу. По экрану пошел снег, единственный, какой возможен в Рио.

Ее лицо. Она смотрела на свое собственное лицо.

28–29 января 2033 года

После полуночи аше течет сильнее всего через игрежу[184] сестринской общины Боа Морте. Такси и микроавтобусы привозят просителей со всех северных пригородов: когда святые устали, стены между мирами слабы, и возможны все самые сильные ритуалы. Эдсон кидает монетку святому Мартину, христианскому аналогу Эшу, духу перекрестков, трикстеру и жиголо среди ориша, патрону всех маландру.

Сестры Доброй Смерти вращались по орбите жизни Эдсона как феи-крестные. Его бабушка, жившая на северо-востоке города, отдала в общину двух своих дочерей, Ортенсе и Маризете, в обмен на успех своих сыновей в неумолимом Сампе.

Но дона Ортенсе любила пиратское радио, танцы, мальчиков на быстрых машинах, и настоятельница освободила ее от обета (на самом деле ни один бог не станет воспринимать клятвы четырнадцатилетней девочки всерьез). Тетушка Маризете нашла мир и свое предназначение в благочинии посткатолической монахини, осталась здесь и в течение двадцати пяти лет помогала с достойными похоронами и неофициальным социальным обеспечением в байру и фавелах на севере Сан-Паулу. В отличие от материнской церкви в Баия, дочери в Сан-Паулу не практиковали затворничество: их кринолины-байяна[185] и тюрбаны были знакомым и желанным зрелищем на улицах, где они врачевали, предсказывали судьбу и собирали реалы в свои корзины. Дважды в год, в дни поминовения Богоматери, тетушка Маризете навещала свою сестру и племянников, и тогда весь район собирался на веранде доны Ортенсе с самыми разными мелкими, но неприятными болезнями.

* * *

– Твоя мать в курсе, где ты? – спрашивает тетушка Маризете, выгоняя из гостевой комнаты геев-абья («мы снова стали иконами, помоги нам, матушка»). Она расставляет подношения – пальмовые листья, освещенные пироги – на подоконнике и на перемычке над дверным проемом.

– Она знает. Но не должна прийти и искать меня. Не впускай ее. Мне нужны деньги. Я могу задержаться тут на некоторое время.

– Можешь жить здесь, сколько хочешь. Мне надо проводить службу. Но помни, Эдсон, это Божий дом.

Барабаны звучат так громко, что он ощущает их своими внутренностями, но это успокаивает, Эдсон чувствует, как сползает в их ритм. К тому времени, когда вспыльчивая сестра

сует через дверь поднос с бобами, рисом и двумя банками колы, он кивает, изнеможенный. Монахини всегда спасали его. Когда Эдсону было двенадцать, ему дали сомнительный антибиотик, который вызвал тяжелую аллергическую реакцию, после чего рот, язык и зубы покрыли язвы с белыми ободками. Мальчика сводила с ума температура, у него начались галлюцинации, как будто ему бесконечно засовывали в рот мяч, слишком маленький, чтобы задушить, но достаточно большой, чтобы вывихнуть челюсть. Доктор закатывал глаза и тряс головой. Биология возьмет свое. Братья отвезли его, завернутого в пропитанные потом простыни, на заднем сиденье «тойоты хайлюкс» к Сестрам. Тетушка Маризете уложила мальчика в комнату одной из служительниц, купала в травяных отварах, мазала сладковатыми маслами, читала молитвы и освятила над ним фарофу. Три дня он болтался на границе между жизнью и смертью. Язвы прошли дальше в горло. Если бы они добрались до миндалин, он бы умер, но остановились у основания гортани. Аше. И все это на фоне воспоминаний о барабанах и хлопающих ладонях, топоте ног и перезвоне колокольчиков, когда Сестры кружились в экстатических танцах, радостных криках, слезах и молитвах Богоматери, Чудесной Богоматери. Все это падает вниз, в барабанный бой.

Плач. Тихий и прерывистый, а в самом конце слез скорее затрудненное дыхание, чем всхлип. Эдсон соскальзывает с тонкого ортопедического матраса. Звук идет из камаринья, самого сокровенного святилища, сердца аше. Там Фиа сидит на полу, подвернув под себя ноги и сцепив пальцы рук. Вокруг нее статуи святых, прислоненные к стене, и каждая задрапирована в особый сакральный цвет.

– Эй. Это я. Слушай, нам нельзя здесь находиться. Это только для Сестер и посвященных высокого ранга.

Довольно много времени проходит, прежде чем всхлипывания Фии превращаются в слова. Эдсону холодно, он дрожит со сна, энергия ночи покидает его. Он мог бы обнять девушку, дать ей свое утешение, тепло. Но это не Фиа.

– Тебе когда-нибудь снился такой сон: ты дома, знаешь всех и все, но тебя никто не узнает, словно никогда тебя не видели, и, как ты ни стараешься им все объяснить, тебя не понимают и никогда не поймут?

– Всем снились такие сны.

– Но ты меня знаешь, а я раньше никогда в жизни тебя не видела. Ты говоришь, тебя зовут Эдсон Жезус…

– Оливейра де Фрейтас.

– Думаю, мне нужно узнать все прямо сейчас. Кем была я?

Среди святых, закутанных в покрывала, Эдсон рассказывает девушке о ее отце, ведущем колонки о «нью-эйдже», пока на него работает целая группа бухгалтерских ботов, о матери с городской фермой, о брате, который взял академический отпуск и на другом конце планеты охотится за волной и «зайками».[186]

– Прости, что?

– Йоси, твой брат. У тебя есть брат там, откуда ты пришла?

– Разумеется, но он сейчас на первом курсе семинарии в Сан-Паулу.

Эдсон удивленно моргает.

Фиа спрашивает:

– А какой я была?

– Ты? В смысле не ты. Она любила сумочки, наряды, всякие девчачьи штучки. Обувь. В последний раз, когда я видел ее, она поехала в магазин напечатать те туфли.

Он видит подошвы, которые взмывают вверх перед глазами, когда санитары грузят носилки в скорую помощь.

– Туфли? Напечатать?

Эдсон объясняет суть технологии, как сам понимает ее. Когда Фиа сосредотачивается, то склоняет голову набок. Эдсон никогда не видел, чтобы реальная Фиа так делала. Поэтому новая кажется еще менее правдоподобной, словно мертвая кукла.

– Она никогда не ездила сзади на мотоцикле. Всегда на такси. Ненавидела грязь, даже когда мы поехали в Тодуз-ус-Сантус, она выглядела безупречно. Всегда безупречно. А еще у нее было много подруг.

Как же мало я знаю, понимает Эдсон. Несколько деталей, горсть наблюдений.

– Она была очень прямолинейной. Думаю, она с трудом подпускала к себе людей. Куча друзей, но по-настоящему близкими они ей не были. Ей нравилось быть аутсайдером, бунтаркой, квантумейра.

– Я и близко не столь дикая и романтичная, – говорит Фиа. – Обычная аспирантка, изучаю квантовое программирование, специализируюсь на экономическом моделировании мультивселенной. Мой мир… не такой параноидальный. Мы не наблюдаем постоянно друг за другом. Но он… сломанный. Я сломана, все сломаны. Мы везде оставляем осколки себя: воспоминания, дневники, имена, опыт, знания, друзей, даже личности, как я полагаю. Я загрузила все, что могла, но часть меня осталась там: фотографии, детские воспоминания, школьные друзья. А сам мир сломан. Он не похож на этот. Этот как. рай.

Эдсон попытался представить себе точку, в которой мир Фии

отпочковался от его. Но это ловушка, как учил мистер Персик. Не существует никакой центральной реальности, от которой ответвляется все остальное. Каждая часть мультивселенной существует, существовала и будет существовать независимо от других. Эдсон дрожит. Как жить с таким знанием? Фиа замечает, как его колотит.

– Эй, да ты замерз.

Девушка снимает с себя разодранную толстовку. Под ней облегающая футболка без рукавов, которая задирается до груди. Эдсон смотрит, выпучив глаза. Под топиком татуировка, каких он никогда в жизни не видел. Колесики, зубцы, сети, дуги, спирали, «огурцы», фрактальные узоры, математические цветы. Серебристая машина, выбитая сиреневато-серыми чернилами, покрывает ее торс от грудины до пояса леггинсов. Эдсон останавливает руку Фии, когда она пытается одернуть топик.

– Господи, что это?

Она встает, задирает футболку снова и застенчиво спускает леггинсы до кокетливого розового бантика на трусиках, где татуировка сворачивается клубком, словно змея, на лобковой кости. Не отрывая взгляда от Эдсона, она заправляет рыжие волосы за левое ухо. Над ухом вдоль линии роста волос виден курсив серых чернил, словно абстрактные запутанные пишасан[187] Зезау[188], которые теперь охраняются законом.

– Вы носите свои компьютеры с собой, – говорит Фиа, поправляя одежду. – Мы… с нашими… в более интимных отношениях.

Эдсон поднимает палец и приседает:

– Я что-то слышу.

Он достает пистолет мистера Персика из-за пояса штанов и подталкивает по отполированному множеством ног деревянному полу камаринья в сторону Фии. Та знает, что с ним делать. Эдсон движется по-кошачьи мягко между святыми. Внутренняя территория террейру неприкосновенна, как и обригасойнш[189]. За священной камаринья расположен большой зал барракан, а за ним дом кандобле, где святые стоят, когда бодрствуют. Эдсон проверяет входную дверь. Печати из маниокового теста нетронуты, гробы расставлены по полу, присыпанные белой фарофой. Там нечего бояться. Наверное, один из абья встал пописать. Их кельи тянутся вдоль тыльной части террейру и выходят в барракан и на задний дворик, где держат кур и вьетнамских вислобрюхих свиней, а священные травы выращивают в псевдотерракотовых кадках. Личные покои Сестер расположены на втором этаже. Эдсон открывает дверь из коридора в просторную кухню, где готовят пищу для богов,

голодных, как младенцы.

Чья-то нога ударяет Эдсона в грудину, и он отлетает, раскинув ноги и руки и с трудом дыша, через весь барракан, рассыпая подношения. Он видит, как фигура выкатывается из темноты в «мейя луа де компасу[190]» и встает в стойку. Белая женщина в спортивном топике, мешковатых штанах «Адидас» и с босыми ногами. На руках надеты странные металлические наручи. Эдсон борется за слова, дыхание, психическое здоровье.

Выстрел. Из святой камаринья.

– Черт. Он уже тут, – шипит женщина и сжимает правую руку в кулак. Сверкающий клинок появляется из наруча над побелевшими костяшками. Голубое пламя мерцает вокруг ультратонкого лезвия. Она перекатывается колесом на одной руке в барракан. Задыхающийся Эдсон ковыляет за ней.

Камаринья представляет сцену мученической смерти искромсанных святых. Фиа удерживает какого-то парня, вооруженного квант-ножом, используя при этом статую Сеньора ду Бонфин на шесте, накидка с золотыми кистями развевается в воздухе. На святого надежд мало: квант-нож полосует статую, словно дым. Прекрасный серебряный пистолет мистера Персика уже разрезан на две половинки по зарядной камере. Пятно синего света в руках убийцы припирает Фиу к стене. По традиции из этого сакрального помещения только один выход. Киллер знает об этой традиции. Тут в комнату вкатывается та женщина и приседает в боевую стойку «негачива». Наемник резко разворачивается лицом к ней. Это молодой парень, бледный, с растрепанными волосами и бородкой клинышком. Лезвия проносятся мимо друг друга, нога капоэйристы взмывает вверх, чтобы нанести оглушительный удар по голове парня с квант-ножом, но тот ныряет вниз и перекатывается по полу, чтобы между ним и женщиной было какое-то пространство. Фиа высматривает зазор, нанося ложные удары искалеченным ориша, но убийца все еще между ней и дверью. Обезумев от страха, Эдсон ищет возможность спасения. За его спиной раздаются голоса. Террейру пробуждается. Абья в трусах, шортах и спортивных штанах. Сестры в ночных рубашках. Они поднимают руки в ужасе перед осквернением святилища.

– Вывести всех отсюда! – кричит Эдсон.

Мальчики-абья понимают и гонят монахинь обратно на кухню и в сад, но тетушка Маризете парализована видом ее святых, ее убитых святых, надругательства над ними. Она простирает руки и бросается утешать их. Эдсон хватает ее за талию и оттаскивает прочь. Убийца тут же переключает свое внимание на него. Капоэйриста использует это мгновение и взлетает в прыжке,

отведя назад руку с лезвием. Убийца с ревом кидается навстречу ей. Они наскакивают друг на друга, и в воздухе над сердцем камаринья возникает вспышка ионизации. Теперь оба припадают к земле как кошки, пристально смотрят друг на друга, тяжело дышат. Сломанные лезвия катятся по деревянному полу.

– Да, – говорит женщина. – Но у меня есть еще. А у тебя?

Она сжимает в кулак левую руку, и новый квант-нож выскакивает из магнитных ножен на наруче. Убийца в мгновение ока оценивает, что можно предпринять. Он ныряет, выставив вперед руки, кончиками пальцев дотрагивается до тупой стороны квант-ножа и резким движением запускает его в капоэйристу. На любой скорости режущая грань квантовой остроты смертельна. И тут зрение Эдсона переключается в режим замедленной съемки, словно в боевиках. Женщина прогибается назад прямо от бедер, пытаясь увернуться от лезвия, которое движется навстречу ее горлу, словно струя синего пламени. Фиа преграждает путь летящему лезвию статуей Сеньора ду Бонфин. Удар, благословенный ориша. Кисида попадает по безопасной тупой стороне сломанного ножа. Фрагмент переворачивается в воздухе, но не останавливается, а выписывает петлю и мягко, чисто разрезает плечо парня и верхнюю часть его правого бедра, прежде чем провалиться сквозь пол камаринья. Пару мгновений убийца смотрит на свою руку и покалеченную ногу, а потом взрывается кровавым фонтаном. Капоэйриста хватает Фиу, которая все еще стоит как вкопанная, и вытаскивает ее в барракан.

– Черт, черт, черт, черт, – ругается женщина. – Все пошло не так. Мне нужно было узнать, он сесмариа или из Ордена.

Она задерживается на одном месте достаточно долго, чтобы Эдсон смог толком ее рассмотреть. Невысокая, изящная, как кошка, у нее светлая кожа и белокурые волосы.

– Они знают, где вы. Убирайтесь отсюда.

Маленькие азиатские свиньи в ужасе толкутся в крошечных загонах и встревоженно фыркают. Сирены, Сестры, обезумевшие посвященные, Фиа вот-вот готова потерять контроль. Просыпается весь район. Сигнальные ракеты взрываются в небе. И полиция, и воротилы наркобизнеса получали благословение из рук Сестер Доброй Смерти и примчатся к ним на помощь.

Эдсон поворачивается позвать женщину помочь Фии, но та исчезла. Улетучилась так же внезапно, как и появилась. Зато теперь тетушка Маризете стоит, обняв Фиу за плечи, и смотрит на татуировку, обвивающую тело девушки.

– Прости, – шепчет Эдсон тете.

Геи-абья безутешны, некоторые плачут, но в основном они выглядят жалко и жаждут мести. Он даже не может представить

масштаб осквернений, который учинен в камаринья.

– Эдсон, во что ты вляпался? Эти парни из передачи «Вынеси мусор». мы с ними не ссорились, они с нами тоже. Так почему они пришли сюда по твою душу?

– Это не «Вынеси мусор», – мямлит Эдсон. – Это… – А что это на самом деле, Эдсон Оливейра де Фрейтас? Квантовые лезвия и квантовые компьютеры. Священники и религиозные ордена. Невообразимое множество вселенных друг рядом с другом. Капоэйристы и убийцы. И эта Фиа, беглянка в дешевых шмотках с компьютером, вытатуированным у нее на животе. – Я не знаю, но мне нельзя здесь оставаться.

Только в безопасное место его отвезет не «Ямаха». Мотоцикл лежит разрезанный от фар до выхлопной трубы в луже топлива. Безумная энергия, упрямое нежелание верить в то, что с ним происходит, заставляет Эдсона бежать с такой скоростью, что кажется, будто жизнь извергается из него. Он чувствует себя старым, испуганным и более уставшим, чем может устать человек, но все равно бежит. Тупо смотрит на две половинки прекрасного, прекрасного мотоцикла.

– Пойдем, сынок, – командует тетушка Маризете, взяв его за руку и потащив за собой с божественной силой. – Вон там ладейру.

За истеричными свиньями и травянистыми газонами в стене есть калитка, которая ведет к крутой узкой лестнице между домами в сырую темноту, пахнущую влажной зеленой растительностью. Эдсон, спотыкаясь, следует за тетушкой Маризете, ноги скользят на мокрых бетонных ступеньках. Он оглядывается на Фиу. За ее ошеломленным бледным лицом, за черепицей на крыше церкви улица пульсирует синим и красным от полицейских мигалок. Затем они оказываются среди прохлады и плесени, выше линии строительства, на холме. Старые леса на севере Сан-Паулу всегда были прибежищем и путем к спасению для преследуемых: индейцев, беглых рабов, перевозчиков наркотиков. Теперь вот кванту-мейрос.

Из ночной рубашки тетушка Маризете выуживает пригоршню реалов – таково аше тетушек и генеральных прокуроров сестринской общины – и вкладывает в руку Эдсона. Там что-то еще.

– Береги себя, будь умным и осторожным. Он тебя защитит.

Скорее на ощупь, чем глазами, Эдсон опознает, что за предмет лежит в его ладони: маленькая дешевая бронзовая статуэтка из переработанной проволоки – маландру в костюме и шляпе с загнутыми кверху полями. Это Эшу, Дух перекрестков.

* * *

Последнее место, которое заполняет свет, – это углубление, где вода стекает в небольшой пруд. Холодная-прехолодная, она прогоняет дрему и ночные сны. Эдсон ахает, парализованный стужей. Свет вспыхивает между тощими стволами, он становится ярче с каждой минутой, ослепительный блеск сжигает силуэты деревьев, пока они не растворяются в солнце. Эдсон карабкается к свету. Фиа сидит там, где он ее оставил, прижав колени к груди, чтобы было теплее. Бронзовое небо, медный город. Солнце выплескивается в чашу Сан-Паулу, сначала дотрагиваясь до плоских крыш и спутниковых тарелок фавел, где люди встали уже несколько часов назад и пустились в долгие путешествия на работу по бесконечному городу. Оно течет с вершин холмов по дорогам, словно пролитый мед, отражаясь от зеркал и хрома, превращая автострады, которые извиваются вокруг холмов, в золотые арки. Теперь солнце освещает спирали дыма, рвущиеся из труб заводов и электростанций, рассеянные облака от россыпи байру, затем добирается до верхушек небоскребов, поднимающихся над утренним смогом, а те маршируют к горизонту, все дальше и дальше, это город без конца, он разрастается с каждой минутой, когда быстро поднимающееся светило выдергивает дома поменьше из тени. Эдсон смотрит, как блестит в его лучах самолет, словно звезда, словно какой-то фантастический летающий корабль, пока заходит на посадку. Огромный самолет, из другой страны, может, даже с другого континента. «Он преодолел огромные расстояния, но вот эта женщина рядом со мной преодолела еще больше», – думает Эдсон.

– Мы потеряли солнце, – говорит Фиа, ее лицо залито светом. – Мы отдали его, мы убили его. У нас все серо. Нам пришлось чинить небо, чтобы справиться с потеплением. Постоянные облака, постоянные тучи. Постоянная серость. Это серый мир. Я думаю, надо бы всех заставить побывать у вас, посмотреть на солнце, чтобы не принимать серость как должное. – Она издала сдавленный смешок. – Я сижу здесь, смотрю на свет и думаю: «Загоревшая Фиа, загоревшая». В университете я была членом велоклуба, и каждый год мы устраивали настоящее безумство: голые велогонки. Все участники ехали по маршруту от Либердаде до Соборной площади и обратно голышом, на теле была лишь краска. Мы рисовали друг на дружке самые безумные узоры. Но я никогда не загорала. – Она склоняет голову к коленям. – Я тут подумала: они же все будут спрашивать, что со мной случилось. Я просто исчезла.

Пропала. Ушла и не вернулась. Ах, Фиа Кисида, интересно, что с ней произошло? Я даже не попрощалась с ними. Это жестоко. Это одна из самых жестоких вещей, которые только можно сделать, – уйти и не оглянуться. Но я тут могу пойти к ним, постучаться в двери, я ведь знаю, где они живут, только они меня не узнают.

Эдсон замечает:

– Ты так говоришь, как будто никогда больше их не увидишь.

Фиа смотрит на священное солнце:

– Переход работает только в одну сторону. Оттуда сюда.

Он думает: где-то там существует умный выдающийся креативный Эдсон, который ответит на этот вопрос. Но здесь ничего, кроме утра. Все упираются в стену там, где заканчивается их компетенция. Импресарио не в состоянии решить проблемы квантового программирования. Но хороший импресарио, как и любой деловой человек со связями, знает того, кто может их решить.

– Пойдем, – он протягивает руку. – Нам нужно кое с кем увидеться.

Внизу раздаются звуки голосов. Преодолев пять холмов, Эдсон ныряет в кусты и ползком пробирается вперед, стараясь не выходить на открытое пространство. Из-за сваленного бревна он и Фиа наблюдают за бандой из восьми мальчишек из фавелы, которые разбили лагерь вокруг старой запруды. Вокруг сгоревшего до белого пепла костра, обложенного камнями, раскиданы пустые банки из-под «Антарктики»[191]. Трое подростков плескаются с голыми задами в пруду, а остальные сидят, развалившись, на надувных матрасах, раздевшись до трусов, и болтают о футболе и сексе. Они симпатичные, красиво сложенные и улыбчивые: боги секса, застигнутые на отдыхе. Как и положено божествам, это капризные создания.

– Хорошенькие, – шепчет Фиа. – А почему мы прячемся?

– Смотри. – Один из парней перекатывается на бок. Невозможно не заметить ручку пистолета за поясом. – Маландру постоянно приходят сюда, чтобы залечь на дно, скрываясь от полиции. У копов нет шансов поймать этих парней, поскольку все они учатся навыкам выживания в джунглях во время армейской службы.

– Даже ты?

– Бизнесмен не может себе позволить провести два года в армии. Я получил медотвод через два месяца. Эти пацаны нас ограбят и легко могут убить. Мы пойдем дальше, но только двигайся очень медленно и тихо.

Они двигаются бесшумно. Они двигаются медленно. Голоса парней постепенно растворяются в шуме леса. Солнце восходит

высоко, проливая тепло и свет через листву. В нескольких минутах ходьбы по обе стороны от холма появиляются шоссе, закусочные, кофе и сплетни. Утренние новости доступны на айшэдах, но Эдсон чувствует себя старым и смелым бандейрантом, покоряющим незнакомые новые миры.

– Если я буду тебе помогать, то должен кое-что знать, – говорит Эдсон. – Про священников, Орден, кто тот парень с квант-ножом и капоэйриста?

– Как бы так сказать, чтобы ты не счел меня конченой психопаткой? Существует организация – скорее, даже тайное общество – она контролирует квантовое сообщение между вселенными.

– Типа полиции, правительства?

– Нет, намного больше. Она охватывает множество вселенных. Правительства ее не трогают. Система работает на двух уровнях. Есть местный – в каждой вселенной свои агенты, которых называют сесмариа, обычно эта должность передается по наследству. Одни и те же люди играют одинаковые роли в разных вселенных.

– Как это можно передавать по наследству?!

– Я же говорю, звучит как чистое помешательство. Иногда это очень старые и респектабельные семьи. Но агенты-сесмариа – лишь малая часть целого. Я говорю об Ордене.

– Я слышал это слово уже дважды за день. От тебя и от той капоэйристы. То есть человек, который напал на нас в игреже, был из Ордена, да?

– Нет, он, наверное, всего лишь рядовой сесмариа. Они не особо хороши. Им разрешено контактировать друг с другом, но не пересекать границы вселенных. Я надеялась, что сесмариа там, откуда я прибыла, не смогут отследить, куда я направилась. Ошиблась. Но Орден может отправляться куда угодно по всей мультивселенной. У него есть свои агенты – адмониторы. Когда они куда-то посылают адмонитора, то им приходится сообщать о своем решении всем: от президента Соединенных Штатов до папы римского.

Эдсон прижимает руки к вискам, словно так можно выдавить безумие из головы или, наоборот, запихнуть туда реальность.

– А кто тогда эта капоэйриста?

– Никогда ее не видела и не слышала о ней. Но одно знаю точно.

– Что?

– Она на нашей стороне.

«Ну хоть какая-то радость», – думает Эдсон, но тут какой-то порывистый звук заставляет его поднять голову, и в сердце снова

заползает ужас. Но это не полицейские дроны осторожно продвигаются между ветвями. Эдсон широко улыбается: высоко над верхушками деревьев вращаются ветряные турбины.

* * *

– **О**ставайтесь сколько нужно.

– Ты не понимаешь.

– Понимаю. Оставайтесь сколько нужно.

Когда мистер Персик увидел Эдсона на экране с камеры безопасности, а за его спиной девушку, то понял, что теперь ничего не будет простым, как раньше. Под украшенным херувимами потолком в барочной гостиной Сестинью и девушка растянулись без чувств на огромном диване, невинно переплетаясь телами, как котята из одного помета. Сестинью… нет, теперь он не может так его называть. Молодая женщина на его диване – это беженка из другой части поливселенной. Стоит проглотить эту идею, и все остальное приложится. Разумеется, они попали в разборку между ритуальными убийцами тайного общества, действующего между измерениями, и загадочными спасителями. Разумеется, нужно предложить им убежище, хотя так он сразу попадет в игру.

Что-то выпало из кулака Эдсона. Мистер Персик поднимает предмет. Уродливая фигурка Эшу, ширпотреб. Перекрестки, пересечения, врата. Он улыбается, поставив статуэтку на подлокотник дивана: «Позаботься о нем хорошенько, маленький владыка». Девушка спит на спине, закинув руки назад, топик задрался. Мистер Персик нагибается, рассматривает татуировку. Жидкая протеин-полимерная схема. Безгранично податливая и изменчивая. Наверное, это самоорганизующиеся наноструктуры. Квазижизнь. Экстраординарная технология. Прямой нейронный интерфейс, нет необходимости в громоздких пластиковых айшэдах и смартматериях. Какой была история в ее части поливселенной, если породила аналогичное общество, но радикально другую технологию? Однако все миры сосуществуют одновременно. Есть вселенная для любого возможного квантового состояния в Большом взрыве: некоторые похожи на наши, вроде мира этой девушки, некоторые настолько иные, что там физически невозможна жизнь.

Эдсон проснулся, один глаз открыт, смотрит.

– Привет.

– Привет. Я приготовил завтрак.

1–2 октября 1732 года

– Какой замечательный проект и такой оригинальный. Да-да, я так и вижу применение этому приспособлению в моей работе. – Отец Диегу Гонсалвеш повернул рычаг Механизма Управления, наблюдая, как после щелчка цепочка карт подается в устройство, и ремни ходят вверх-вниз. – Упраздняется тяжелая работа, а просто механическая изменяется. Люди освобождаются от колеса.

– Или попадают в еще более изощренное рабство. – Через изящную резную деревянную решетку Квинн смотрел на реку. Личные покои отца Гонсалвеша расположены в задней части плавучей базилики, достаточно высоко, чтобы сюда доходило свежее дыхание реки. Но не сегодня – сегодня только удушающая жара и далекий рык грома. Квинн прижал голову к защитному экрану. – Кто-то должен-таки тащить на своем горбу это колесо, кто-то должен пробивать отверстия в перфокартах, а еще кто-то должен писать последовательность этих отверстий.

Квинн наблюдал, как маленький мальчик, присев в хвостовой части, направляет свое легкое, как листик, суденышко между большими каноэ из свиты отца Диегу. Младшая сестра мальчика, крошечное круглолицее создание, безвольно сидела в средней части лодчонки, прижав руку ко рту. Уже три дня Квинн наблюдал за тем, как мальчик плывет из черной воды Риу-Негру в белую Риу-Бранку, кормит малышку лепешками из маниоки, которые осторожно достает из свертков, сделанных из широких листьев. Снова тихое щелканье адской машины.

– Ох, это сама простота, отец Квинн: промышленный двигатель будет присоединен к шлюзу или даже ветряной мельнице. А самый первый двигатель, который вы построите, послужит моделью для всех последующих. Но ваше третье замечание поднимает любопытный философский вопрос: можно ли сконструировать двигатель, который пишет последовательность для другого, то есть логически для самого себя?

Гром гремел все ближе, словно бы его вызвал треск Механизма Управления. Вселенной правит ряд чисел, бегущих, словно перфокарты, через ткацкий станок Господа. Льюис хотел тайком уничтожить механизм, утопить в реке, но доставил его прямо в руки своего врага.

Носса Сеньора да Варзеа, Богоматерь Затопленного Леса – так называлась зеленая святая на знамени, которая была патроном этого здания, и эта святая не входила в знакомую Квинну агиографию. Только увидев невысокую стройную фигуру на черных ступенях лестницы в базилике, иезуит понял, что при каждом ударе весла мысленно рисовал образ отца Диегу

Гонсалвеша грубым мелом догадок, делал набросок, наподобие разведывательных карт доктора Фалькона. Когда они по-братски облобызались, Квинн осознал, что линии эскиза стерлись полностью, осталось лишь одно: Диегу Гонсалвеш, которого он вообразил, не имел ни малейшего сходства с этим подпрыгивающим, энергичным почти по-мальчишески человеком. «Этого брата я должен вернуть к дисциплине Ордена, – подумал Льюис. – Открой свои глаза, уши, все свои чувства, как ты сделал в Салвадоре, увидь то, что должно».

– Вы знаете, кто я?

Отец Диегу улыбнулся:

– Вы – адмонитор, отправленный настоятелем де Магальяйншем из коллегии Салвадора в Баиа.

Значит, быть поединку.

– Если бы новости путешествовали вниз по реке так же быстро, как вверх! Попросите, пожалуйста, ваших людей прекратить это немедленно.

Индейцы-матросы, обнаженные, с геометрическими узорами черного цвета, нарисованными соком женипапу на лицах, торсах и бедрах, и в повязках из перьев на предплечьях и икрах, выгружали мешки и баулы Квинна из пироги. Земба наблюдал за происходящим с подозрением, схватившись за весло обеими руками, готовый отразить любой удар.

– Прошу извинить меня, брат, я думал, что вы воспользуетесь моим гостеприимством.

Португальский отца Диегу был безукоризненным, однако Квинн расслышал долгие гласные, свойственные баскам.

– Если вам известно мое задание, то вы определенно должны понимать, что я не могу себя скомпрометировать. Я буду спать в пироге со своими людьми.

– Как пожелаете. – Отец Диегу отдал приказы. Квинн расслышал много заимствований из языка тупи. – Но можем мы, по крайней мере, разделить причастие?

– Мне было бы интересно взглянуть, соответствует ли внутреннее убранство вашей… э-э-э… миссии ее внешнему облику.

– Вы увидите, что Носса Сеньора да Варзеа – подлинное свидетельство славы Божьей во всех ее проявлениях. – Гонсалвеш на мгновение замер на лестнице. – Отец Квинн, надеюсь, вы не обидитесь, но до нас также довольно быстро дошла весть, что вы прекрасно владеете шпагой.

– Я учился у Жезуса Португальского из Лиона, – Квинн был не в настроении для ложной скромности.

– Моим учителем был Монтойя из Толедо, – сказал отец

Диегу с легкой улыбкой и сдержанно кивнул. – Наш поединок стал бы замечательным упражнением.

Когда Квинн прошел под девизом их Ордена в базилику, его тут же резко остановила темнота. Свет падал через окна под потолком, преломляясь сквозь резную решетку и падая пятнами на экстравагантные раскрашенные барельефы. Где-то вдалеке поблескивал огонь на алтаре – красноватый Марс среди рассеянных созвездий свечей, поставленных с мольбой к Господу. Здесь мог справиться лишь орган более интимный, чем ненадежный глаз. Льюис сделал глубокий вдох, почувствовал, как расширяется обоняние. Нагревшееся на солнце дерево, прогорклое зловоние дымящегося пальмового масла, знакомые и чужие ароматы зелени, трав и листвы. Квинн вздрогнул, пораженный внезапным всепоглощающим запахом растительности: зеленой гнили и тенистого подлеска. Следом в дело вступило чувство пространства и геометрии. Он ощущал большие массы тяжелого дерева над головой, декорированные контрфорсы и выпуклые орнаменты, паутину свода, похожего на побеги фигового дерева, галереи и хоры. Сверху на него взирали фигуры. Напоследок за остальными чувствами последовали глаза. Роскошь, которую мастера продемонстрировали в убранстве базилики, переходила в религиозный экстаз. Неф был масштабным изображением Страшного суда. Судия Христос занимал всю крестную перегородку, отделяющую клирос от нефа: изнуренный распятый Мессия, его кости выступали, а голова была отброшена назад в агонии от шипов длиной с руку Квинна. Раскинутые руки Христа судили живых и мертвых, а кончики пальцев превращались в завитки и переплетения цветущих лоз, которые тянулись вдоль боковых панелей. Одесную собрались радостные, невинные и обнаженные индейцы, искупившие грехи. Их руки были сложены в благодарственной мольбе, они купались в лепестках, дождем льющихся из пальцев Христа. Ошуюю Христа обреченные мученики среди колючих лиан, обратив лица наверх, просили о невозможной передышке. Демоны прятались среди вьющихся стеблей. Квинн узнал лесных чудовищ: обманчивый дух курупира, бог охоты тупи верхом на кабане, одноногий черный карлик в красном фригийском колпаке, который курил трубку. Отец Гонсалвеш стоял рядом с Квинном и ждал его ответа. Когда ничего не последовало, он тихо спросил:

– Что про меня думают в Салвадоре?

– Что вы преступили границы вашего обета и веры, а также подвергли репутацию ордена опасности.

– Вы не первый, кто приезжает сюда с подобными обвинениями.

– Я знаю, но думаю, что я первый, у кого есть полномочия вмешаться.

Гонсалвеш вяло кивнул:

– Мне жаль, что Салвадор считает вмешательство необходимым.

– Никто из моих предшественников не вернулся, что с ними сталось?

– Вам придется мне поверить, если я скажу, что они отбыли отсюда по доброй воле и в добром здравии, убежденные в ценности моей миссии. Мы далеко от Салвадора, здесь много опасностей для тела и души. Свирепые лесные тигры, ужасные змеи, летучие мыши, которые питаются человеческой кровью, зубастые рыбы, что в считаные мгновения отрывают плоть от костей, не говоря уже о множестве болезней.

Отец Гонсалвеш жестом пригласил Квинна проследовать за ним к хорам. Дверца в перегородке была выполнена в форме сердца Христова, Гонсалвеш открыл ее и предложил Льюису войти.

Алтарь представлял собой деревянный стол, вырезанный в безумной и избыточной манере мастеров Гонсалвеша так, что напоминал переплетенные ветви, единственным украшением служило распятие – индейский Христос, очень изысканный, его лицо и пронзенное тело выражали страдания, непонятные уроженцу Старого Света. Но дух у отца Квинна перехватило не из-за распятия, пусть необычайно яркого и чужого. Его настолько затмевал запрестольный образ, что крест больше казался апострофом. В западной части церкви, где в базиликах из камня и стекла располагался придел Пресвятой Богородицы, возвышался запредельный образ. Женщина, зеленая женщина, Дух Потопа во всем своем великолепии. Обнаженная, невинная, словно Ева, но не голая. Наготу прикрывал лес: яркие, словно драгоценности, попугаи и туканы, некоторые с настоящими перьями, служили ей диадемой, из полных грудей и налитых молоком сосков вырывались цветы, фрукты и табачные листья, а из пупка, божественного сосредоточения, росли лозы и лианы, которые укутывали торс и бедра. Создания, населявшие варзеа, выпали из ее утробы, чтобы присесть в благоговении у одной из ног, касавшейся земли и пускавшей корни в пол: капибара, пака, пекари и тапир, зеленый ленивец и притаившийся ягуар. Другая нога была согнута, ступня прижата к бедру, словно у танцовщицы, вокруг нее обвивалась анаконда, голова которой прижималась к лобковой кости. В правой руке женщина держала куст маниоки, левой натягивала охотничий лук. Деву сопровождала рыба, и множество звезд, словно молочный пояс Галактики, отражались в

темной воде, что текла через тканый узор из древесных стволов и лиан, рядом с которым танцевала Носса Сеньора. Но здесь же присутствовали и настоящие звезды, статуя поблескивала в нескольких точках мягким светом, поскольку к алтарю шипами прибили светлячков. И снова Квинн уловил благородное гниение растительности, а когда его глаза привыкли к полумраку вокруг алтаря и чудовищному размаху работы, иезуит увидел, что там, в нишах, куда через ажурные окна падали солнечные лучи, высадили драгоценные орхидеи и бромелии прямо в ширмахиз деревьев. Настоящий живой лес. Богоматерь Потопа была прекрасна и ужасна, внушала благоговение и трепет. Льюис Квинн ощущал, как она подталкивает его встать на колени, но при этом понимал, что коленопреклонение перед ней было бы подлинным богохульством.

– Я не могу участвовать в вашей мессе, отец Гонсалвеш.

И снова сдержанный кивок, который, насколько понял Квинн, на сей раз скрывал ярость.

– Но разве ваша душа не ищет утешения в причастии?

– Разумеется, но я не могу.

– Из-за Богоматери или из-за руки, которая творит причастие?

– Отец Гонсалвеш, это вы напали на миссию кармелитов, разрушили ее и угнали тамошних обитателей в рабство?

– Да.

Квинн не ожидал, что отец Диегу начнет юлить и отнекиваться, но прямота признания шокировала Квинна, словно внезапный выстрел из пистолета.

– Вы сделали это вопреки акту 1570 года, который запрещает порабощение коренного населения, и вопреки правилам нашего ордена?

– Да ладно вам, святой отец, у каждого своя роль. Вы – адмонитор, я – ревизор. Вы знаете, что это значит?

– Вам дана власть судить и объявлять Справедливую войну тем, кто пренебрег спасением в Церкви Христовой. Я видел тот дом Божий, сожженный до основания, и наших братьев и сестер, преданных мечу. Я говорил с выжившей послушницей, получившей ужасные ожоги. Перед смертью она сказала мне, что видела ангелов, которые шли по верхушкам деревьев, тех самых ангелов, которые украшают мачты этой самоосвященной базилики.

Гонсалвеш печально покачал головой, словно перед ним был бестолковый школьник.

– Вы говорите о порабощении, а я вижу освобождение. Когда вы увидите, что я сделал в этом месте ради Христа, тогда и

судите.

Квинн вышел из хоров. За дверью его ждал день.

– Я навещу вас сегодня вечером, чтобы начать изучение вашей души.

Но слова отца Гонсалвеша, брошенные ему в спину, застряли в памяти Льюиса.

– Они были животными, святой отец. У них не было душ, и я дал им свою.

Искра молнии на миг осветила приемную. Краткая вспышка позволила Квинну увидеть лицо отца Диегу, когда тот разбирал Механизм Управления: восхищение и энергия, гордость и интеллект. В этой жаркой и душной комнатке изучали не душу Гонсалвеша, а его собственную, и она оказалась несущественной. «Я настолько неважен, что вы предпочитаете изучать механизм». Затем загрохотал гром. Туча была почти прямо над ними. Квинн чувствовал, как теплый ветер ударяет в лицо. Матросы побежали зарифить паруса. Кто-то постучал в дверь, и вошел келейник в белой рубахе.

– Отцы, мы добрались до Города Бога.

Гонсалвеш поднял голову, его лицо сияло:

– Вы должны это увидеть, отец Квинн. Я же сказал, что не стоит меня судить, пока вы не увидите мою работу, – это самое лучшее представление.

Пока адмонитор и пай[192] карабкались по лестницам на балкон, нависавший над портиком, базилику освещали молнии, и над ней грохотал гром, постоянный перекатывающийся рев мешал любому слову или мысли. Льюис промок с ног до головы. Давно надвигавшийся шторм разразился-таки. С неба лилась такая масса воды, что Квинн с трудом видел берег сквозь сырую серость, но было очевидно, что Носса Сеньора да Варзеа готовится пристать к берегу. Большая часть каноэ отошла назад, осталось только две большие выдолбленные лодки, в каждой из которых сидело по тридцать человек, и каждая буксировала канат толщиной с ногу, идущий под притвором. Откинув мокрые волосы с глаз, Квинн уже различал пирс, далеко выдающийся в реку, и причальные сваи, каждая из которых некогда была стволом какого-то лесного титана, сейчас погруженного по пояс в грязь и быстро возвращающегося к своему изначальному состоянию. На самой высокой точке на берегу стоял крест в три человеческих роста.

Двухстворчатые двери открылись, и оттуда высыпали мужчины и женщины в перьях и раскраске женипапу с барабанами, трещотками, маракасами, язычковыми музыкальными инструментами и глиняными окаринами. Они

бесстрастно стояли на ступеньках, и обильный дождь струился по их телам.

Отец Гонсалвеш поднял руку. Колокола зазвучали с башни, безумный грохот был слышен даже сквозь суровый дождь. В тот же момент собравшиеся начали петь. Молния осветила исполинский крест. Когда глаза Квинна снова обрели остроту зрения, он увидел, как в ответ на зов колоколов через гребень берега хлынули два потока людей, поскальзываясь на грязи и лужах. И снова Гонсалвеш поднял руку. Носса Сеньора да Варзеа сотряслась от притвора до алтарной части, когда весла вынули из уключин. Теперь люди с берега уже стояли по пояс в воде и пытались ухватиться за причальные тросы. Каждую минуту их количество увеличивалось, женщины и дети толкались на пристанях. Им передали веревки. Мужчины выбрались из теплой, как кровь, воды и присоединились к остальным, рука к руке, плечо к плечу. Носса Сеньора да Варзеа пришвартовалась.

– За мной, за мной, – скомандовал отец Диегу, направившись легкой походкой по скользким сходням.

Квинн не мог противостоять ни его детскому восторгу, ни его электризующему авторитету. Гонсалвеш поднял руку, благословляя собравшихся. На пристани, в каноэ, в воде и на холме все вставали на колени под проливным дождем и крестились. Затем отец Диегу вскинул руки, и тогда хор, и колокола, и гром, и дождь утонули в реве собравшихся. За его спиной выстроился хор, над их головами виднелось распятие на шесте, а чуть дальше украшенный перьями мокрый флаг Богоматери Варзеа. Квинн висел на руке Гонсалвеша, пока они хлюпали по красной грязи, каноэ тем временем подплывали к берегу. Тела все еще высыпали на холм, крутой берег был полон людей.

– Жители рая, подданные Царя Христа! – крикнул Гонсалвеш Квинну. – Они пришли ко мне животными, иллюзиями в человечьем обличье. Я предложил им тот выбор, который Христос предлагает всем: принять его нормы и жить жизнью во всей ее полноте, стать людьми, обрести души. Или же выбрать другую норму и принять неминуемую участь всех животных – впрячься в ярмо и быть привязанным к колесу.

Квинн стер воду с лица. Он и Гонсалвеш стояли на возвышении, а перед ними в виде цилиндрических окружностей по голой долине тянулись длинные дома с крышами из пальмовых листьев вплоть до далекой границы леса, размытой из-за дождя. Оставшиеся пальмы, гейхеры и казуарины давали тень, иначе город – а это был именно город, а не просто деревня – казался бы голым, как спящая армия. В пустой середине

возвышалась статуя Христа в десять раз выше человеческого роста, раскинувшая руки в стороны, дабы продемонстрировать стигмы своих страстей. Дым от десяти тысяч костров поднимался с равнины. А люди все прибывали и прибывали. Матери с младенцами в перевязи на груди, ребятишки, старухи со сдувшимися грудями высыпали из малок[193] на грязные улицы между хижинами, на их ногах и голенях виднелись красные брызги. Полосатые пекари рылись в протоптанном болоте, а собаки прыгали и лаяли. Попугаи неуклюже примостились на бамбуковых насестах.

– Тут, должно быть, сорок тысяч душ, – сказал Квинн.

Дождь стихал, затем и грозовой фронт сдвинулся на север, повергнутый в бегство колоколами. На юге за мачтами и ангелами, венчающими плавучую базилику, столпы желтого света прорывались сквозь густые облака и двигались по белой воде.

– Да, именно душ. Гуабиру, капуэни, сурара – все индейские народы в Сидаде де Деуш.

* * *

Льюис Квинн поморщился, попробовав горькую жидкость. Мальчик-гуабиру, который предложил ему тыкву, съежившись, удалился. Гроза полностью закончилась, и солнечные лучи, пронзительные, как псалмы, касались плантаций. С листьев капало, от них шел пар, какой-то жук свалился в лужу на спину и барахтался перед смертью. То, что с берега показалось Квинну краем огромного нетронутого леса, на самом деле было входом в целую череду садов и плантаций, настолько протяженных, что священник не видел им конца. Маниока, сахарный тростник, пальмы, хлопок и табак, а еще раскидистые деревья, которые так стремился показать ему Гонсалвеш. Он называл их иезуитской корой[194].

– Ключ, который откроет Амазонку.

– Судя по горечи, это эффективное средство против какой-то болезни.

– Да, очень действенно против малярии, святой отец. Что удерживает нас от того, чтобы взять полную ответственность за эту землю, если Господь дает нам такое право? Это не ядовитые змеи, не жара и даже не враждебность индейцев, хотя многие из них проявляют почти детское рвение к насилию. Это болезни, особенно малярия, которая вызывает лихорадку. Простое снадобье из коры этого дерева полностью излечивает и делает человека невосприимчивым к хвори, если принимать его

регулярно. Можете себе представить, какое это чудо для развития и исследования сей дарованной нам Богом земли. Представьте тысячу городов вроде моего Города Бога, Амазонка станет рогом изобилия Американского континента. Испанцы жаждут только золота, поэтому отказались от Амазонки, решив, что это глушь, не смогли рассмотреть ее богатств, которые растут тут буквально на каждой ветке, на каждом листочке, прямо под их стальными сапогами. Кроме моей иезуитской коры есть и другие лекарственные растения против многих болезней, что поражают человека.

У меня есть сильное средство против любых видов боли, растительные препараты, которые врачуют заражение крови и даже гангрену на раннем этапе. Я могу даже лечить расстройства психики, и не нужно прибегать к суеверному экзорцизму, если с помощью моей настойки при дозированном приеме можно избавиться от меланхолии или гнева и угомонить демонов.

Квинн все еще чувствовал вкус горечи от этого почти светящегося сока на губах и языке. Придется пожевать сахарный тростник, чтобы избавиться от него, а хорошая сигара была бы еще лучше. Он учуял запах исцеляющего листа из овинов, и его сердце резко забилось от желания. В мокрую спину дунул свежий ветер, и, оглянувшись, Квинн увидел солнечный ореол вокруг гигантского Христа, длинная тень от которого падала на него. Колокола Носса Сеньоры да Варзеа играли «Ангелюс»[195], в малоке, в поле и в саду люди становились на колени.

Когда они возвращались по утрамбованной множеством ног дорожке, работники в полях кланялись с почтением своему отцу, а Льюис позволил себе чуть отстать, чтобы найти Зембу. Поспешная ночь набегала на небо, текучие слои воздуха вокруг реки, густые, как туман, прижимали к земле дым от костров, на которых готовили еду.

– Ну что, друг мой, это тот самый Город Бога, который ты искал? – спросил Квинн на языке имбангала.

За несколько недель, проведенных в погоне за легендами в слиянии Риу-Бранку, Льюис был очарован родным наречием спутника и научился на нем говорить. Выучишь язык – познаешь человека. Земба было скорее не именем, а званием, причем полувоенным, бывший невольник оказался мелким князьком, преданным и проданным в португальское рабство конкурирующей королевской кликой Н'голы. Его вольная, подписанная королевским судьей Сан-Луиса, была подделкой. Земба сбежал с тростниковой плантации в Пернамбуку, прожил пять лет в одном из киломбо[196], а потом его разрушили, как и все колонии беглых рабов, а Земба с тех пор искал подлинный

Город Бога, город свободы, киломбо, которое никто никогда не разрушит.

– Город Бога вымощен золотом и серебром, ему не нужны ни солнце, ни луна, поскольку Христос – его свет, – ответил Земба. – И нет солдат, поскольку сам Господь – его копье и щит.

Везде виднелись патрули, в каждом было по два человека с рисунками на коже, как уже понял Квинн, обозначавшими принадлежность к племени гуабиру. Охранники носили деревянные арбалеты с хитро закрепленным зарядным устройством. Льюис опознал китайские многозарядные арбалеты, они встречались ему, когда он изучал эту величайшую из стран, считая, что самое сложное задание, о котором он так грезил, приведет его в Китай, а не в эту частную империю на Риу-Бранку. Квинн не сомневался, что легкие деревянные стрелы обретали смертоносность благодаря яду. Он пробормотал себе под нос что-то по-ирландски.

– Простите, святой отец?

– Это стихотворение на моем родном языке:

Когда до Рима доберешься,
То ничего не обретешь,
Царя, что ищешь, не найдешь там,
Коли с собой не принесешь.

– Это правда. – Земба подошел к Квинну. – Я тут походил сам по себе, пока испанский отец показывал вам поля. Заглянул в одну из хижин. Вам стоит это сделать, отец. И церковь, загляните в церковь, там, внизу.

– Святой отец! – раздался веселый голос Гонсалвеша. – Уверенность в Господе – определенно признак христианина. После того как вы увидели то, что я показал, вы со мной? Поможете мне в моей великой работе?

Земба опустил голову и сделал шаг назад, но Квинн заметил, как сверкнули у него глаза.

– Что за работа, святой отец?

Гонсалвеш замолчал, улыбаясь невежеству неуклюжего взрослого, он раскинул руки, неосознанно подражая огромному идолу, который возвышался над его городом.

– Я забираю полевых животных и даю души тем, кто хочет получить их, какая еще может быть работа?

«Вы хотите меня спровоцировать, – подумал Квинн. – Вы хотите, чтобы я среагировал на то, что считаю высокомерием и тщеславием». Он сунул руки во влажные рукава своего одеяния.

– Я уже близок к решению, отец Гонсалвеш. Скоро, очень

скоро, обещаю.

* * *

В ту ночь он пришел в малоку, которую занимал отец Диегу. Пака[197] бросились врассыпную у него под ногами. Гонсалвеш сидел на коленях за столом и писал при желтом свете смердящей лампы на пальмовом масле. Квинн наблюдал, какое сосредоточенное выражение приняло лицо Гонсалвеша, пока он скрипел пером по поверхности тряпичной бумаги. Разлинованные строки, пометки, каллиграфический почерк, какие-то записи. Появление Квинна осталось незамеченным и неуслышанным, он всегда умел передвигаться тихо и скрытно для человека его размеров.

– Отец Диегу.

Тот даже не вздрогнул. Знал о его присутствии? Гонсалвеш отложил огрызок пера:

– Ночное судилище?

Аналой был единственным предметом мебели в длинном помещении, пропахшем пальмовым маслом. Квинн опустил свое крупное тело на подушки, встав на колени.

– Отец Диегу, кто те мужчины и женщины под палубой корабля?

– Они прокляты, святой отец. Это те, кто отверг Христа, его город и обрек себя на животное рабство. Через некоторое время они будут проданы.

– Мужчины и женщины, дети, отец Диегу.

– Сами виноваты, не жалейте их, они не заслуживают и не понимают жалости.

– А больные, отец Диегу?

– Я не совсем понимаю, о чем вы.

– Я заглянул в одну из малок. Я не поверил своим глазам, поэтому заглянул в еще одну, потом в еще одну и еще. Это не Город Бога, а Город Смерти.

– Как театрально, святой отец.

– Не вижу ничего театрального. Меня не развлекает то, что целые семьи умерли от болезней. Оспа и корь выкосили целые малоки, не оставив ни одной живой души. В ваших журналах, таких выверенных и аккуратных, есть ли записи о количестве умерших с того момента, как они присоединились к вашему Городу Бога?

Гонсалвеш вздохнул:

– Индейцы – раса, требующая дисциплины. Они переданы нам

Господом, чтобы мы их подвергали испытаниям и – да, вразумляли, святой отец. Посредством порядка, посредством физического труда приходит и духовное совершенство. Господь требует от нас самого лучшего. Эти болезни – очистительный огонь. У Господа большие планы на этот край, с Божьей помощью я создам народ, достойный его.

– Молчите! – Акцент Квинна полоснул, как ножом. – Я увидел все, что вы здесь сделали, но не принимаю это во внимание при вынесении решения, которое сводится к тому, что вы виновны в распространении ложного учения – якобы те люди, которых вас направили окормлять, рождены без души, а вам дана власть даровать им эту душу. Это чудовищное заблуждение, кроме того, я считаю, что вы страдаете от греха гордыни, а это смертный грех, который насылает сам Враг рода человеческого. Во имя Христа и любви к нему, я требую, чтобы вы подчинились моей власти и вернулись со мной в Сан-Жозе-Тарумаш, а затем и в Салвадор.

Губы Гонсалвеша двигались, словно он читал молитву по четкам или пережевывал свои грехи:

– Шут.

Ярость обожгла сердце Квинна, горячая, тошнотворная и восхитительная. «Именно этого он и хочет». Льюис продолжил тем же невыразительным голосом:

– Мы отплывем на рассвете, возьмем только мое каноэ. Дайте наставление своим помощникам и морбишам[198], как им управлять поселением, пока вам не пришлют замену из Салвадора.

– Я, правда, ожидал большего. – Гонсалвеш благочестиво сложил руки на коленях. Лампа на пальмовом масле отбрасывала неразборчивые тени на его лицо. – Знаток языков из самой Коимбры не то что местные пеоны[199], которые с трудом могут прочесть даже собственное имя, не говоря уж о молитвеннике, и слышат дьявола в каждом ударе грома или крике лягушки в варзеа, человек ученый и проницательный. Изысканный. Знаете ли вы, как я жаждал обрести брата, с которым можно было бы обсуждать идеи и предположения, далекие от этих простых людей, как небосвод? Я разочарован, Квинн. К сожалению, я разочарован.

– Вы отказываетесь подчиниться моему авторитету?

– Авторитет без власти – пустышка, святой отец. В Бразилии нет места пустому авторитету.

– Вы знаете мои полномочия, вы ведь видели свидетельство, которое дал мне отец Магальяйнш?

– Да что вы? Неужели вы действительно думали, что у вас все получится? Думали выступить против меня? Я мог бы

попробовать. Но нет, это была бы пустая трата времени.

Указательный палец слегка приподнялся, и на Квинна нацелили десяток арбалетов. Он смиренно опустил руки. «Видите, я, как Христос, не сопротивляюсь». Как быстро он забыл о хитрости и умениях жителей джунглей.

– Вы всегда говорили о том, что вам нужно самое сложное задание. – Как далеко простирается осведомленность этого человека? – И у меня есть для вас такое задание. Я надеялся, что вы возьметесь за него с охотой, даже с радостью. Теперь же, похоже, мне придется вас принуждать.

– Я не боюсь принять мученичество от ваших рук, – ответил Квинн.

– Разумеется, нет, я и не думал, что смогу заставить вас подчиниться поставив под угрозу вашу собственную жизнь. Просто подумайте о том, что на каждый арбалет, нацеленный на вас, приходится три арбалета, нацеленных на доктора Робера Фалькона, пока он сладко спит в своем гамаке рядом с местом слияния Белой и Черной рек.

Они какое-то время молча стояли на коленях, а вокруг раздавалось вечернее богослужение леса: насекомые, лягушки, ночные птицы. Квинн почти незаметно кивнул. Палец отца Диего дрогнул, и арбалетчики рассеялись, словно мысли.

– Итак, какая же задача у вас самая трудная?

– За рекой Игуапара живет кочевое племя, игуапа, которые покинули традиционные места обитания, когда другие племена убегали от бандейрантов и орденов поменьше. Вам будет интересно узнать, что их язык не родственен тупи и не является вариантом наречия аруаков. Среди всех народов в районе Риу-Катримани и Риу-Бранку они известны как племя пророков. Они считают, что во сне время течет так же, как и в реальности. С ними советуются остальные племена, и игуапа всегда оказываются правы. Из-за легенд они стали неприкасаемыми: игуапа никогда не участвовали в местных войнах. Моя задача – принести игуапа Христовую любовь и Спасение, но это скрытный народ. Другие племена защищают их, даже те, что приняли Город Бога, и пока что моим миссионерам не удалось достичь успеха.

– Моим предшественникам, – сказал Квин. – Тем самым, которые, по вашим словам, отбыли отсюда по доброй воле и в добром здравии. Вы обрекли их на мученичество.

Гонсалвеш задумчиво надул губы:

– Ну, я не думал об этом в таком ключе, но вы правы – да, да, мученичество, думаю, речь именно о нем. Разумеется, никто не выжил.

– А они вернулись?

– Их мучили видения, бред, безумства. Их разум был полностью разрушен, одни лепетали что-то нечленораздельное, другие и вовсе потеряли дар речи и ни на что не реагировали. – Гонсалвеш сложил руки в невольном молитвенном жесте и дотронулся ими до губ с удивлением и благоговением. – Большинство умерли через несколько дней. Один, крепкий немец, продержался две недели. Отец Кальтенбахер натолкнул меня на идею, что человек с более развитыми интеллектуальными способностями сможет выжить и даже сможет сохранить разум в целости, дабы рассказать об увиденном в племени игуапа.

– Ваша неуемная гордыня ведет вас к безумию, если вы считаете, что мой приезд обусловлен чем-то, кроме приказа Магальяйнша.

– Вы в это верите? – спросил Гонсалвеш. – Правда. – Он снова приложил сложенные руки к губам. – Завтра вы отбываете с вашими рабами и командой моих гуабиру вверх по рекам Катримани и Игуапара. Люди, которые используют таланты игуапа, знают, где их найти в случае необходимости. Вы понимаете, что я не позволю вам путешествовать без сопровождения.

– Мануэл – не мой раб. И Земба тоже, у него есть вольная, он – свободный человек.

– Уже нет. Он станет членом моей личной свиты. А теперь желаю вам доброй ночи, святой отец, завтра вам предстоит долгое и трудное путешествие, нужно хорошенько отдохнуть. Поешьте, выспитесь, посвятите время молитве и размышлениям. Возрадуйтесь, святой отец, вы увидите доселе невиданную красоту и останетесь в живых.

И снова по мановению пальца из темноты молча вынырнули арбалеты. Квинн, великан среди разрисованных индейцев, взявших его в плен, оглянулся.

Гонсалвеш так и сидел на коленях перед столом, перо снова уверенно двигалось по бумаге. Почувствовав на себе взгляд ирландца, он поднял голову и улыбнулся широкой и довольной улыбкой.

– Я завидую вам, святой отец. Правда завидую.

Богоматерь Телесериалов

9—10 июня 2006 года

«О Диа» поместила статью на первую полосу. «Жорнал ду Бразил» отвел под новость вторую страницу, но там на обложке была жена главы Бразильской конфедерации футбола в одних футбольных гетрах, которая к тому же правильно держала мяч, с таким не потягаешься. Газета «Коррейу бразильенсе» тоже отправила заметку на вторую полосу, но еще дала резюме событий в разделе «Развлечения», а в спортивном разделе напечатала анализ на три страницы, из которого следовал вывод, что, возможно, пришло время объективно взглянуть на Мараканасо, ведь тот матч свел на нет самодовольство национальной сборной, и она отлично выступила в 1958 и 1970 годах, а Карлос Паррейра[200] хорошо усвоил урок 1950-го. Даже газета «Фолья де Сан-Паулу», которая считала любой материал, относящийся к кариока, ниже своего достоинства, поместила статью в самом низу первой страницы: «ПРОДЮСЕРЫ РЕАЛИТИ-ШОУ В РИО РЕШИЛИ ПОДВЕРГНУТЬ ПУБЛИЧНЫМ ПЫТКАМ жертву Мараканасо». Журнал «Копакабана Сандэй» поместил на всю первую страницу фотографию «профессионального кариока» Раймунду Суареса с распростертыми руками, на лице старика застыло выражение праведного отвращения, за ним возвышалась Сахарная Голова и виднелся подзаголовок: «ОНА ЗАСТАВИЛА МЕНЯ ПРЕДАТЬ ДРУГА». «Глобу» выбрал самый ядерный вариант. Его мультимедийная сеть была в десять раз больше, чем у Четвертого канала, но при этом «Глобу» видел в юном сопернике-выскочке серьезную угрозу для своей ключевой аудитории и никогда не упускал возможности облить соперника дерьмом. Шапка гласила: «СНОВА ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АД», под заголовком красовалась фотография Барбозы, вставшего на колени, словно в молитве, а за ним в сетке ворот покоился мяч. В низу левой колонки разместили снимок Адриану в серферских шортах, который сделали на конференции во Флорианополисе. *«Адриану Руссу, который отвечает за безвкусные телешоу, ориентированные на молодежь („Гей-джунгли“, „Звезда в застенках“, „Грязные свиньи “ и т. д.), сказал, что данное телешоу находится на ранней стадии производства, и оно является одной из многочисленных программ, посвященных будущему чемпионату мира. По его словам, проекту пока не дали зеленый свет. На вопрос о том, предполагалось ли подвергнуть восьмидесятипятилетнего бывшего вратаря „телесуду“ и публичному унижению,*

программный директор заявил, что Четвертый канал намерен и дальше удерживать свои позиции в качестве ведущего производителя громких, провокационных и популярных шоу, но унижение пожилых и уязвимых членов общества не соответствует его политике».

Они позвали Адриану на ужин в «Сатирикон» вместе с женой и другими гостями, а потом заставили прилюдно оправдываться.

На второй странице обнаружилась фотография штаб-квартиры канала на Руа Мунис Баретто под заголовком «ОБИТЕЛЬ ЛЖИ», а дальше под надписью «ЛИСТ ПОЗОРА» перечислялись самые худшие шоу Четвертого канала от «Голого диктатора» до «Королевы на день». Сама Марселина фигурировала на третьей полосе в виде размытого снимка с мобильного, на котором она отрывалась на вечеринке в кафе «Барбоза», взгромоздившись на стол с литровой пластиковой бутылкой пива «Скол» в руке. Селсу, закатив глаза, изображал, что лижет ей зад.

Королева Грязи

Это фотография продюсера Четвертого канала, которая ответственна за надругательство над Барбозой, снятая во время вечеринки с коллегами, а точнее, настоящей попойки с наркотиками и сексом. Марселина Хоффман – одна из самых противоречивых продюсеров Четвертого канала, ее программа «Звезда в застенках», шоу талантов для заключенных женской тюрьмы, вызвала небывалое количество жалоб, когда выяснилось, что победительницу выпустят на свободу вне зависимости от тяжести содеянного ей преступления. По иронии судьбы сеньора Хоффман сама выдала секрет канала, так как по ошибке отправила письмо, в котором излагалась подлинная цель передачи, журналисту Раймунду Суаресу, предварительно солгав Королю Кариока, чтобы тот помог найти Барбозу. Сеньора Хоффман – известная в Зона-Сул тусовщица, она пользуется дурной славой из-за неумеренного употребления алкоголя и кокаина. Коллеги говорят, что она «фактически подсела на пластическую хирургию». В последнее время ее имя связывают с Эйтором Серра, уважаемым диктором с Четвертого канала…

Газета выпала из пальцев Марселины. С животным воплем она повалилась на спину среди таблоидов и газет, разбросанных по полу в квартире Эйтора и пестревших громкими заголовками: «Помогите нам найти Барбозу первыми! Награда 50 000 реалов», «Спасем Барбозу! Пятидесяти лет достаточно».

Раздались чьи-то шаги. Марселина открыла глаза. Эйтор стоял над ней, словно колосс, словно предвкушение «золотого дождя», правда, в какой-то странной перспективе.

– Мне конец, – протянула она.

Эйтор ударом ноги разметал газеты по комнате.

– Сколько ты тут сидишь?

– Вечность. Я не могла спать, а когда заснула, то мне приснилось, что я не сплю. Зачем ты выписываешь все эти газеты?

– Это моя работа.

Эйтор вернулся домой из студии после выпуска новостей в одиннадцать тридцать, ожидая, что ураган Марселина пронесся по квартире, разбросав книги, перевернув столы, разбив стекло и тонкий фарфор, раскромсав костюмы, разрубив картины, расколов религиозные статуи и фрески, которые он с такой любовью собрал за два десятка лет духовных поисков. Но обнаружил нечто куда более страшное: Марселина сидела на полу в одних трусиках танга, подтянув одно колено к груди и обхватив голень обеими руками. Единственным источником света в комнате служил телевизор. Когда Марселина подняла голову, то Эйтор увидел бледное, как у призрака, лицо, настолько чужое, что он чуть не вскрикнул, испугавшись, что в его дом кто-то залез.

– Смотри.

Марселина протянула вперед руку с пультом дистанционного управления от DVD-проигрывателя и нажала кнопку.

– Что это?

– А ты не видишь? – взвыла Марселина, в ее голосе бушевал ураган. – Это я.

Эйтор забрал у нее пульт и выключил призрака, смотрящего в камеру.

– Утром.

– Нет, не утром.

– Вот, выпей.

Он наполнил стакан из холодильника.

– Что это?

– Просто вода. – Плюс капсула из кухонной аптечки. – Тебе нужно восполнить баланс жидкости.

– Она хочет избавиться от меня, – сообщила Марселина в перерыве между крохотными глотками.

– Кто?

– Другая я.

Лекарство подействовало раньше, чем она допила стакан. Эйтор отнес ее в свою постель. Марселина была маленькой и легкой, как уличная собака. Эйтору стало стыдно за все те разы,

когда он наваливался на нее своим мощным телом, ее тонкие угловатые косточки сгибались, а гибкие ноги обвивали его широкую волосатую спину.

Девяносто процентов лекарств в аптечке Эйтора были просрочены. Марселина очнулась после снотворного со скоростью корабельной ракеты. Он храпел. Она на цыпочках прошла в гостиную, чтобы еще раз взглянуть на то, чего не могла понять. Снова и снова пересматривала, как женщина в симпатичном черном костюме проходит через вращающуюся дверь, подходит к Лампиану, поднимает голову и смотрит в камеру, ища какую-то подсказку, какую-то истину. Марселина замедлила проигрыватель до такой степени, что переключала кадры по клику, и тогда заметила едва видную улыбку на своем лице, словно бы она – та другая – специально сделала так, чтобы Марселина увидела самозванку. Снова, снова и снова, пока не зажужжал мотор, не взвизгнули тормоза «Тойоты Лайт Эйс», на которой приехал разносчик газет, и пачка газет не приземлилась со стуком рядом с черным входом.

На другом конце комнаты мобильник Марселины исполнил бразильский ремикс песни «Пуссикэт Доллс».

– Трубку взять не хочешь? – Журналист до мозга костей, Эйтор начинал волноваться из-за неотвеченных звонков.

– Это Черная Птичка.

– Я отвечу вместо тебя.

– Нет! – А потом уже мягче: – Я не хочу, чтобы она знала, что ты рядом. В газетах…

– Я читал газеты. Тебе придется поговорить с ней.

Мобильник сообщил о новой СМС, на этот сигнал у Марселины был поставлен отрывок из монолога вконец обкурившегося трансвестита, бормочущего о своей предстоящей операции.

– Тогда дай мне футболку или что-то в этом духе.

На балконе Хоффман ходила туда-сюда в трусах и старой дырявой толстовке. По ту сторону лагуны жилые застройки казались священным градом из серебра и золота: последние обрывки утреннего тумана опалили зеленые холмы, и девушки, которые следят за фигурой, бегали по берегу озера. Эйтор пытался понять что-то по движению рук Марселины.

– Ну?

Она плюхнулась на кожаный диван:

– Плохо дело. Она велела мне взять отпуск за свой счет. В общем, осталась я без зарплаты.

– А могли уволить.

– Адриану хотел, она отговорила. Дает мне кредит доверия,

считает, что я не отправляла то письмо, это промышленный шпионаж или кто-то просто хакнул мой компьютер. Думаю, я неправильно относилась к Черной Птичке.

– А что с шоу?

– Адриану считает, что, возможно, это нам на руку. ЛПХП.

– Мы такое в новостях не употребляем.

– Любой пиар – хороший пиар. Он подождет, не будет ли отката рейтингов по сравнению с «Глобу». Я все еще могу получить проект.

– Тебе нужно сделать еще один звонок. – Кофемашина Эйтора заполнила кухню визгом и ревом.

– Я знаю. Я знаю.

Ее мать напьется. Будет всю ночь пить, медленно, но верно, по одной стопке водки за раз, глядя на узор из света фар на дождливых улицах Леблона. Фрэнк Синатра отвернулся. Слава – лишь блеск дискотечного шара. Твое «я» разбилось на сотни осколков, и теперь отблески от них слепят тебе глаза.

– Я позвоню. Но я не могу остаться у тебя, Эйтор.

– Освалду уже намекнул, что твое присутствие нелучшим образом скажется на моей профессиональной объективности. Оставайся сколько нужно.

– Дело не в тебе. Понимаешь? Дело не в тебе. Просто, пока она там, мне нужно, чтобы ты мне доверял. А для этого ты должен быть уверен, что если я вдруг позвоню, или напишу, или приду, то, значит, это не я, а она, и все, что она скажет, будет ложью.

– Я узнаю ее. Я как-то раз брал интервью у полицейского, который работал с фальшивомонетчиками, и спросил, как он научился распознавать подделки. Он ответил: «Я смотрел на оригиналы». Так что тебя я узнал бы где угодно.

– А Раймунду Суарес узнал? А мои коллеги по работе, мимо которых она чуть ли не в ритме самбы продефилировала? А мои сестры? Моя собственная мать? Нет, так безопаснее.

– А как я пойму, что все уже закончилось?

– Это я пока не придумала! – огрызнулась Марселина. – Почему ты все усложняешь? Я понятия не имею, как у меня все получится, но хорошо знаю одно: я очень хорошо собираю информацию, мне пора выходить из роли жертвы и обернуть ситуацию в свою сторону, стать охотницей. И за чем я охочусь? За собой. И больше мне сказать нечего. За чем-то, что выглядит как я, говорит как я, думает как я, знает все мои поступки наперед и хочет только одного – уничтожить меня. Почему? Я не знаю. Но выясню. И я понимаю, что раз это нечто выглядит как я, думает как я и говорит как я, то это и есть я. Как такое возможно, мне

неведомо. Вот ты объясни – ты же прочел целую кучу книг обо всем на свете. У тебя есть теория на любой случай жизни, так давай, выдай мне какую-нибудь – любую, которая имеет смысл.

– А тут кругом одна бессмыслица, – Эйтор тяжело опустился на скрипящее кожаное кресло в виде куба по ту сторону стеклянного столика.

– Неважно. Хочешь посмотреть запись еще раз и сказать мне, что она ненастоящая?

– Может, ошибка со временем?

– Можешь спросить всю мою съемочную группу. В тот момент они курили травку у меня на крыше.

– Слушай, если твой злой близнец так открыто и нагло засветился на камеру, то зачем он маскировался в террейру?

– А я не знаю. Может, это была не она. Может, в игре участвует еще кто-то. Но я все выясню. – Марселина покрутила в ладонях кофейную чашку. – Думаешь, у меня есть злой близнец? Думаешь, моя мать… да, у нее была блестящая карьера – она была королевой Бейжа-Флор – и я всегда чувствовала, что стесняю ее. Может, она… нет. Даже когда дела были совсем плохи.

Но такой вариант, конечно, привлекал своей архетипичностью: близнецы, разлученные при рождении, одна вращается среди неоновых огней и блесток Копакабаны, а вторая выросла во мраке и голоде и теперь явилась заявить свои права. Кажется, Марселина видела подобный сюжет в каком-то телесериале.

– Спроси ее, – сказал Эйтор.

То ли кофе, то ли психотерапевтическая расстановка кресел, то ли звенящее понимание того, что тебя, наконец, слушает настоящий друг, то ли его вопрос – но картинка вдруг разлетелась на бриллиантовые осколки. Внезапно лицо в кадре, газеты, разбросанные по полу обрели простоту и ясность. Разумеется, не было никакой Марселины, сотканной из сгустков аше, перемещающихся между морру. Нет никакой магии ни на холмах, ни в городе. Мрачная философия Эйтора не допускала существования волшебства в этом мире. Никаких духов, Саси Перере, зловещих двойников и параллельных вселенных. Просто всплыла старая семейная тайна. Но вы не знаете Марселину Хоффман. Она занимается капоэйрой, она побеждает умненьких мальчиков с помощью жейту и малисии, она – маландра.

В полночь Марселина вытащила одежду из сушилки Эйтора – его уборщица верила в прачечную по понедельникам, а у самого Эйтора спрашивать было бесполезно, бытовая техника его ненавидела. Он даже микроволновкой не научился толком

пользоваться, а духовку совершенно точно никогда не открывал. Джинсы стали тесными и жесткими, Марселина с трудом протиснула ноги в штанины, топ чрезмерно облегал тело, туфли все еще были сырыми, а стельки – грязными. Она повесила сумочку на плечо.

– Куда ты пойдешь?

– Куда-нибудь. Не домой.

– А как ты дашь мне знать, что у тебя все получилось?

– Ты узнаешь. – Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать Эйтора, этого немолодого вечно брюзжащего великана, похожего на медведя. Так просто было бы остаться среди книг и минималистских кожаных кресел, среди соблазнительных нарядов для эротических игр, так просто броситься к нему и зарыться в его громаде и глубине. Так рискованно. В круге капоэйры безопасности не жди, пока под ним скрывается какая-то тайна..

– А как именно ты собираешься задать вопрос матери? «Мам, у меня есть сестра-близнец, от которой ты отказалась при рождении»?

«Блэкберри» Эйтора чирикнул. Не в первый раз их секс прерывала новостная лента. Марселина почувствовала, как Эйтор напрягся, как его мускулы налились броней.

– Что такое, большой медведь?

– Тот парень, к которому ты ездила в террейру.

– Бенса Бенту?

– Он найден мертвым. Убит. Его этой ночью разрезали на куски. – Эйтор прижал ее к себе – сильные и нежные объятия сильного мужчины, который может ненароком раздавить.

– Будь осторожна. Очень-очень осторожна.

* * *

Шляпа чем-то напоминала огромный перевернутый ботинок, чья подошва доходила до висков, а каблук – массивный, в кубинском стиле – казался смелым хохолком. Марселина взяла ее в руки чуть ли не с благоговением.

– Давай примерь, – настаивал Витор, его лицо сияло серебром.

Марселина чуть было не рассмеялась, заметив свое отражение в длинном зеркале, уперла руки в боки, принялась принимать соблазнительные позы в духе Кармен Миранды, надувая губы. Чмок. Но потом освещение резко изменилось, как часто бывало в этом старом театре снов, и в светотени она

увидела ту Марселину Хоффман, о которой мечтала ее мать: из темных глубин зеркала на нее смотрела любимица Копакабаны, похожая на серебристого и напудренного ночного мотылька. Марселина вздрогнула и сдернула шляпу, но солнце все сильнее пробивалось сквозь стеклянную крышу, и в отслаивавшемся серебре она неожиданно увидела пару серебряных крыльев, броню серебряных мышц на груди и животе, а вместо лица одутловатую детскую маску из китайского фарфора с темными провалами глаз, словно из фильма ужасов.

– Это… – поинтересовалась она.

– Другая Бразилия, – сказал Витор. – Разбирали декорации после съемок, все в ужасной суматохе, кто-то перепутал, и все доставили сюда.

Витор принадлежал к тому поколению, чьи обязанности не ограничивались альтернативной семьей, он все еще чтил традицию кариока, мог дать кров и пиво на ночь или на год, причем без лишних вопросов. Он распахнул перед Марселиной двери своего маленького магазина, торгующего всяким китчем, надул матрас в кладовке, набитой коробками со старыми киножурналами и расписаниями футбольных матчей. Когда Хоффман спросила, есть ли такое место, откуда она сможет незаметно понаблюдать за своим домом, Витор без слов открыл дверь в дальнем углу кухни и поманил туда, где до сих пор сохранилась подлинная магия Рио. Марселине всегда было интересно, где Витор находит свои сокровища в стиле ар-деко, которые так идеально украсили интерьеры в программе «Китчевые мрази». Его жилище со странными пропорциями, непрактичными комнатами, странными лестницами и внутренними балконами оказалось переделанным фойе забытого кинотеатра, шкатулкой с драгоценностями из 1940-х, задыхавшейся в дешевых тесных кварталах, словно лесное дерево в лианах. Под сводчатым потолком умирали старые фильмы. Реквизит, декорации кафешек и домов, осветительное оборудование, костюмы, целый истребитель времен Второй мировой, куски океанского лайнера были свалены тут в кучу.

– Они просто складировали все здесь на случай, если снова понадобится, – рассказывал Витор, ведя Марселину наверх в галерею. – А потом двери заперли, и все ушли, позабыли об этом месте, пока я не наткнулся на упоминания о нем в архивах. Аккуратнее, тут мокро, протекло все.

«Хороший материал для шоу, только идею надо оформить», – подумала Марселина, и мысль показалась ей такой приземленной, такой нормальной, в ней крылась неизбежная правда обыденности. Солнце по-прежнему поднималось в небо,

Иисус стоял на горе. Теперь, отложив сюрреалистический головной убор в виде туфли, она снова вскрикнула: на полистироловой голове, которую Марселина раньше не заметила, красовалась настоящая шляпа с фруктами, хотя восковые ананасы и бананы изрядно запылились.

– Вот хорошее место, – Витор открыл дверь навстречу слепящему свету, в маленькую комнатку с огромным круглым окном во всю стену. Он похлопал по плетеному стулу. – Отсюда сможешь видеть все, а тебя никто не заметит, потому что никто не поднимает голову. А я буду время от времени приносить тебе чай.

Это был отличный бельведер, часть бывшего бара, как решила Марселина, обозревая уличную жизнь: продовольственный магазин, два бара, ресторан для любителей считать калории, химчистка, магазин видеотехники, китайская забегаловка, подъезды тридцати жилых домов, в том числе и ее собственного. Так близко, так тайно. Сколько раз, задумалась Марселина, Витор наблюдал за тем, как она входит и выходит из своего дома. Мороз по коже: может, враг сидел на этом самом месте и фиксировал все ее перемещения? Витор мог и не знать, не заметить разницы, как тогда, когда ее двойник не обратил на него внимания. Паранойя. Паранойя была вполне уместна.

Пару раз Марселина резко просыпалась, из-за уютного пыльного тепла, царившего под куполом, проваливаясь в дрему. Расследования, слежки никогда не были ее коньком. Вот бегать с камерами и звуковым оборудованием, ноутбуками и бланками разрешений – это да, это она любила. Витор приносил чай дважды. Он так и не спросил, зачем она наблюдала за серебряной дверью своего дома, не упомянул о ее дурной славе. Та продлилась недолго, довольно скоро настоящий скандал с чемпионатом мира изгнал Марселину с центральных страниц всех изданий, кроме «Глобу». Старики и старухи вернулись с пляжа. Уличные торговцы вышли на перекресток. В барах вынесли столики на улицу и включили телевизоры, люди возвращались с работы, заходили в магазин, покупали там воду, пиво и бобы. По периодическим скоплениям пешеходов Марселина изучила расписание поездов метро, прибывавших на станцию Копакабана. Она видела, что Витор занял свое привычное место за столиком, заказал чай и развернул газету. Друзья и знакомые останавливались с ним поболтать кто на секунду, кто на минуту, а кто и на час. «Хорошая жизнь, – подумала Марселина. Никаких тебе сложностей, инвестиции только в знакомства, все по-человечески и цивилизованно. Потом она подумала: – Да ты бы умерла тут, умерла со скуки уже через полчаса. Нет уж, подайте

мне „Секреты секса от Супермоделей“ или „Как заниматься любовью как порнозвезда“».

Марселина не могла тянуть дальше и позвонила матери:

– Привет. Это я. Не вешай трубку. У вас все нормально? Все хорошо? Ты не напи… ну ты знаешь? Не вешай трубку.

– Ирасема очень обиделась. Я даже представить не могу, как больно ты ей сделала. Глория тоже, а я… я скорее разочарована. Разочарована и удивлена, это так на тебя непохоже, зачем ты так поступила? – В ее голосе звучала хрипотца – так выходило трехдневное водочное похмелье.

«Спроси ее, спроси ее сейчас, у тебя есть такая возможность». Весь день, пока удлинялись тени, она продумывала тактику, думала о вступлениях и переходах, ложных выпадах и уступках, обо всех остро заточенных инструментах из своего профессионального арсенала, но в итоге всякий раз натыкалась на одну стратегическую проблему: сначала извиниться, а насчет Трудного Вопроса позвонить позже или же выпалить все и сразу?

Марселина решилась:

– Я знаю, ты не поверишь, если я скажу, что это была не я. и я знаю, мне стоило бы извиниться прямо тогда. Не понимаю, зачем я начала тот спор, но начала, и мне очень жаль. – Это, по крайней мере, правда. Признать себя виновным в меньшем из зол. Еще один острый скальпель информационной торговли. – Ты, наверное, уже видела статьи в газетах.

– Ты в порядке? Все нормально?

«Ты лгунья и лицемерка? – спросила Марселина про себя. – Или ты уже такая старая и усталая, что сама веришь в свои выдумки?»

– Мам, я понимаю, это прозвучит странно… наверное, ничего более странного я у тебя никогда не спрашивала, но… я – единственная?

Молчание.

– Что, милая? Я не понимаю. О чем ты?

– Я имела в виду, у меня.

Марселина не закончила. Слышала, как мама суетится на том конце провода: «Что? Что? Что?» – но не обращала внимания. На противоположной стороне улицы, у подъезда, стояла она, та самая, красила губы, закрывала маленькую сумочку «Коко», а позади нее медленно закрывалась тяжелая дверь. Она. Ее злая сестра-близнец.

– Мам, мне пора. Пока. Люблю тебя.

Марселина бросилась через темную галерею, сбивая манекены и раскачивая костюмы на вешалках. Перескочила через гнилые перила, перепрыгивая по две ступеньки за раз. Лиловый

вечер выплеснулся на улицы. Горели огни. Люди смотрели, когда она пробегала мимо. Куда-куда-куда? Туда. Марселина миновала перекресток, машины резко тормозили, агрессивно гудели.

– Дорогая… – окликнул ее Витор.

Хороший костюм. Хорошие каблуки, уверенные каблуки – прямо-таки видно, как они цокают по тротуару, и до нее уже двадцать, девятнадцать, восемнадцать человек. «Она ходит как я. Она – это я». Поворот налево. «Куда ты? От моей квартиры до твоего дома можно дойти пешком? Ты жила тут много лет, а я и не знала, наши пути и жизни находились совсем рядом друг с другом. Две Марселины?» Пятнадцать, четырнадцать человек.

Марселина протискивалась сквозь толпу гуляющих людей с детскими колясками, собачников и просто пешеходов. Она уже видела ее. Немного крупнее? Руки чуть шире, ногти неухоженные. Десять, девять, восемь человек. «Я уже прямо за тобой, если ты обернешься, то увидишь меня. Меня». Марселина поняла, что не боится. Страха нет. Это игра, ожог, автомобиль, угнанный на Руа Сакопан, картинки, которые сходятся воедино на монтаже, питчинг, когда они ловят идею, видят ее, когда она разворачивается перед ними, то мгновение, когда замысел воплощается в программу.

«Я прямо позади тебя».

Марселина протянула руку и дотронулась до плеча своего двойника.

– Простите.

Женщина обернулась. Марселина отпрянула. Нет, это не близнец. Сестру можно было бы узнать по различиям, несовершенству, еле заметным вариациям в ДНК. Но перед Марселиной стояла она сама, до последней родинки, до волосинки, до крошечного шрамика над верхней губой, до морщинок вокруг глаз.

– Ах, – сказала Марселина.. – Ох.

Она услышала лезвие раньше, чем увидела его – вопль энергии, арку синего света. Малисия сработала: ничего толком не сообразив, Марселина отпрянула и припала к земле, присев в «негачива ангола»[201]. Лезвие просвистело над ее лицом. Визг, крики. Люди бросились врассыпную. Машины останавливались и сигналили.

Марселина перекатилась из защитной стойки, взмахнув ногой. Снова выпад лезвием. Она выполнила добраду, а потом колесо, готовясь нанести критический удар. И тут чьи-то руки схватили ее за брюки и лодыжки и оттащили прочь. Лезвие, казалось, рассекло воздух, вывеска ресторана развалилась на две половинки. Двойник развернулся и побежал.

Марселина вырывалась, но руки держали ее.

– Отпусти, – приказал мужской голос. – Это больше тебя. Отпусти.

Вот теперь она совершенно сошла с ума, поскольку голос, руки и лицо принадлежали местре Жинга.

2—10 февраля 2033 года

Мистер Персик от нее в восторге.

– Это первый интеллектуально стимулирующий разговор за многие месяцы, – говорит он Эдсону, оставшись с ним наедине за завтраком, пока Фиа в душе. Она любит душ, и звуки того, как она весело плещется в воде, разносятся во все стороны по прохладным коридорам фазенды, выложенным плиткой.

– Бог с ним, – говорит Эдсон. – Все элементы механизма спрятаны?

Мистер Персик поднимает большой и старый железный ключ. Фиа выходит, вытирая концы волос полотенцем. Она знает мистера Персика как Карлиньуса, считает его дальним родственником из огромной семьи Эдсона, члены которой разбросаны по всему городу, словно звезды одного созвездия. Мистер Персик и Фиа вновь начинают беседовать о науке.

Эдсон ненавидит эти разговоры. Он бренчит алюминиевыми приборами на кухне, пока они спорят о теории квантовой информации.

Вот что в итоге Эдсону удалось понять: Фиа была частью исследовательской группы, которая использовала главный квантовый компьютер в университете Сан-Паулу для изучения мультиверсного экономического моделирования, связывая множество кубитов – это, насколько понимает Эдсон, какой-то термин – в таком количестве вселенных, что система обладала примерно тем же числом элементов, что и реальная экономика. Но, как говорит мистер Персик, если сложность модели и того, что она моделирует, одинакова, то разве есть между ними какая-то значимая разница? В мире Фии, похоже, технология свернула на иную дорогу где-то в конце десятых – начале двадцатых. Пока вселенная Эдсона решала проблемы процессоров и микросхем, которые уменьшились настолько, что ключевыми элементами в них стали квантовые эффекты, родной дом Фии научился использовать в качестве процессоров белки и вирусы. Полуживые компьютеры, которые можно было вытатуировать прямо на заднице в противовес крутым айшэдам и постоянной необходимости разрабатывать все более сложные защитные коды для удовлетворения всеведущего города, страдающего паранойей. Но люди Фии убили свой мир. Не смогли избавиться от

пристрастия к нефти, и это сожгло их леса, а небо превратило в жаркую серость без солнца.

Они снова говорили о суперпозициях. Это когда отдельный атом находится в двух противоположных состояниях одновременно. Но физический объект не может быть двумя вещами сразу. А значит, вы измеряете атом и его точное соответствие в другой вселенной. Наибольшая вероятность того, что они оба окажутся в состоянии суперпозиции, возникает при условии, если каждый из них будет находиться в квантовом компьютере своей вселенной. Поэтому в определенном смысле (вот тут у Эдсона, такое ощущение, начинал чесаться мозг где-то в районе затылка) существует не великое множество квантовых компьютеров в миллионе вселенных, а всего один, тянущийся через все миры. Именно это доказала экономическая модель Фии – то, что они назвали мультиверсным квантовым компьютером. Затем Фиа создала квантовую модель самой себя и обнаружила, что это не просто изображение, а самый настоящий шторм, о котором говорил мистер Персик, дувший между мирами, окошко ко всем остальным версиям Фии, с которыми оно было связано. Фантомы Кисиды, которых Эдсон видел в мастерской «Полуфабрикатов для вашего стола», были ее двойниками из других миров, завороженными квантовой спутанностью.

Эдсон с грохотом ставит чайник и чашки.

– Карлиньус, мне нужно взять твою машину.

Он собирается по магазинам. Выезжает на улицы большого грязного города, положив руки на руль и нацепив одну из множества личностей, которые раскиданы по всему северо-западному Сампа. Айшэды показывают полицейские карты. Эдсон чувствует, как возвращается его «моджо»[202]. Осторожно. Самоуверенность проста и опасна. Для подобной операции он обычно выбирал себе алиби, но это небезопасно после того, что случилось с беднягой Наликом. Сесмариа, может, и вышли из игры, но есть и другие уроды: Орден, кто бы они ни были, а еще копы, всегда копы. Нет, маландру неведомо такое понятие, как излишняя осторожность. Он выбирает дороги, на которых нет камер, и маленькие улочки до торгового центра. Среди полок и вешалок настоящее блаженство. Как приятно покупать, но он не осмеливается использовать дебетовый счет. Если магазин не дает скидку за наличку – а некоторые вообще не принимают банкноты – он уходит в следующий.

– Привет, купил тебе кое-что, чтобы ты не так была похожа на фрика.

По радости, с которой она бросается к ярким пакетам, Эдсон делает вывод, что есть и другие вещи, кроме физики, которые

радуют Фиу Кисиду.

– Ты это выбрал для меня или для себя? – спрашивает она, поднимая узкие полоски эластичной ткани, расшитые блестками.

– Ты хочешь выглядеть как жительница Сан-Паулу? – спрашивает Эдсон.

– Я не хочу выглядеть как шлюха, – отвечает Фиа, одергивая соблазнительные шортики, облегающие ягодицы. – Но мне нравятся сапожки. – Это искусственная крокодилова кожа, с высокими каблуками, и Эдсон знал, что она будет ворковать и мурлыкать при первой же примерке. Короткий топик демонстрирует мельчайшие детали ее тату-компьютера. В приглушенном свете, который падает на поля масличной сои, тот горит золотом. Эдсон воображает, что колесики и спиральки вращаются, как цифровая мельница.

– Там, откуда я, пялиться невежливо.

– А там, откуда я, люди не делают себе таких тату.

– Ты когда-нибудь за что-нибудь извиняешься?

– С чего бы? Иди поешь. Карлиньус готовит мокеку[203]. Тебе надо больше есть.

* * *

В вечерней прохладе Эдсон подходит к мистеру Персику, тот прислонился к перилам балкона с большим косяком в руке. Пригороды сияют, как песок, внизу, звездам до них далеко. Даже танец Ангелов Постоянного Надзора, похожих на истощенных биолюминесцентных насекомых Амазонки, кажется слабым свечением звезд. Ночной воздух приносит жужжание ветровых турбин на старых кофейных плантациях – звук, который Эдсону всегда казался одновременно успокаивающим и стимулирующим. Бесконечная энергия.

– Привет, Сестинью, – мистер Персик предлагает Эдсону большой ароматный косяк.

– Я же просил не называть меня так, – бурчит он, но все равно затягивается, чувствуя, как дым вырисовывает спирали под куполом черепа.

Мистер Персик забирает сигарету, делает затяжку в свою очередь и обнимает Эдсона за талию. Затем поднимает самокрутку и рассматривает ее, словно священную синсемилью[204].

– Только это и удерживает меня, чтобы не выбежать вон из тех ворот и не сесть в первый самолет до Майами, – говорит мистер Персик, глядя на колечки дыма.

– Майами?

– У всех есть свои убежища. Своя Шангри-ла. Знаешь, пока все это только абстракция – вселенных больше, чем звезд на небе, больше, чем атомов в нашем мире, – я могу с этим жить. Числа, гипотезы, уютные интеллектуальные развлечения. Как арифметические действия с бесконечно большими числами, ужасающая по сути концепция, но в итоге всего лишь абстракция. Игры разума. Но она не узнала меня, Сестинью.

Эдсон пропускает прозвище мимо ушей.

– Она не узнала меня. А должна была, ведь я такой же… как там. Господи Иисусе, в какие словесные игры мы играем. Квантовая теория, квантовые компьютеры, квантовые-шмантовые, на таком уровне нужен только междисциплинарный подход. Но она меня не узнала. Меня там не было. Может, я умер, или в тюрьме, или не стал физиком, а может, меня никогда не существовало – Карлиньуса Фараха Барузу де Алваранга. Но я знаю. Я в Майами. Я мог бы уехать. Двадцать лет назад. Они бы приняли меня с распростертыми объятиями. Симпатичные кубинские мальчики с глазами, как у оленят, и грязными связями с мафией. Но папе тогда пришлось бы перебраться в дом престарелых, а этого я не мог допустить. Оставить его. Оставить одного с незнакомцами. И я отклонил предложение. Он прожил еще три года и, думаю, был счастлив до самого конца. А потом я постарел, врос в местную жизнь. Испугался. А он, в том мире, уехал. И живет так, как мог жить я. Как должен был жить я.

Всхлипывания и слезы мистера Персика исчезают раньше, чем набирают силу.

Эдсон мягко говорит:

– Помню, ты мне как-то раз рассказывал, что все предопределено от начала и до конца, типа вселенная – это монолит, который сделан из пространства и времени, а мы лишь мечтаем, что обладаем свободной волей.

– Ты меня как-то не особо сейчас приободрил.

– Я лишь пытаюсь сказать, что ты ничего не мог изменить.

Косяк догорает, превращаясь в темный окурок. Эдсон тушит его подошвой шлепанцев.

– Сестинью… Эдсон. Думаю, ты мне сегодня очень нужен.

– Мне казалось, мы обо всем договорились.

– Знаю, но. разве это что-то значит для тебя – ведь там сейчас не она?

Эдсон любит эту старую сволочь и пошел бы на все ради него – без игр, без ботинок и костюмов, без масок, притворился бы грязным кубинским маландру, притворился бы кем угодно, чтобы мистер Персик мысленно отправился в Майами. Но все же это

что-то значит. Мистер Персик все понимает по телу Эдсона и говорит:

– Что ж, похоже, не судьба и в этой вселенной тоже.

* * *

В ретротрусиках «Привет, Китти» Фиа плавает на спине взад-вперед в бассейне. Из тени на веранде Эдсон наблюдает, как из залитой солнцем воды выныривает ее плоская мальчишеская грудь. Он прислушивается, нет ли возбуждения, желания, напряжения члена. Любопытство, свойственное любому самцу. Не более.

– Эй, – она держится на плаву, по ее лицу бегут солнечные зайчики от ряби на воде. – Подай мне полотенце.

Фиа вылезает из бассейна, накидывает ткань на лежак из красного дерева и ложится сверху. Соски торчком и маленький розовый бантик на трусах.

– Впервые за несколько недель я чувствую себя чистой, – заявляет Фиа. – Он ведь тебе не дядя, да? Я нашла ваши вещички. Не могла уснуть и решила разнюхать, что тут к чему. Иногда не могу устоять. Нашла ваши костюмы и всякие штуковины. Они очень… гламурные.

– Я велел ему все надежно запереть.

– Зачем? Если между вами что-то есть, я не возражаю. От меня прятаться не нужно. С чего ты решил, что я буду против? Она знала? А, понятно. Она не знала.

– Ты – не она. Я знаю. Но ты не против?

– Я… Нет. Может. Я не знаю. Меня беспокоит то, что ты от нее все скрывал.

– Но ты же сама сказала…

– Знаю, знаю. Не жди, что я буду последовательной. Что вы делаете со всеми этими штуковинами?

– У нас супергероический секс.

Ее глаза расширяются от удивления.

– Типа Бэтмена и Робина? Круто. Но что вы конкретно делаете?

– А тебе-то какая разница?

– Люблю совать нос в чужие дела. Из-за этого у меня уже неприятности.

– Мы переодеваемся. Играем. Иногда притворяемся, что деремся, ну типа битв. – Произнеся это вслух, выдав свой секрет, Эдсон испытывает жгучий стыд. – Но большую часть времени просто разговариваем.

– Пытаюсь представить Карлиньуса в одном из этих костюмов…

– Не смейся над ним, – говорит Эдсон. – И я зову его мистером Персиком. Когда мы познакомились, он угостил меня персиками за то, что я приглядел за его автомобилем, поскольку не было мелких денег. Он наблюдал, как я ем их. Сок стекал по подбородку. Мне было тринадцать. Ты, наверное, думаешь, как это ужасно. У тебя, скорее всего, по этому поводу есть здравая мысль, как у всех образованных умников из среднего класса. Но он очень робел и был ко мне добр. Он зовет меня Сестинью.

От напряжения в его голосе Фии становится неловко, она вдруг отчетливо понимает, что лежит с голой грудью в чужой вселенной. Это их первый спор. Мотоцикл проезжает мимо ворот. Эдсон замечает его, с нежностью вспоминает свою убитую «Ямаху». Через несколько секунд тот же мотоцикл едет опять, но уже в противоположном направлении. Причем медленно, очень медленно. Эдсон чувствует, как у него расширяются глаза. Смотрит наверх. Наблюдательный дрон с жужжанием пролетает над новым жилым комплексом, но не слишком ли долго задерживается на повороте? Эдсон был так осторожен, когда ездил в город, но всегда могли встретиться камеры, которые он упустил или которые недавно установили, глазок на грузовике, автобусе, футболке, или даже пара айшэдов, всплывшая после кражи, или нападения, или еще чего-то, что заставило полицию порыться в их памяти. Паранойя внутри паранойи. Но все параноики в огромном Сан-Паулу.

Он говорит:

– Сколько ты уже тут находишься?

– Три дня, – отвечает Фиа, – А почему ты спрашиваешь?

– Вы обсуждали эту физику.

– Информационную теорию.

– Да по фиг. Я хочу спросить, ты уже нашла дорогу обратно?

– В смысле?

– Ты сказала, мол, это билет в один конец, обратного пути нет.

– Ну, квантовый компьютер размером с университет Сан-Паулу мог бы помочь. А почему ты интересуешься?

– Думаю, они нас ищут. – Услышав его слова, Фиа резко садится. Привет, Китти. – На самом деле, подозреваю, они уже в курсе, где мы. Тут небезопасно. Я могу обеспечить тебе безопасность, но есть одна проблема. Это будет стоить целую кучу денег.

* * *

Стоя с голым задом на псевдонимейеровской мозаике у зеленого-презеленого бассейна, Эдсон держит в одной руке полотенце и спрашивает солдаду:

– Куда мне?

Они с ворчанием провожают его в живописную сауну в дальнем конце спа. Оба Сидаде в курсе, что Главарь смертельно боится возраста и смерти и активно борется со старостью. Никто в двух городах не ожидал, что он проживет так долго, но он поселил китайских врачей и устроил дзенские термальные источники прямо в пузаде на вершине холма. Тепло поддерживает какое-то электроакустическое поле. Главарь жестом приглашает Эдсона сесть рядом с ним на деревянную скамью. Вокруг его солдаду, такие же голые, как и он, на горячей древесине в пределах досягаемости оружия. Команда Серферов, как они себя называют. У них такие же мускулы, как у серферов, а на груди и животе гордо выделяются завитки рубцов, которые они нанесли себе сами и бережно натирали пеплом во время ритуала скарификации. Эдсон сидит настороженно, помня о своих бритых гениталиях и не зная, что предписывает этикет, если тебя застукали, когда ты смотришь на член наркобарона.

– Сынок, у тебя все в порядке?

У Главаря такая же сложная сеть имен, как и структура его корпорации. В Нижним городе, где его слово – закон, он известен как сеньор Амарала, а в Верхнем – как Эуклидис. Полное имя знает только священник, который его крестил. Слои и пирамиды: босс массивен, валики жира суживаются к лысой голове, побритой так же чисто, как яйца Эдсона.

– А дона как себя чувствует в такую погоду?

Когда Андерсон погиб, Главарь Эуклидис отправил цветы и соболезнования вместе с изображением Богоматери Утешения. Он считает себя всезнающим, как Ангелы Постоянного Надзора, но понятия не имеет, что дона Ортенсе порвала карточку в безлунную ночь и выкинула цветы в зловонную канализацию Сидаде-де-Лус, забитую бутылками из-под гуараны и мертвыми поросятами.

– Я так понимаю, в последнее время ты сильно расстраиваешь маму, Эдсон.

– Сеньор, я бы ни за что не подверг маму никакой опасности, поверьте, – Эдсон слышит, как дрожит его голос. – Можно я кое-что вам покажу? Думаю, вас это впечатлит.

Эдсон поднимает руку. Команда Серферов дергается в сторону оружия. Главарь кивает. Эдсон завершает жест, из раздевалки выходит Милена в украшенном монограммой топе, стрингах и гетрах патриотических цветов, футбольный мячик

прыгает перед ней, как щенок, а девушка беспечно жует жвачку перед зрительным залом из обнаженных мужских тел. «Помни, чему я тебя учил, – мысленно приказывает Эдсон, пока девушка подкидывает мячик выше, выше, выше. – Улыбайся, всегда улыбайся».

– Ну, сеньор, что думаете? – После такого, считает Эдсон, сотня тысяч фанатов на «Морумби»[205] – это раз плюнуть.

– Я впечатлен, у девочки есть талант. Ей нужно сделать пластику груди, думаю, у тебя это уже в планах, но вот задница отличная. Настоящая бразильская попка. Долго она может так держать мяч? – Главарь хлопает рядом сидящего солдаду по бедру. – Эй, тебе нравится эта белая задница? Встает, да? – Снова хлопок. Я бы на его месте запомнил, думает Эдсо. – Та еще штучка, да? – Хлоп, хлоп, хлоп. – У кого тут стояк? Ну-ка, покажи мне, – Да вообще-то у всех, кроме Главаря, замечает Эдсон. И Эдсона. – Ну, сынок, ты меня хорошенько развлек, но ты ведь пришел не для того, чтобы продемонстрировать свою Королеву Футбола.

– Верно, – говорит Эдсон. – Я здесь потому, что планирую одну операцию, мне нужно ваше разрешение.

* * *

Перья! Перья! Перья! Слово несется вверх и вниз по ладейру, спускается по серпантину главной улицы Сидаде-де-Лус, словно водный поток, расползается, как слухи, по кафе и супермаркетам, игровым площадкам, вдоль уличных фонарей, с которых тюни-

ровщики сосали энергию для сварочных аппаратов и окрасочных пистолетов. Хвостовые перья черного петуха воткнуты в грязь, просунуты под металлическую сетку ворот, запихнуты под дворниками. Вырезанных по трафарету петухов закрашивают малярными кистями на ставнях магазинов, тротуарах, в уголках более крупных граффити, наглого и напористого черного петушка. Его крик слышен на холмах от родовия до автовокзала, от Ассамблеи Бога до резиденции самого Главаря наверху: скажите мальчикам, хорошим мальчикам, что банда снова в сборе.

Они встретились в служебном помещении спортзала Эмерсона среди сломанных тренажеров: сам Эмерсон, Большой Стейк (этот явился сразу, опекал собственный спортзал), Индюк со своим квант-ножом и придурок Вкусняшка, который растрепал бы всем, если бы остался за бортом, потом еще два механика – Эдмилсон и Шоколадный Джек из гаража, водители Вагинью и

Фуракан, а еще почетные гости Перьев, Амилкар и мистер Смайлс, отвечавшие за безопасность и конфиденциальность, выглядели они одновременно напыщенными и испуганными.

– И я, – сказала Фиа. – Вы использовали мои деньги. Хочу увидеть, на что вы их потратите.

– Это были не твои деньги. Кто-то должен был знать, как делать ставки. А некоторые парни. они тебя и раньше знали.

Эдсон вынужден был признать, что афера у них вышла блестящая. Фиа, изумленная, с широко открытыми глазами, забарабанила в его дверь как-то под утро, когда разве что в туалет встают. Эдсон тут же вынырнул из постели прямо с голой задницей и потянулся за пистолетом, решив, что явились убийцы-сесмариа.

– Поверить не могу, у вас тоже показывают «Мир где-то»!

По «Глобу 12» круглые сутки крутили телесериалы, и в часы бессонницы Фиа перескакивала с канала на канал. («Все случается где-то в мультивселенной», – сказал мистер Персик на следующее утро, когда они рассказали о своем плане за завтраком с яйцами и сосисками.) Во вселенной Эдсона не просто показывали «Мир где-то» – сериал был абсолютно идентичен тому, на который тайком подсела и Фиа: актеры, персонажи, сценарий. Одно важное и позволяющее неплохо заработать отличие: здесь сериал отставал на неделю. Эдсон даже знал почему: Фиа – та Фиа – говорила про забастовку технического персонала. Они терпели до последнего, но в итоге решили выступить с протестами. Тогда ей это казалось важным. Во вселенной Фии же всем удалось договориться.

– То же самое, слово в слово?

Она кивнула ошарашенно.

– Ты уверена?

Огромные глаза.

– Информация – это власть, – объявил он за завтраком. – И как можно на этом заработать?

– Это просто, – сказала Фиа. – Голубая любовь.

Мистер Персик с невозмутимым видом взбивал яйца. Вот уже два месяца сериал подходил к кульминационному моменту страсти между Раймунду и Рональдана. Если бы Эдсон хоть иногда смотрел телевизор, читал журналы и следил за форумами, то был бы в курсе, что сейчас нет у Бразилии вопроса более важного, чем – будет что-то между ними или нет? Букмекеры давали все меньше шансов с каждым днем по мере приближения Судьбоносного Эпизода: все должно произойти – голубая любовь прямо в прайм-тайм. Ради интриги сценаристов держали в отеле под охраной. Ожидание накалилось до предела, цены на рекламу

стали астрономические. И Фиа уже смотрела этот эпизод.

Ставка была сборной. Они разбросали мелкие суммы, полученные от продажи антикварных вещиц, пожертвованных мистером Персиком, по нелегальным букмекерским конторам по всему Сан-Паулу, ставили всегда немного, чтобы никто ничего не заподозрил, и далеко друг от друга, чтобы никто не расколол систему. Эдсон, Фиа и мистер Персик колесили по бульварам, невозмутимо входили в комнатенки на задворках и выкладывали реалы на пластмассовые столы. Потом Эдсон настолько увлекся, рассылая черные перья и рисуя черных петушков по всему Сидаде-де-Лус, что целиком пропустил Злополучный Эпизод.

Дилер, который помогал Эдсону сбывать антиквариат, выдал ему столько реалов, что в них можно было купаться.

– Откуда ты узнал, что они струсят в последнюю минуту? Вы что, держите в заложниках мать сценариста или типа того?

– Типа того, – сказал Эдсон.

И теперь, стоя перед старой бандой Перьев в спортзале Эмерсона, где под столом лежали спортивные сумки, набитые реалами, Эдсон видит, как годы бросились врассыпную испуганными птицами. Ему снова было двенадцать, реальность побила все мечты о надеждах и достижениях, и приходит горькое осознание, что, несмотря на все амбиции, он не сможет летать достаточно быстро, чтобы преодолеть силу тяготения Сидаде-де-Лус. «Ты закончишь очередным маландру с пистолетом и бандой».

– Спасибо, что вы пришли. У меня есть план, операция, я не справлюсь один, мне нужна ваша помощь. Это нелегально… – Смех. Неудивительно, – .и небезопасно. Вот почему я прошу вас как друзей, а не как бывшую банду Перьев. Не думайте, что я пытаюсь оскорбить кого-то, предлагая оплату, а заплачу я хорошо. Непредвиденная прибыль. Пара ставок сыграла. Вы меня знаете. Я – профессионал. – Он задерживает дыхание, и вся комната вместе с ним. – Это большая услуга, и вот то, что я хочу сделать…

* * *

– Не возражаю против твоей операции, – говорит Главарь, наклоняясь вперед, и пот капает с его сосков. – Эдсон, я уважаю твой деловой подход, поэтому предлагаю пятнадцатипроцентную скидку от стандартной таксы.

Эдсон понимает, что застыл. Он спокойно выдыхает, медленно и незаметно, так что капельки пота на его тощей груди

даже не дрожат.

– Щедрое предложение, сеньор, но сейчас любые таксы сильно ударят по моим денежным потокам.

Главарь смеется. Все его тело сочувственно сотрясается.

– Тогда давай выслушаем, как будешь расплачиваться.

Эдсон кивает на Милену, которая все еще подбрасывает мяч, улыбаясь при каждом ударе.

– Вы сказали, она вас впечатлила.

– Я сказал, ей нужна пластика.

– У нее проба в команду «Атлетику». – Это не совсем ложь. Он знает, как там зовут главного. Договорился о встрече с его секретарем.

– Это не уровень Сан-Паулу.

– Нужно набрать фанатов. У меня есть план развития карьеры.

– В отсутствии тщательности тебя обвинить сложно, – говорит Главарь. – Но…

– Дополнительно отдам волейбольную команду.

Главарь хмурится. Серферы копируют его выражение, только в преувеличенной степени.

– Девочек.

Главарь поворачивает голову на массивной гофрированной шее.

– Они могут играть топлес.

– По рукам, – говорит толстяк, дрожит от смеха, раскачиваясь взад-вперед, морща огромный волосатый живот и хлопая себя по бедру. – Ты меня убиваешь, наглая ты обезьянка. Даю тебе разрешение. А теперь рассказывай, зачем оно тебе?

– Очень хорошо, сеньор, с вашего позволения я собираюсь вломиться на стоянку военной полиции в Гуапире и украсть четыре квантовых компьютера.

9—10 июня 2006 года

29 октября 1731 года

Некоторые замечания касательно гидрографии Риу-Негру и Риу-Бранку доктора Робера Франсуа Оноре Фалькона, члена Королевской академии Франции.

Риу-Негру, или Черная река, – один из самых крупных притоков Амазонки, соединяющийся с Риу-Солимойнс примерно в двухстах пятидесяти лье от устья Амазонки, в трех лье ниже поселения Сан-Жозе-Тарумаш, которое названо в честь исчезнувшего племени Тарума, или Сан-Жозе-ду-Риу-Негру. Самой поразительной

особенностью Риу-Негру является то, что дало реке название – черные воды. Это не поэтический причудливый образ. Дело в том, что вода океана синяя, а в этой реке черная, как смола. Риу-Бранку, приток более крупной Негру, как и следует из названия, Белая река. Ниже Риу-Бранку во всех северных притоках Риу-Негру текут темные воды, а к югу это поперечные русла, связанные с рекой Солимойнс.

От архипелага Анавильянас я двинулся дальше к лагерю на месте слияния Черной и Белой рек, где провел ряд исследований воды и почв. Обе реки исключительно глубоки, и виден отчетливый разброс в расселении видов местных рыб. Однако измерение глубин ручным лотом в случае с Риу-Негру выявило темные наслоения с богатым растительным материалом на дне русла, а на дне Риу-Бранку обнаружился мягкий неорганический ил. Можно предположить, что реки текут по разным местностям. Риу-Бранку гидрологически подобна Риу-Солимойнс, которая берет свое начало в Андах. Кажется логичным заключить, что и Риу-Бранку тоже берет свое начало в высокогорной местности, до сих пор не отмеченной на карте, но, скорее всего, расположенной на бескрайних просторах между Гвианой и вице-королевством Венесуэлой…

Доктор Робер Фалькон отложил перо. Голос леса вводил его в заблуждение. Много раз ему казалось, что кто-то выкрикивает его имя или приветствует издалека, но стоило прислушаться сосредоточенно, как это сделал бы охотник, и слова оборачивались песней птиц или звуком какой-то крошечной амфибии с удивительно громким для такого маленького существа голосом. Вот опять. И на этот раз это не птичья трель и не кваканье лягушки. Человеческий голос звал на лингва-жерал, языке, которым пользовались между собой его носильщики и гребцы, происходившие из разных племен. Каноэ на реке. Что может быть такого странного, чтобы его люди подняли крик?

Фалькон аккуратно присыпал песком и просушил лист блокнота. Марлевый навес, только частично защищавший от надоедливых насекомых, был натянут вдоль границы деревьев. Несколько шагов привели француза на сочившийся берег, река продолжала отступать, несмотря на недавние бури. Фалькон в жизни не видел подобных дождей, но в огромном объеме рек Амазонки они были лишь ничтожной каплей.

Его люди собрались на берегу. Их внимание привлекло одинокое каноэ, большая долбленая лодка, предназначенная для войны или для торговли, дрейфовавшая по течению. Фалькон

нацепил зеленые очки, чтобы лучше видеть, но расстояние было слишком велико. Он навел на цель складную подзорную трубу, минута ушла на то, чтобы навести резкость. Невероятно мощный черный мужчина на носу направлял лодку в сторону берега. Фалькон узнал этот силуэт, эту решимость – Земба, освобожденный раб, которого Льюис Квинн взял в миссию вверх по Риу-Бранку.

– Лагерь! – закричал Земба громким голосом. – Это лагерь француза Фалькона?

– Это я! – отозвался Фалькон.

– Мне нужна помощь! Больной на борту!

«Ищите меня в устье Риу-Бранку».

Фалькон бросился в реку, пока Земба причаливал к берегу. На дне каноэ лежал навзничь Льюис Квинн. Его кожа потрескалась и покрылась волдырями от солнца, раны уже обсидели мухи. Но он еще не умер, хотя жизнь еле теплилась в его теле, ресницы трепетали, ошметки кожи подрагивали на губах, когда иезуит делал вдохи столь незаметные, что казалось, они не в состоянии поддерживать в нем существование.

– Помогите мне, перетащите его под полог, – скомандовал Фалькон, когда каноэ пристало к берегу. – Осторожнее с ним, осторожнее, вы, ослы. Вода. Принесите мне чистой питьевой воды. А еще мягкий хлопок. Осторожно. Да, Льюис Квинн, вы меня нашли.

* * *

– **В** каком я мире?

Доктор Робер Фалькон положил перо на складной стол. Палатку освещали глиняные масляные лампы, ароматная кора тлела в топке, отгоняя насекомых, которые умудрялись просочиться сквозь щели и отдушины. Насекомые же по ту сторону палатки беспомощно тянулись к свету и механически, без толку бились о натянутую ткань с негромким постукиванием. Во время долгих ночей, пока Фалькон дежурил возле гамака, он воображал себя внутри чудовищных часов, которые приводят в движение крохотные твари, – внутри огромного Механизма Управления.

– Должен признаться, отец Квинн, это самый необычный вопрос. Какое сегодня число? Где я? Я ожидал что-то из этого. Или даже «кто я?». Но… «В каком я мире?» Подобного я никогда не слышал.

Квинн слабо рассмеялся, смех перешел в сухой удушливый

кашель. Фалькон тут же подал флягу с водой. Когда Квинн жадно проглотил больше половины, то ответил хриплым голосом:

– Вы определенно похожи на того ученого доктора Фалькона, которого я помню. Сколько?

– Вы пролежали в горячке три дня.

Квинн попробовал сесть. Фалькон положил руку ему на грудь и мягко, но неумолимо приказал лечь обратно.

– Они придут сюда, он в пути, он очень близко.

– Вы в безопасности. Земба мне все рассказал. Вы вне пределов досягаемости вашей Носса Сеньоры да Варзеа, хотя должен сказать, мне было бы крайне интересно взглянуть на такого одаренного человека.

Вспышка, словно молния, блеснула внутри черепа. Момент просветления: Земба толкает каноэ в темную воду и ложится на дно, когда течение уносит каноэ прочь от Носса Сеньоры да Варзеа.

– Я забрал вас, Пай, вы будете в безопасности.

Взгляд в звездный купол, поверх истощения, поверх безумия, темнота наполнена звездами, а там, за ними, появляются другие, а потом еще одни, снова и снова, ночь переполняют чужие созвездия, их становится все больше и больше, пока небо не белеет, а он уже не смотрит вверх, а падает лицом вниз навстречу ослепительному и бесконечному свету. Квинн закричал. Фалькон взял его за руку. Она была жаркой, сухой и тонкой, словно пергамент.

Три дня они с Зембой обрабатывали ожоги пастой, которую манао приготовили из листьев деревьев, удаляли яйца мух одно за другим ботаническим пинцетом, смачивали потный лоб и дрожащие губы, разжимали сведенные судорогой челюсти, вливали жиденький суп или травяной мате, лишь чтобы увидеть, как через пару мгновений жидкость фонтаном извергается изо рта. Оставалось лишь надеяться, что хоть что-то полезное успело задержаться. Вода, всегда вода, больше и больше воды, Квинн все никак не мог напиться. Ночи лихорадочного бреда, пронзительных криков и галлюцинаций, пророчеств и сбивчивых речей, пока Фалькону не показалось, что нужно заткнуть уши, как Одиссею, иначе он сойдет с ума.

– Все время так, – сказал Земба, когда они привязали руки иезуита к гамаку полосами хлопка, чтобы священник не выколол себе глаза.

Затем рев прекратился, наступило ужасающее молчание, и Фалькон осторожно подошел к гамаку, не зная, что успокоило ирландца – проблеск сознания или смерть.

– Земба…

– Он ждет снаружи.

– Он меня спас. Не знаю, как отблагодарить его… слушайте, Фалькон, слушайте. Я должен рассказать вам, что видел.

– Когда отдохнете и наберетесь сил.

Но рука Квинна, когда он схватил Фалькона за запястье, была очень сильной, безумно сильной.

– Нет. Сейчас. Никто раньше не выживал. Этому может не быть конца. Я еще могу поддаться, Господь между нами и злом. Возможно, это единственный момент ясного сознания. Господи, помоги мне.

– Воды, друг мой, выпейте еще воды.

Земба принес новую флягу, и вместе они помогли Квинну, который пил жадно и долго, а потом лег в гамак.

– На сотню лье по Риу-Бранку эмблема Зеленой Богоматери вселяет ужас, Зеленая Богоматерь и иезуитское одеяние. Моя собственная черная ряса, Фалькон. Он опустошил землю, оставив после себя пустые, гниющие деревни, заброшенные плантации, на которые наступает лес. Никого не осталось. Кто-то погиб, кто-то бежал, остальные угнаны в Город Бога или на невольничьи торги в Сан-Жозе-Тарумаш. Братья в Сан-Жозе промолчали, это их цена. Чума – вот его глашатай, огонь – вот его передовой отряд, целые племена вытеснены в игапу[206] или терра фирме[207] только для того, чтобы всех их до последнего ребенка убили болезни белых людей. Но он видит длань Господню: красных должны подвергать испытаниям белые, красные должны закалиться или погибнуть от этого мира. От Города Бога до Риу-Катрипани пять дней пути и еще восемь до Игуапары. Никогда бы не подумал, что во всем мире может быть столько воды. Бесконечный, пустой лес, где тебя сопровождают лишь крики диких зверей. Мануэл погрузился в молчание, напоминающее транс, даже охранники гуабиру молчали. Я слышал, что индейцы могут силой воли прекратить свое существование, начинают угасать и умирают. Многие выбирают такой выход вместо рабства. Я думаю, Мануэл был на границе подобного состояния, причиной послужили слухи о том, что сделают с нами игуапа.

Игуапа – племя пророков и провидцев, племя паже[208] и караиба, сакральных жертв. С ними советуются только по исключительно важным вопросам, и они никогда не ошибаются. Тысячу лет они жили не зная ни войн, ни голода, ни болезней. По легенде, благодаря лесным амазонским снадобьям они видят все возможные ответы на вопрос просителя и выбирают верный. Но цена поистине ужасна. Вскоре после высшей точки ритуального транса у караиба начинают путаться мысли, затем начинаются галлюцинации, после чего он теряет рассудок и умирает. Они

видят слишком много. Они пытаются понять, сохранить при этом равновесие, но не справляются, падают… Я забегаю вперед. Из-за подобной цены игуапа не приносят в жертву своих собратьев. Нет, их пророки – военнопленные, заложники, соперники, преступники, изгои. И, разумеется, черное духовенство чуждой и неэффективной веры. Что наша слабая молитва, невидимая надежда и эфемерные чудеса по сравнению с их железной уверенностью в истине, ведь есть ответ, и они всегда его знают. Мы могли бы спросить их о загадках нашего Господа и веры, и они ответили бы все как есть. Но осмелимся ли мы? Осмелимся ли позволить истине затуманить наше воображение?

Пять дней мы стояли лагерем на нужном берегу, оставляя знаки и сигналы, невидимые моему глазу, но очевидные уроженцам этих лесов так же, как церковный крест для европейцев. Когда они нужны вам, они приходят. Игуапа явились на шестой день. Они были подозрительны, они всегда ревниво относились к своим секретам, но в эту пору смертей и обширных миграций по варзеа стали еще более осторожными. Как духи, вышедшие из леса, они молча появились среди нас, направив стрелы в наши сердца так, что мы даже ничего не успели заметить. Я не думаю, что они принадлежат этому миру, слишком уж жутким было их появление. Лица их светились золотом, они привыкли наносить на кожу масло лесного ореха, который называют урукум, а их лбы, которые они бреют почти до макушки, скошены к затылку так, что по форме напоминают лодку. Они перевязывают черепа младенцев с помощью досок и кожи, пока кости еще мягкие и подвижные. Нас с Мануэлом связали и отвели за руку, проводникам гуабиру завязали глаза. Их переводчик по имени Вайтака сказал мне, что это дань вежливости, раньше глаза всем просителям выкалывали бамбуковыми щепками. Разумеется, мы не думали, что вернемся и сможем что-то кому-то рассказать.

Не знаю, сколько мы брели по лесу, но определенно счет шел на дни. Игуапа ставят в своих владениях ловушки и выкапывают ямы, они могли бы задержать целую колониальную армию. Пока мы обходили удушающие арканы, отравленные стрелы и капканы с шипами, меня мучил один вопрос – что Гонсалвешу нужно от них? Неужели он всего лишь хочет их завоевать? Отца Диегу не привлекат триумф тирана. Он рисовал себя политическим философом, социальным экспериментатором. Существуют ли вопросы – вроде вопросов, как я смею утверждать, о вере и природе мира, – на которые ему потребовались безошибочные ответы? Он считает себя подлинным Божьим избранником, неужели ищет пророческую силу, только чтобы уничтожить ее?

Или же его самоуверенное тщеславие так велико, что он хочет этой власти для себя лично, дабы ведать без веры и вкусить плоды с древа познания добра и зла?

Несмотря на хитроумные оборонительные сооружения, сама деревня оказалась бедной и невзрачной, покрытой пометом пекари и собачьими экскрементами, хижины просели, тростниковые крыши гнили и пускали побеги. У всех без исключения детей на золотых лицах виднелись язвы, чирьи и ячмени на веках. Отдельную малоку отвели для караиба – то есть для нас – это очень почетный титул, как сообщил мне Вайтака, хотя к тому моменту я уже поверхностно освоил их диковинный язык. Эта малока была самой убогой во всей деревне, через крышу в десятки прорех прорывались насекомые и попадал дождь.

Во время ожидания я постиг основы религии игуапа. Они не поклоняются Богу, у них нет легенд о сотворении мира или спасении, нет понятий греха, рая и ада. Но их система верований, которую нельзя назвать теологией, тем не менее, сложна и изысканна. Их тотем – лягушка, причем не самая громкая, ядовитая или цветная, хотя ее кожа имеет красивый золотистый оттенок, который игуапа копируют, раскрашивая лица. Они называют ее курупайра, она была первым из всех существ и увидела первый свет, подлинный свет мира – или, скорее, миров, поскольку они верят в многообразие миров, которое отражает все возможные проявления свободной человеческой воли – целиком и полностью. Она хранит воспоминание о том моменте, когда реальность была единой и неделимой, как страницы книги, перед тем как их разрезали. Курупайра все еще может видеть тот подлинный свет, который является светом всех солнц, и по милости существ, населяющих иные, отличные от нашего миры, может наделить таким зрением и людей. Вытяжка из лягушки, которую медленно кипятят в закрытом глиняном горшке с носиком, дарует пророческие видения.

Такое впечатление, что церемония задумана так, чтобы убаюкать и просителей, и жертв, доведя их почти до экстаза. Барабаны, глиняные окарины, хороводы, силуэты, то и дело мелькающие перед костром, – одним словом, все старые трюки. Нас вытащили из хижины голыми, обмазали золотым маслом – на мне до сих пор его следы – и привязали к крестам святого апостола Андрея[209]. Я помню, что шел дождь, жестокий ливень, но женщины и дети продолжали танцевать, топать вокруг тлеющего огня. За ними пристроился их колдун с фляжкой в руке. Он подошел к Мануэлу, потом ко мне, заставил открыть рты, использовав деревянные тиски, и вылил струю жидкости нам

прямо в глотку. Я попробовал выплюнуть, но он все лил и лил, как в старинной пытке водой.

Снова Квинн сжал руку Фалькона.

– Оно подступило так быстро, брат, так быстро. У меня не было времени, ни слова молитвы, ни даже минуты, чтобы подготовиться. Только что я был золотым распятым идолом, а в следующий момент уже скользил между мирами, Робер, между мирами. Мое поле зрения расширилось, я видел себя, привязанного к кресту, словно стоял вне собственного тела. Но это был и не я, поскольку, в каком бы направлении я ни посмотрел, я опять и опять видел себя привязанным к кресту, а другие Льюисы Квинны разделяли мои муки и мои видения. Сотни двойников, тысячи уменьшающихся, словно отражения отражений во все стороны, но, чем дальше я смотрел, тем менее похожими на меня они становились. Нет, не физически, даже не в плане воли или интеллектуально, а по обстоятельствам их жизней. Там был Льюис Квинн, который потерпел неудачу в своей миссии, отклонил задание отца Джеймса в Коимбре, никогда не стал членом ордена иезуитов. А еще Льюис Квинн, который убил того раба в Порту со спокойной душой. И Льюис Квинн, который вообще не убивал того раба. Льюисы Квинны, занимавшиеся торговлей и преуспевшие, женатые, ставшие отцами, управлявшие огромными кораблями или торговыми домами. Льюисы Квинны, жившие и умершие тысячей разных способов. Все жизни, которые я мог бы прожить. И, Фалькон, вы должны четко уяснить одну вещь: все они без исключения были подлинны. Моя жизнь не была стволом, от которого тянулись все остальные ветки. Нет, они были независимыми, целостными – не другие жизни, а другие миры, отдельные с момента сотворения и до Страшного суда. Бесконечные миры, Фалькон. Меня, обнаженного, отправили парить по ним, мое расширившееся сознание летело вдоль череды других миров, других Льюисов Квиннов, и я не видел им конца. А еще там были голоса, Фалькон, миллионы, тысячи миллионов, или даже в тысячу раз больше этого, голоса, которые говорили одновременно, сливаясь в ужасный неразборчивый гул, как стоны грешников в аду.

И тут через всю эту какофонию до меня долетело слово, один голос, звучавший как тысяча, паже говорил снова и снова: «Спроси, спроси, спроси!» Его тоже окружал ослепительный ореол других воплощений, как все и вся вокруг, и эти убогие развалины, и моего брата по страданиям Мануэла – я видел их в бесчисленных мирах. «Спросить? Что вы имеете в виду?» И тут я услышал, как Пагуана, предводитель гуабиру, заговорил голосом, напоминавшим ураган: «Когда гуабиру одержат победу и будут

править своими врагами?» И они услышали, Фалькон, все эти несметные голоса, – они услышали и спросили себя, а потом каждый произнес свой ответ. Я знал, что где-то среди них, в этом множестве всевозможных ответов, скрыта правда, простая, полная и неоспоримая. Рядом со мной Мануэл… вернее, бесконечные Мануэлы, которых было больше, чем цветов на яблоне, задали тот же вопрос себе и получили, я в этом уверен, тот же верный ответ.

И снова меня закружило среди других Льюисов Квиннов, между мирами, быстрее и быстрее, опережая скорость света, мысли и даже молитвы. Я пересек миллион миров, пока эхо не заставило меня остановиться, и я очутился в комнате, скромной побеленной комнате, с простой мебелью из дорогого дерева, это была комната в Ирландии, как я понял по аромату в воздухе и по маленькому квадратику зелени, что успел заметить в узком окне. Там я увидел себя, Льюиса Квинна, я гладил собаку, а у ног моих возился ребенок. Я посмотрел себе в глаза и произнес: «Гуабиру никогда не будут править своими врагами, поскольку враги уже одолевают их, и вода станет красной от крови гуабиру, а сами они исчезнут, оставив после себя лишь имя». И я знал, что это настоящее пророчество, поскольку, Фалькон, Фалькон, так все и было. Вы задавались вопросом, не могла ли быть вселенная смоделирована простым механизмом, и вот вам ответ. Есть мир для любого деяния и поступка, но все они прописаны заранее, предопределены. Просто стопка карточек, которая подается через аппарат. Свободная воля – это иллюзия. Мы воображаем, что у нас есть выбор, но исход уже предрешен, записан в тот момент, когда создавался мир.

– Я не могу в это поверить, – Фалькон впервые подал голос с тех пор, как Квинн начал свой рассказ. – Я верю, что мир формируется нашей волей и нашими делами.

– Риу-Бранку окрасится в красный цвет кровью гуабиру, и они навеки исчезнут из этого мира, так оно и будет, так уже случилось. Мануэл первым озвучил пророчество, и Пагуана в приступе ярости проткнул его копьем, а потом еще раз и еще раз. Он бы сделал то же самое и со мной, если бы игуапа не сдержали его, но, по правде говоря, что толку? Слово не воробей. Гуабиру уничтожат вне зависимости от того, будет ли озвучено предсказание. Вот он, подлинный ужас дара игуапа: предвидеть то, что ты не в состоянии изменить.

В тот момент четко прозвучал единственно правдивый из всех возможных ответов, затем гул голосов возобновился, и даже с удвоенной силой, миллионы и миллионы голосов, и я слышал каждый из них, Робер. Меня тянуло вниз и разрывало на части, и я забыл, кто я и где я. Я метался между мирами, как призрак, как

демон. Теперь-то я знаю, что меня сняли с креста, а гуабиру без особых церемоний привязали меня к носилкам, чтобы перетащить обратно в Город Бога. Думаю, игуапа отпустили меня только потому, что знали: я наверняка умру. Время от времени разум мой прояснялся, я осознавал, что происходит в этом мире: вокруг деревья, меня несут носильщики с завязанными глазами. Но у реки игуапа схватили Пагуану и плеснули яд в его глаза, поскольку он совершил святотатство против караиба.

Помню: Носса Сеньора да Варзеа ночью, сотня огоньков на ней и лицо Диегу Гонсалвеша, наклоненное над моим. Помню, я увидел в зеркало собственное лицо в пятнах золотой краски игуапа, а мое дыхание затуманивало изображение. И все это время лишь одна нормальная мысль билась в моем мозгу – он не должен получить это, мне нужно напрячь все свои силы, контролировать себя, лишь бы не выдать правду, которую я узнал во время безумия, когда видел другие миры. Отрицать все, отрицать все. Полагаю, именно это простое, но сильное желание уберегло меня от гибели. Но сил не было, мое тело изменяло мне. Затем среди миров я услышал, как кто-то зовет меня по имени, зовет обратно – это был Земба, мой добрый Земба. Он вытащил меня из гамака, перенес на каноэ и пустил лодку по течению, а потом все те звезды и вселенные раскрылись надо мной, и я потерялся в свете. Воды, Фалькон, умоляю.

Дрожащими руками Робер поднес воду к губам Квинна. И снова тот пил жадно и отчаянно. Ткань палатки осветилась обещанием нового дня, ночь отступала, и все птицы в лесу присоединились к общему хору криков, визга, грохота.

– Друг мой, друг мой, поверить не могу в то, что вы говорите. Если это правда. Отдыхайте, набирайтесь сил. Вы все еще очень слабы, и ясно, что ваш разум все еще подвержен действию вытяжки из курупайра.

Мари-Жанна отдала Фалькону фляжку – дорогую, красивую вещицу из серебра с гравировкой, которая легко скользнула прямо к сердцу, – на приеме в отеле «Форишар» накануне отъезда в Брест[210]. «Чтобы ты помнил обо мне и доме на чужбине». Как он хотел глотнуть старого доброго коньяка из этой фляжки. Эта чудовищная река, эта кошмарная земля, пугающий бесконечный молчаливый лес, который скрывал ужасы в своем сердце, но не произносил ни слова, не подавал ни знака. Один глоток Франции, Мари-Жанны и ее звонкого, словно птичий щебет, смеха, но он прятал фляжку, перепрятывал, опять перепрятывал, и она потерялась. Не один мир, а множество. Снадобье, которое позволяет человеку видеть действительность и взаимодействовать с ее копиями, а это подразумевает, при условии, конечно, что

вселенная подчиняется объяснимым физическим законам, а не идеалистической божественной воле или магии, – что все разумы являются аспектами одного огромного разума. И снова перед ним возник образ, предложенный Квинном: стопка карточек, которые подаются одна за другой в Механизм Управления.

Иезуит с трудом принял сидячее положение, его исхудавшее лицо горело энергией и лихорадочной манией.

– Даже сейчас я вижу это, Фалькон, хотя изображение теряет четкость. Никто не может созерцать подобные вещи и выжить. Гонсалвеш был прав, предположив, что мой особенный склад ума – что-то, связанное с моими способностями к языкам или с врожденной способностью видеть во всем закономерности и смысл, – позволит мне уцелеть, тогда как все предшественники, которых Гонсалвеш отправлял на поиски прорицаний, погибли. Но меня мучает ужасный страх, что в бреду я предал игуапа, и даже что чудовищная кощунственная базилика плывет поработить их. Фалькон, мне нужно вернуться. Я предал свой орден и нарушил клятвы. Я не выполнил то, что должен был сделать. Мне ничто не поможет. Доктор, возможно, мне снова потребуется ваш меч.

– Но вы его не получите, – сказал Фалькон, готовивший пасту из маниоки. – Поскольку он потребуется мне самому, когда я пойду вместе с вами.

* * *

«Знаки расставлены, метки на своих местах, но игуапа не пришли. Это наша четвертая ночь на проливе, и меня преследует страх, что их уже продали на невольничьих торгах в Сан-Жозе-Тарумаше. На третий вечер нашего путешествия по Катримани и Риу-Игуапара мы прокрались мимо Носса Сеньора да Варзеа, чудовищного карбункула, но двигалась ли она вниз по течению или вверх с трюмами, полными красного золота? – Фалькон остановился, чтобы смахнуть назойливую букашку, а потом снова склонился над своим дневником, – *Я усердно фиксирую все, что происходит в пути, записываю, сколько мы преодолели лье, зарисовываю карты рек, хотя цель моей экспедиции окончательно потеряна. Я перечисляю деревушки и миссии, навигационные опасности и оборонительные позиции, но все чаще спрашиваю – зачем? Я слишком легко убедил себя в том, что никто не прочтет эти отчеты и донесения. Квинн сказал бы мне, что отчаяние – это грех, но я боюсь, что никогда не выберусь из этого зеленого ада, а мои кости будут гнить среди жары и зловония, покрываясь*

растительностью, и все мои следы сгинут. Но все же я пишу…»

Полог палатки шевельнулся. В скрипторий вошел Земба:

– Маир попросил меня сказать вам, что они тут.

Маир. Герой, лидер со сверхъестественными способностями, незаурядный человек. Начало легенды. Индейцы-манао, находившиеся в услужении Фалькона, использовали это слово в разговорах между собой, но он ожидал, что вскоре будут обращаться так напрямую к Квинну, забыв про обычное «пай», «отец». Земба назначил себя заместителем Квинна, но кем еще себя считал? Фалькон понял, что предвзято относился к Зембе из-за его размеров и цвета кожи, хотя бывший невольник был талантливым и проницательным человеком, оторванным от дома и соплеменников, к тому же пребывал в уверенности, что больше никогда их не увидит, для него все сородичи были мертвы, и он понимал, что придется жить здесь, без почвы и корней, превратившись в насекомое, в пятнышко на просторах Бразилии.

– Иду.

Фалькон вышел из палатки и оказался в кругу арбалетов. Золотистые лица не от мира сего, вытянутые покатые лбы игуапа до ужаса напомнили Фалькону иконостас, написанный каким-нибудь безумным фламандским художником, суды, темных спасителей и странные орудия инквизиции. Двадцать арбалетов смотрели на Фалькона. Квинн непринужденно сидел на бочонке с соленой свининой, почти радостный, хотя один из игуапа, говоривший на лингва-жерал, стоял перед ним и явно изобличал. Они словно бы танцевали: игуапа делал шаг вперед, тыкая арбалетом, лающим голосом задавал вопрос, а потом снова отступал в общий круг. Квинн отвечал на том же языке, медленно, терпеливо и без всякого напряжения.

– Индеец спрашивает, кто Маир, человек или дух. Маир отвечает: «Потрогайте мои руки, мое лицо», – перевел Земба Фалькону.

Квинн расставил руки, словно черное распятие. Вайтака собрался с духом перед своими братьями, а потом смело шагнул вперед и прижал пальцы к ладоням Квинна.

– Индейцы просят прощения, но такого на их памяти не случалось, чтобы душа караиба вернулась в тело из миров курупайра, – прошептал Земба.

Квинн заговорил, и круг охотников издал низкий рык удивления и гнева. Фалькон заметил, что некоторые воины с золотыми лицами были еще необрезанными мальчиками. «О, где мой альбом!» – подумал он. Такие необычные черепа: должно быть, этого добиваются в детстве, бинтуя голову, – такая традиция была у многих исчезнувших народов Анд.

– А что сказал отец?

– Маир сказал: «Задайте мне вопрос, любой вопрос».

Игуапа стали переговариваться на своем языке. Манао недоверчиво ждали на краю круга света, готовые вступить в бой. Фалькон встретился взглядом с Журипари, его переводчиком. Одно слово – и манао нанесут удар. Одно слово – и на этой реке вновь свершится безвестное кровопролитие, смерти невидимые, неслышимые и неоплаканные. Вайтака ткнул в Квинна арбалетом и одновременно пронзил его вопросом.

– Он говорит: «Где был ваш бог, священник?»

На протяжении слишком многих ударов сердца Фалькон ощущал каждую ядовитую стрелу, нацеленную на него. Затем Квинн выхватил арбалет из рук индейца и дерзко постучал по его покатому лбу. Рука Вайтаки взметнулась к деревянному кинжалу, висящему на груди, глаза выкатились в гневе. Ирландец выдержал его взгляд, затем его лицо медленно растянулось в улыбку, раздался беспомощный смех. Смех заразителен: уязвленное самолюбие Вайтаки рассеялось, словно утренний туман, дрожа от еле сдерживаемого веселья, он взял арбалет обратно и с убийственной напыщенностью постучал иезуита по макушке. Квинн громко расхохотался, а все игуапа перестали сдерживать смех. Вайтаке удалось промычать, задыхаясь, какое-то предложение, после чего он сложился пополам от смеха. Вопреки воле, благоразумию и здравому смыслу Фалькон ощутил, что где-то внутри него тоже зарождается радостная беззаботность.

– Что он сказал? Что сказал индеец?

– Он сказал: «Конечно, где же еще?»

Смех медленно сходил на нет, но безумие страха преобразилось.

– Но, друзья мои, друзья мои, – сказал Квинн, утирая глаза рукавом засаленной черной робы. – Должен предупредить, что другой отец, Черный Пай, приближается. Его огромная церковь меньше, чем в дне пути от вас, а все его мысли обращены против вас. – Хохот тут же стих. – Он хочет захватить игуапа, и вас не защитят ни маскировка, ни ловушки, поскольку у него столько воинов, сколько звезд на небе, и он готов пожертвовать их жизнями, лишь бы забрать вас в свой Город Бога. Ваши боги и предки будут утрачены, ваше имя забудут.

Один из воинов выкрикнул вопрос. Вайтака перевел.

– Как Черный Пай узнал об этом?

– Я в бреду сказал ему, – ответил Квинн.

Среди воинов прокатилась волна тревоги. Молодой воин, все еще по-детски пухлый юноша, спросил:

– Черный Пай заберет нас?

Квинн уселся на бочонок, обратил взор вверх, на звезды. Вы же знаете ответ, подумал Фалькон. Вы все еще видите их, думаю, вы постоянно видите их, те звезды на чужих небесах. Все те миры, которые, по вашим словам, открыты вам.

– Приведите своих женщин и детей, – велел Квинн. – А еще захватите животных, оружие, инструменты и кухонную утварь. Повесьте за спины гамаки, соберите урукум и кости ваших предков. Приготовьте клетки для лягушек курупайра, возьмите их столько, сколько сможете унести, и самцов, и самок.

Когда сделаете все это, сожгите деревню дотла и следуйте за мной. Есть одно место для вас. Я его видел, это секретный уголок, безопасное пристанище не только для игуапа, но для любого, кто сбежал из невольничьего каравана или с торгов. Там не будет рабов. Это место будет богато рыбой, дичью, маниокой и фруктами и хорошо защищено. – Квинн кивнул Зембе. – Никто не сможет захватить это место: ни бандейранты, ни Черный Пай с его воинами гуабиру. Имя ему будет Сидаде Маравильоза, Изумительный город. Фалькон, соберите свои припасы и оборудование, которое сочтете необходимым. Сожгите каноэ и все, что не пригодится в пути. Мы отправляемся в путь немедленно. Я поведу вас.

– Квинн, Квинн, это сумасшествие, что за безумство?.. – воскликнул Фалькон, но ирландец уже скрылся в темноте леса. Один за другим золотые тела игуапа последовали за ним и тоже исчезли в чаще.

Богоматерь Золотой Лягушки

10–11 июня 2006 года

Книга легла на ладонь, как любимый и многократно поцелованный карманный молитвенник, – маленькая, плотная, переплетенная в мягкую крапчатозолотистую кожу, которая казалась странно теплой и шелковистой на ощупь, словно бы еще принадлежала живому существу. Вышитые вручную ленты, закладка из той же медной с золотым кожи с обрамлением из яркого сусального золота – этот томик переплетали многократно. Вручную разрисованные форзацы были оригинальными акварельными набросками, на которых художник запечатлел путешествие по реке, нарисовав оба берега: левый наверху, а правый внизу, – и пометил деревья, служившие ориентиром, миссии, церкви. Индейцы в накидках и фантастических головных уборах из перьев стояли на каноэ или на бамбуковых плотах, а из воды выпрыгивали розовые речные дельфины. На поваленном дереве сидели рыжие ревуны, слишком огромные, но нарисованные в мельчайших деталях. Все это было снабжено легендами, которые Марселина не могла расшифровать.

Местре Жинга жестом велел положить книжицу. На обложке красовался силуэт лягушки, выполненный в виде теснения на позолоте. Учитель руками в перчатках с благоговением отодвинул томик на край складного столика, перед тем как поставил перед Марселиной кофе. Она тоже сидела в перчатках, и ее проинструктировали ни при каких обстоятельствах не мочить книгу. Хоффман сделала глоток кофе. Хороший, с дымком, из кружки с эмблемой «Фламенгу». Стены маленькой кухоньки в дальнем конце фундасана были выкрашены желтой краской, а сколоченные вручную шкафы и столы – в синий и зеленый цвета. Патриотичная кухня. Ящерица очнулась от каменной неподвижности и скользнула вверх по стене между вставленными в рамку снимками великих мастеров капоэйры и капоэйристов сороковых-пятидесятых годов, до того как йога стала просто легальной, не говоря уж о моде на нее, – парни в панамах, играющие в кругах рода возле доков, на них майки, а гофрированные брюки закатаны до колен. Классические удары ногой и движения, но с сигаретами во рту. Вот уж подлинный маландражен[211].

– Итак, – сказал местре Жинга, – что ты заметила необычного в этой книжке?

Машина рванула от тротуара, словно реактивный самолет,

Марселина была в оцепенении, смущении и шоке, но более всего не могла забыть обжигающую картину своего собственного лица рядом с тем ножом, а потому только и смогла что промямлить:

– Я не знала, что у вас есть машина.

– А у меня и нет, – ответил местре Жинга, врубая передачу. – Я ее украл.

Вскоре стало понятно, что он и не водит толком, – он с изяществом прокладывал хаотический маршрут между машинами такси на Руа Барата Рибейру, чуть не оцарапал дверь о стену тоннеля Нову, выскочив под рев автомобильных гудков в лиловые сумерки Ботафогу.

– Ну разве сложно водить машину, ведь таксисты же как-то это делают? – заметил местре.

Марселина увидела светящуюся синюю скульптуру непонятной формы, которая венчала здание Четвертого канала, появившееся на горизонте. Она казалась утешением и печальным псаломом, обетованной землей, откуда Марселину изгнали. Она сделала глубокий вдох, мощный успокаивающий поток воздуха наделил ее жгучей силой, как в круге рода или на планерке.

– Вы должны мне кое-что объяснить.

Теперь в район Ларанжейрас, к подножию горы.

– Да, – ответил местре Жинга, откидываясь в кресле и руля одной рукой. – Но с чего начать? Мы надеялись, что ты не влезешь во все это, и мы сможем справиться раньше, чем ты что-то узнаешь, но, когда убили бенса, оставаться в стороне не представлялось возможным.

– Так это вы были в террейру?

– Ты всегда была слишком умной, но не слишком проницательной, – сказал местре Жинга.

Марселину окружали знакомые улицы. Они ехали в сторону школы капоэйры местре Жинга. «А у вас все еще комплекс Йоды».

– Я приглядывал за тобой все время после того, как этот клоун Раймунду Суарес отправил тебя к Фейжану. Если бы он держал рот на замке… но после ссоры с бенса он разобиделся. Стоило бы прирезать его, тогда мы не попали бы в такую заваруху.

– Погодите-погодите, а что за заваруха-то?

Машина болталась по извилистой дороге, царапая стены жилых комплексов, выкрашенные охрой или желтой краской.

– Нужно бы переключить на передачу пониже, – заметила Марселина, которую беспокоил стучавший, выбивавшийся из сил двигатель. – Слишком быстро.

– С каких пор ты стала Рубенсом Баррикелло?[212]

– Наблюдала за таксистами. Итак, та женщина с ножом, кто

она?

– А на кого она похожа?

– На меня.

– Вот и ответ. Для него есть логичное объяснение. В остальном же, поверь мне, в этой игре нет случайных совпадений.

Затем украденный «форд» остановился перед разрисованными граффити стенами фундасана, на которых прыгали яркие веселые капоэйристы, и местре Жинга в спешке и напряжении, чего Марселине не доводилось раньше видеть, отпер ворота и провел ее через черный вход на патриотическую кухню.

– Эта книжка – вроде как экспедиционный журнал одного французского исследователя Амазонки восемнадцатого века. Я не особо вчитывалась. Мне такие старые рукописи трудно даются.

– А я не спрашивал, что это. Я спросил, что ты заметила?

– Ну ее переплетали несколько раз, текст написан от руки, но это не оригинал, как я подозреваю, иллюстрации на обложке содержат шифры и какие-то надписи, и, памятуя о том, что представляла собой Бразилия в восемнадцатом веке, думаю, и сам текст изначально был зашифрован.

– Неплохая догадка. Еще что?

– Как я уже сказала, я особо не вчитывалась. Ну еще я уверена, что эта книжица восемнадцатого века как-то связана с моим злым двойником, который пытается меня убить, но, возможно, все намного проще, если вы мне что-нибудь объясните.

– Еще что?

Марселина пожала плечами, затем осознание необычности, ощущение стылого удивления дрожью пробежало по телу. В напоенной цветочными ароматами теплой кухне местре Жинга она увидела, как от мурашек приподнялись белесые волоски на ее предплечье.

– Тогда была чума, чума лошадей. – Она узнала это выражение на лице местре Жинга. Сколько раз она видела это в рода, когда он сидел на корточках в круге, облокотившись на трость. Продолжай, дочь моя, продолжай. – Все лошади, ослы, даже быки… всех смела чума. Но этого ведь никогда не было. Это выдумка, сказки.

– Нет, это правда. Это история. Просто не наша история.

– Это безумие.

– Лизни книгу, – приказал местре Жинга. – Подними и прикоснись к ней кончиком языка.

Стылое удивление превратилось в головокружительный страх. Королева Органа в Бейжа-Флор пользовалась множеством привилегий, в том числе свободным и неограниченным доступом на частный пляж и к бассейну отеля «Илья-Гранде» в районе

Арпоадор, на скальном мысе между золотыми изгибами Копакабаны и Ипанемы. Интрижки и тайные связи витали в просторных коридорах и крытых галереях, но дети, которые плескались у камней, не знали об этом, как ничего не знали об искусственных спутниках. Особый трепет вызывал Трамплин, пятиметровая скала, которая нависала над синим бассейном: зажать нос, быстро перекреститься и сигануть вниз, словно гарпун, в прозрачную холодную воду. Марселина – в свои восемь лет – завидовала девочкам постарше, которым было что положить в купальник, и долговязым мальчишкам, осмеливавшимся прыгнуть. Во время жарких каникул она пыталась собраться с духом и подняться на Трамплин, и вот в последний день лета, перед началом занятий нашла в себе силы вскарабкаться на скалу. Ее мать и сестры валялись на деревянных лежаках, махали и кричали: «Давай! Давай!» Марселина перекрестилась. Посмотрела вниз. Глубокая синяя вода глянула ей в душу. И она не смогла прыгнуть. Внизу ждало поглощающее безумие. Она сползала по выдолбленным в камне ступенькам, спиной вперед, прощупывая путь, переставляя руки и ноги по одной, и это был самый длинный спуск в ее жизни.

Марселина посмотрела на книгу. Золотой глаз лягушки зачаровывал. Куда заведет спуск с этого раскрашенного святилища? Уж точно не к знакомой ей жизни. Старые капоэйристы, великие местре и корда вермелья бросали ей вызов своим жейту. «Богоматерь Дорогостоящих Проектов, она же наша Богоматерь Жейту, помоги мне».

Марселина подняла книгу к лицу и дотронулась до глаза золотой лягушки кончиком языка. Том раскрылся, комната раскрылась, город раскрылся, мир раскрылся. Она подняла руку, и с той стекло эхо миллиона рук, словно визуальное эхо барабанной дроби. Стол стал Храмом Всех Столов, зеленые и синие шкафчики – кубами Пикассо. А сам местре Жинга превратился в сонм призраков индуистского бога из множества движущихся конечностей и голов. Книга в руке разворачивалась тысячью страниц, одни таились внутри других бесконечным оригами. Голоса, хор голосов, миллион голосов, миллион городов, ревущих, поющих и болтающих одновременно. Марселина протянула руку к столу – к множеству столов множество рук – и поднялась на ноги через туман смазанных изображений. Местре Жинга подскочил к ней, открыл ей рот и плеснул крепкий, горячий, пугающе черный кофе ей в горло. Марселина закашлялась, ее вырвало темным кафезинью с желчью, после чего она снова стала собой, единственной, отдельной и целостной, и рухнула на алюминиевый кухонный стул.

– Что вы со мной сделали?

Местре Жинга виновато повесил голову:

– Показал тебе устройство мироздания.

Марселина швырнула книгу через стол. Местре Жинга поймал ее и аккуратно положил на край из оцинкованной стали.

– Вы меня накачали наркотой! – Она ткнула в него пальцем.

– Да. И нет. Ты же знаешь мои методы. Твое тело учит тебя. – Местре Жинга сел на свой стул и рассмеялся. – Тебе ли обвинять меня?

– Тут другое! Это все наркоманская книга!

– Эта книга переплетена в кожу курупайра, священной золотой лягушки.

Марселина ездила на Амазонку, чтобы собрать материал для передачи «Двадцать тайных способов убийства» и видела, какими смертоносными могли быть яркие лесные лягушки.

– Вы могли угробить меня.

– Зачем? Марселина, я знаю, что ты думаешь обо мне. Пусть ты считаешь, что у тебя много малисии, но это даже близко не так. Вот только сейчас тебе пригодится все, что у тебя есть, поверь мне. До последней капельки. И перестань тупить и вести себя как маландру, поскольку идиотизм убьет не только тебя, но и всех окружающих.

Комната подрагивала вокруг Марселины, разбрызгивая многочисленные реальности, словно пес, отряхивающийся от воды.

– То есть это какой-то галлюциноген типа айяуаски.

– Ничего подобного. Иау считают, что Дайме стимулирует те участки мозга, которые генерируют духовность. Курупайра показывают истину. Глаз лягушки настолько чувствителен, что может воспринимать один фотон света, отдельное квантовое событие. Лягушка видит фундаментальную квантовую природу реальности.

На губах Марселины крутилось ехидное замечание: «А что местре капоэйры знает о квантовой теории?» В мрачности она черпала уверенность. Марселина находилась в знакомом и уютном, как родной дом, месте, но один шаг из дворика, где она играла в замечательную игру, в зелено-сине-желтую кухню стал шагом из одного мира в другой. Рио всегда был городом изменчивых реалий, холмов и моря, жилых домов, которые вырастали на грубых скалах морру, дисгармонии между особняками за миллион реалов и кварталами для молодых семей, громоздящимися друг на друга в фавелах. Там, где одна реальность наползала на другую, выплескивалось насилие. Эйтор, в чью личную жизнь проникаешь сквозь книги, столько раз

пытался объяснить квантовую теорию Марселине – обычно в те моменты, когда ей просто хотелось услышать, как сексуально ее задница выглядит в прозрачном белье. Тогда она поняла лишь то, что от этого зависела ее карьера и существовало три интерпретации теории (в тот момент Марселина как раз пыталась убедить Эйтора вынюхать дорожку со стеклянного столика), и лишь одна из них правда. Какая бы интерпретация ни оказалась истинной, все сводилось к одному – реальность кардинально отличается от того, что подсказывает нам здравый смысл. Поэтому закрой свой рот и слушай местре Йоду.

– Что-то в коже лягушки позволяет нашему разуму воспринимать реальность на квантовом уровне.

– Что ты видела?

– Словно бы у всего вокруг есть ореол, другие сущности… – Марселина замялась, прежде чем произнести два слова, которые перевернут ее вселенную вверх дном, разобьют ее вдребезги, превратив в сияющую пыль. – Множество миров.

Существует три основных интерпретации квантовой теории, сказал Эйтор. Это случилось через три дня после карнавала, когда весь изумительный город должен был расправиться с огромным запасом легких наркотиков до того, как снять перья, стразы и смыть блеск с кожи, чтобы мир труда вновь укрепился в своей скучной власти. Марселина, пошатываясь, бродила по квартире в белом платье, напившись белого вина, то и дело срываясь в танец, тряся задницей, а то теперь до самого новогоднего праздника в честь богини Йеманжи[213] не оторвешься. *Копенгагенская интерпретация считается чисто вероятностной в том плане, что в физическом выражении она придает большое значение наблюдению, информации и разуму. Теория Бома отражает нелокальность квантовой физики как таковой, она заключается в том, что каждая частица во вселенной через пространство и время связана со всеми остальными, поэтому за нее ухватились различные нью-эйджевские шарлатаны, они считали, что она поддерживает их мистицизм. Многомировая теория Эверетта примиряет все парадоксы квантовой теории, предлагая огромное, возможно бесконечное, количество параллельных вселенных, которое содержит все возможные квантовые состояния.*

«Почему ты все это мне рассказываешь? Почему это так важно? Что это значит? Лучше иди и нюхни кокаину», – бормотала тогда Марселина, но ответ Эйтора не забыла:

«Потому что, как ни крути, но мир безумен».

* * *

И снова комната, фундасан, Иисус на своей горе корчились вокруг Марселины. «Я вижу многочисленные вселенные, параллельные Рио, других Марселин. А что насчет тех, кого я не вижу, кто замешкался на Руа Рабата Рибейру, кого разрезали тем ножом?» Марселина сделала глоток крепкого остывшего кофе.

– Думаю, вам придется мне все объяснить.

Местре Жинга уселся на свой стул:

– Хорошо. Ты не поверишь, но каждое мое слово – правда.

* * *

– Существует не один мир. Их множество. И ты тоже не одна – вас множество. Нет вселенной – есть мультивселенная, и внутри нее содержатся все возможные квантовые состояния. Напиши число девяносто девять запятая, а потом столько девяток, пока писать не наскучит. Такое количество вселенных пусты, стерильны, они – упражнения по абстрактной геометрии и топологии, двумерные, невозможные, без силы тяжести. В оставшейся бесконечно малой доле большая часть вселенных с физическими константами, которые чуть отличаются от наших, буквально на десятую долю там или тут, но даже такая крошечная разница означает, что вселенная или немедленно коллапсирует после Большого взрыва в черную дыру, или же бесконечно расширяется за долю секунды так, что любая частица оказывается настолько далеко от своей соседки, что по сути она становится сама себе вселенной, там звезды не образуются или, наоборот, сгорают за срок человеческой жизни. В той же малой толике вселенных – по отношению к мультивселенной – точная настройка констант позволяет существовать жизни, разумной жизни, которая основывает империи, строит прекрасный Рио, изучает боевые искусства, снимает телевизионные программы и познает природу Вселенной, а потом выясняет, насколько же ее существование невероятно. Мы проникли в 10 300 000 вселенных, но лишь поцарапали кожу мультивселенной, и даже не исчерпали число миров, где мы существуем в узнаваемых для нас самих формах.

У всех есть теория. Спроси любого таксиста в Рио, и он поделится своей бесплатно. Таксисты всегда знают, как улучшить ситуацию в стране, кого поставить в лучшую сборную, где лучше всего поесть. Проблема в том, насколько полезна твоя теория? Объясняет ли она обыденное так же, как странное и

сверхъестественное? Физика – не исключение. У нас были Ньютон, Эйнштейн, Бор и Гейзенберг, и каждый раз теория чуть лучше объясняет реальность, но нам предстоит еще долгий-предолгий путь до конечной Теории Всего, финальной версии теории таксистов, которая объяснит все, начиная от причин, по которой существует нечто, а не ничто, и заканчивая результатами футбольных матчей. Физика теперь – это рода: все маландру стоят вокруг, хлопают и поют, пока две теории выходят в круг и пытаются перехитрить друг друга. Два больших сильных парня считают, что у них есть достаточно маландражен, чтобы быть теорией всего. Один из них Теория Струн, или М-теория, как это еще называется. Его противник – петлевая квантовая гравитация. Они обзывают друг друга, меряются статью, пытаются заставить соперника совершить ошибку, выставить его идиотом, типа как ты выставила идиотом Жаира, применив бока де калса. Парни из ПКГ кричат на сторонников струн, что их взгляды – это даже не ошибка. Струнейру орут в ответ, что петлевики лишь рисуют дреды в пространстве. Кто прав? Я всего лишь руковожу школой капоэйры, мне просто нужна хоть какая-то теория, которая объяснила бы мне то, что показала книга, обтянутая лягушачьей кожей, – то, что существует до фига параллельных вселенных. Лично я за дреды в пространстве. Петлевая квантовая гравитация – это теория, согласно которой все сделано из пространства и времени, которые переплетаются сами с собой. Все может быть соткано из петель пространства и времени, которые продернуты через себя же. Конечно, больше похоже не на дреды, а на вязание. Но я читал форумы в Интернете – да, я читаю форумы по физике, почему нет? – так вот один парень из университета Рио говорит, что мы считаем пространством лишь связи между отрезками информации. Все вокруг – это информация, которая связана во времени, и у нас даже есть для этого название – компьютер. Вселенная – один огромный квантовый компьютер, вся материя, вся энергия, все, что мы собой представляем, – это программы, которые работают на этом компьютере. А теперь следи за ходом моей мысли. Что я знаю о квантовых компьютерах: они могут существовать в двух противоположных состояниях одновременно, и это позволяет им выполнять такие операции, на которые не способна ни одна другая машина. Но я видел, что реальность – это мультивселенная, а значит, эти вычисления идут одновременно во многих вселенных, поэтому на самом деле вся мультивселенная – один огромный квантовый компьютер. Все вокруг – информация. Все вокруг… это мысль. Наши умы – часть общего процесса. Наши разумы функционируют в нескольких вселенных, а может, и во всех. А курупайра снижает перцепцию

до уровня, на котором мы осознаем, что являемся частью мультиверсного квантового компьютера. И вот сейчас слушай очень внимательно: если все вокруг лишь информация, лишь мысли и вычисления, то значит, эту информацию можно переписать и отредактировать. Ты можешь вписать себя в любую часть мультивселенной, в любое место и в любое время. И та, другая ты просто вписала себя в эту вселенную и теперь найдет тебя и убьет. Она кто-то наподобие полицейского. Военного. Она является членом организации, которая следит за порядком в мультивселенной и стремится сохранить в тайне истинную природу реальности, ее контролирует небольшая элитная группа. Она займет твое место, а затем хочет найти нас всех и уничтожить. Я говорил, что ты мне не поверишь. Но никакой иной истины просто нет.

Марселина качнулась на стуле.

– Вы не могли бы… мне правда нужно выпить.

Местре Жинга пошел к холодильнику. Стемнело. Голубой свет изнутри морозилки причинял боль, пока учитель рылся в поисках пива. Марселина вздрогнула, когда на скользкой дороге взвизгнули шины. Каждое мышечное сокращение, каждое суетливое движение, каждый шорох казались врагами. Она глотнуло пива, до смешного холодное и великолепно реальное, оно проскользнуло сквозь нее, словно дождь сквозь призрака, ни до чего не дотрагиваясь. Зазвонил мобильный телефон местре, медленный мотив ладаинья[214] для соло и беримбау. Когда он заговорил – тихими, рублеными фразами – осознание прокатилось по телу Марселины:

– Значит, где-то там я – коп. Твою же мать!

Местре Жинга закрыл телефон-раскладушку. Конденсат бежал каплями по стенкам банки.

– В определенном смысле да. Мы используем термин «адмонитор» – это старое религиозное выражение. Существует организация. назовем ее Орден. Старинная организация, куда старше, чем ты думаешь, ее происхождение восходит к той книге, что я давал тебе. Цель Ордена – скрывать знания о мультивселенной, о том, что можно путешествовать между разными мирами, о том, что мультивселенная вообще существует. И я понимаю, почему: эти знания бросают вызов всем нашим убеждениям о том, кто мы и что мы, все великие религии становятся лишь сказками для успокоения. Человечество не может выдержать такое количество реальности. Орден потерпел частичное поражение, когда квантовая теория разработала интерпретацию, подразумевающую наличие многих миров, но все еще крепко держатся за свою основную миссию – контролировать

сообщение и путешествие между частями мультивселенной, а по сути, способность переписать программу вселенского квантового компьютера. Они – полицейские реальности. Локально членство в Ордене передается по наследству – речь о старинных родах, у которых есть доступ к высшим уровням в правительстве, бизнесе и армии. Когда избрали Лулу, первое, что они сделали, – пожали ему руку со словами «Поздравляем, мистер президент!». А потом завели его в заднюю комнатку и познакомили с нашим бразильским сесмариа. Эти парни действуют медленно, они не хотят привлекать к себе внимание. Им приходится жить здесь, им не разрешено путешествовать между мирами. Но иногда возникает возможность нанести удар, и тогда они вызывают адмонитора.

– И когда я начала поиски Барбозы, у них появилась такая возможность.

– Ты делала работу за них. Они тебя дискредитируют, а потом замещают. А когда все закончится, снова удалятся в мультивселенную.

– То есть я тут ни при чем, по большому счету? Просто удобный способ для Ордена добраться до вас.

– В мультивселенной ты можешь быть кем угодно. Злодеем, матерью, убийцей, святой. Даже героиней.

Взвизгнули шины. Раздались два гудка. Местре Жинга поднял голову. Он покинул маленькую кухоньку, пропахшую денде[215]. Двери открылись и закрылись, где-то вдалеке звучали еле слышные голоса. Марселина почувствовала, как яркая комната вокруг стала расширяться, пока не превратилась во вселенную, а сама Марселина оказалась внутри в ловушке, в одиночестве и изоляции. Эйтор любил говорить, что, когда Господь умрет, нам останется лишь теория заговора. Эта холодная иллюзия, эта книга призраков вполне соотвествовала его мрачному восприятию мира: шум, цвет и жизнь города были лишь танцем марионеток, сотканных из времени и слов. Мобильный местре Жинга лежал на столе. Телефон, пиво, кофейная кружка с эмблемой футбольной команды, книга из другой вселенной. Тайная вечеря по-бразильски. Она могла бы взять телефон. Могла бы позвонить Эйтору. Только он и остался. Карьера, друзья, семья отслоились, словно чешуйки кожи, глубже и глубже, до самого мяса. Ей нужно позвонить Эйтору, предупредить его. Возьми телефон. Набери номер. Но она сама сказала ему, что голос, который он услышит в следующий раз, будет принадлежать не ей. Эйтор не поверит. А может, та, другая, уже добралась до него. Другая Марселина. Она знает тебя, знает все о тебе, потому что она – это ты. Твои мысли – это *ее* мысли, твои сильные стороны – ее сильные стороны. Ты –

свой злейший враг.

Твои слабости – ее слабости.

* * *

Скрипнули кованые ворота, шаги зазвучали по плитке. Дверь в кухню открылась. Вошел старик, чьи волосы поседели, но кожа все еще была яркой и темной, он держался прямо и излучал энергию. На нем был светлый льняной костюм, брюки с отворотами и высокой талией, шелковая рубашка с открытым воротом. За ним следовал местре Жинга. По каждому движению учителя было понятно, насколько высоко он чтит гостя. Марселина почувствовала, что нужно встать. Старик пожал ее руку и тяжело опустился на кухонный стул.

– Добрый вечер, сеньора Хоффман. Рад видеть вас в добром здравии. Я тот самый человек, что заставил рыдать всю Бразилию.

12 февраля 2033 года

Два человека на такси. Два на метро, по четвертой линии, на разных поездах. Два в фургоне – тут самый большой риск; двое уже выехали на трейлере. Эдсон на мотоцикле. Позже всех Фиа. Через час она сядет в микроавтобус и отправится на встречу в заброшенный торговый центр. «То же шоу, по сути, – думает Эдсон. – Все дело в хореографии». Каждый игрок снабжен одноразовым клонированным идентификатором и тщательно «деарчидирован». Счет за услуги Амилкара и мистера Смайлса съел львиную долю призовых денег за «Мир где-то», но даже несмотря на это Эдсон вцепляется в паренька за рулем мотоцикла, пока тот несется между полосами, и воображает, как когти Ангелов Постоянного Надзора добираются до почек.

Эфрин проверил ресторан за тридцать шесть часов до часа Х. Длинные столы, чистые кафельные полы, хорошая еда, и никто не лезет не в свое дело. Теперь в обличье Эдсона он занимает большой столик у окна. Автомобильная площадка тянется от входа до домов через квартал напротив, они войдут с черного входа.

Сначала приходят Эмерсон и Большой Стейк. Рукопожатие, съедают ужин с высоким содержанием углеводов и низким содержанием белков. Потом появляются Эдмилсон и Шоколадный Джек, вот и все механики в сборе. Первый реальный риск в том, что все их оборудование спрятано в фургоне с фальшивыми номерами, припаркованном на улице. Никто не должен заинтересоваться, но Эдсон постукивает длинными острыми

пальцами друг о друга в тревоге.

– Вот, закажите себе чего-нибудь, – Эдсон пододвигает рулон реалов механикам. Сам он не ест, он собрался с коражозу[216], когда расплатился с водителем мотоцикла, теперь его тошнит. Желудок вздымается при виде механиков, уплетающих мясо шурраску. «Успокойся, Эдсон». Вагинью и Фуракан на грузовике будут на месте в назначенный час. Где Индюк и Вкусняшка? Он проверяет, который час, в углу айшэдов. Фиа уже покинула фазенду. Мистер Персик высадит ее у автобусной остановки в Итапарака. Что-нибудь до города идет каждые две минуты. Он выбрал старый торговый центр, потому что комплекс огорожен, и там нет камер, но здание большое, на отшибе, полно всяких фриков, и Эдсону не нравится, что Фиа будет торчать среди них слишком долго.

Где же Индюк и Вкусняшка?

И тут коражозу Эдсона вздрагивает и испаряется. Шесть копов только что вошли в ресторан, уселись за стол, с огромными пушками на поясах, и изучают меню.

* * *

Два прощания.

– Привет, мам.

В Сидаде-де-Лус есть традиция: каждый день на закате женщины выходят из своих домов прогуляться. Поодиночке или парами, по трое или четверо, в кроссовках, которые надевают только по этому поводу, расставив локти, чтобы поддерживать аэробную способность[217], они идут по благословленному временем маршруту: по извилистой главной дороге, старому шоссе, которое тянется параллельно родовии, длинному медленному подъему по Руа Паулу Мендес, где по причине экономической гравитации задержались лишь магазины автозапчастей и ветаптеки. Мужчины – обычно они помоложе или недавно развелись – тоже отправляются на прогулку. Выходят на полчаса позже и всегда идут в противоположном направлении, чтобы встретиться с женщинами лицом к лицу.

Из быстрого немецкого автомобиля Эдсон увидел дону Ортенсе и ее соратниц по прогулке у ветеринарной аптеки «Счастливые коты» и припарковался у тротуара рядом. Дона Ортенсе всматривается под поля его белой сутенерской шляпы.

– Эдсон? Это ты? Решил приехать сам и повидаться, а не посылать этого неуча Вкусняшку за своей одеждой?

– Да ладно, мам, ты же понимаешь, что я в беде.

– Понимаю, в этом и проблема. – Ее подружки смотрят на него, словно копы или коллекторы.

– Мам, тут не самое подходящее место.

Эдсон открывает дверцу, и дона Ортенсе проскальзывает в салон, проводит рукой по кожаной обивке:

– Хорошая машина. Твоя? Где ты ее взял?

– У знакомого. Мама, мне нужно уехать.

– Я так и знала.

– Очень-очень далеко. Я не знаю, сколько буду отсутствовать, но долго.

– Ох, Эдсон, милый. Но ты мне звони, сообщай, что ты в порядке.

– Я не смогу, мам, – Свет быстро тает, и в темноте автомобиля за тонированными стеклами в редком уличном освещении Эдсону кажется, что мама молча плачет.

– Там что, телефонов не будет, в том месте, куда ты собрался? Ну письмо – хоть что-то.

– Мама.

– Эдсон? Ты меня пугаешь.

– Со мной все будет хорошо, и я вернусь. Обещаю. Я найду дорогу домой. Пока что не вписывай меня в свою Книгу.

– Я ничего не могу сказать?

– Нет. Ничего. А теперь поцелуй меня, я подброшу тебя домой или хочешь остаться с девочками?

– На такой огромной шикарной машине, как эта? Вези до дома, – велела дона Ортенсе.

* * *

И снова прощание.

– Это, наверное, самая романтичная идея, какую я слышал за всю свою жизнь, – сказал мистер Персик.

География – это не всегда пространный и медленный предмет, царство геологических эр и плит земной коры. Иногда что-то возникает за одну ночь: новую зеленую зону, к примеру, на следующее утро пересекают тропинки, всегда мистическим образом повторяющие кратчайшие маршруты до магазинов или автобусной остановки. За те несколько дней, пока Фиа скрывалась на фазенде Алваранга, старый сушильный сарай, куда на зиму убирали шезлонги, превратился в убежище для Сестинью и мистера Персика.

– Они в последнюю очередь подумают, что мы отправимся туда, откуда она прибыла.

– А ты, Сестинью? Судя по всему, там несладко, в ее мире. Серые небеса, загрязнение, расшатанный климат.

Мир Фии странный и враждебный, но в этих различиях скрываются возможности, которые умный и деловой человек может использовать, чтобы заработать. Пока там есть остров Ильябела и океан, готовый лизать фундамент дома, Эдсон готов. Просто его мечты чуть сместились.

– Зато там нет Ангелов Постоянного Надзора.

– Нет ангелов. Ты тоже собираешься вытатуировать такой компьютер? – Это была шутка. Мистер Персик отлично знает, что Эдсон питает отвращение ко всему, что нарушает целостность кожи. – Вот только есть одна проблема. Ты будешь там.

– Разумеется, я там буду.

– Нет, я имел в виду, что где-то в городе будет свой Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас.

Это было первое, о чем подумал Эдсон, когда принимал решение бежать в Сан-Паулу Фии. Он никогда не мог устоять перед зеркалом: какое отражение он увидит? Богатого, успешного владельца крупного бизнеса? Женатого? Покойного? Или никчемного нищего фавеладу? Такого он не смог бы перенести. Вряд ли можно счесть удачей встречу со своим призрачным «я», но как Эдсон мог не вмешаться? Он ведь ближе, чем любой близнец или клон, хоть и дальше, чем самая далекая из звезд. Это он, до последнего атома. У него есть перед собой обязательства.

– Мне не впервой обретать новую личность, – уверенно заявил Эдсон, хотя был напуган, и кровь стыла в жилах. – Может, я даже стану Сестинью.

– А знаешь, в чем настоящая глупость и невозможность? Я тоже хочу туда. Всю свою жизнь я рассказывал людям о мультивселенной. Я прекрасно знаю теорию, все математические вычисления, доказательства, которые аккуратностью и красотой превосходят грубые человеческие чувства. Но я хочу все увидеть своими собственными глазами, я хочу все испытать сам и тогда пойму реальность по-настоящему. Если я и научил тебя кое-чему о физике, Сестинью, так это страсти. Физика – это любовь. Зачем кому-то всю жизнь биться об истину, которую мы с трудом можем понять, если не ради любви? Фиа говорит, что когда входишь в суперпозицию, то испытываешь все другие вселенные разом. Столько вопросов обретут ответы. Но ты, маленькая сволочь, даже не оценишь того, что увидишь. Давай, герой, не подведи.

Среди проржавевших насадок для душа, алюминиевых сеток и граблей для чистки бассейна, рядом с маленькой базой робота-пылесоса мистер Персик прижимает к себе Эдсона. Этот паренек такой хилый, такой тощий и с виду хрупкий, но внутри сильный,

весь из мышц и сухожилий. Даже трудно обнять.

– Один вопрос, – говорит Эдсон. – Когда пересекаешь границу между мирами, это больно, как думаешь?

* * *

Вкусняшка и Индюк приходят с восемнадцатиминутным опозданием, смеются, держатся самодовольно и ведут себя как ну очень крутые пацаны. Эдсон холоден с ними, они сначала смеются над его злостью, но потом видят, что никто больше не улыбается.

– Почему вы опоздали?

– Мы умирали с голода, поэтому перекусили и пропустили по паре кружек.

– Вы пили?!

– Да ладно тебе, Эдсон.

– Вы привлекаете внимание к себе и ко мне. Мы изображаем друзей, которые зашли перекусить после работы. А теперь, ели вы или нет, идите и возьмите что-нибудь в буфете. Никакого пива. Это безалкогольная операция.

Все это время он наблюдает, как полицейские идут к прилавку за добавкой. Это обычные толстые копы, не военные, они просто пришли, как Эдсон и его команда, чтобы перекусить после работы с друзьями. Механики Эдмилсон и Шоколадный Джек рассказывают истории о случаях на трассе Интерлагос[218]. Эдсон слушает их вполуха, каждая секунда, которую отсчитывает в обратном порядке счетчик в углу айшэдов, медленнее предыдущей, пока они не застывают, словно капли в морозильнике.

«Я не смогу этого сделать. Не смогу. Я все просто нафантазировал».

А потом он словно со стороны видит, как отодвигает в сторону тарелку, встает, поправляет манжеты, проводит рукой по волосам и слышит собственный голос:

– Закончили? Пошли.

Великая вещь, эта коражозу.

* * *

Напряжение зашкаливает, когда он натягивает бандану на лицо. Сердце бешено колотится, дыхание становится прерывистым и быстрым, легкие заполняются огнем. Это не

коражозу, а жидкий адреналин, расплавившийся в черепе. Это заключение лучшей сделки, день, когда сработал самый крутой бизнес-план.

Индюк вытаскивает квант-нож.

Два взмаха – и задние ворота освобождаются от петель. Эмерсон и Большой Стейк с легкостью кладут их на землю. Парни уже двигаются, пока охранные лазеры пытаются зафиксироваться на сетчатке. Без шансов, солдатня: у всех айшэды оснащены украденными сканерами. Когда сигнализация начинает вопить, дрон проходит так низко над головой Эдсона, что тот буквально чувствует, как нисходящий поток треплет тщательно уложенные гелем волосы. Это старый беспилотник «Радио Сампа», следящий за транспортным потоком, Амилкар и мистер Смайлс хитростью приобрели его и перепрограммировали под свои неблаговидные цели. Аппарат наматывает круги, словно маленький призрак из детского мультика, распыляя достаточно вариаций ДНК, чтобы истощить бюджет любой криминалистической компании, которая попробует восстановить события на месте преступления. Милые, умные мальчики.

Наверняка это всего лишь ночная смена со штраф-стоянки, но копы действуют быстро – видимо, сегодня по футбольному каналу ничего не идет – и экипированы для полноценной атаки. Из укрытия Большой Стейк и Эмерсон кладут первых двух из «тазера». В отличие от своего младшего братишки Эмерсону в армии нравилось. Как только копы падают в корчах на землю, на них сверху набрасываются Вкусняшка и Индюк. Последний подносит квант-нож к горлу ошеломленного, ослепленного полицейского. Тот не двигается, не может говорить, лишь следит взглядом за танцующим лезвием. Синее на синем. Эдсон чувствует запах мочи. От «тазера» бывает такой эффект. И от страха тоже. Теперь у них есть заложник. Остальные охранники бросают оружие и поднимают руки вверх. Они так же, как и Эдсон, понимают расклад по времени и местоположению: двадцать секунд, может тридцать, чтобы региональное отделение оценило угрозу. Еще тридцать на определение уровня реакции и двадцать на оповещение всех подразделений. Они не станут выставлять тендер. Военная полиция слишком любит хорошие перестрелки. Разведывательные аппараты прибудут на место в пределах двух минут после сигнала общей тревоги. У наземных служб уйдет пять. Но Эдсон все рассчитал до секунды, и фургон закатывается через сломанные ворота и останавливается рядом с покореженным прицепом с надписью: «Полуфабрикаты для вашего стола». Эдмилсон уже включил гидравлический домкрат и поднимает левый бок трейлера, словно супергерой: Капитан

Питстоп. Шоколадный Джек скручивает колесо за пятнадцать секунд ключом с механическим приводом. Эмерсон и Большой Стейк стаскивают изуродованные, спущенные шины и выкатывают новые из фургона. Копы обалдевают от такого мастерства и скорости.

– Вы бы на них на трассе посмотрели, – говорит Вкусняшка, прицелившись в кучку заложников.

– Заткнись, – осаждает его Индюк.

Первое колесо на месте. Затем второе. Эдсон смотрит на таймер: уже должен подъехать их трейлер. А вот и он, выруливает с перекрестка, срыгнув биодизельным выхлопом из хромированных труб. Вагинью вкатывается через дыру в заборе, разворачивается и подает задом так близко, что едва не целует грузовик квантумейрос. Последнее колесо на месте, братья Интерлагос забрасывают инструменты в багажник фургона, Эмерсон и Большой Стейк прыгают следом. Эдсон забирается в кабину рядом с Вагинью и Фураканом. Прицеп закреплен, Вагинью отпускает сцепление, и «Полуфабрикаты для вашего стола» трогаются с места. Когда они проезжают через ворота, Эдсон видит, как Вкусняшка и Индюк бегут к фургону. В последний момент Эмерсон и Большой Стейк затаскивают их внутрь. Копы тут же хватаются за пушки, но Эдмилсон разворачивает фургон и с ревом несется по улице. В боковом зеркале Эдсон замечает, как фургон уезжает в противоположном направлении. Ребята сожгут его в условленном месте и разойдутся пешком.

Эдсон наблюдает, как ДНК-дрон поднимается вертикально над кабиной и исчезает среди резервуаров для воды на крышах домов, потом стягивает с лица бандану и откидывается в кресле. Неожиданно рукоятка пистолета твердо прижимается к мышцам живота, словно у Эдсона случилась эрекция. Он прошел испытание с честью, даже пушку не показал. Он прижимается затылком к подголовнику и смотрит на четки и иконку с изображением святого Мартина, которые свисают с лампочки. Его охватывает невыразимая радость. Он не может сидеть на месте, его распирает и сотрясает прилив энергии. Он сделал это. Сделал. Украл квантовые компьютеры со стоянки военной полиции. Он хочет Фиу. Хочет, чтобы она ждала его в условленном месте, и в ее огромных глазах, как у героинь манги, не было ничего, кроме него. Эдсон хочет, чтобы она распростерлась прямо на капоте грузовика Вагинью и Фуракана и стонала: «Ты – настоящий мужчина, Эдсон, всем маландру маландру, ты – Бог перекрестков. О твоем подвиге будут на протяжении лет говорить вверх и вниз по ладейра, ай да Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас, ай да

умница, вот это малисия!»

Этот Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас, сумасбродный сын доны Ортенсе, что с ним случилось? Вот что они скажут. Куда он пропал?

Эдсон ставит одну ногу на сиденье, колено подтягивает к груди. На дисплее в кабине видно, как полицейские слетелись на стоянку. Может, арчиды и заблокированы, но у копов все равно есть описание трейлера и идея, куда он мог направляться. Он слышит сирены? «Да сколько угодно, солдатики. Через секунду я проверну последний, и самый лучший фокус». На другом конце города, припарковавшись позади пекарни, где пекут отличные «пан-де-кейжу», Амилкар и мистер Смайлс видят значок на своих айшэдах и рассеивают клонированные арчиды с идентификатором «Полуфабрикатов для вашего стола» вокруг пятидесяти автомобилей поблизости. Умный трюк и дорогой, но после выплат Амилкару и мистеру Смайлсу осталось достаточно денег, чтобы купить шесть ограненных изумрудов. Они спрятаны, завернутые в покрытый смазкой латекс, в прямой кишке Эдсона. Когда он окажется на той стороне, то ему понадобится что-то легкоконвертируемое.

А вот и она. Сидит на стене, куда ярче всего падает свет с футбольного поля. Видит грузовик, который покачивается в потоке огней, и подскакивает от неосознанной радости. Маленький рюкзачок подпрыгивает за спиной. Эдсон не может отогнать воспоминание о ее трусиках «Привет, Китти». Грузовик катится по парковке мимо битого стекла и груды стали, наваленной в ресторанном дворике заброшенного торгового центра, взвизгнув тормозами, останавливается под фонарями.

– Удачно ты место выбрал, – говорит Фиа. – С одной стороны футболисты свистят, с другой – алкоголики и наркоманы.

Затем она подбегает и, стоит Эдсону сойти на асфальт, тут же с силой целует его, поднявшись на цыпочки. Может, это облегчение, может, горячка успеха, может, его покидает коражозу, но Эдсону кажется, что прожекторы на футбольном поле льют на него дождь из света: фотоны, настоящие и призрачные, барабанят по спине и плечам, очищают его, мягко подпрыгивая на грязном бетоне, спутанные с другими жизнями, с другими историями, словно клубок пряжи в лапах котенка. Город и его десять тысяч зданий кружат вокруг, Эдсон в этот самый момент на стоянке мертвого торгового центра стал осью всего Сампа, всей Бразилии, всей планеты во всех воплощениях мультивселенной.

Фиа проводит пальцем по боку грузовика и останавливается у большого круглого отверстия. Наклоняется, чтобы заглянуть

внутрь через эту дыру. Эдсон знает, о чем она думает. «Я там умерла».

– Сзади открыто, – говорит он.

Память – предательница, Иуда. Сколько раз Эдсон вспоминал, как грузовик выглядел внутри, но сейчас, когда Фиа находит выключатели и врубает освещение, оказывается, что диван стоит не там, он больше и другого цвета, кофе-машина находится с противоположной стороны барной стойки, на подставках для ног обивка под зебру, а не ягуара, а винтовая лестница выполнена скорее в стиле кунфу-китча, чем гуанчжоу-киберкула. Тем не менее Эдсон чувствует себя так, будто он на первом свидании пригласил Фиу в свою квартиру. Она ходит среди мебели, касается, гладит, очарованная следами, которые ее пальцы оставляют в пыли на пластиковых поверхностях.

– Как странно, очень странно. Здесь я чувствую ее намного сильнее.

Она переводит взгляд на пластиковый куб, висящий над головой, ахает от удивления и поднимается по винтовой лестнице. Эдсон наблюдает за тем, как она бегает по мастерской, пробуждая одно за другим квантовые ядра. Голубое свечение квантовых точек, размотанных по вселенным, подчеркивает рельеф ее японских скул. Когда он был тут в первый раз, то видел призрака, явление в пустой мастерской, квантовое эхо.

– Ребята хотят перегнать грузовик внутрь. Снаружи небезопасно.

Фиа машет рукой: как угодно. Слегка высовывает язык – настолько сосредоточенна. Эдсон хватается за стойку, когда грузовик приходит в движение, а Фиа по инерции покачивается.

– Эту штуку хоть сейчас можно в художественной галерее выставлять. – Она говорит так, словно потеряла голову от любви, не может подобрать слова от восхищения, – Четыре квантовых ядра. И она собрала его из… мусора? Этот компьютер опережает на пару десятков лет ту систему, что стоит в моем университете. Он словно из будущего прибыл. Он прекрасен в каждой своей части.

– Можешь запустить его?

– У вас другой язык и протоколы, но я могу перекодировать.

– Будет работать?

– Посмотрим.

Она скидывает свое длинное пальто. Татуировка на голом животе поблескивает отраженным квантовым светом. Шестеренки внутри шестеренок на коже начинают прокручиваться. Фиа чувствует на себе пристальный взгляд Эдсона:

– Не беспокойся, это всего лишь эффекты для красоты.

Она стучит по клавишам, наклонившись к синему свету. Хмурится, двигает губами, читая то, что написано на экране. Эдсон никогда не видел ее такой красивой.

– Находит общий канал связи. Ох! – Фиа вздрагивает, улыбается, словно от удовольствия. – Да, мы вошли. – Она стучит по клавишам, по ее коже бегут мурашки от движущихся шестеренок. – Да! Да! Давай, сука! – Она хлопает по столу. Грузовик останавливается, как будто услышав ее. Фиа вскидывает руки вверх. – Что я сделала?

Голоса отражаются от голых стальных балок гниющего центра. Незнакомые Эдсону голоса. Он бежит вниз по винтовой лестнице и осторожно высовывает голову через дыру, прорезанную квант-ножом. На него смотрит блестящий черный визор шлема. Под визором улыбка. А еще ниже ствол штурмовой винтовки. Визоры, визоры. Грузовик окружен вооруженными, одетыми в бронежилеты охранника-мисегуранса. Задние двери прицепа распахиваются: еще двадцать вооруженных человек. Улыбающийся машет пушкой в сторону выхода:

– Выметайся наружу, фавеладу.

6—15 августа 1733 года

Толпа всегда собиралась ради маятника. Фалькон кивнул зрителям, пока регулировал башню телескопа и заводил часы. Детские крики, подчеркнутые более низкими голосами мужчин, для которых все это было в новинку, нараспев приветствовали его. Фалькон с помощью пассажного инструмента посмотрел на Юпитер, поднимавшийся над линией деревьев, и отметил восхождение на деревянной дощечке. Завтра нужно будет переговорить с Зембой, чтобы тот раздобыл еще бумаги. Обсерватория, которая служила Фалькону заодно и библиотекой, и домом, располагалась в пяти минутах ходьбы по лесным тропам от киломбо. Деревья здесь срубили, чтобы был доступ к ночному небу, и образовавшаяся поляна пользовалась популярностью у парочек, которые хотели полюбоваться луной или мягкой лентой Млечного Пути. Взмахнув пером, Фалькон выбрал трех зрителей, чтобы открыли крышу и помогли с часами, телескоп требовал защиты от постоянных проливных дождей, приходилось ежедневно его смазывать, чтобы не дать плесени испортить точнейшие механизмы. Фалькон указал пером на девушку в первом ряду, на детском торсе которой уже виднелись женские груди.

– Как называется это небесное тело и почему оно так важно? – Фалькон уже освоил лингва-жерал в достаточной степени, чтобы изображать из себя ворчливого учителя, и этой

ролью всецело наслаждался.

Девушка тут же вскочила на ноги:

– Аиуба, это Юпитер, у него есть луны, как и у нас есть луна, и луны – это часы.

Аиуба. Фалькон поначалу счел, что это почтительное обращение достойно его четырехкратного статуса географа и архитектора, доктора физики, архивариуса Сидаде Маравильоза и профессора университета Риу ду Ору: учителя, мудреца и звездочета. Правда, потом был чрезвычайно обескуражен, когда выяснил, что это слово на языке тупи обозначает его бледный бритый череп.

Он давно уже определил долготу по таблицам Кассини и выверил все свои часы Гюйгенса; сотни наблюдений, нанесенные женипапу на стены хижины, доказывали его теорию. Сейчас Фалькон проводил научную мессу, напоминание, что доказательства физики так же истинны в лесах Риу ду Ору, как и в парижских салонах. Он демонстрировал достоверность эмпиризма как себе, так и своим зрителям из числа игуапа, манао, кайбаше и беглых рабов. Теперь Фалькон редко вспоминал о Кондамине[219], исследование его соперника, возможно, стало главной темой обсуждений среди академиков, тогда как его сочинение с большой долей вероятности так и сгинет в этом лесу, однако конкурента высмеют, потому что его работа эмпирически не верна.

В своей обсерватории из бамбука и соломы Робер Фалькон провел свой величайший эксперимент и заявил: «Смотрите, вон какой он, ваш мир».

– Сейчас я буду наблюдать за спутниками Юпитера.

Огромная сфера, заметно сплющенная на полюсах, даже если смотреть в походный телескоп. На земле все так же, как и на небе.

– Принесите мне мой дневник наблюдений.

Девушка-кайбаше, хранившая записи, присела на колени перед Фальконом с журналом и резной деревянной чернильницей на кожаной подушечке. Француз отметил время, дату, условия наблюдения! Как мало бумаги осталось. По правде говоря, зачем вообще делать все эти отметки, если они представляют лишь малую часть правды? Иезуит, обезумевший от священного наркотика, намекнул на существование более глубинного порядка вещей, на то, что этот сжатый у полюсов мир – лишь один из огромной – возможно, бесконечной – череды миров, отличающихся друг от друга в большей или меньшей степени. Но как объективно доказать подобное устройство вселенной? Конечно, если речь идет о физическом явлении, то его можно описать математически. Серьезная задача для географа,

стареющего в одиночестве, вдалеке от работ своих коллег. Такие записи займут все, что осталось от стены, заполонят весь пол. Кайша будет жаловаться, станет кидаться в него всякой мелочовкой, она – чистюля, гордится своим домом и не терпит его неряшливости.

– В Париже сейчас ровно одиннадцать часов двадцать семь минут, – торжественно объявил Фалькон. – Буду работать с маятником. По моему сигналу запускай часы.

Фалькон оттянул гирьку геодезического маятника, пока шнур не совпал с вписанной линией угломера. Затем отпустил гирьку и поднял платок, который Кайша стирала до целомудренной белизны для этой цели. Три руки опустились на пусковые рычаги хронометров. Маятник качался, отсчитывая время, пространство и реальность.

* * *

– **Я** не могу дать вам больше бумаги.

Пушечный выстрел заглушил любые протесты Фалькона. Земба перевесился через ограждение и прижал к глазу карманную подзорную трубу, которая раньше принадлежала Фалькону.

– Ствол и казенная часть не тронуты, – объявил он. – Думаю, можно теперь попробовать с полным зарядом. И с ядром.

После того как Земба провозгласил себя защитником Сидаде Маравильоза, он все чаще вспоминал о внешний атрибутах и манерах князя ангольских воинов имбангала. Фалькон влез на защитную стенку, чтобы понаблюдать, как канониры-игуапа заряжают огромную пушку, аккуратно вырезанную из ствола твердого красного дерева, на испытательном полигоне. Он видел, как снаряды, завернутые в бумагу – ее, как и подзорную трубу, у Фалькона реквизировали, – исчезают внутри чудовища.

– Я понимаю, насколько важно хранить порох сухим среди влажных миазмов, но мы так рьяно взялись за собственную защиту, что забыли о том, что собственно защищаем, – сдержанно заметил он, пока команда заряжала ядро.

После каждого выстрела из деревянной пушки у плотника уходил целый день, чтобы обработать дерево до необходимой гладкости. Земба сначала рассмеялся, услышав предложение Аиуба: деревянная пушка – да она же при первом выстреле разлетится на миллион щепок, куда более смертоносных, чем залп противника. Но расчеты Фалькона пережили и насмешки, и порох. Хотя ученого страшно раздражало, что этот незаурядный человек – потрясающий командир и устрашающий воин –

относился с уважением к его эрудиции только тогда, когда она служила военным целям. «Технэ, шлюха Софоса», – пробормотал Фалькон про себя.

В отнятых у Фалькона альбомах для рисования Земба сделал тщательный, детальный план оборонительных сооружений. Ловушки и капканы игуапа были только запалом для чудовищной системы. Гигантская ограда-стена с вбитыми в нее двадцатью рядами ядовитых копий направляла атакующих под убийственный перекрестный огонь тяжелых арбалетов, ведущийся из крытых укреплений. Из внутреннего кольца земляных, спроектированных по модели европейских звездообразных бастионных систем, на тех несчастных, кто остался в живых, обрушивались огонь баллист и камни из требушетов, расположенных во внутреннем кольце за звездообразными бастионами, сделанными на европейский манер. Последняя линия обороны представляла собой траншеи зигзагами в три ряда, откуда в атаку ринется целое море поселенцев, облаченных в куртки-эскаупил, с маленькими круглыми щитами и деревянными копьями. Пешие лучники оказывали бы им смертоносную поддержку. Классическая защита Сидаде Маравильоза привела бы в ужас и римский легион, но Зембе не хватало разрушительной силы современной артиллерии. Закон, принятый советом города, ввел обязательное использование общественных туалетов, которые могли бы стать источником селитры: Фалькон, прибегнув к полузабытой химии, получил черный порох, но в местной духоте он начинал пыхтеть и дымиться в запале, пока Фалькон, попутно сворачивая маленькие петарды, к восторгу всех ребятишек в округе, не стал поджигать бумажные патроны. Заряды, отличные по весу, свисали с балок в овинах, словно летучие мыши-альбиносы.

Канониры развернули длинный фитиль, Земба спичкой поджег его. Фалькон ощутил, как земля содрогнулась под ногами, и взрыв, который, наверное, услышали даже в Сан-Жозе-Тарумаше, выбил воздух из его легких и мысли из головы. В мгновение ока Земба занял свой наблюдательный пост, прижав трубу к глазу, а позади него моргал француз. Пушку отбросило назад на дюжину туазов[220] в кусты, но она осталась целой.

– Слава Богоматери, теперь у нас есть артиллерия!

Фалькону не нужна была подзорная труба, чтобы увидеть, как ветви деревьев вдоль траектории ядра, напоминавшей вздымающуюся арку, сначала содрогнулись, а потом начали трещать, крошиться и падать.

Даже на своей измерительной станции у реки он все еще слышал взрывы – Земба улучшал артиллерию. «Река» – громкое

определение для ленивого потока шириной всего в восемь шагов, который впадал в Риу ду Ору и был покрыт ковром из «ягуаровых ушек»[221]. Держа под рукой взведенный пистолет на случай нападения жакаре, Фалькон наблюдал, как Кайша переходила вброд «реку», вода доходила сначала ей до бедер, потом скрыла живот, мягкие, орошенные слезинками росы «ягуаровые ушки» касались ее маленьких грудей, пока девушка двигалась к дальней измерительной точке. Золотая на зеленом фоне, Кайша очаровала его. Он научил девушку писать, считать, наблюдать за звездами и даже немного говорить по-французски. Эту небольшую песчаную полоску, где лес неожиданно открывался реке, расчистили по приказу Маира. Фалькон часто занимался здесь любовью с Кайшей, его в равной мере возбуждали и отталкивали нежная пряная полнота ее плоти и золотистый странный контур ее черепа. Она была щедрой и благодарной любовницей, пусть и лишенной воображения, и по меркам ее народа верной. Но больше всего это место нравилось ему ночью, когда каждый листик «ягуаровых ушек», каждую кувшинку, весь противоположный берег покрывали искорки светлячков, настоящий ковер света, а высоко над головой сияла россыпь звезд.

Кайша громким голосом объявила измерения. Вода поднималась. Но до паводка было еще далеко. Улыбаясь, девушка пересекала реку, идя к нему, и ковер зелени расступался вокруг гладкого, выщипанного треугольника между ее ног. Фалькон вспомнил, как впервые увидел Кайшу, как подружки вытолкали ее идти рядом с белым мужчиной с жуткими глазами, и она смущенно улыбалась. Он захотел помочь, взять корзину, которую она несла, привязав ремешком, на голове, и Кайша в гневе убежала прочь, не подходила к нему до того самого вечера, когда народ игуапа разбил первый лагерь.

Вскоре ощущение паломничества уступило место молчаливому стоицизму, а эта решимость, что день за днем, неделя за неделей заставляет передвигать ноги, превратилась в беспомощный гнев. За полдня игуапа разбрелись в варзеа от Риу Игуапара до Риу ду Ору. Последние, самые старые, самые молодые, самые слабые, спотыкаясь, вошли в лагерь много часов спустя после того, как Маир и его охрана устроились на ночлег. А некоторые так и остались в джунглях.

Игуапа было знакомо чувство голода. В варзеа, столь богатых на растительность, были проблемы с едой. Пища кричала и свистела в высоких ветвях укуубы и оксандры, а на земле, во влажных сумерках ее защищали дикие колючки, фрукты и лианы вызывали недомогание, отравление или же безумные

галлюцинации. Люди питались маниокой и бобами из запасов Фалькона, Кайша раздавала крошечные пайки, следя за тем, чтобы старые и больные не остались без порции. Манао с серьезным видом сообщали, сколько осталось провианта, Робер записывал цифры и вел скорбный учет. Даже тогда Земба встрял между Фальконом и Квинном. Только величайшее упорство и мышечная сила его слуг-манао помогла французу пробиться через круг охраны к Маиру.

– Вы должны дать им время отдохнуть, поохотиться и восстановить силы.

– Мы не можем, нужно идти, я видел.

В конце люди шли уже просто от отчаяния. Ничего не оставалось, кроме как взять плетеную сумку, перекинуть лямку через натертый до волдырей лоб и толкать вперед детей. Кайша разрешила Фалькону понести часть ее груза. Сундуки с зерном быстро опорожнили и выбросили. Фалькон разрезал чехлы от инструментов, переплеты книг, обувь и сумки, сварил кожу, чтобы она стала помягче, и жевал ее ради хоть какого-то пропитания. Люди голодали, зато кормили лягушек – священных курупайра в керамических сосудах с проделанными в них отверстиями. Старики с внезапным вздохом садились на землю, не в состоянии двигаться, их не могли нести и оставляли, зелень смыкалась вокруг них, и на их лицах читалось облегчение, и только. Фалькон волочил ноги, чувствуя, как его гложет вина: он должен был бросить свои инструменты, медь, эбеновое дерево и стекло, железо и свинцовую дробь, книги, которые без обложки наполовину погибли от плесени, одежду и памятные подарки. И каждый раз он отвечал на эти угрызения громкими отрицаниями. Нет, нет и еще раз нет, ибо, когда все свелось к животному, к механическому, когда все они стали немыми свидетелями этой равнодушной растительной империи, только арсенал Фалькона доказывал, что их поход – нечто большее, чем марш муравьев.

Тогда Квинн – изможденный, бородатый патриарх Второзакония, – облокотившись на трость, изрек:

– Здесь.

Робер едва нашел в себе силы задать вопрос:

– Что вы увидели?

– Достаточно, мой друг. – Затем Льюис обратился к своему народу, который медленно выходил на небольшую залитую лучами солнца площадку, где упало дерево, обнажив небо – Здесь быть Изумительному городу. Мы построим церковь, будем возделывать землю и жить в мире и изобилии. Никто из пришедших в это место не будет отвергнут. А теперь давайте выжжем деревья.

В ту ночь, в дыму и копоти, Кайша пришла к доктору Фалькону и больше никогда не уходила.

* * *

Месса закончилась. Босоногие женщины, мужчины и дети, чьи головы обхватывали крепления из дерева и кожи, сплющивая еще мягкие кости черепа, высыпали из церкви под серебряным дождем сумерек в узкие проулки между хижинами, утопая по голени в жидкой грязи и дотрагиваясь до лбов в знак приветствия, когда мимо проходил Аиуба. Фалькон нырнул под протекающую соломенную крышу. Иау, суженые святых, все еще танцевали на глиняной площадке, отполированной ступнями, причем каждый (или каждая) держал символ своего святого: меч с тремя лезвиями, охотничий лук, клыки пекари, маски тинаму, сома, лягушку. Музыканты, игравшие на помосте, вошли в транс. Барабаны и глиняные окарины будут звучать до конца ночи, перед ними будут кружиться иау, пока музыканты с кровоточащими ладонями не упадут на свои инструменты с кровота. В огромном зале с колоннами церкви Носса Сеньора де Тодуз уж Мундуш пахло ладаном, потом и растительным дурманом. Фалькон прошел среди танцоров, словно призрак, задержавшись, чтобы перекреститься и поцеловать костяшки пальцев перед распятым Христом, у его ног расположилась женщина, Богоматерь Всех Миров, чье лицо было запрокинуто в удивлении, в каждой руке и на лбу она держала по шару, а ногами стояла на золотой лягушке. Фалькон снова вышел под дождь и пересек огороженную территорию, направляясь в притвор. Стражники ждали на крыльце, на их золотых лицах читалось неприкрытое подозрение по отношению к Фалькону и зависть к его привилегированному положению.

– Я не видел вас на мессе, брат мой. – Квинн снял свой орарь, поцеловал и повесил на крючок.

– Вы знаете мое мнение. Я не вижу здесь Христа.

В разгар мессы после нескольких часов непрерывного барабанного боя и танцев Квинна носили в толпе верующих, передавая из рук в руки над головой, пока он извергал пророчества. Даже во время худших лишений во время Долгого Пути Фалькон не видел его столь опустошенным.

– Такое впечатление, что у меня нет век. Я вижу все и везде. Это разъедает меня изнутри, Фалькон. Апостолы были куда более стойкими, чем я. Дары Святого Духа сжигают тех, кто ими обладает.

– Каждый раз ваши озарения длятся все дольше, да? Откажитесь от этого дара. Он уничтожит вас, если не телесно, то в плане рассудка определенно, – сказал Фалькон по-французски.

– Я не могу, – прошептал Квинн. – Я не должен. Я должен добиться большего, если смогу не просто безучастно наблюдать, но действовать, присоединиться к другим, способным путешествовать между мирами.

– Это бессмысленный бред, вы на грани безумия. Киломбо уже страдает от отсутствия направляющей руки.

– Я – не единственный путешественник, да и как такое возможно, если в бесчисленных мирах, подобных нашему, отец Льюис Квинн, член ордена иезуитов, принял вытяжку из курупайры и держал в руках основу и уток реальности? На протяжении истории были и будут те, кто путешествовал между мирами и во времени.

– Это чушь, Льюис. Как можно путешествовать во времени так, словно переходишь из одной комнаты в другую? А вот вам парадокс, простой эффект: что, если вы в прошлом раздавите бабочку в лесу и запустите цепочку событий, которая сделает невозможным само существование Льюиса Квинна и ордена иезуитов, не говоря уже о радостных танцах во времени.

Квинн сложил руки вместе перед лицом, словно в молитве.

– Разумеется. И куда бы я еще отправился, если не в единственный момент моей жизни, который повлиял на все последующие события? Я вернулся в Порту. Я смотрел на собственное лицо и видел, как оно исказилось от ужаса при виде призрачного посетителя: он узрел самого себя, только изможденного и постаревшего, облаченного в черное одеяние священника, живую надпись «мене, мене, текел, упарсин»[222]. Чуть больше сил пришлось потратить, чтобы остановить руку, поставить смертоносную кружку на стол, уйти от друзей, комфорта и тепла на улицу. Я видел, как падаю на колени и молю о прощении, однако всякий раз, когда я вновь возвращаюсь к этой странице своей жизни, то обнаруживаю, что ничего не поменялось. Существует закон: можно отправиться в прошлое, но нельзя вернуться к истории своего собственного мира. Мы всегда приходим в другой мир, в мир, где я появился как гость, а потом растворился безвозвратно, поскольку иначе нарушил бы предписания великого Цензора, который позволяет нам писать истории других, но не нашу собственную.

– Теперь вы меня оскорбляете, – рассердился Фалькон. – Это настоящий маразм. Если бы у меня было оружие, то я застрелил бы вас, чтобы вашим безумием не заразились другие. Вы беззаботно заявляете, что можете прыгать между мирами и

эпохами по собственной прихоти, одной силой мысли, как блуждающий огонек или огненная колесница, и по мановению вашей руки мой мир уничтожен: рациональность, научный поиск, познаваемость и предсказуемость физического мира – всего лишь паутина иллюзии над пустотой… магии. Божественный указ, сила слова и мысли над реальностью.

– Но, Фалькон, Фалькон, что, если мир и соткан из этого? Из слова и мысли?

Француз ударил по опорной балке хижины.

– Это реально, Квинн. Это реальность!

Священник слабо улыбнулся.

– Если видимость достаточно детальна, как нам узнать об этом?

– Ох, ради всего святого! – Фалькон вскочил на ноги. Золотые лица сунулись в дверь, но тут же отпрянули под враждебным взглядом ученого. – Вода снова поднялась. Вот что я пришел сказать вам. Я хочу взять каноэ и отплыть с моими манао из сидаде.

– Поговорите с Зембой. Он – защитник сидаде.

– Я хочу поговорить с вами. Я хочу, чтобы вы спросили, зачем мне каноэ и группа индейцев, почему я хочу исследовать подъем воды. Но вы отдалились, стали отчужденным, Квинн. Вы отгородились от меня полковниками и советниками, Льюис, отгородились от своего народа.

Черная занавеска на двери дернулась. Вошел Земба, его кожа блестела от дождя.

– Все нормально?

– Да, ничего не произошло, – сказал Фалькон. – Я просто говорил отцу Квинну, что собираюсь отправиться на разведку по реке, чтобы исследовать подъем воды.

– Все подобные просьбы необходимо подавать мне, как ответственному за безопасность города.

Фалькон ощетинился:

– Я – не твой раб. Доброй ночи, сеньор.

Робер Франсуа Оноре Фалькон:
экспедиционный журнал
8 августа 1733 года

Мне часто кажется, что самое главное в моем журнале – это дата в заголовке. Слишком легко дни пролетают в вечном сейчас, здесь нет прошлого, будущее неотличимо от настоящего, мы оторваны от истории человечества. Но, разумеется, первостепенная обязанность летописца определить место

собственной истории в потоке времени. Поэтому я пишу «8 августа 1733 года» и воссоединяюсь с остальными людьми.

Как хорошо оказаться на реке в десятиместном каноэ, рядом Журипари, позади сидит Кайша, а передо мной все растительное богатство Риу ду Ору. Сидаде Маравильоза стал гнетущим и враждебным, даже не в физическом смысле, не из-за Зембы и его военной клики, а для меня лично, моей профессии и верований. Изумительный город – это место слепой веры. Я верил, что айури, совет старейшин, состоящий из индейских морбиша и эбоми из числа сбежавших черных рабов, будет править поселением мудро, однако там полно юных воинов, которые действуют по указке Зембы. Совет, где более старых и осторожных – я и себя отношу к их числу – перекрикивают молодые да ретивые, не принесет никакой пользы для поселения.

Идет пятый день экспедиции, и мы сейчас движемся вниз по течению. В добром расположении духа и на хорошей скорости мы отплыли от сидаде и проходили по двадцать лье в день вверх по реке, в итоге оказались в верховьях Риу ду Ору дальше, чем любая из экспедиций бандейрантов. Здесь индейцы никогда раньше не видели белого лица, но те группы каноэ, которые нам встречались, – Журипари выяснил, что на упрощенном языке вайка можно вполне сносно общаться с ними, – знали об Изумительном городе и караиба, который путешествует между мирами.

Изначально я был ошеломлен, когда обнаружил, что в верховьях Риу ду Ору уровень воды ниже, чем в Сидаде Маравильоза, – полная противоположность тому, что можно ожидать, когда вас затопляет вода с верховодий. Но ученый, сталкиваясь с противоречием между фактами и теорией, всегда изменяет теорию так, чтобы она соответствовала реальности. Ряд замеров ниже сидаде подтвердит, если реку заполняют воды из низовий. Пока что я провел лишь одну серию исследований, в точке на три лье ниже киломбо, как помечено на моей зачаточной карте речной системы Риу ду Ору, – или в пятнадцати, если следовать изгибам реки, – и они, кажется, подтверждают общую гипотезу. Вторая серия измерений, которую я проведу вечером в лагере, окончательно засвидетельствует ее…

– Аиуба!

Из-за наводнений на протяжении долгих веков Риу ду Ору, огибая выступающий горный кряж, вымыла широкую косу, практически залив. Каноэ Фалькона проплыло близко к утесу, обогнуло его и столкнулось буквально нос к носу с другой флотилией. Фалькон увидел весла, яркую медь, отражение солнца от стали, шляпы с перьями.

– Красный и желтовато-коричневый! – воскликнул он. –

Португальские солдаты!

Манао проворно развернулись на каноэ и погрузили весла в воду. Более миниатюрное и легкое суденышко Фалькона могли превзойти тяжело груженные военные лодки, но скорость была потеряна, и, когда он подскочил и взялся за весло, преследователи тоже времени не теряли. Погоня началась. Раздался глухой хлопок, чуть громче выстрела мушкета, и струйки воды взметнулись вверх на расстоянии весла по левому борту. Еще один – и Фалькон увидел, как ядро небольшого калибра с ревом трижды подпрыгнуло над водой, прежде чем пойти на дно.

– Гребите что есть сил! – закричал Робер.

Он вытащил подзорную трубу из кармана. Шесть фальконетов на носу тяжелого военного тридцатиместного каноэ. Разглядел солдат – дюжина пехотинцев в каждой из лодок, их мундиры были покрыты грязью и плесенью после долгих недель, проведенных на реке, – и тут снова заговорило орудие. Ядро отскочило от воды, подняв фонтан брызг, которые попали на Фалькона и едва не задели каноэ между Журипари и перебежчиком из числа манао по имени Укалаи. Спасло их то, что цель была слишком узкой, да палили португальцы по неудобной траектории, но вскоре артиллеристы примутся за картечь, а не ядра, и тогда им конец.

– Кайша! Мушкеты!

Девушка уже заряжала один из двух мушкетов, которые Фалькон утаил от помощников Зембы. Талантливая женщина – бесценная жемчужина. Робер взял на прицел красно-золотой флаг на хвосте центрального каноэ. Рядом сидел, вцепившись в борта, мрачный офицер в униформе и треуголке, украшенной перьями. Фалькон узнал капитана де Араужу из Барру ду Сан-Жозе ду Риу-Негру. Простой выстрел, однако француз перевел взгляд на канонира, склонившегося над фальконетом.

– Не дергайте каноэ! Не дергайте!

Расчет был тонкий. Если прекратить грести ради точного выстрела, их каноэ оказалось бы в пределах досягаемости мушкетов пехоты. Фалькон с треском и клубами дыма выпустил первую пулю.

Патроны Зембы не подкачали. Канонир дернулся и повалился на дно лодки с дыркой в голове. Возмущенный крик прокатился по рядам преследователей, тело бесцеремонно выкинули в реку. В ответ выстрелили пять фальконетов, ядра падали так близко, что вода заливалась внутрь долбленки. Гребцы склонились за веслами, темные воды реки расступались перед носом их суденышка. Кайша протянула Фалькону второй мушкет и

перезарядила первый. Преследователи теперь рисковали стрелять на максимальную дальность, мазали нещадно, но из-за них Фалькон никак не мог толком прицелиться. К тому же сейчас увидел то, чего больше всего боялся, – к орудиям с кормы лодок стали передавать заряды с картечью.

– Не дергайте! Он у меня на прицеле! На прицеле…

– Аиуба, мы больше не можем двигаться только по прямой, – сказал Журипари.

– Не дергайте, не дергайте…

Он взял капитана на мушку. «Надо расправиться с командиром». Нажал на спусковой крючок. Затвор щелкнул, кремень вспыхнул. Шляпа с головы офицера слетела в реку, а потом горящие фитили коснулись запалов.

– Ложитесь! Все!

Река взметнулась вокруг Фалькона, разбившись, как стекло, полетели щепки планширов, но корпус остался целым, слава Богу, картечь рикошетом отскочила от твердого дерева. Вздох. Журипари, бесконечно удивленный тем, что ему снесло половину черепа, соскользнул в воду.

– Сбросить лишнее! – скомандовала Кайша на лингва-жерал.

Провиант, вода, второй мушкет, патроны, кроме горстки для стрелка, последовали за Журипари. Фалькон с тяжелым сердцем наблюдал, как черные воды сомкнулись над его прекрасными, точными и цивилизованными инструментами. Он скатал свой журнал в трубочку, сунул в бамбуковый цилиндр, который изготовил для такого случая: крышка закрывалась настолько плотно, что не пропускала воду, в крайнем случае можно будет выкинуть журнал в реку в тщетной надежде, что когда-нибудь через много лет его найдут и вернут Французской академии наук. Каноэ рвануло вперед. Пироги прорвались через дымовую завесу и пустились в погоню. Фалькон лежал на корме, опершись на планшир, и, прицелившись, удерживал мушкетеров от опрометчивых выстрелов. Кайша подняла голову, выискивая глазами какой-нибудь ориентир в варзеа.

– Прикрой меня! – крикнула Кайша.

Фалькон вытер пену со своих зеленых очков и выстрелил по солдату впереди. Оружие выпало у него из рук, пуля попала в замок. Кайша подожгла фитиль от тлеющей полки на мушкете Фалькона, сигнальная ракета, взвизгнув, взлетела над его головой и взорвалась коротким ярким звездопадом. Взрыв прокатился по лесу, испуганные гоацины неуклюже взлетели с насиженных мест. Пехотинцы обменялись жестами, и два последних каноэ развернулись и двинулись назад.

Затем две яркие вспышки, словно молния, пронзили воздух с

обоих берегов и ударили по уходящим лодкам. С левой раздался пронзительный вопль, стрела из баллисты насквозь пробила гребцу-индейцу бедро: ужасная, смертельная рана. Вода покрылась рябью и разверзлась, откуда-то из-под воды всплыли тросы. Невидимые защитники тянули беспомощные каноэ к берегу. Солдаты пытались перерубить канаты штыками, но уже оказались в пределах досягаемости арбалетов. Град болтов уничтожил команду. Тех, кто прыгнул за борт, ища спасения, настигли лучники, бежавшие вприпрыжку вдоль берега. Высокие сапоги пехотинцев наполнялись водой и тянули их в черную глубину.

Погоня превратилась в беспорядочное бегство, попавшие в ловушку каноэ разворачивались, палили в сторону варзеа, пытаясь уплыть. Еще дважды наносила удар баллиста Зембы, один раз перевернув целую лодку. Солдаты и индейцы одинаково жалобно кричали, пока охотники-игуапа, зайдя по бедра в воду, стреляли в них, словно в рыбу, отравленными стрелами. Фалькон ощутил, как его тело содрогается от волнения и радости при виде чистой, спокойной действенности, с которой защитники Сидаде Маравильоза уничтожили всех врагов до единого. Но ликование Фалькона было неполным и недолгим. Хотя отряд под командованием Зембы отразил атаку с воды, но отряд из индейцев и наемников-кабокло нанес удар с суши и поджег плантации маниоки.

* * *

Мальчик направил пирогу между деревьев. Масляная лампа – фитиль в глиняном горшке на носу корабля – отражалась в темной воде. Глаза кайманов светились красным, а потом скрывались под ее поверхностью. Отец Квинн стоял в центре тростникового челна – черная фигура в темноте. Мальчику казалось, что Маир плывет над затопленным лесом. Обрывки фраз летели над водой, пылкие и нетерпеливые, огни в обсерватории то появлялись, то исчезали из виду, пока мальчик петлял среди корней и тропических зарослей. Рыба выпрыгнула из воды, мелькнув белым брюхом.

– Здесь, – тихо сказал Квинн. Пирога остановилась, не подняв даже ряби.

Льюис по колено в воде двинулся вброд в сторону света и голосов. Обсерваторию построили на возвышенности, чтобы она стала постоянным окном в небо, теперь это было единственное мало-мальски существенное здание, которое не затопило в

Сидаде Маравильоза, и оно естественно стало местом сбора для совета старейшин айури. Миры мелькали перед глазами Квинна, пока он выбирался из воды, на его черном одеянии налипли листья – миры так близко, что он мог дотронуться до них, – миры воды. Теперь голоса были хорошо слышны.

– Наши укрепления к утру затопит. – Войдя в обсерваторию, Квинн сразу услышал звучный голос Зембы.

– Храни вас всех Господь.

Совет старейшин Сидаде Маравильоза сидел кругом на полу большой комнаты, чтобы никому не отдавать предпочтений, вокруг них кишели, словно муравьи, расчеты и теоремы Фалькона. Льюис скинул мокрые кожаные шлепанцы и занял свое место среди остальных. С подола черной рясы на деревянный пол, отполированный ступнями, капала вода. Старейшины перекрестились.

– Это явно искусственное явление, – сказал Фалькон на ломаном лингва-жерал. Даже при тусклом свете ламп на пальмовом масле он носил свои очки. Квинн заметил Кайшу, та сидела на коленях в тени в углу хижины. Ждала француза. – Если бы моя экспедиция продолжилась по плану, то не сомневаюсь, что мы натолкнулись бы на… на… – Он вставил слово на французском.

– Плотину, – подсказал Квинн на лингва.

– Да, на плотину. Риу ду Ору перегородили, чтобы вода затопила поселение, и мы оказались беспомощными, – сказал Фалькон. – Возведение такого сооружения – я сделал кое-какие расчеты по размеру и необходимой прочности – требует целой армии рабочих. Поблизости лишь один человек может заставить целые племена работать на него.

– И воевать, – поддакнул Земба. Он обратился к Квинну – Вы это видели, Маир? Вы были там, когда эти португальские уроды сожгли наши посевы? Я думал, что вы поведете нас в бой с высоко поднятым крестом. Однако я вас не видел. Кто-нибудь видел Маира? Кто-то из присутствующих? – Молодые петушки Зембы кукарекали за его спиной.

Квинн повесил голову. Он ожидал подобного разбирательства, поскольку заслужил его, но гордость, проклятая чертова гордость подталкивала кукарекать в ответ. Он видел оловянную кружку в своей руке, видел ее в стольких мирах, и там мешал себе совершить убийство, здесь ничего нельзя было изменить.

– Я был… в другом месте. – Он поймал на себе удивленный взгляд Фалькона. Окружающие зашушукались. Айури ерзали и покачивались на подушках, набитых капком[223]. Языки огня

накренились на фитилях, когда в обсерваторию внезапно ворвался поток свежего воздуха. – Вы должны верить, когда я говорю, что наши неприятности – лишь часть более крупного конфликта, войны, которая ведется между мирами и эпохами, настолько грандиозной, что мне не охватить ее взглядом.

– Неприятности. Ах да, это многое объясняет.

Пламя мерцало в разных мирах.

– Я не могу объяснить. Я и сам с трудом понимаю. Все не то, чем кажется. Наше существование – это лишь завеса иллюзии, и в тысяче миров я вижу наше поселение меж огнем и водой, между факелом и потопом.

Старики испугались, молодые агрессивно зашептались.

– И среди этой тысячи миров вы нашли ответ?

Несмотря на все перья и украшения, Земба казался маленьким и ненужным, он отчаянно жаждал хоть в какой-то степени восстановить свою важность в глазах подчиненных. «Вот когда мы опаснее всего, – подумал Квинн, – когда нашу гордость задели на глазах друзей».

– Если я правильно понимаю, пушки португальского капитана и люди отца Диегу Гонсалвеша могут переплыть через наши оборонительные сооружения и уничтожить всех до последнего младенца, – продолжил Земба.

– Мне не нужно путешествовать между мирами, чтобы найти ответ на этот вопрос, – сказал Квинн. – Доктор Фалькон.

Француз поправил очки на носу:

– Тут все очень просто. Нужно разрушить дамбу.

Молодые и агрессивные начали хором выкрикивать вопросы.

– Молчать! – приструнил их Земба. – Как этого добиться?

– Это тоже довольно просто. Надо установить достаточный заряд поблизости от той точки дамбы, которая находится под наибольшим гидравлическим давлением. От взрыва возникнет достаточная брешь, и строение размоет.

– И какой заряд потребуется?

– Я и это прикинул. Простой линейный анализ. Каждый час давление на дамбу возрастает, а значит, уменьшается количество взрывчатого вещества, которое нам потребуется. Однако каждый час ожидания увеличивает вероятность атаки. Если мы атакуем завтра, думаю, наших запасов пороха хватит.

– Всех запасов.

– Да, насколько показывают мои расчеты.

– Наша артиллерия, наши мушкеты… – Фалькон помогал поселенцам перетаскивать массивную пушку из красного дерева по скользкому от грязи холму, который называли Надеждой Святых. А теперь он говорил Зембе, что пушки бесполезны – даже

хуже, чем просто бесполезны, они занимают ценные стратегические ресурсы. – А если пороха окажется недостаточно, мы останемся без защиты.

– Тут уж подсчитать невозможно.

Земба рассмеялся так громко, что от его хохота, казалось, затряслись стены.

– Аиуба, вы мне предлагаете выбор между крохотным шансом и его отсутствием, что лишь на волосок лучше проклятия. И как же мы доставим заряд?

– На шести больших военных каноэ.

– Вам понадобятся самые лучшие штурманы, – Земба махнул своему заместителю, который тут же выскочил из обсерватории.

– Люди Гонсалвеша по необходимости передвигаются ночью, полагаю, наш враг уже перевел свою базилику и военный флот вверх по течению. Около дамбы… – Фалькон покачал голово. – Как только я увижу дамбу, думаю, быстро смогу найти ее слабую точку.

– Разумеется, отец Гонсалвеш наверняка выставит охрану, предвидя подобную возможность, – заметил Квинн. – Пока вы будете вести расчеты, завяжется бой, доктор. Нет, нам нужен кто-то, кто сможет сразу понять, куда установить взрывчатку.

В круге старейшин раздались крики протеста.

– Молчание! – снова рявкнул Земба. Он стукнул палкой об пол. – Маир прав.

– Я знаю, где лучше всего расположить заряд. Я знаю, где Гонсалвеш расставит охранников. И хотя я отрекся от меча, приходит время, когда нужно отказаться от клятв. За что Господь станет сильнее презирать меня – если я нарушу слово или если не смогу защитить Его народ? – Затем Квинн пробормотал по-ирландски: – Я прошу дать мне самое трудное задание.

– Решено, – кивнул Земба. – Маир возглавит атаку на дамбу. Я соберу порох и хороших воинов со всем холодным оружием, какое у нас только есть. И подготовлю оборону Царства Божьего. Благослови нас всех Господь и Богоматерь.

Члены совета стали расходиться.

– Льюис, – Фалькон поднял короткий бамбуковый цилиндр, перевязанный ремнем. – Возьмете это?

– Что это?

– Это история нашего поселения, Сидаде Маравильоза, неполнаяя, ее стиль далек от совершенства, она слишком эмоциональна и лишена академической объективности, но, тем не менее, правдива. Если дамбу не удастся разрушить, если заряда окажется мало, если вы, да защитит нас Господь от зла, потерпите неудачу, то бросьте это в воду и молитесь тем богам,

что еще остались с нами, дабы в один прекрасный день ее благополучно прибило к берегу.

Через плетеные стены в хижину пробивался утренний свет. Квинн зажег сигару.

– Неизвестно, когда снова смогу закурить, – пошутил он.

Фалькон почувствовал, как кто-то прикоснулся к его плечу. Это была Кайша. Ее золотистое лицо говорило, что он справедлив с ней, и это единственное, чего она хочет. Интересно, подумал Фалькон, может, она беременна? С рассветного неба раздался крик, словно бы птичий, но таких птах в варзеа не водилось. Его подхватил второй голос, затем третий, пока весь полог леса не зазвенел, словно стая ревунов. Земба поспешил к ограждению, вытащив подзорную трубу, но Фалькон уже повернул большой телескоп вокруг своей оси, изучая горизонт за пределами Сидаде Маравильоза. Он вскрикнул. В объективе, в лучах восходящего солнца, ангелы – огромные ангелы в красных, зеленых и небесно-голубых одеждах, с божественными орудиями в руках – двигались над верхушками далеких деревьев.

Богоматерь Всех Миров

11 июня 2006 года

Сожженные остовы строительной техники все еще дымились, оранжевая краска почернела и облупилась, обнажая металл. Пишасейрос уже приступили к работе своими проворными малярными валиками. «Я, я, я», – кричала Росинья миру. Бетонные стены выдержали огонь, даже удары кувалд, под отколотыми кусками виднелась металлическая арматура, но стены не утратили крепости. Поэтому их колонизировали. Через каждые десять шагов черная метка ADA[224] заявляла права на территорию. Им бросал вызов красный значок CV[225]: граффити пытались перекрыть друг друга. Феодальные войны: огромная фавела была одним из последних средневековых городов-государств в мире. Сто двадцать пять тысяч человек жили в этой седловине между двух больших морру, жилые дома поднимались на одиннадцать этажей, на балконах колыхалось постиранное белье, а с горного склона виднелись менее высокие, но более комфортабельные Сан-Конраду и Гавеа. На улочках и ладейра повсюду виднелись белые пластиковые трубы, а черные провода свисали с покосившихся столбов так низко, что детям в футболках и тренировочных штанах приходилось нагибаться под ними.

Полицейские едва взглянули на Марселину Хоффман, когда та присоединилась к толпе, двигавшейся вверх, в сторону уличного рынка. Белый цвет кожи так же распространен внутри новых стен фавелы, как и за их пределами. Любой может войти сюда – ведь жителям Сан-Конраду тоже нужно где-то по дешевке покупать мясо и кокаин. Стены нужны лишь для того, чтобы защищать проезжающих водителей от шальных пуль и рикошетов. И никаких других причин. Любой желающий может покинуть фавелу в течение рабочего дня. Серферы с накачанными мышцами и досками под мышками прогулочным шагом шли на пляж в Барра-да-Тижука. Под их шлепанцами хрустело разбитое стекло и звякали использованные гильзы. Полицейские смотрели на них скорее с завистью, чем с враждебностью. Солнце припекало, небо голубело, в океане резвились волны, и вокруг стоял мир на манер Росиньи.

С веранд, из окон доносился регги, этим утром снова шел дождь, и лужи на пластиковых навесах превратились в коварные реки, которые стекали через край прямо на испуганных, улыбающихся покупателей. Марселина прижалась к прилавку, на

котором лежали разрубленные ягнята, когда мимо проехала туристическая группа гринго с лицами цвета молочной сыворотки в двух открытых «хаммерах» цвета хаки, бронированных, как для визита в Багдад. Дьявольские резцы скалились с обнаженных овечьих черепов, глазницы зияли: о, лойра пожаловала! Они были правы: Марселина немало поездила по миру, даже побывала по ту сторону моста Тижука, но ее «Маноло» впервые ступили на землю фавелы. Марселина выросла у подножия великой Росиньи, но она была тут такой же туристкой, как и янки в их бронированных джипах. Она задумалась. «Почему нам стыдно? Мы порицаем этих туристов, которые трясутся в джипах с металлическими каркасами, проезжая через рынок так, словно они на сафари. Бразилия отгораживается от неукротимой волны фавелизации, мы сносим лачуги, возводим стены и заявляем о статусе байру, словно бы делаем татуировки поверх шрамов от ужасной детской болезни, которую янки искоренили несколько десятков лет назад. Не ходите к ним, не смотрите на них, не разговаривайте о них, словно это умственно отсталые братья и сестра, привязанные к кровати в дальней комнате. Вот только не они станут камнем преткновения на пути Бразилии в будущее. Они и есть будущее. Они – наше решение для этого пугающего и переменчивого века».

Передвижной магазинчик. Какой-то парень делает лепешки из маниоки на остекленной тележке. Это то самое место. Марселина прислонилась к витрине, наблюдая, как мимо спешат обитатели Росиньи. Все наши миры отдельные, но в то же время пересекающиеся. Она была чертовски довольна своими философскими размышлениями. Достойно самого Эйтора.

Мимо проехало мототакси, развернулось, направилось обратно. Водитель, долговязый мулат в обычной для Росиньи униформе, состоящей из бермуд, майки и шлепок, притормозил рядом.

– Ты – Физик, – сказала Марселина.

– Показывай, – велел парень.

Марселина достала маленькую лягушку, которую приобрела в дорогой кондитерской в центре города. Она развернула золотую фольгу и сунула лягушку в рот. Подтаявший шоколад оставил на ладони легкий след, похожий на звериный. Парень кивнул Марселине, чтобы та села на заднее сиденье. Она сомкнула руки вокруг его талии, и он со свистом понесся через толпу посетителей рынка на выход. Преодолев потрескавшийся заасфальтированный серпантин Эстрада да Гавеа, мототакси оказалось в своей природной стихии, словно обезьянка, на крутых ладейра, которые зигзагом поднимались между грубых, серых жилых домов, исполосованных граффити. «Друзья друзей».

Прошло полгода с тех пор, как Бенте-ви застрелила полиция, ставшая верховной судьей в войнах между наркобаронами, но завоеватели из Красной команды едва высунулись с главных артерий. Средневековые частные армии сражаются за феодалов, чтобы править городами эпохи Возрождения, обнесенными стенами. С сотовой связью. С канализацией и водопроводом.

Собаки с лаем отпрыгивали с дороги, женщины, тащившиеся наверх с пластиковыми пакетами, расступались, поднимаясь на ступеньки магазинов, девицы, курившие дома, стряхивали пепел сквозь решетки на окнах. А еще повсюду дети, дети, дети. Марселина спросила, перекрикивая звук работающего мотора:

– А ты правда физик?

– Почему бы и нет? – сказал парень, сворачивая на еще более крутую ладейра. Мотоцикл трясся на низких, вытертых множеством ног ступенях. Марселина носками задевала мокрый асфальт.

– Ничего. Просто, кажется… – Что бы она сейчас не сказала, это лишний раз продемонстрировало бы предубеждение девушки, живушей в Зона-Сул. С чего бы физику, который занимается петлевой квантовой гравитацией, обитать в Росинье?

Они забрались довольно высоко, деревья виднелись между домами, которые цеплялись к почти вертикальным склонам. Марселина посмотрела на плоские крыши с голубыми резервуарами для воды, спутниковыми тарелками и веревками, завешенными бельем. Фавела была плодовитой, неудержимой, вдалеке тянулись стройки – новые дома, кубики из кирпича и бетона, где лебедки поднимали строительные блоки и раствор наверх, к каменщикам с обнаженным торсом. Физик остановился на углу у кафе-ланшунете, такого новенького, что от него еще пахло свежей краской. Однако Красная команда уже обложила заведение данью, на кирпичной стене красовалась их эмблема. Владелец кивнул, и наружу вышел босоногий мальчишка, чтобы посторожить мотоцикл.

– Дальше пешком.

Темный арочный проход вел между дверей и окон. За металлическими решетками вопили телевизоры, но никто не смотрел модный и шумный Четвертый канал, как заметила Марселина. Внезапно лестница привела ее в маленький дворик, где квартиры неуклюже громоздились друг на друга, пытливо склоняясь над открытым пространством. Два попугая сидели на сетке из электрических кабелей, которые обеспечивали всю конструкцию током. Еще один лестничный пролет спускался в неосвещенный проулок, мимо крошечного бара, залитого неоновым светом, со стульями, вмонтированными по другую

сторону от жестяной стойки. Мостик пересекал ручей, скрытый под бетонным фундаментом фавелы, который журчал и пенился, стекая с зеленого влажного морру в канализацию. Они вышли на открытый освещенный пятачок у подножия самой узкой и отвесной ладейры. Физик поднял руку. Внизу Марселина чувствовала жизнь фавелы повсюду, но здесь, на верхних ярусах Росиньи, вокруг них, казалось, больше никого не было. В пустых жилых кварталах стояла зловещая тишина. Выше и выше, как в истории Раймунду Суареса про Бекхэма. Затем Марселина услышала звон и глухие удары, ритм, от которого по ее коже побежали мурашки. Футбольный мяч слетел с верхнего пролета ладейры, ударился об стену и зигзагом поскакал вниз по крутым ступеням. Физик поймал мяч в полете и поманил Марселину наверх. Она миновала поворот ладейры. Наверху, на фоне синего неба темнела фигура – это был Моасир Барбоза.

Человек, который заставил всю Бразилию плакать.

За те десять лет, пока Марселина карабкалась по карьерной лестнице на Четвертом канале, начав с девочки на побегушках до продюсера, ее жизнь неизбежно переплеталась с самыми разными знаменитостями: Кристиной Агилерой, Шакирой, Пэрис Хилтон, даже Жизель Бундхен, Роналду, Роналдиньу, группой «CSS»[226], скейтером Бобом Бернквистом, Ируаном У[227] и еще кучей старлеток и актеров телесериалов, которых она даже не запомнила. С звездной болезнью она столкнулась в первый раз, когда ей пришлось обеспечивать райдер избалованной звезды – определенная марка воды определенной температуры и креветка для собачки. Многие производили на нее впечатление, но никто никогда не вызывал благоговения, пока Моасир Барбоза не вышел из легенды и не уселся за стол в фундасана местре Жинга. Сглотнуть комок в горле, сдержать слезы. Ее вытащили из детской кроватки, чтобы она посмотрела на Фрэнка Синатру, но даже его голубые глаза не тронули ее так, как Барбоза, когда он, болезненно морщась, тяжело уселся на алюминиевый стул. Это было смертью и воскрешением, старик в светлом костюме прошел через ад и вернулся. Словно восставший из мертвых Иисус спустился с холма над этим прохладным домом.

– Вы прочли это? – Он дотронулся пальцем до книги.

– Часть. Не все. Немного. – Она запиналась. Как тогда, когда в третий день на работе пялилась на Мэрайю Кэри.

– Должно сработать. – Барбоза сунул книжицу в карман пиджака. – На самом деле я пришел за ней. Ну, вы меня нашли и усложнили жизнь всем, более всего себе самой. Думаю, с этим уже ничего не поделать. Завтра Жинга привезет вас, и мы решим вопрос.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Это вы заварили кашу, вам и расхлебывать. – Барбоза поднялся с таким же трудом, с каким садился, однако, как и со всеми бывшими спортсменами, в его теле жил дух спорта, гибкий и проворный ориша вратаря, некогда двигавшегося как кошка. Уже у самой двери Барбоза спросил: – Вы бы правда так сделали?

– Сделала что?

– Устроили бы суд надо мной, как заявил Суарес в газетах.

Впервые Марселину подвело профессиональное умение врать.

– Да. Такой была изначальная идея.

Барбоза усмехнулся:

– Думаю, это я устроил бы суд над всей Бразилией. Завтра. Не ешьте слишком много. И никакого алкоголя.

– Сеньор Барбоза…

Старик задержался в дверях:

– Это правда? Про штангу?

Улыбка.

– Не стоит верить всему, что говорит Суарес, но это не значит, что каждое его слово – ложь.

* * *

Верхняя часть Росиньи открылась Барбозе-вратарю. Подозрительные улицы распахнули ставни, двери и решетки. Худенькие юные матери с детьми на коленках приветствовали старика, молодые надменные пары с татуировками солдаду у оснований позвоночника с уважением желали доброго утра. Барбоза касался шляпы, улыбался, купил «пан-де-кейжу» в кафетерии и кафезинью с лотка. Физик тащился следом.

– Не хочу переезжать отсюда. Это хорошее место, люди никуда не спешат, они со вниманием относятся друг к другу. Я слишком стар, уже напереезжался, заслуживаю немного покоя напоследок. Я провел здесь пять счастливых лет, думаю, лучшего и желать нельзя. Я должен был сказать Фейжану, что умер.

– А с чего вам переезжать? – спросила Марселина.

Барбоза остановился.

– А сами как думаете? – Он бросил пустой пластиковый стаканчик в маленькую жаровню, за которой следили два маленьких мальчика. – Вы должны быть в школе, выучить что-нибудь полезное, как моя подруга, – сказал мальчикам Барбоза. – Ну, по крайней мере, теперь вы понимаете.

– Курупайра, Орден? Я не…

– Заткнитесь. Мы не говорим об этом при чужих. И я не об

этом. Я о том, каково быть королем Сахарной Головы, иметь все, а потом все потерять, видеть, как даже лучшие друзья перестают с тобой разговаривать.

«У вас не отнимали семью, – подумала Марселина. – Хоть это оставили». Тайная организация выходила весьма жалкая: опальный вратарь чемпионата мира, физик из фавелы, пожилой мастер капоэйры, а теперь еще и потерпевший фиаско телепродюсер. Шаткие перекладины над самой глубокой пропастью, говорившей об одном: этот город, эти улицы, края крыш, раскинувшихся внизу, словно платье для первого причастия, голубое море, голубое небо и зеленый лес на холмах, даже футбольный мяч, который Физик держал с неуклюжестью компьютерного фрика, – все это соткано из слов и чисел. Солипсизм казался излишним под голубым небом. Но именно в таком мире очутилась Марселина, где даже мировой заговор казался смущенным и нерешительным, словно в него до конца не верили ни положительные, ни отрицательные персонажи. Герои и злодеи едва справлялись со своими ролями – так работал реальный мир, больше напоминавший кустарное, собранное из подручных материалов устройство родом из фавелы.

Физик открыл маленькую зеленую дверцу в свежей кирпичной стене и включил голую лампочку.

– Подожди здесь.

– Тут тесно.

– Это ненадолго.

– Нам нужно кое-что подготовить, – сказал Барбоза. Марселина услышала, как щелкнул замок.

– Эй! Эй!

В комнате был бетонный пол, стены из грубо выкрашенного кирпича, пара пластиковых садовых стульев, мини-холодильник, наполненный бутылками с водой, подключенный к светильнику. Дверь из облезлых досок, прибитых к чахлой раме, но они блокировали звуки улицы, как если бы Марселина оглохла. В щели пробивались полоски света. «Наедине с твоими страхами», – подумала Марселина. Вот в чем цель. Десканс[228]: надо охладить голову. Промежуточное состояние, темнота внутри черепа. Прошло полчаса. Это проверка. Она пройдет ее, но не так, как они того хотят. Она вытащила КПК и вынула стилус.

Дорогой Эйтор.

Вычеркнуть.

Эйтор.

Слишком резко, как будто собаку зовешь.

Дорогой. Нет. *Привет.* По-подростковому. *Привет, Эйтор.* Типичное письмо на «мыло». Как речь Адриану, пересыпанная сокращениями.

Я говорила, что не буду выходить на связь: так ты узнаешь, что это действительно я. Похоже на Марселину Хоффман. Я пишу тебе, потому что, возможно, мы больше не увидимся. Никогда. Не слишком мелодраматично, как будто она хочет завоевать аудиторию с первой строки, не напоминает одну из ее презентаций? Стилус завис над светящимся экраном. Предполагалось… а что предполагалось? Признание?

Любовное письмо.

Пускай.

Трусливо, конечно, но так проще: мне не придется отвечать за то, что я тут напишу. Витиевато, но правдиво, он прочтет и скажет: «Узнаю Марселину».

Это глупо, я сижу тут, пытаюсь написать тебе и могу представить все то, что хочу тебе сказать, – это как раз просто – вот только рука не позволяет мне в это поверить. Забавно, не правда ли? Я могу выдать кучу идей, которые на самом деле мне вовсе не нравятся, но, когда нужно написать что-то важное, что-то настоящее, я словно застываю.

Предательская рука снова замерла, стилус был готов стереть написанное. Во что она не могла поверить? Этот огромный, грубоватый, старомодный, мрачный, романтичный, пессимистичный, одаренный, катастрофически невыдержанный и умный диктор новостей. Его книги. Его стряпня. Его вино, его время, его умение слушать. Его большие нежные руки. Его любовь к дождю. Он всегда был рядом, если то позволяли Бразилия и мир. Его многочисленные костюмы, рубашки и всегда дорогое нижнее белье. Его сексуальность никогда не была современной и очевидной, вульгарной, в ней чувствовалось что-то более взрослое, умное, грязное и романтичное, комичное, дурное и упаднические.

Она увидела, как стилус написал: *С тобой я чувствовала себя женщиной.* Марселина чуть было не отправила слова в небытие. Но это правда. *Это правда*. Пока ее сжигала жгучая зависть к сестрам, к их мужчинам, к их уверенности, Марселина не понимала, что у нее есть свой мужчина, своя уверенность, современные отношения, а не что-то готовое, стандартное, с ярлыком «Невесты 21 века» или «Сексуальные подростки». Взрослое чувство, которое появилось от простого совпадения рабочих графиков, соприкосновения тел, но превратилось в роман, в любовь.

Рука дрогнула. Марселина медленно вывела. *Понимаешь, я ввязалась в кое-что нехорошее, но если все тебе расскажу, то лишь напугаю, а помочь мне ты не сможешь. Теперь все зависит только от меня. Мне очень страшно. Ничего не могу поделать. Оказывается, мне придется играть героиню, а мне такая роль незнакома. Лучше уж шоу Джерри Спрингера с нищебродами, живущими в трейлерах, или скандалы с третьесортными звездами. Вот только сценария нет, я импровизирую. Хотя вроде всю жизнь так делала. У меня это получается лучше всего. Я смогу это продать. Но, чем все это кончится, не знаю. Не хочу думать. Барбоза: могла бы получиться программа века, но не в том виде, как все думали. Этим шоу я бы гордилась.*

Не слишком-то похоже на любовное письмо. Хотя нет, как раз оно, ее личное любовное послание, в котором Марселина стонет и жалуется на двух страницах, а в конце добавляет: *Ой, кстати, я люблю* тебя. *Думаю, уже давно. Интересно, можно любить кого-то не понимая этого? А ведь так было бы куда лучше, все чисто, быстро, без всяких безумий, неловкости, никаких телефонных атак и бомбардировок эсэм-эсками. А потом, разумеется, я начинаю думать – а это, вообще, я? И не уверена, какой ответ труднее, поскольку в одном случае я такая глупая и выворачиваю наизнанку душу, а в другом я не знала, а ты не сказал. Ну ладно! Мне пора. Люблю тебя. Пожелай мне удачи. Герой из меня так себе, и я боюсь.*

Палец замер над кнопкой «отправить». Последнее послание заслуживало лучшего. Эйтор заслуживал лучшего. Это всяких Лизандр приглашают на свидание по электронной почте и бросают эсэмэской. Давай покажи, что у тебя есть малисия.

Скрип, болезненный клин света, открывшийся в параллелограмм дня. На ярком фоне стоял Физик. Марселина нажала «сохранить» и сунула наладонник в сумку.

– Хорошо, – сказала она. – Пойдем.

* * *

Батерия играла уже два часа кряду, размеренные двухтональные удары агого начали раздаваться до рассвета и разлетелись по сотовой сети, как призыв к молитве. Барракан Игрежи Святой Курупайа расположился в просторной гостиной на первом этаже новенького многоквартирного дома. Дешевый линолеум свернули, мебель отодвинули к стене. Складной кухонный стол служил алтарем, его поставили у огромного окна, откуда открывался захватывающий вид через полыхающий ковер

Росиньи на башни Сан-Конраду. Золотистую скатерть, постеленную на стол, усеивали подношения-асентаменту: квадратные кусочки пирога, конусы желтой фарофы, блюдца с пивом, маленькие апельсины с воткнутыми палочками благовоний. Медальоны с изображением святых, наклейки с эмблемами футбольных клубов, лотерейные билетики «Жогу ду Бишу»[229], центаво и сигареты. Воздух был тошнотворным и вызывал головную боль из-за фимиама, горевшего в украденных из церкви лампадках, и ароматических свечек в стеклянных сосудах. Приземистые святые и ориша охраняли алтарь, у большей части просматривались индейские черты, они держали в руках растения и животных с Амазонки, под ногами расположились змеи и крокодилы, словно атрибуты индуистских богов. Марселине была незнакома лишь резная статуя, изображавшая индианку почти в человеческий рост. Обнаженная женщина с кожей, покрытой золотой краской, балансировала на одной ноге и извивалась, словно значок доллара. А еще она жонглировала планетами. Марселина опознала Сатурн по кольцам и Юпитер – по спутникам, закрепленным на торчащих палках. Богоматерь Всех Миров. Змеиная голова прижималась к лобку женщины. Статуя была старая, древесина потрескалась от возраста и местами была испещрена ходами древоточцев, но искусная работа и сохранность говорили об эпохе, когда веру не скрывали. Подметальщики подготовили пол – два уличных парнишки с вениками из веток. Журчание амаси[230] успокоило Марселину.

Оркестр батерия занял левый угол у окна, барабанщики уже далеко зашли в импровизациях, то ускоряясь, то делая паузы. Дверь в противоположной стене кухни вела в импровизированную камаринья. Как посвященной земба Марселине позволили пройти в святая святых, где находился один лишь Барбоза, он сидел за столом, пил кофе и читал результаты футбольных матчей на смартфоне. Рядом с газовой плитой стояла медная клетка, в которой находилась золотистая лягушка, она глупо выпучивала глаза, а ее горло подрагивало. Лягушку искушал кузнечик, нанизанный на булавку и привязанный к прутьям клетки. Старый медный чайник на плите возвестил ее судьбу.

На зов барабанов с наступлением сумерек стали стекаться эгбе, прихожане храма, в основном мужчины с редким вкраплением женщин, все они останавливались перед дверью, чтобы очиститься брызгами святой воды из чаш при входе. Эгбе были одеты в белое, однако часы и ювелирные украшения говорили, что они живут за пределами Росиньи. Многие провели золотую полоску, разделив лицо пополам, ото лба до подбородка.

Марселину нарядили в майку-борцовку и брюки для капоэйры – все белого цвета, – за которыми Физик смотался в город. Брюки немного жали в промежности, в остальном парень правильно определил ее размер. Сгустилась кромешная тьма, от большой фавелы исходила дымка света, которая выплескивалась с зеленых холмов к морю. Оркестр дал себе волю. Террейру сотрясался, чашки дребезжали на крюках, дверь холодильника открылась от вибрации. Выглянув в барракан, Марселина увидела, что пятачок перед алтарем забит танцующими людьми, как и любой клуб в Лапе в четыре утра, и еще больше народу толпится поодаль. Некоторые были в подвенечных нарядах, сверкающе-белых и девственных, они протискивались вперед и кружились, уже во власти ориша. Она увидела, как прибыл местре Жинга, поспешно осенил себя крестом и прошел в камаринья. Он поцеловал Барбозу в обе щеки и положил на стол какой-то длинный плоский предмет, завернутый в листья банана.

– Аву, – ответил он, видя озадаченный взгляд Марселины. «Секрет».

Теперь алабе призывали, эгбе и батерия вторили, и Марселина почувствовала, как музыка пинком открыла какую-то внутреннюю дверцу, а страх и опасения перетекли в радостное волнение и предвкушение. Барабаны поймали и подхватили ее. Даже роскошное безумство ревейона[231] с двумя миллионами участников так ее не будоражило, не вызывало глубинной аше, не заставляло слезы струиться по щекам, не пробирало до яичников. Барбоза мягко коснулся ее руки и поднялся со своего места. Марселина последовала за ним, а местре Жинга замыкал шествие. Перед тем как покинуть камаринья, он зажег газ под чайником.

Стена звука приветствовала Марселину. Она подняла кулаки, словно Мик Джаггер, выходящий на сцену Копакабаны перед половиной Рио[232]. Эгбе неистовствовали. Заглушая физически ощутимый стук барабанов, такой сильный, что даже больно, раздался крик золотых лиц. Земба! Земба! Иау в их свадебных платьях кружились в трансе, буларе, одержимые святым. В прошлый раз церемония Дайме, которую видела Марселина, была безопасным, охраняемым безумием специально для среднего класса. Сейчас же в террейру Курупайры воплотился подлинный дух: магия аше полыхала на бетонном полу, от одного светильника к другому. Марселину закружили так, что она погрузилась в транс: пространство растянулось, время сжалось. Наверное, она танцевала, а может, потерялась во времени среди облаченных в белые одеяния тел, а потом внезапно снова оказалась у алтаря. Барбоза поднял белую трость. Барабаны,

голоса и топот стихли. Он заговорил на непонятном Марселине языке – смеси индейского и церковной латыни, – но она четко улавливала смысл, как и крики, раздававшиеся в ответ: она – земба, воин, защитник эгбе. Барбоза подвел ее к алтарю. Присутствующие пробормотали приветствие. Местре Жинга принес медный чайник из кухни, двигаясь суетливой подпрыгивающей походкой, как предписывает маландражен, обходя асентаменту и минуя барабанщиков. Алабе начал тихонько бить в свой агого, музыканты батерия подхватили, это был шепот от прикосновения кожи к коже. Местре Жинга поднял чайник перед паствой, члены которой заволновались, будто море. Барбоза взял сосуд, стремительно, как может лишь обладатель красного пояса, местре Жинга поймал Марселину, зафиксировал ее руки. Внутри нарастало возбуждение. Барбоза поднес чайник к ее губам. Она с готовностью открыла рот. Ничего более сексуального ей делать не доводилось. Пай ду Санту Барбоза капнул три капли жидкости на кончик языка Марселины. Вытяжка курупайра оказалась кислой и горькой, Хоффман сморщилась, попыталась выплюнуть. Но на третьем плевке вокруг нее расцвела мультивселенная. Барракан превратился в ослепительное марево, комната накладывалась на комнату, рядом, сверху, снизу, но при этом каждая отличалась от соседки. Глаза воспринимали, понимание ошеломляло. А кругом люди, люди, люди – население целого города, даже целой планеты набилось в одно помещение. Марселину ослепил белый свет, она подняла руку, чтобы прикрыть глаза, и увидела вокруг своей ладони ореол из еще тысячи рук. Все вокруг – монтаж, нарезка бесконечных метров кинопленки, склейка для обретения смысла. Вглядываясь сквозь белизну барроканов, Марселина рассмотрела и другие комнаты, семьи, собравшиеся вместе, включенные телевизоры, трапезы на раздолбанных диванах. Автомобильные моторы на коврах. А за всем этим темный лес. Она повернулась, отбрасывая сполохи альтернативных вселенных в окно. Росинья превратилась во вселенную звезд: галактики света, нагроможденные друг на друга. Марселина вскрикнула, ее призраки и отголоски закричали вокруг. Тяготение было непреодолимым. Она, наверное, вечно падала бы в эти облака света. А за ними открывались другие горизонты, другие Рио, другие географические регионы. Она увидела безбрежный океан, архипелаги света, зеленые горные цепи и обширные пампасы.

Марселина повернулась к Барбозе. Увидела его живым, увидела его мертвым, увидела его пропащим, прославленным героем, величайшим вратарем в истории Бразилии, министром в правительстве, послом доброй воли в ООН. Она увидела, как его

преследовали и унижали в прайм-тайм на телевидении, она увидела, как старик снял шляпу и куртку и побрел навстречу волнам Ипанемы, она увидела, как двадцать миллионов пальцев тычут в красную кнопку на пульте управления: виновен или нет?

Дальше курупайра подействовала на слуховые центры и открыла их. Один голос, десять голосов, хор, какофония. Благоговейное молчание барракана превратилось в океан тихого дыхания, а потом в ураган. Марселина зажала уши руками и закричала. Крик раздался из миллионов вселенных, каждый был ясен и отчетлив. А за ним звучали ее собственные голоса. Глаза зажмурились из-за вспышки мультивселенной. Марселина сосредоточилась на понимании далеких голосов, попыталась понять их один за другим. Она обнаружила, что существует способ управлять мультивселенной. Ощущения обострялись в зависимости от того, на чем ты сосредотачивался. Если сфокусироваться на террейру на свете фавелы, то будешь видеть географически. Сконцентрируешься на каком-то человеке, например на Барбозе или на себе, и будешь перескакивать с одной жизни на другую, игнорируя расстояние и время. Разум – вот ключ. Все, сверху донизу, с начала и до конца, осмыслено.

Марселина осторожно открыла глаза. Она стояла в центре облака из собственных личностей – зеркальный лабиринт, состоящий из Марселин Хоффман, спереди и сзади, слева направо, наверху и внизу, но все они связаны с ней и друг с другом. Один разум, одна жизнь во всей ее полноте. Она увидела себя звездой, выпускающим редактором, директором канала, режиссером телесериалов, поп-продюсером. Она увидела себя журналисткой, модным дизайнером и тусовщицей. Она увидела себя замужней, беременной, с детьми. Она увидела себя разведенной, алкоголичкой, опустившейся. Она увидела себя мертвой больше раз, чем хотелось бы: сначала в стремительной немецкой машине, пострадавшей в ограблении, от передоза с ремнем вокруг предплечья, в туалете, на конце лезвия, которое может перерезать все что угодно. Вот она. Быстрая, словно летучая мышь, скрывающаяся от взгляда, стоило до нее дотронуться, пересекающая миры, один за другим. Она. Враг. Анти-Марселина. Охотник, коп, полицейский.

«Я тебя вижу», – подумала Хоффман. В своем откровении она заглянула по ту сторону, увидела размытое пятно квантовых подсчетов, основу реальности, ткань, сплетенную из времени и вычислений. И тут она поняла, в чем фокус, точно так же, как когда сидела за кулисами Бейжа-флор и смотрела представление Потрясающего Ганимеда, ужасающе неумелого иллюзиониста, в ожидании, когда мать по мановению его руки поднимется из

оркестровой ямы на своем зеркальном «Вурлицере». Все было просто, невероятно просто… Все вокруг монтаж. Берем кусочек здесь, второй там, слепляем вместе, сглаживаем стык. Новая реальность. Невинная и сияющая от удивления, Марселина протянула руку, чтобы схватить ее.

Множество местре Жинга снова прикоснулись к ней. Пальцы с силой открыли рот. Миллионы открытых ртов и миллиарды пальцев. Кофе. Марселина подавилась, закашлялась, ее тошнило в сильных руках многих местре. Сбившиеся в стайку вселенные улетали, словно облако бабочек.

– Кофе, – фыркнула Марселина, ее тошнило прямо на асентаменту.

– Ты очень ошибаешься, если думаешь, что это просто кофе, – сказал учитель, медленно разжимая руки. – Даже три капельки могут быть перебором.

– Я все видела, – сообщила Марселина. Она прислонилась к краю алтаря, дрожа и повесив голову, а пот капал со слипшихся воло. – Я была… всем.

Судорогой свело каждый мускул. Она никогда не ощущала такого опустошения после жогу в капоэйре. Марселина медленно осознала, что находится в помещении, битком набитом предвкушающей паствой, и все ждут весточки из мультивселенной.

– Я видела. ее.

– А она видела тебя, – заметил Барбоза. – Она знает, кто ты отныне.

– Земба.

– Ты пока еще не земба, – поправил ее Барбоза.

Тук-тук, сказал агого, начиная свежий ритм.

Иау раскачивались и кружились, слева направо, белые одеяния парили вокруг них. Из камаринья вошел Физик с тем самым предметом, завернутым в листья. Он с почтением положил сверток на алтарь. Осколки других миров разлетелись вокруг Марселины. Теперь всегда так и будет? Наверное, да. Краем зрения, словно глядя на мушку в глазу, которая постоянно улетает из фокуса, она ощущала присутствие анти-Марселины, как и та чувствовала ее. Курупайра, собрание эгбе, Барбоза, который оказался Пай ду Санту этой террейру, должны были приготовить Марселину к неизбежному сражению. Она развернула сухие, пахнущие пылью банановые листья. Под ними оказались кожаные ножны длиной с ее предплечье, и на них было вышито изображение Богоматери Всех Миров. Марселина взялась за рукоятку.

– Осторожно, – предупредил Барбоза.

Лезвие скользнуло, словно шелк по стеклу. Марселине показалось, что оно – длинное, изогнутое и восхитительно опасное – на самом деле не касается внутренней стороны ножен, а удерживается какой-то невидимой смазкой, напоминающей пленку. Марселина подняла его перед глазами. Единственным звуком в барракане был размеренный стук агого. Край лезвия размывался, Марселина не могла сфокусироваться на нем, он искрился и кипел, словно марево на краю поля зрения. Она резко взмахнула ножом в воздухе. Эгбе удивленно заворковали. В воздухе повис запах электричества, и на траектории удара появился синий ожог.

– Я видела такой нож раньше.

– Это стандартное ритуальное оружие Ордена, – сказал Физик. – Выглядит как нож, но на самом деле мы думаем, что это информационное оружие. Разрезает до квантового уровня. Расплетает узлы гравитации квантовой петли. Эта технология за пределами нашего мира и за пределами всех миров мультивселенной. Полагаю, мы никогда ее не достигнем, это часть ткани универсального квантового компьютера.

Марселина взмахнула ножом вращательным движением капоэйры. Послышалось, или она действительно услышала визг, с которым распадались фундаментальные вычисления?

– А откуда вы это взяли?

– Нож попал к нам вместе с книгой. В приложении говорится, что Богоматерь Всех Миров подняла его со дна Риу-Негру.

И снова мультивселенная пульсировала вокруг Марселины. Отрезай. Монтируй. Ты больше не безоружна. Ты не жертва. Марселина подняла нож высоко над головой. Эгбе взревели. Иау кружились с задранными юбками. Музыканты возобновили спор агого, а Марселина с важным видом прошла вокруг алтаря, держа оружие над головой.

– Земба! – провозгласил местре Жинга, и его крик подхватила вся террейру:

– Земба! Земба! Земба!

* * *

Небо затянули облака, когда автомобиль компании «Росинья Такси» отвез Марселину через верхушку города вниз, к освещенному овалу Жокей-клуба. Пальцы низко висевших облаков смыкались в огромную ладонь слоистых туч, которую ветер нес с запада и прижимал к морру. Когда такси доехало до лагуны, уже шел сильный дождь. Марселина ерзала и чесалась,

расположившись посредине заднего сиденья, ее все еще жгло краткое видение курупайры. Каждая вспышка фар встречных автомобилей, любое мелькание розовых или желтых неоновых огней на улице отбрасывали тени других вселенных. С квантовым ножом, заткнутым за пояс белых капри, в этой облегающей маечке, Марселина могла бы бесплатно пройти в любой клуб Рио. Она была сама смерть. Охотница. Даже круче, чем просто крутая. Водителю было поручено отвезти ее в знакомую местре Жинга явочную квартиру в Санта-Терезе, но, когда он мчался по авенида Боржес де Медейрус, где темнела лагуна со щербатыми из-за дождя отблесками, Марселина наклонилась вперед между креслами и попросила:

– А можно сделать крюк?

– Не знаю. Местре сказал…

– Я просто хотела кое-что закинуть. Это и пяти минут не займет. Мне нужно на Руа Табатингуэра, практически по пути.

– Ну тогда ладно.

Марселина поднялась по крутой бетонной лестнице, выраставшей почти вертикально на поверхности морру, в нетерпении перепрыгивая через ступени. Вот что делает любовь. Дождь наказал ее. Хороший дождь. Нежный дождь. Она прижала наладонник к груди, защищая от воды. Лужи уже образовались в мрачном патио Эйтора, темном бетонном прямоугольнике между задней стеной жилого дома и мокрой скалой. С изголодавшихся по свету и любви вьющихся растений стекали дождевые капли, словно пот. Марселина знала код наизусть. Палец замер в миллиметре от хромированной кнопки.

Дверь была приоткрыта.

Марселина прижалась к стене. Запустила с наладонника новости Четвертого канала, идущие в прямом эфире.

– …по сообщению полиции, в Маре и Парада-де-Лукас сегодня вечером все спокойно, количество преступлений с применением огнестрельного оружия вернулось к нормальному уровню, – передавал прямо с места событий от полицейского кордона Фагнер Мейреллис, уже давно ходивший с кличкой «Смерть и разрушения».

Присвистнув сквозь зубы, Марселина уменьшила звук. «Вернемся в студию». А вот и Эйтор перед гигантской зеленой картой Бразилии. «Единственный ведущий новостей, которому приходится беспокоиться о цвете своих носков», – как он всегда говорил.

Марселина отправила его в небытие. Радостное волнение сразу превратилось в страх, в сильнейший ужас, она даже не думала, что можно испытать такое и выжить. Все ее тело

заболело. К горлу подступила горячая желчь, холодный кофе и наркотики террейру. Она очень хотела, чтобы ее стошнило, но не получилось. Чувствовала, как вокруг замерцала мультивселенная, облако ориша и ангелов. Сейчас. Время пришло. Она достала нож и присела в боевую стойку. А потом медленно-медленно открыла дверь. По-кошачьи осторожно Марселина прокралась через прихожую, составленную из книг. Гибкости нет, совсем нет, но некогда разогреваться. Придется перейти от холода к взрывному действию. Безо всяких жогу и предварительных игр.

Свет не горел, но, присев в кокориньяː[233] рядом с дверью, ведущей в гостиную, Марселина увидела силуэт на фоне блестящей панорамы лагуны. Она хотела разрушить все: ее карьеру, семью, друзей, любовника. Затем одного за другим убрали бы Физика, местре Жинга, вратаря Барбозу, всю террейру, любого, кто знал о таинственной форме мультивселенной и об Ордене, который ее защищает. В какой-то момент убрали бы и Марселину Хоффман. И он настал сейчас. «О, маландру мастера, корда вермелья, великие бойцы и танцоры, дайте мне малисия». Она резко поднялась, включила верхний свет и ворвалась в комнату, сделав колесо с опорой на одну руку – ау. Марселина сгруппировалась в жинге с ножом наготове.

Ту, вторую, на миг ослепил свет из кухни. Черное одеяние в противовес белому Марселины. Разумеется. Это битва стихий. Сама с собой. Так не могли бы схлестнуться даже близнецы. Видения курупайра подрагивали вокруг Марселины, и на мгновение она увидела себя глазами врага: ангел-лойра, белая капоэйриста. Мы есть одно. Один разум, раздробленный на сотню миллиардов вселенных. И тут анти-Марселина налетела, как ягуар. Марселина нырнула под ее руку в простом движении резистенсиа[234], а потом нанесла удар ногой, перекатившись в эс-добраду. Задела носком голову врага, после чего согнулась в поясе, опершись одной рукой об пол, а второй изо всех сил сжимая квантовый нож, и перешла в танцующую, оборонительную жингу.

Анти-Марселина наступала на нее слепящей волной ударов, из-за которых в воздухе квартиры вспыхивали крошечные молнии. Марселина пригнулась, перекатилась и снова резко присела, уворачиваясь от горящего лезвия. Одно наблюдение, одна грань в малисии. Ее враг не практиковал капоэйру. Анти-Марселина не в курсе жейту.

Косой удар разрубил стеклянный столик на две опрокинувшиеся половинки. Марселина сделала переворот назад, перелетая через один из кожаных диванов, и встала в стойку.

– Скажи что-нибудь, а? Произнеси мое имя, сука.

Ее соперница улыбнулась и в три удара выпотрошила диван, служащий Марселине укрытием, до пружин и набивки. Теперь Марселина поняла, что недооценила мощь оружия врага. Она может бегать и танцевать, но двойник будет кромсать все и вся на кусочки, пока Марселина не устанет играть в капоэйра. «Ты утратила инициативу. Хватит защищаться. Но я же не убийца. Убийца. Смотри».

Она попробовала провести асфикшанче [235] сопернице в кадык, а потом стремительный боковой удар ножом. Анти-Марселина уклонилась и попыталась сделать выпад сама. Яркая вспышка света, вопль покалеченной реальности. Марселина увидела, как сломанное лезвие ее ножа взмывает в воздухе, а потом падает на пол острием вниз и исчезает. Представила, как обломок летит сквозь этажи. Даже бетонные полы и камень ему не помеха. Оставалось лишь надеяться, что прямо под ними никого нет.

Анти-Марселина сладко улыбнулась и подняла свой целый нож. А потом поманила к себе. Мол, давай закончим.

Хоффман побежала. Жейту. Уличная смекалка. Настоящий маландру знает, где и когда драться. Выпотрошенный диван и разрезанный пополам столик – это Эйтор еще сможет объяснить страховщикам. А вот труп, который выглядит как твоя любовница и по совместительству опальный телепродюсер, положит конец его карьере.

По дороге Марселина ногой выключила свет (глупые трюки срабатывают, в этом вся соль маландра-жен, надменный Жаир тогда упал после приема «бока де калса», стоило дернуть его за штанины, – самое тупое и очевидное приходит в голову последним) и бросилась к дверям лифта. Захлопнувшаяся дверь предаст ее, но пара секунд, которые уйдут у анти-Марселины на то, чтобы разрезать замок, обеспечат время и пространство. Хоффман понеслась вверх по пожарной лестнице. Через два пролета она услышала, как дверь грохнула о голый бетон. «Я же привыкла танцевать, а не бегать», – крикнула она про себя. Послышался топот ног. Вверх, вверх, вверх. Господи, курупайра высосала из нее все силы. Курупайра и все остальные мучения, загадки, угрозы и откровения последних двух недель. С мозгового штурма в пятницу до борьбы за жизнь в воскресенье. Она выбралась на крышу. Здесь есть место для маневра. Пространство для драки. Эйтор приводил ее сюда с шампанским и кокаином, когда одобрили проект Марселины про охоту за НЛО. Ночью в дождь здесь разлита красота: полосы и облака мягкого света, поток огней проезжающих вдоль лагуны автомобилей, мягкое влажное шуршание шин, а надо всем этим – темный силуэт

морру.

Дверь распахнулась. Враг на месте. Марселина приняла оборонительную стойку. Анти-Марселина сжала поднятый нож в убийственной хватке. Они двигались взад и вперед, нанося удары и контрудары, по лужам на крыше, поскальзываясь на насыпном гравии, спотыкаясь о спутниковые кабели и трубы. С помощью уловок Марселина подводила свою убийцу к отвесной поверхности морру, буквально прижимаясь к парапету. Над ней бетонные столбы тянулись вверх, как органные трубы, укрепляя скалу. Туда есть служебные ходы. Марселина перепрыгнула через край. Соперница последовала за ней, но Марселина уже поднималась по служебной дорожке – фактически по краю уступа, огороженному цепочкой. Внезапный рывок чуть не сбросил ее вниз. Марселина отпрянула к мокрой скале. Цепь, которая чуть было не утянула ее, упала в темноту между крышами жилых домов внизу. Соперница смотрела ей в лицо. Из последних сил Марселина взбежала по ступенькам на вершину морру. Внизу раскинулся Рио, темный овал лагуны, как блестящий черный камень в золотой оправе. Леблон, Гавеа, яркая Росинья, Ипанема – линия света, которую прерывали темные холмы, а за всем этим светящийся серп Барра-да-Тижука. Слева от нее огни Копакабаны казались золотым ожерельем между плечами морру.

– Давай уже закончим, – сказала Марселина. – Никаких больше пробежек и хитростей. Пусть все свершится здесь.

Убийца покачала головой. Капли дождя слетели с ее золотистых волос. Марселина дрожала, она промокла до костей, но все должно закончиться тут, подальше от глаз мира, высоко над Рио-де-Жанейро. Соперница бросилась на нее. Она крута, но у нее нет жейту нет маландражен. Марселина применила прием банда[236], захватив ноги противника между своих и резко дернув. Анти-Марселина растянулась во весь рост. Затем Марселина пошла на гнусность – ударила ногой в висок. Ее копия взвыла, но перекатилась, села на корточки. Угрожая, тыкала и делала ложные выпады квантовым лезвием. «Не то ты боевое искусство выбрала, – подумала Марселина, паря в жинга и уворачиваясь как ягуарунди[237],– Настоящий знаток капоэйры больше ценит возможность увернуться, чем хороший удар».

– Знаешь, – сказала она, – то, что ты готова крушить все, что попадется на твоем пути, я еще могу понять. Сама такая. Но я никогда и ни за что не прощу, что какая-то часть меня хочет стать копом!

Соперница в выпаде кончиком квантового лезвия задела внутреннюю сторону предплечья Марселины. Не было ни боли, ни шока, а потом она увидела кровь, сочившуюся из длинного

неглубокого пореза. Анти-Марселина перехватила нож и снова попыталась нанести удар. Марселина присела в кокоринья, и тут до нее дошло. Решение было простым, красивым и в духе капоэйра. Она схватила анти-Марселину за штанины и резко дернула. Та, ойкнув, полетела с обрыва.

Марселина наблюдала, как ее собственное лицо с выпученными глазами, летит через пики дождя. Не было ни вопля, ни пронзительного крика – лишь квантовое лезвие выписало линию синего света в воздухе. Двойник ударился о крышу, а потом полетел в еще более густую темноту внизу.

Марселина долго стояла под стегавшим ее дождем, считая вдохи и выдохи. Она дышала нормально, но нужно считать, чтобы замедлить сердце. «Считай. Раз, два, три. Не думай о том, что ты сделала. Не думай о выражении своих глаз, когда ты падала в темноту между жилыми зданиями. Ты умерла здесь. Ты проиграла. И ты же выиграла, но, выиграв, опять-таки проиграла. Мультивселенная сыграла с тобой последнюю злую шутку. Это ведь твое тело там, внизу». Даже сейчас она слышала полицейские сирены и видела мигающие огоньки, огибающие лагуну. *Марселина Хоффман, скандальный продюсер Четвертого канала, печально известная тем, что предложила устроить суд над опальным вратарем Моасиром Барбозой, была найдена мертвой у подножия Морру дус Кабритос в воскресенье вечером. Полиция продолжает свое расследование, но не исключена версия суицида. Адриану Руссу, программный директор Четвертого канала, сообщил, что сеньора Хоффман в последнее время находилась в сильном стрессе из-за работы и проблем в семье и вела себя странно.* Она представила, как Эйтор смотрит на экран телесуфлера. Он будет профессионалом. Как обычно. А горевать станет позже. Ее семья похоронит нечто. А полиция сохранит квантовый нож и десятилетиями будет удивляться, как это у мертвой телевизионщицы оказалось оружие, способное разрезать все что угодно.

Марселина посмотрела вниз, в темноту, где лежала соперница. «Она проиграла, но переиграла тебя. Ты тоже мертва».

Раздались шаги по мокрому камню. Марселина присела, приготовилась защищаться. Перед ней появился какой-то мужчина в свободном темном одеянии, казавшемся бесформенным в ночи. На шее островок белого цвета. Облачение священника?

– Хотите – можете взять меня. Я все равно мертва. – Она распрямилась и развела руки в стороны.

– В сражении с собою невозможно выиграть. – У высокого мужчины была белая кожа, темные волосы и впалые щеки.

Марселине он показался исхудавшим, но не из-за возраста. Он говорил по-португальски со странным, словно бы архаичным акцентом.

– Кто вы? Из Ордена или свободный игрок?

– Я был адмонитором, – ответил мужчина. – А ныне гость. Путешественник. Исследователь. Может, даже вербовщик.

– Исследователь чего?

Ее собеседник улыбнулся. Марселина заметила, что у него очень-очень светлые голубые глаза.

– Это вам известно.

Сирены выли уже близко.

– А вербуете куда?

– А куда еще вербовать, если не на войну?

Сирены смолкли.

– Пойдемте со мной, – сказал священник. – Прямо сейчас. Для вас это единственный шанс. Но придется оставить позади все, на что вы надеялись и что вы любили. Впрочем, вы и так все потеряли. Хотя пути назад есть. Всегда есть пути назад. Идет война, куда более масштабная, чем вы можете себе представить. Это ваш шанс создать вселенную. Вы – творец. Так творите же реальность.

Марселина ощутила, как мультивселенная раскрывается вокруг, словно крылья, где каждое перо – отдельный мир. Священник повернулся, и перед ним распахнулся миллиард дверей.

– Кто вы? – закричала Марселина.

– Разве это важно?

Что это было? «Девушка, восставшая из мертвых» – чертовски классная программа, но, увы, продюсер не может быть звездой своего шоу. Муж, красивые дети от мала до велика и головокружительная карьера – такого с ней не случится. Остается одно.

– Только копом я не буду.

– Нет, что вы, – успокоил ее священник. – Ни в коем разе.

– Тогда ладно, – ответила Марселина Хоффман и шагнула за ним во множество вселенных.

8 апреля 2033 года

Мяч висит без движения на самом верху траектории. Под ним застыли идеальное небо, идеальный закат и идеальное-преидеальное море. Рука тянется вверх и сильным ударом перекидывает шар через сетку. Девушка в красной бейсболке и стрингах в тон принимает его, соединив два кулака – красивый блок. Ее партнерша следит за траекторией полета, готовясь к

прыжку, чтобы отправить мяч отвесно в песок на стороне противниц. Мускулы бедер, живота и плеч идеально различимы. Задницы движутся по математически выверенным кривым. Груди слишком высоко, огромные и твердые, но трясутся, как настоящая плоть. Скулы острые как нож. Носы плоские, губки уточкой.

Девицы до смешного роскошные, но Эдсон не смотрит на них. Он следит взглядом за юношей, который сбивает кокосы, а тот прохаживается по песку с мачете и связкой орехов, перекинутой через плечо. Паренек в отличной форме, у него телосложение пловца, мускулистый, но без излишеств, и мышцы эти натуральные, а не вылепленные скальпелем хирурга. Он ловит на себе взгляд Эдсона и встречается с ним глазами. Кивает головой. На вечер все в силе. Эдсон отворачивается и уходит с пляжа, а за ним мельтешат роботы, разравнивая песок и уничтожая все следы его присутствия. Сказочные девушки даже не отвлекаются от игры.

Пляжи, с сожалением решает Эдсон, очень переоценены. Перед ним поднимается скала «Океана» из титана и стекла. Полторы сотни вертикальных метров поставленного вверх дном общественного порядка. Пентхаусы на одном уровне с полоской пляжа, потом рестораны, бары с видом на море, клубы, казино, роскошные фирменные бутики, которые считают себя слишком эксклюзивными для изобилующих пещерами дождевых лесов торгового атриума «Джунгли! Джунгли!». По соседству апартаменты и отели, выше офисные помещения, еще выше медицинские центры и производственные зоны, а над всем этим аэропорт занимает большую часть полуторакилометрового пространства верхней палубы, только сектор на носу оставили для гольфистов.

Огромный корабль курсирует по бразильским территориальным водам в двух сотнях километрах от Пернамбуку и отбрасывает тень на берег континента к югу. Триста пятьдесят тысяч жителей говорят на тридцати языках. Португальский, единственный язык, понятный Эдсону, среди самых редких и экзотических. Двадцати миллионам тонн не страшны ураганы, циклоны и тайфуны. Ядерный реактор корабля стабильно выдает восемь узлов; плавая по замкнутому кругу континентальных шельфов, корабль находится вне юрисдикции каких бы то ни было государств, в том числе и Бразилии, это бесконечный порт беспошлинной торговли и место, где можно укрыться от налогов. Только вот категорию ему присвоили не ту. «Океан» – это никакой не корабль, а дрейфующий по воде город-государство.

Когда охранники-сегуранса поставили его на колени и велели заложить руки за голову, Эдсон не сомневался, что жить ему

осталось считаные секунды. Штурмовые винтовки нацелились на грабителей штрафстоянки, пока команда наемников натягивала тент на грузовик. Два парня в черном проволокли Эдсона по шершавому асфальту, обдирая кожу с носков его дорогих ботинок, и закинули на заднее сиденье черного тихого автомобиля, который говорил о богатстве своего обладателя куда красноречивее любых украшений на капоте. Там уже сидела, пристегнувшись, Фиа, ерзая от мрачных предчувствий.

– Я попросила привести тебя, – прошептала она, когда автомобиль и грузовик выехали с парковки мертвого торгового центра. – Это не Орден, они не тронут мальчиков. Им нужны только мы. То есть я.

Эдсон и сам понял. Орден не оставил бы в живых никого. Значит, в дело вступил третий игрок.

К третьей эстакаде Эдсон понял, что они едут в сторону аэропорта. Конвой пронесся мимо вооруженной охраны к грузовому комплексу аэродрома. Бизнес-самолеты компании «Эмбраер» стояли на бетонированной площадке перед ангаром, сложив свои крылья, словно змеешейки[238]. Какая-то женщина в безукоризненно сшитом костюме проводила Эдсона и Фиу в один из них. Пока самолет выруливал на взлетную полосу, она демонстрировала аварийно-спасательное оборудование, но это была не просто инструкция для пассажиров, что делать при возможной посадке на воду, но в равной мере демонстрация абсолютной власти над гостями. Эдсон почти не заметил, как самолет оторвался от земли, и впервые покинул город, где родился и жил. Его ввергло в транс единственное слово на бейджике, приколотом на костюме стюардессы, – «Тейшейра». У каждого бизнесмена есть свои святые. Эдсон выбирал в их число тех, кто поднялся из ниоткуда: фавеладу, ставший футбольной легендой; Минас Жерайс, мальчишка, покоривший своим голосом всю страну; паулистано, превративший ларек по продаже кибе в глобальную франшизу; Алкидес Тейшейра.

Он родился безземельным, великий бразильский архетип, страдающий от засухи крестьянин из северо-восточного сертона[239], который, как и многие до него, вступил на путь к серебряному городу. Его легенда началась там, где другие заканчивались: при первом взгляде на башни Форталезы и на фавелы, расползавшиеся вокруг, словно струпья. «Я сидел, уставившись на собственные ботинки, и жена смотрела на улицу» – так он говорил. В итоге они с женой сели обратно в автобус. Водитель не стал брать с них денег. Никто раньше не уезжал обратно. Алкидес Тейшейра взял инвестиционный кредит в MST[240], Лиге Безземельных, и засадил пятьсот гектаров

бесплодных земель сертона генно-модицифированными семенами рапса. Через три года у него уже были мощности обрабатывать три тысячи гектаров. Через пять лет Тейшейра подписал производственные соглашения с «Петробрас» и «Ипиранга»[241] – так появилась «ЭМБРАСА». Через двадцать шесть лет владения Алкидеса Тейшейры простирались на четырех континентах. Он производил зеленую сою и желтый рапс, тихой сапой полз по холмам над фазендой Алваранга. Такой человек должен входить в золотой круг посвященных в секретный порядок мультивселенной. Такой человек осмелился бы использовать данную информацию ради получения прибыли. Экономическое моделирование мультивселенной – специализация Фии в ее мире. Там, где существует разница, где существует граница, всегда можно сделать деньги.

Планы и возможности прокручивались в мозгу Эдсона, когда он смотрел из иллюминатора на зарю, выплескивавшую свет на темную землю так, что та вспыхивала и светилась. Он почувствовал, как у него перехватило дух. Дороги превратились в серебряные провода. Реки были из золота. Каждый миг узор из теней менялся. А потом Эдсон увидел голубой изгиб океана. Он прижался лицом к стеклу. Огромное море, с каждой секундой увеличивавшееся в размерах. Белые пенистые гребни на волнах, белые лодки. Земля исчезла, осталась лишь открытая гладь, и самолет садился прямо на нее. Крылья меняли форму, разворачивались в прямые стрелы. Эдсон почувствовал, как самолет выпустил шасси. Белые барашки волн становились все ближе. Эдсон мертвой хваткой вцепился в подлокотники. Там же ничего нет! Что там надо делать при посадке на воду? Еще ниже. Моторы взревели, пилот слегка задрал нос, и бизнес-лайнер Тейшейры аккуратно приземлился на белую посадочную полосу с черными отметинами от колес. Кругом надписи «Эмбраер»: на стоянке, на диспетчерской вышке и даже на маленьком терминале. Стюардесса поднялась с места, пока самолет еще катился. Она встала в проходе, опершись на подголовники кресел.

– Добро пожаловать на «Океан»!

* * *

Дочери Алсидиса Тейшейры были богинями. Такими их слепили. Крекамей и Олинда. Высокие и бледные после операций, с вялыми руками и бедрами из золота. Существа типа Эдсона Жезуса Оливейры де Фрейтаса не достойны их внимания, но их

удлиненные миндалевидные глаза распахнулись сильнее, чем позволяла хирургия, при виде кибершестеренок, медленно вращавшихся на животе Фии.

«Хоть что-то вы не можете купить, шлюшки».

Алсидис Тейшейра лично провел экскурсию, показав офисы и жилье для сотрудников компании. Герои обычно меньше ростом, чем вы себе представляете, но Эдсон не ожидал, что у его кумира такая плохая кожа. Сертон оставил о себе напоминание в виде оспин от угревой сыпи и отутюженных солнцем морщин. Возможно, на таком уровне благосостояния Алсидис Тейшейра обладал властью заявить: «Мир, живи с этим».

– А здесь вы будете работать.

Симпатичные мускулистые парни в спецодежде с огромными буквами «ЭМБРАСА» уже устанавливали квант-ядра в огромной комнате со стеклянными стенами высоко над морем: синее-синее стекло.

Фиа накинулась на них. «Нет, не здесь, когда солнце окажется с этой стороны корабля, я же ни хрена не увижу».

– Мы с трудом вас поймали, – сказал Тейшейра, – Вы постоянно убегали.

– Просто мы думали, что вы… из Ордена… – промямлил Эдсон.

Тейшейра. Перед ним стоит Алсидис Тейшейра, глава корпорации «ЭМБРАСА», так близко, что можно унюхать его одеколон после бритья, и говорит с ним. А его роскошные дочери движутся за ним, словно видения. Но он не мог отрицать, что испытывает некоторую неловкость, поскольку те пистолейро в Либердаде, от которых Эдсон «спас» Фиу, на самом деле были частными охранниками Тейшейры. Они с успехом бегали от собственного спасения.

– Сынок, раз мы знаем, что Фиа тут, то и про Орден нам известно. Мы можем позаботиться о кучке безумных старых фидалгу.

Эдсон осмелился сказать:

– Господин Тейшейра, если позволите, вы всегда были моим героем. Я ведь и сам бизнесмен.

Всегда имей при себе визитку. Первое правило бизнеса. Он дал карточку Алсидису.

– Бюро по поиску талантов. Похвально, сынок. – Он кивнул в сторону своих роскошных дочерей. – Видишь этих двух? Изабалованные сучки. Просаживают все деньги на сиськи и задницы. – Крекамей, та, что повыше, поблондинистей и постранней, нахмурилась. – Вот тебе работа, если хочешь. Мы найдем тебе что-нибудь, чтобы попрактиковать свои способности,

сынок.

– Господин Тейшейра, если не возражаете, я лучше сам.

За тридцать минут, что прошли после приземления, Эдсон увидел достаточно, чтобы понять, что «Океан» – это корабль смерти. Смерти Эдсона и всех его надежд. Если он превратится в «подай-принеси», то обленится, разжиреет, сопьется, станет принимать наркотики, греться на солнышке и просто растает. Короче, умрет.

Алсидис изумленно взглянул на Эдсона, поскольку не привык к отказам, а потом широко улыбнулся и похлопал его по щуплой спине:

– Конечно-конечно. Я бы сказал то же самое. У жителей Сан-Паулу трудовая этика всегда на высоте.

* * *

Эдсон едет по траволатору вдоль центрального хребта огромного корабля. Перспектива открывается просто потрясающая – так и задумано. Полтора километра по прямой с подъемом на пятьдесят метров. Вдоль стен барочные галереи и купола, рестораны свисают, словно гнезда ткачиков с крыши. Все пространство исчерчено крытыми переходами, шахтами лифтов и эскалаторами. Скульптуры из кинетических материалов сгибаются и раскачиваются в потоках воздуха из кондиционеров. Он здесь свежий, с примесью озона и соли. Главная улица выходит в центральный атриум, где расположился торговый район «Джунгли! Джунгли!», засаженное лесом сердце «Океана». В огромные, словно в соборе, окна «Заката» и «Рассвета» на противоположных бортах корабля пробивается чирикающая, щебечущая, источающая капли и туманы зелень с настоящим фотосинтезированным светом. Кричат попугаи ара, устремляются вниз туканы, порхают райские птицы. Магазины напоминают маленькие, инкрустированные драгоценностями гнезда, притаившиеся среди листвы. А в витринах марки, за которые что Эдсон, что Эфрин убили бы, но его спина пошла бы волдырями от доставшегося на халяву шелка. Правда, Эфрин теперь кажется Эдсону незнакомкой, обыкновенной женщиной, с которой у него когда-то был приятный, элегантный роман. Впрочем, даже Эдсона поражает обилие местных товаров.

С пляжа до дома идти до черта, через сумерки «Океана», но Эдсон понимает, что этот мир убивает Фиу. Он даже не притворяется, будто понимает, чем она там занимается, – как Эдсон подозревает, этого не смог бы объяснить даже мистер

Персик, – но знает, что Фиа, как обычно, притащится из офиса, плюхнется на диван, свернется калачиком у подлокотника и будет молча смотреть «Мир где-то» на своих айшэдах, опустошая запасы холодильника и набирая вес. Секс? Давно забыт.

Так что Эдсон занимается тем, чем занимается, поскольку мужчине положено.

Охранник за стойкой в жилой зоне, паренек из Масейо, смотрит на своем прозрачном рабочем столе «Пиф-паф». Он презирает Эдсона, но должен уважать подпись Тейшейры на его айшэдах. Большую часть рабочих на «Океан» завезли с северо-востока. «К этому ли мы стремились? – думает Эдсон. – Дешевый офшорный экспорт мяса? Нет, Бразилия – государство будущего, и всегда им останется».

В апартаментах такие предметы роскоши, о которых Эдсон даже мечтать не мог, когда фантазировал о домике на берегу в Ильябела: интерактивная стена, спа, массажные кресла, безопорная кровать, которая запоминает, в какой позе любит спать владелец, и принимает нужную форму. Сам Эдсон ложится на раскладном диване в гостиной. «Фиа работает, ей нужно нормально высыпаться», – говорит он себе. Солнце пробивается сквозь стеклянную стену и будит его каждое утро. Он приносит Фии кофе, а сам уходит с чашкой на балкон, чтобы понаблюдать за рассветом над океаном. Даже без поцелуя. «Вот и все, Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас, – повторяет он себе, сидя за столиком на балконе и ощущая тепло на своем лиц. – Как ты хотел».

– Привет.

Квартира погружена во тьму, но внутри разлиты лунные лучи и свет, отраженный от воды. «Океан» проходит через широкую полосу фосфоресценции. Эдсон тянется к выключателю.

Вздох.

– Не надо.

Фиа на балконе, сидит в трусиках и майке, прижавшись к перегородке. При свете океана Эдсон видит, что она снова плакала. Он знает ее непроходящий страх: Фиа – кандидат наук в области квантового экономического моделирования, которая провалилась из одной вселенной в другую благодаря удаче и отчаянию, и теперь от нее ждут, что она сможет вразумить самых лучших теоретиков, каких только можно нанять за деньги Тейшейры. Она боится, что в один прекрасный день кто-то из них обыденным тоном спросит: «А кто сказал, что тебе это по плечу?» Эдсон всю жизнь опережает этот вопрос на один ответ.

– Ты в порядке?

– Нет. Ты хочешь знать, Эд?

Она придумала ему такое прозвище. Эдсону оно не нравится. Он такую ипостась не создавал, но сейчас скидывает ботинки и выскальзывает из пиджака. Воздух мягкий, теплый, как кожа, и солоноватый. Он никогда не думал, что море пахнет так странно, словно бы ненавидит землю и всех, кто оттуда явился.

– Хочу знать что?

– Хочешь знать, какую тайну хранит Орден? Мы ее выяснили. Это сногсшибательно, Эдсон. Вот скажи мне, почему мы одиноки? Почему во вселенной только люди наделены интеллектом?

– Я знаю про этот спор. Мне рассказывал мистер Персик. Даже называл какой-то там парадокс.

– Парадокс Ферми, ты это имеешь в виду. Помни о нем, пока я задам тебе вопрос номер два: почему математики так хорошо объясняют физическую реальность? Что такого в числах и логике?

– Ну, существует вселенский квантовый компьютер…

– И о нем тебе тоже рассказывал мистер Персик.

– Не смейся над ним. Я тебе уже говорил. Не смейся над ним.

Фиа слышит ярость в голосе Эдсона.

– Прости. Хорошо, ваших отношений я никогда не пойму. Но почему суть реальности должна заключаться в вычислениях? Почему реальность должна быть огромной системой рендеринга, мало чем отличающейся от масштабной и очень сложной компьютерной игры? Почему все должно выглядить как подделка? Если только реальность и правда подделка. Или повтор. Может, внеземных цивилизаций нет, поскольку то, что мы считаем нашей вселенной, это лишь грандиозная имитация, симуляция, запущенная с помощью огромного квантового компьютера? Перезапуск. И все остальное – тоже перезапуски?

Эдсон обнимает ее за плечи:

– Пойдем. Тебе надо прилечь, ты устала.

– Нет, Эдсон, послушай. До того, как мы убили Амазонку, там, в моем мире, существовала легенда. Якобы мир создал ягуар, но у него плохо получилось, все закончилось на третий день, и мы – мы и все, что мы мним реальностью, – это лишь сны, что приснились на третью ночь. Это правда, Эдсон, правда. Мы – сны. Все мы – призраки. Подумай! Если универсальный квантовый компьютер может точно воссоздавать реальность множество раз, то какова вероятность, что мы самая первая, оригинальная копия, в отличие от всех остальных? Хочешь цифр? Могу привести тебе цифры. Мы все подсчитали. Так вот, вероятность очень-очень-очень мала… Настоящая вселенная погибла уже давным-давно, мы все призраки в конце времен, в смертельном окончательном холоде. Процесс постепенно замедляется, но никогда не остановится, перезапускаясь снова и снова, и нам не выбраться

отсюда. Никому. Вот что прячет от нас Орден. Мы – не люди. Мы – призраки людей, задействованные в масштабной квантовой симуляции. Все мы. Все миры. Все вселенные.

– Фиа, пойдем, тебе нехорошо, я помогу.

Эдсону не хочется слушать про Орден, сесмариа и убийц. Он набирает на кухне воды. У нее нездоровый вкус, словно морскую воду пропустили через слишком множество мочевых пузырей. Эдсон добавляет немного порошков из аптечки. Она слишком много работает. Теперь вот несет какой-то бред.

– Пойдем, поспи.

Она – крепкая девушка, еще больше раздобревшая на нездоровой пище вкупе с отсутствием спорта и тоской по дому. Эдсон провожает ее до кровати.

– Эд, мне страшно.

– Тссс, спи, все будет нормально.

Глаза Фии закрываются. Она вырубается. Эдсон поправляет подушку. Он долго смотрит на Фиу которая погружается в сон, как монетка в воду. Затем надевает свои начищенные туфли, одергивает помятую на бедрах рубашку и идет на встречу с кокосовым мальчиком. Может, все и фейк, ложь и жульничество, но это мир, в котором мы оказались, и нужно как-то устраивать свои маленькие жизни.

* * *

Кокосовый парень ждет Эдсона позади двухуровневых помостов на поле для гольфа. Сети, в которые летят мячики, залиты светом, кроме того рассеянное сияние поднимается от стального моря далеко внизу. Раздается свист.

– Привет.

– Привет.

– Небольшая задержка. Но ждем кое-чего еще для начала.

Приятный мелкий бизнес. Кокос и другие временные рабочие прилетают на корабль по ночам, привозя с собой самые прекрасные переключатели настроений из Пернамбуко. Это не запрещено законом, на экстерриториальном «Океане», где корпорации правят, как колониальные капитаны-донаторы[242], вообще мало что вне закона. Но и полностью легальными эти вещества назвать нельзя. «Океан» – это теневая экономика на ядерной энергии, а в таких условиях Эдсон чувствует себя как кошка в фавеле. Модификаторы личности – ходовой товар. Эдсон пустил корни на клубном уровне, и его бизнес-план предсказывает, что в течение шести месяцев количество их на

«Океане» удвоится. Господи и Богоматерь, этим бландроидам[243] нужны все ипостаси, какие они только могут получить. А еще сегодня, сегодня, сегодня приедет восемь килограммов препаратов из фарма-шопа в Ресифи, а всем известно, что в вопросах химии жителям северо-запада нет равных во всей Бразилии.

Огоньки вспыхивают на темном небе и быстро приближаются. Теперь слышен шум двигателя. Выросший на линии полетов Эдсон давно отметил, что авиационные двигатели не наращивают громкость постепенно, переходя от шепота к слышимому звуку, а потом к реву, нет, громкость врубается сразу, словно из ниоткуда. Квантовый шум. Вполне уместно в поддельной вселенной Фии.

– Другой рейс, – говорит Кокос. Он уже подружился с работниками аэропорта.

– Вообще не похоже на самолет, – говорит Эдсон.

Черный вертолет, видимый только в лунном свете, отражающемся от гладких боков, скользит над «Океаном». Эдсон и Кокос видят на фюзеляже эмблему бразильских ВВС. Вертолет снижается, но не приземляется, зависнув в полутора метрах над аэродромом. Дверца открывается. Какая-то фигура выпрыгивает, с легкостью приземляясь на полосу, быстро поднимается на ноги и удаляется, и в тот же момент вертолет взмывает ввысь и улетает прочь. Он подрагивает в небе, а потом исчезает в ночи, задействовав стелс-системы[244].

– Черт, – бормочет Кокос.

– Назад, – велит Эдсон. – Прячься.

Его яйца похолодели и напряглись. Что-то не так. Яйца никогда не обманывали. Даже когда он был Эфрином. В диспетчерской вышке зажигается свет, охранники бегают вокруг, не совсем понимая, что произошло и что им делать. Бегущая фигура замирает метрах в пяти от того места, где за пластиковым баннером со словами приветствия укрылись Кокос и Эдсон. Человек поворачивается. В рассеянном свете прожекторов, которые освещают поле для гольфа, виден какой-то предмет, подвешенный у него за спиной. Сначала Эдсон думает, что это кость, что-то странное. А потом понимает, что это лук, изготовленный по индивидуальному заказу. Пока человек бежит тихо и проворно в сторону пожарной лестницы, Эдсон замечает еще кое-что – незабываемое голубое свечение, которое, похоже, испускают наконечники стрел. Квантовые лезвия.

* * *

В двенадцать лет Янзон мог попасть в глаз обезьяне, спрятавшейся среди ветвей и листьев на самом высоком и пышном дереве. Во время эпидемий обезьяны не годились в пищу. Янзон стрелял исключительно чтобы продемонстрировать свои выдающиеся способности. После пятой пандемии, которая уменьшила численность народа игуапа до двадцати душ, он проделал долгий спуск по белым и черным водам до Манауса. Зарабатывал деньги меткостью, когда люди делали ставки в уличных состязаниях лучников. Когда против него перестали ставить, над ним взял шефство один богатый человек, который привел его в надлежащий вид, чтобы Янзон представлял Бразилию на Олимпийских играх. В 2028 году на Олимпиаде в Лусоне он выиграл золотые медали во всех стрелковых дисциплинах. Робин Гуд с Риу ду Ору, писали о нем газеты, последний из игуапа. Но память утекает как река, в итоге Янзон скатился вниз, сначала работал за смешные деньги, потом и вовсе спился, как вдруг однажды утром на его пороге появился аристократичный алва и предложил работу с перспективами путешествий за гранью воображения. Его старая душа не удивилась. Игуапа всегда знали о лабиринте из миров и караиба, которые путешествуют между ними.

Сейчас он легкой поступью сбегает по пожарной лестнице «Океана», ведущей из аэропорта в самое сердце огромного корабля. Янзон дотрагивается до оправы своих айшэдов: схема, подкрашенная закатом, проецируется на зрачок. Он видит сквозь перегородки, может заглянуть в запертые помещения, через стены и потолки. Удивительная технология. Мир, где местоположение всего и вся можно обнаружить одной мыслью. Мир, где нельзя спрятаться греху. А еще здесь музыка, телевизор, кино. Не в первый раз он размышлял, чего могла бы достичь его Бразилья, если бы не семь эпидемий чумы.

Правая рука придерживает лук. Устрашающе прекрасное и смертоносное оружие. Плечо лука печатали молекула за молекулой из углеродного нановолокна, оно подходит к его хватке, как молитва к боли, а стержни стрел изготавливались из алмазных нитей. Шестеренки из чистого титана позволяют создать тягу в сто килограммов без особых усилий одним рывком. Гиродатчики в зазорах плеча обеспечивают исключительную устойчивость и свободу от вибраций. Янзон может прицелиться и выпустить три стрелы, а еще одну вложить в тетиву до того, как первая успеет попасть в цель. Если бы вы увидели это оружие в действии, то сказали бы, что оно прекрасно, но злое, правда, слова не успели бы даже слететь с ваших губ, как Янзон пронзил бы вас своей стрелой. Реальное зло кроется отнюдь не в луке, а в

стрелах.

Янзон, последний лучник игуапа, первый охотник Ордена, прибывает на Авенида Корпорансан. На главной бизнес-артерии «Океана» прохладно, здесь свежий воздух и пахнет кипарисами. Прикосновение к айшэдам Янзона ослепляет камеры безопасности, однако барочные двойные двери офиса «ЭМБРАСА» противостоят его коду. Вот что получается, когда полагаешься в делах на наследственную аристократию. Любители. Сесмариа Буэнос-Айреса справились бы с этим, но они боятся, что Земба появится снова, как тогда, в церкви, когда она уничтожила клан в Сан-Паулу. Пусть только придет. Янзон давно предвкушает возможность помериться с ней силами: ее боевое искусство против его квант-лука. Убить исследователей, разрушить квантовые ядра, и тогда вертолет вернет его в точке перехода квантового компьютера и обратно в квартиру на пляже во Флорианиполисе. Надо что-нибудь купить в Бразилии Розмари на ее шестой день рождения. Было бы неплохо привезти пару таких айшэдов, но, наверное, дома они не будут работать. Устранение персон настолько заметных, как этот бизнесмен, никогда не проходило чисто, но в другом месте Янзон видел каждого из великих людей в роли попрошайки.

На двери квантовый код. Аминь. Все, что кванты запечатывают, они же и открывают. Он достает квант-нож и одним точным движением вырезает дверь из рамы. Две половинки секунду висят, а потом падают на плетеную траву ковра в приемной. Когда подошвы ботинок Янзона крушат лица барочных ангелов и демонов, в его расширенном поле зрения срабатывает бесшумная сигнализация.

* * *

Эдсон молотит по кнопке вызова лифта. Все его уличное чутье, каждый ген маландражен говорят, что нельзя доверять лифту, когда от него зависит твоя душа и любовь. Но он же видит, что там внизу на лестнице. Приехал! Тупой, какой же тупой лифт А1! Да плевать я хотел на технику безопасности. Моя женщина там внизу, с адмонитором Ордена, вооруженным квант-луком. «Мы можем позаботиться о кучке безумных старых фидалгу», – сказал ему тогда Тейшейра. А вот и не можете. Им плевать на ваши деньги, на вашу империю, на ваших покровителей в правительстве и на вашу собственную власть. Они вне экономики.

Лифт желает Эдсону спокойной ночи. Двери открываются

навстречу хаосу. Огромная барочная дверь штаб-квартиры «ЭМБРАСА», конфискованная из церкви в Олинде, валяется на полу. Двадцать лампочек сигнализации мигают. Противопожарная система в панике заливает водой массивную деревянную стойку регистрации посетителей. За которой никого нет. Ему почудились отпечатки рук на ковре. Топот ног, голоса потрескивают на каналах связи. Охранники Тейшейры будут стрелять в любого, кого увидят. Убирайся отсюда, Эдсон Жезус Оливейра де Фрейтас. Но после разведки он чуть успокоился. Адмонитор начал с корпоративных помещений. Значит, у Эдсона есть время добраться до собственных апартаментов.

Янзон видит охранников, бегущих по двум коридорам. Одного он уложит, а второй убежит. Его оружие слишком дорогое, даже для Ордена, так что стрелы нужно приберечь для обязательных целей. Его миссия на этом уровне завершена, все цели поражены. Айшэды отслеживают две фигуры через стену. Одним убийственным движением он выхватывает стрелу из магнитного колчана, вкладывает в лук и натягивает тетиву. Сложная система блоков и рычажков лука движется с молекулярной точностью. Пли! Стрела с квант-наконечником летит сквозь стену, через комнату и противоположную стену, пролетает через всю штаб-квартиру компании «ЭМБРАСА», пронзает стеклянную стену «Океана». Вспышка синего цвета – и человек повержен, лежит в луже крови, расползающейся по бугристой черной резине. Янзон выскакивает из-за угла и натягивает вторую стрелу. Выживший в ужасе поднимает руки, роняет пистолет, как и предполагалось, спасается бегством. Янзон читает короткую молитву об упокоении усопшего. Господь получил свое. Если охранник не знал Господа нашего Иисуса, то должен подготовиться к озеру огненному. Янзону еще не доводилось посетить вселенную, где не знали о Спасителе. Он видел истинный масштаб могущества Господа. Горящие иконки, какими выглядели на айшэдах охранники Тейшейры, двигались хаотично в панике и страхе. Проскользнув внутри их нерешительности, Янзон бежит по пожарной лестнице, перепрыгивая через ступеньки, вниз, туда, где расположены жилые помещения.

* * *

Фиа бормочет в химическом сне, тихонько гулит, как ребенок, а потом выдает:

– Теория вычислительной эквивалентности! Если что-то

может быть компьютером, значит, все может быть компьютером! Ах!

Эдсон снова расталкивает ее.

– Поднимайся!

Она зарывается лицом в подушку.

– Что? Уходи! Дай поспать.

– Орден здесь!

Фиа садится с широко открытыми глазами, словно наэлектризованная и проснувшаяся на тысячу процентов.

– ЧТО?

Эдсон закрывает ей рот ладонью. Звук, запах, состояние воздуха, в котором ощущается покалывание электричества, – все органы чувств фавеладу подсказывают, что смерть уже рядом. Он хватает айшэды, свои и ее, швыряет на постель и стаскивает Фиу на пол. Старый и самый лучший трюк маландру. Они слишком верят в свои арчиды и в Ангелов Постоянного Надзора. Когда Эдсон затыкает Фии рот, две яркие вспышки ионизированных молний пронзают кровать, и та взрывается двумя фонтанами перьев и пены. Эдсон напрягает все свои органы чувств, чтобы уловить мельчайшие изменения в давлении, шорохи за гранью слышимости, квантовую разницу в полоске света из-под двери.

– Он ушел. Теперь следуй за мной. Ни слова!

Схватив Фиу за руку, он бежит на балкон. Дурацкие, дурацкие, дурацкие апартаменты для богатеев с одной дверью. Эдсон смотрит на океан. Наверху завис черный вертолет в ожидании рандеву с ад-монитором. Вниз долгий-долгий прыжок в железное море. Эдсон тычет пальцем в сторону соседних апартаментов:

– Сюда.

Брюки с завышенной талией и рубашка с гофрированным передом – не самый лучший наряд, чтобы лазать по балконам круизного лайнера весом в двенадцать миллионов тонн и длиной в полтора километра. Эдсон забирается на перила, встает ровно, а потом, вознеся молитву эшу, перепрыгивает на соседние.

– Раз плюнуть. Просто не смотри вниз.

Фиа, слегка помедлив, неуклюже преодолевает препятствие.

– Ух ты! Только посмотри на меня!

Эдсон прижимает палец к губам. В апартаментах вокруг них загорается свет. Он слышит вдалеке сигналы тревоги, над головами и далеко внизу к ним стекаются машины охраны. Большой корабль копошится, словно муравейник, который полили аккумуляторной кислотой. Охотник все еще тут.

* * *

Янзон, адмонитор Ордена, двигается не встречая сопротивления, по жилым бульварам корпорации Тейшейры, расправляясь с врагами Ордена. Его начинают раздражать сирены, поэтому приходится убить еще парочку особенно бесстрашных охранников, но он и так уже посеял ужас и панику по всей штаб-квартире «ЭМБРАСА». Ему как-то раз показали порядок, который насаждает Орден. Когда он путешествует между мирами, наслаиваясь на все свои альтер-личности – это правда. Существует один универсальный разум, и все сущее – его представления. Прелаты и президенты, понтифики и премьер-министры называют его Парусиа[245], конец времен, но простому верующему он скорее известен как Царство Божие. Враг говорит, что это ложь, и мир – это бесконечно повторяющийся сон, который постепенно теряет скорость по мере замедления мультивселенной, и они стремятся разбить его, разбудить спящих. Называют это свободой и надеждой. Но для Янзона это гордыня, отрицание и бесконечное падение в небытие. Сон необязательно бывает ложью.

Он поднимает голову. Через три этажа Алсидис Тейшейра пытается спастись бегством в окружении охраны. Они вооружены до зубов и снабжены сенсорами. Мало пользы, когда имеешь дело с охотником, умеющим стрелять через перекрытия. Янзон вкладывает стрелу в лук и прицеливается в потолок. Потом резко разворачивается. Множество людей. Быстро приближаются. Моряки «Океана» обнаружили его. Янзон опускает лук и убегает. Теперь его миссия – уничтожить квантовые ядра и добраться до места, откуда его заберет вертолет. Или убить себя. Орден всегда понимал, что его агенты унесут в могилу свои секреты. Одно быстрое и легкое движение квант-ножом. Почти случайное в своей обыденности. Янзон всегда воображал, каково это. Он представляет, что плоть разверзнется на квантовом уровне, словно серебро, причем так незаметно и безболезненно, что ты заподозришь неладное, лишь когда кровь начнет хлестать из раны. Никакой боли. Вообще никакой. И никакого греха. Совсем никакого.

* * *

Эдсон считает балконы. Одиннадцать, двенадцать.

– Меня тошнит, – шепчет Фиа.

– Здесь.

За занавесками горит свет. Если бы у него был квант-нож, то Эдсон прорубил бы себе аккуратный проход, огромный круг из стекла просто упал бы перед ним на пол. К сожалению, ничего нет, но он верит, что строители «Океана» построили его дешевым и хлипким, с минимумом расходов, как и всегда, когда работают на богатеев. Он хватает стойку, размахивается и ударяет. Дверная коробка вываливается целиком и провисает внутрь.

– Беги! – вопит Эдсон голому пареньку лет двадцати с небольшим, который испуганно стоит посреди комнаты.

Тот вскрикивает и пулей летит в ванную. По подсчетам Эдсона они должны быть напротив лестницы. Даже адмонитору не успеть поймать их, когда они метнуться от двери к ступенькам. Это точно. Он распахивает дверь. Коридор кишит патрульными «Океана». Прицельные лазеры скользят по стенам, полу и потолку. Лучи пересекают пятку Эдсона, когда он толкает Фиу вверх по лестнице.

– Но там же квантовый компьютер, – говорит Фиа.

– Я в курсе, – мрачно отвечает Эдсон, – Это единственный способ покинуть корабль. Ты справишься? Придется справиться.

Они покидают шахту лестницы в тот момент, когда из-за угла выходит Янзон. Их спасает только тот факт, что они уже должны быть мертвы. Воспользовавшись секундным замешательством, Фиа бьет по сканеру безопасности, Эдсон заталкивает ее внутрь, и они оба приседают. Над ними, на том уровне, где должны быть их головы, проносятся через все помещение синие вспышки, напоминающие молнии.

– Пошли, он может прорубить себе проход, как сквозь масло, – говорит Эдсон.

Внутренний замок открывается, распознав сетчатку Фии. Внутри четыре украденных квантовых ядра и такой беспорядок, какого Эдсону в жизни видеть не доводилось. Всякие бабские журнальчики, косметика, банки из-под газировки, обертки от еды, скомканные салфетки, носки, туфли, ручки, стаканчики из-под кофе с плесневелой корочкой на дне.

– Это оно? – спрашивает Эдсон.

Ворота в мультивселенную. Фиа стянула с себя майку. Это кажется Эдсону крайне сексуальным. Венчики серого света мерцают вокруг зубцов шестеренок на ее животе, и те начинают вращаться. Квантовые ядра отвечают призрачным светом других вселенных. Это же террейру, думает Эдсон. Мусорная магия. Громкий удар подсказывает Эдсону, что охотник уже во внешней лаборатории. Разумеется. Может, они и невидимы для него, но он

хочет добраться до ядер. Орден – воистину иезуитская организация в своей скрупулезности. А в эту комнату без окон ведет одна-единственная дверь. Нет же, есть миллион дверей, даже миллиард. И при этой мысли они открылись. Эдсон пошатнулся, моргая от яркого серебристого света. Какие-то силуэты, он словно потерялся в зеркальном лабиринте, со всех сторон простиралась вдаль вереница из тысяч Эдсонов. Самые ближайшие к нему были зеркальным отражением, но постепенно появлялись еле заметные отличия в одежде, в стиле, в телосложении, пока, ослепленные светом мультивселенной, не превращались в ангелов, сияющих, словно ориша. Он чувствовал их, знал их, каждая деталь их жизни была ему доступна, стоит только посмотреть. Все запутанно. Он узнает их, они узнают его и один за другим разворачиваются к нему. От призрачного ветра рыжие волосы Фии развеваются. Она как маи ду Санту[246], и все ее сестры тоже здесь. Некоторые двери пусты, как замечает Эдсон. А еще он замечает, как пластиковые панели с визгом расходятся на квантовом уровне. Он поворачивается, когда квант-нож завершает круговое движение. Стены с грохотом обрушиваются вперед. На янтарных айшэдах убийцы множество данных, траекторий и убийственных изгибов, но во всем этом нет необходимости, поскольку обе жертвы здесь и сейчас у него на кончике стрелы.

– Давай, Фиа! Куда угодно! – Кричит Эдсон, когда охотник стреляет. И тут время превращается в гель, затем застывает, когда стрела вырывается из лука, прочерчивая линию излучения Черенкова[247] в воздухе. Эдсон видит, что она летит прямо ему в сердце, но потом следует скачок – квантовый скачок, и вот уже стрела совсем в другом месте, влетает в другую дверь, мерцая по пути от вселенной к вселенной, а вероятность убить Эдсона Жезуса Оливейру де Фрейтаса стремится к нулю, а он входит в суперпозицию со всем одновременно. Охотник издает бессвязный, полный ярости вопль, бросает свой удивительный лук и выхватывает квант-нож. И тут откуда-то сверху материализуется четвертая фигура: невысокая белокурая женщина, чудесная капоэйристка, а вместе с ней тысячи, миллионы ее альтер-личностей по всей мультивселенной. В один миг она еще в соседней вселенной, а в следующую секунду уже оказывается в этой, рядом с Эдсоном, тяжело дыша.

– И снова здравствуйте, – говорит она, защелкивая один наручник вокруг запястья Эдсона. Затем ныряет, уворачиваясь от квант-ножа, и наносит сокрушительный удар убийце в солнечное сплетение, от чего тот сгибается от боли и выскакивает из святая святых. Тогда незнакомка защелкивает второй наручник на

запястье ошеломленной Фии. – Вы бы оказались за двести километров в Атлантическом океане. А там вы нам ни к чему.

Она тянет за цепочку, которая сковывает Эдсона и Фиу. Двери широко распахиваются, и они проваливаются сквозь каждую из них в столб серебряного света. Миллиарды жизней и смертей вспышкой проносятся через Эдсона. Ему хочется плакать, писать, блевать, смеяться, молиться, эякулировать, славословить и реветь в экстазе. А потом он оказывается на свету, на залитом солнце и влажном от дождя бетоне, рядом с низкой оградкой вокруг статуи, изображающей какого-то мужчину в футбольной форме, который держит в руке факел, – такие бывают только в скульптурах и на эмблемах политических партий. Мужчина отлит в бронзе, а сбоку на постаменте висят таблички из того же ритуального металла с именами. Легендарные имена, имена галактического масштаба. Жаирзиньо, Роналду Феномен, Сократес и его тезка Эдсон Арантис ду Насименту, более известный как Пеле. Перед ним резные триумфальные ворота, подернутый плесенью бетон выкрашен белой и синей краской, и надпись: «Стадион Марио Филью». Маракана.

* * *

– **Р**ио? – устало спрашивает Фиа таким тоном, словно стоит произойти еще одному чуду или ужасу, и она свалится в канаву, зароется в мусоре.

– Что здесь происходит? – требует ответа Эдсон, нахмурившись при взгляде на подернутые патиной таблички. – Где Селесан, выигравший чемпионат мира 2030 года здесь и 2018 года в России?! Где мы?

– Вопрос сложный, – отвечает блондинка. – Понимаете ли, мы вообще не во времени. Мы вне его. Просто так получилось, что это безвременье выглядит как Маракана из моей эпохи. В том времени, откуда я, мы еще не победили. Мы проиграли. Вот в чем суть. И это не настоящий Рио. Вам нужно только выйти за пределы зоны высадки, и сами все увидите.

Эдсон практически волочит Фиу. Наручники, наручники. Он-то и забыл, что они скованы одной цепью. Фиа все еще ошарашенно озирается под остаточным действием от двух таблеток снотворного.

– Чертовски извиняюсь, – говорит женщина и ищет ключ в кармане брюк. – Я просто не хотела, чтобы вы разлетелись в разные стороны. Если бы вы разлучились, то мы бы вас больше никогда не нашли.

Два щелчка, после чего женщина вешает блестящие хромированные наручники на пояс. Эдсон потирает запястья. Он никогда не хотел соприкасаться с этими полицейскими прибамбасами.

– А вы кто? Типа коп? – Бросает он через плечо, идя по мостовой.

– Эй! Я – не коп! – фыркает женщина.

И тут Эдсон обнаруживает странную вещь: пока он стоит между флагштоками, которые обозначают границу тротуара, и наклоняет голову из стороны в сторону, деревья и офисные здания через дорогу наклоняются вместе с ним.

– Что здесь такое творится?

В тот же момент Фиа подает голос:

– И где все люди?

– Кофе! – заявляет женщина. – Это нужно объяснить за кофе.

Она заказывает три кафезинью у чернокожего старика с седыми-преседыми волосами, стоящего за крошечным прилавком перед колоннадой, которую Эдсон раньше не видел. Кофе черный, сладкий и очень горячий, даже сквозь маленькие прозрачные пластиковые стаканчики, но эти кариока не умеют варить кофе. Только жители Сан-Паулу. Они кофе выращивают, они в нем разбираются.

– Считайте это своего рода съемочной площадкой, только здесь все реально, – говорит женщина. Старик локтями опирается на крошечный прилавок. – Настолько же реально, как и все остальное. Это безопасное убежище. У нас таких сотни, а может, и миллиарды. Конкретно это оказалось по размерам и форме как стадион Маракана образца 2006 года. Болельщица из меня так себе, но это место имеет для нас особое значение. У нас еще куча мест, но тут нечто наподобие офиса. Так сказать, корпоративная штаб-квартира. Крепость Уединения.

Фиа медленно оглядывается, распахнув глаза, как героиня манги.

– Это карманная вселенная. Как умно. Вы нашли лазейку в мультивселенский квантовый компьютер и хакнули его.

– Ну это очень маленькая вселенная, как я уже сказала, сюда влез только стадион. Мне бы хотелось пляж, может Корковаду, Сахарную Голову, Копу, но большие проекты мы не осмеливаемся. Орден знает, что мы где-то есть, просто они пока не смогли нас найти.

Эдсон сминает стаканчик и выкидывает его. Порыв ветра несет пластик по потрескавшемуся бетону.

– Но это ведь по-настоящему, кофе был горячим и отвратительным. Как вы делаете что-то из ничего? Я тут все могу

потрогать, почувствовать.

– Не из ничего, – говорит старик за прилавком. – Это время и информация – самое реальное, что только есть в мире.

– Вы можете перепрограммировать мультивселенский квантовый компьютер, – говорит Фиа, и ее глаза светятся пониманием. Женщина и старик переглядываются.

– Ты все поняла, – говорит женщина с бесцеремонной улыбочкой. – Я знала, что мы насчет тебя не ошиблись. Ну, думаю, вы уже готовы попасть внутрь. Сначала это может несколько… дезориентировать, но потом привыкнете.

– Минуточку, – требовательным тоном заявляет Эдсон. Фиа, капоэйриста и старик, не умеющий варить кофе, уже стоят возле бело-синей колоннады. – Прежде чем я куда-то пойду, ответьте, кто вы такие?

Женщина всплескивает руками и трясет головой от злости на саму себя.

– Совсем забыла. Просто столько всего, что совершенно вылетело из головы. – Она протягивает руку Эдсону. – Меня зовут Марселина Хоффман. Я известна как Земба. Что-то наподобие супергероини. Появляюсь в последний момент и всех спасаю. А теперь пойдем, еще много нужно вам показать.

Эдсон коротко пожимает протянутую руку. Оглянувшись через плечо, он уже не видит кофейный ларек, вместо него подрагивают фигуры, которые скорее угадываются, чем явственно видны: призраки чернокожего старика, невысокой белой женщины, девушки с японскими корнями и женоподобного парня в безупречном белом костюме.

– Значит, Бразилия действительно выиграла в 2030 году? – Старик идет по пятам Эдсона, пока тот спускается по наклонному туннелю. Эдсон сбавляет шаг, его спутник шепчет: – Она и впрямь ничего не смыслит в футболе. Телевидение – вот ее стихия. Была.

– Да, мы выиграли. В матче против США.

– США? – переспрашивает старик, а потом начинает хохотать с таким страшным присвистом, что Эдсону кажется, будто у него сердечный приступ. – Янки играют в футбол? На чемпионате мира? А счет-то какой?

– Два-один.

– Хах! А Уругвай?

– Не проходил квалификацию с 2010 года.

Мужчина потрясает кулаком:

– Ха! Сынок, вот уж порадовал старика. Просто осчастливил.

Смех бурлит в нем всю дорогу, пока они идут по извилистому коридору, увешанному фотографиями великих и знаменитых. Эдсон останавливается. Что-то в портрете одного вратаря

привлекает внимание. И дата. 16 июля 1950 года.

– Это ведь вы, не так ли?

– Но сделан он не на настоящем стадионе Маракана. Я про тот, откуда я родом. Там подобного фото не было.

Марселина открывает дверь, ведущую в президентскую ложу. Эдсон делает шаг навстречу слепящему свету. Его приветствуют двести тысяч душ. Он спотыкается, но потом выпрямляется и элегантной походкой движется по устланной красным ковром лестнице, туда, где за ограждением стоит Фиа, сияя от всеобщего внимания. Дамы и господа! Позвольте представить вашему вниманию Эдсона Жезуса Оливейру де Фрейтаса! Суперррррррррзвезду!

– Я предупреждала, что будет немного неожиданно, – говорит Марселина.

Сначала глаза деспотично заявляют, что здесь двести тысяч фанатов, но уши сообщают кое-что иное, куда более странное. Битком набитый стадион молчал. Ни радостных воплей, ни пищалок, ни грохота оркестра или самбы от группы поддержки. Ни единого фейерверка. Ни крика комментатора «Гоооооооооооол Бразилии!». Стадион призраков. Потом глаза координируются с ушами, и Эдсон видит нечто, похожее на то, как ветер дует по высоким, почти вертикальным трибунам, словно огромные шелковые флаги передаются из рук в руки по огромному кругу. Эта волна колеблется между мирами, между реальностями, между Флуминенсе и Фламенгу, между десятилетиями. Фанаты из миллионов вселенных ликуют на этом стадионе Маракана вне времени и пространства.

– Я поняла, что не могу сосредоточиться, когда кругом такой шум, – говорит Марселина.

Внизу, на священном зеленом поле, матч в разгаре. Эдсон инстинктивно понимает, что это за игра, ведь все остальные не важны. Но это не один Роковой финал, а тысячи, мелькающих друг над другом: призраки игроков переходят между мирами, удары от ворот летят в самые далекие уголки мультивселенной. Эдсон наблюдает, как проклятый всеми Барбоза с удрученным видом вылавливает мяч из сетки, а потом реальность меняется, и вот он выкатывает его мимо бомбардиров, делая длинную передачу Жувеналу.

– Я уже привык, – объясняет Моасир Барбоза. – В среднем мы чаще выигрываем. Но только послушай, в матче с США два-ноль. В голове не укладывается.

Эдсон отрывает руки от поручней:

– Ладно, это все замечательно, и я готов поверить, что нахожусь в каком-то пузыре вне времени и пространства, в

маленькой частной вселенной или как там ее, но у меня есть вопрос. А зачем все это?

Марселина аплодирует. Звук разносится по зловеще тихому стадиону Маракана.

– Правильный вопрос!

– И каков ответ?

– Вселенная – оригинальная вселенная, та, в которой мы проживали наши жизни в первый раз, – умерла очень давно. Ну не совсем умерла, вселенная не умирает, просто расширяется настолько, что каждая из ее частиц оказывается на таком расстоянии от остальных, что вполне сама может быть вселенной. Мы еще не достигли этой стадии. Пока что вселенная просто старая и холодная, у нее не хватает энергии для поддержания жизни или любого другого процесса, кроме квантовых вычислений. Но разум всегда пытается найти выход, способ, как не умереть вместе со звездами, поэтому он создал масштабную квантовую стимуляцию собственной истории и проник в нее. Мы переживаем одно и то же снова, и снова, и снова, только процесс идет все медленнее, поскольку вселенная остывает, стремясь к абсолютному нулю, пока в конце времен не остановится, и тогда мы застынем в настоящем навеки.

Эдсон, всегда такой худой и недоедающий, дрожит в своем красивом белом костюме маландру.

– Я жив, – заявляет он.

– Да и нет. Точная симуляция почти неотличима от реальности. Правда, если приглядеться, начинают появляться трещинки.

– Квантовые странности, – кивает Фиа.

– Они неизбежны. Квантовая сущность симуляции всегда выдает свою истинную природу. Именно это призван защищать Орден.

– Фиа сказала, что сесмариа – это старые семьи фидалгу. Как давно мы знаем об этом?

– Думаю, отдельные люди, которые понимали, как устроена мультивселенная, всегда существовали. Но Орден появился только в середине восемнадцатого века, когда один французский исследователь привез из Амазонки наркотическое вещество, которое позволяет разуму оперировать на квантовом уровне.

У Эдсона кружится голова. Пожалуйста, хватит, хватит. Дайте мне солнце и пива, Королеву футбола и выгодную сделку.

– Мы мертвы. Мы призраки. И что? Все равно мы в конце умираем.

Он чувствует, как Фиа сжимает его руку.

– Так не должно быть, – говорит она. – Вся имеющаяся

энергия идет на поддержание работы мультивселенского квантового компьютера.

– Который Орден называет Парусиа.

– А вместо этого энергию можно было бы пустить на что-то другое. Что-то непрогнозируемое. Случайное квантовое событие типа того, что изначально вклинилось в эту мультивселенную. Новое сотворение мира. Но для начала надо положить конец симуляции. Придется отключить Парусиа.

– Погодите, погодите, погодите, – перебивает Эдсон. – Но, если выключить эту штуковину, мы все умрем.

– Может, и нет, – возражает Фиа, прикусывая нижнюю губу и даже не обращая на это внимания, хотя сейчас кажется Эдсону милой и сексуальной. – У черной дыры есть-таки волосы [248]. Информация может сохраняться и в черной дыре.

– Я не ученый, ты знаешь, – говорит Эдсон.

– Я тоже, – отвечает Марселина, – но я делала научные передачи. В основном про пластическую хирургию.

– Вот за что вы боретесь. – Глаза Фии светятся, видя конец вселенной и то, что будет после него, отражая новый свет. – Смерть в холоде и мраке или же надежда на возрождение в огне.

– Тебе стоило бы писать сценарии, – хмыкает Марселина. – Очень хорошо. Очень поэтично. Этого боится Орден. Вот почему мы ведем борьбу по всей мультивселенной – ради шанса на что-то другое, на что-то магическое. Такие места, как это, – начало, крошечное начало. Эдсон, мне нужно поговорить с твоей подружкой с глазу на глаз.

Эдсон снова разворачивается в сторону бесконечного финала. Яркая сочная зелень, небо такое голубое, какое увидишь только в Рио, пестрая толпа: призраки и отзвуки. Его собственная рука на поручне кажется такой тонкой и хлипкой, что можно смотреть сквозь нее. Он поднимает лицо к солнцу, но то холодное.

– Эта мысль меня тоже до смерти напугала, – сообщает Барбоза. Он облокачивается на ограждение и чинно сплевывает из президентской ложи. – Но в любом случае это мир, в котором мы живем. Мы – люди и сами творим свою судьбу. Может, все начнется заново, может, мы умрем, и тогда конец: ни тебе рая, ни ада – ничего. Но я знаю одно: я не могу и дальше снова и снова проживать свою жизнь, все медленнее и медленнее, пока она не замрет. Вот это смерть. А это…это ничто. – Он оглядывается. – Быстро они. Я вас оставлю, молодежь.

Он поднимается по ступенькам и проходит мимо Фии.

– Она тебе предложила работу, да? – спрашивает Эдсон.

– Это входит в привычку.

– Ты согласилась?

– А есть другой вариант? Для кого-то типа меня есть альтернатива?

– Но ничего для Эдсона.

Фиа не смотрит на него. А внизу, на расстоянии миллионов вселенных, Аугусту поднимает над головой кубок Жюля Риме в тишине Мараканы.

– Я не могу принять решение за тебя.

– А ты пыталась?

– Это слишком опасно. Ты не игрок. А я да, так или иначе. Ты не можешь пойти со мной. Возвращайся. Мы можем отправить тебя обратно. Это просто. У меня получится. Меня теперь ищет Орден.

– Но я тебя больше не увижу, да? Раз за тобой охотится Орден.

Она качает головой и прикусывает губу. Сейчас будут слезы. Хорошо, думает Эдсон. Я заслуживаю слез.

– Эд…

– Не называй меня так. Терпеть не могу. Зови меня по имени. Я – Эдсон.

– Эдсон, у тебя есть дом, куда можно вернуться. Семья, братья, дона Ортенсе и тетя Маризете, а еще все друзья. И Карлиньус… Мистер Персик. Он тебя любит. Я не знаю, как он будет без тебя.

– Может… – говорит Эдсон, прикусывая губу, поскольку почувствовал приближение тех самых слов, но не хотел, чтобы Фиа заметила, – не тогда, когда он обижен и полон ярости. – Может, я тебя люблю.

Она закрывает ему рот ладонью, пытается затолкнуть слова обратно.

– Не говори так, нет, ты хоть представляешь, как мне тяжело слышать от тебя такое? Как я могу тебе сказать то же самое? Это самое бессердечное, что можно придумать. Эдсон, я для тебя уже один раз умерла. Я – не она и никогда ею не была.

– Может, и так, – кивает Эдсон. – Но я люблю именно тебя.

– Нет! – плачет Фиа. – Прекрати! Я ухожу. Мне пора. Надо сделать все быстро. Ты не можешь пойти со мной. Не ищи меня, не пытайся связаться со мной. Я не стану тебя искать. Позволь мне снова стать мертвой.

Она поворачивается и поднимается по красной ковровой дорожке. Марселина открывает дверь. Эдсон знает, что за ней: все миры мультивселенной. Как только она переступит через порог, то исчезнет в бесконечном пространстве, и он больше никогда не сможет найти ее. Эдсон вернется в свой офис в дальней части дома доны Ортенсе, в респектабельный и трудолюбивый Сидаде-

де-Лус. Вся шумиха вокруг квант-ядер уляжется, когда полиция найдет какого-нибудь козла отпущения. В его бюро по поиску талантов появятся новые Королевы футбола, волейбольные команды, а еще неплохая перспектива у сети ланшунете «Хабиби». И в редкие ясные ночи осенью и в начале весны Эдсон будет смотреть на звезды, мерцающие за границей полетов Ангелов Постоянного Надзора, на еле заметное свечение Млечного Пути, и видеть там Фиу, дальше любой звезды, но всего лишь в одном витке мира от него. Дверь сейчас захлопнется. Фиа уже переступает через порог. Еще один шаг – и он потеряет ее навеки. Эдсон внезапно понимает, что бежит по ступенькам, по красной ковровой дорожке к закрывающемуся проходу.

– Нет! – кричит он. – Нет!

18 августа—3 сентября 1733 года

В прибывающем свете жители киломбо на холме Надежд Всех Святых стояли как один, молча, уставившись на ангелов Господних, которые шагали к ним по верхушкам деревьев в ореоле из лучей восходящего солнца. А потом Земба ударил копьем о щит и принялся бегать туда-сюда между шеренг, вместе со своими иау, крича и прыгая, гордый и яростный.

– Что вы за пака! Застыли, как деревянные истуканы! Готовы за безделушки сами сунуть руки в кандалы?! Сражайтесь, трусы! Это Город Бога! Здесь!

Иау в свадебных платьях поддакивали, слышались голоса то тут, то там, а потом внезапно весь холм взорвался единодушным ревом. Фалькон чувствовал, как крик разрывает и его горло, крик гордости, крик вызова, даже хохот, а потом он тоже заорал вместе со всеми. Целый холм, красный от тел, закричал на солнце.

Холм все еще оглашался громкими криками радости, когда Фалькон отвел своих манао по склону в заливной лес. Мутная и грязная поверхность вероломна: здесь остались старые рвы и ловушки, один неосторожный шаг – и зазевавшийся воин мог уйти под воду, беспомощный перед клинками врагов. Фалькон обернулся лишь раз и увидел, что ангелы остановились. Через деревья он увидел, как Кайша на передовой раздает зазубренные деревянные ножи женщинам и детям, находившимся под ее командованием. Через мгновение варзеа сотряслась от грохота артиллерии и свиста мин. Верхушка холма, где Земба установил жизнеспособные пушки, взрывается дымом и красной землей. Комки падали, словно дождевые капли, но через рассеивающееся облако дыма Фалькон слышал, как крики возобновились. Земляные укрепления Зембы, сделанные на скорую руку, выдержали. Воины, стрелявшие из баллист и требушетов,

танцевали на парапетах, потряхивая мужскими достоинствами, выкрашенными краской урукум, в сторону парящих ангелов.

Раздался птичий свист. Тукуру махнул левой рукой. Враг в поле зрения. Фалькон вгляделся в полумрак, но увидел лишь ленивца, долговязого и хмурого, который плыл по воде, словно развратный паук. А затем наступило прозрение, словно среди россыпи звезд внезапно проступили созвездия, и Фалькон различил изогнутые носы военных каноэ, пробирающихся через мутную смесь воды и листьев. Он достал меч. Лучники спрятались в пышной растительности. Они выстрелят дважды, а потом отойдут назад, чтобы атаковать врага с другой позиции. Ближе. Пусть подойдут поближе. Еще ближе.

– За Изумительный город! – закричал Фалькон.

Пятьдесят лучников выстрелили, и вторые их стрелы полетели раньше, чем первые попали в цель. Все стихло. А затем лес взорвался стеной пушечного огня, а воздух превратился в визжащее убийственное облако из ядер и щепок. Во время этого салюта половину отряда Фалькона разорвало в алые клочья.

– На вторую позицию! – скомандовал он.

За канонерками толкались каноэ, их больше, чем Фалькон мог себе представить. Корона и церковь объединили свои силы не ради порабощения, а ради уничтожения.

– Господи, помилуй! – пробормотал он. Против такого количества единственное, что можно и нужно было делать, – выиграть немного времени. – В укрытие! Огонь! – скомандовал он.

Из лодок снова открыли огонь. Стволы, ветки и сучки разлетелись на щепки и листья, образовав смертоносный шторм из щепок, разорванных картечью. С мечом, хлопающим его по боку, Фалькон шлепал по воде, та доходила ему до бедер. Он поднял голову на свист и грохот летящих сквозь лесной полог деревянных ядер, твердых, словно железо. Пращики на холме Надежды Всех Святых запускали камни вслепую по баллистическим траекториям. Крики на португальском. Гребцы подняли деревянные щиты над головами. Манао рядом с Фальконом воспользовался моментом, чтобы выпустить стрелу в одного из канониров. В ответ заговорил мушкет, индеец повернулся на пятках, стрела взмыла в небо, и он упал в покрытую листьями воду, из пробитой грудной клетки расползалось алое пятно. Пока канониры перезаряжали пушки, стрелки Зембы открыли огонь с верхушек деревьев. Они отлично потрудились, без передышки паля из арбалетов, но каждая история закончилась одинаково: грохот мушкета, облака дыма, тела, валящиеся с деревьев, словно красные фрукты. И еще

больше лодок на подходе. Фалькон посмотрел на тела, плавающие в воде, которые уже стали добычей пираний. Осталось меньше четверти лучников. Кровавая резня.

– Отступаем! – завопил Фалькон. – В траншеи! Sauve qui peut! [249]

* * *

Каноэ плыли между верхушек деревьев. Библейская сцена, подумал Квинн: животные отчаянно хватались за ветки топляков, каждое дерево превратилось в остров, от воды дурно пахло из-за раздувшихся трупов. Тут, похоже, стоял настоящий город, где жили рабочие, но их хижины первыми ушли под воду, все следы строителей стерло. Квинн попытался представить, как сотни огромных лесных деревьев валят, превращают их в сваи, деревянными лопатами и силой человеческих мускулов выкапывают тысячи тонн земли. Эта задача была посложнее библейских: скорее, в духе египтян.

В предрассветной темноте они исчезли из Сидаде Маравильоза, скрылись в лесных зарослях. Чувства опережали зрение, словно ветер из множества миров дул в варзеа, и Квинн ощутил темную махину, которая двигалась за ветвями. Весла поднимались и опускались, будто конечности чудовищной многоножки. Носса Сеньора де Варзеа, решительная в атаке, уверенная в стратегии. Сатанинская надменность – вот неизменный грех отца Диегу. Охотящиеся тени преследовали Богоматерь Затопленного Леса, темные, как ягуары в утреннем свете, огромный хвост из каноэ, воины Города Бога. Квинн прижал палец к губам, его помощники все поняли с первого взгляда. Работая шумными вероломными веслами, они осторожно ушли в сторону, направляя лодку среди ветвей и лиан, пока воинство небесное не скрылось из виду.

Теперь впереди начиналась открытая вода, дамба казалась темной линией между голубым небом и темно-синей гладью, испещренной зелеными точками. Простота геометрии вводила чувства в заблуждение: с любого расстояния плотина выглядела одинаково, поэтому Квинн не мог понять, сколько же им еще плыть. Патруль держался на расстоянии в четверть лье к югу. Квинн в подзорную трубу увидел их лодки, когда они выплыли из зеленой массы на южной стороне озера, – легкие пироги с тремя гребцами прекрасно подходили для перехвата, ими управляли пареньки не старше двадцати лет от роду с боевой раскраской, как у взрослых воинов, пока взрослые воины отправились на штурм Сидаде Маравильоза.

Патруль подал сигнал, отразив солнце от какого-то начищенного металла. В ответ последовали вспышки света, и тогда мир вокруг Квинна обрел перспективу: дамба находилась на расстоянии выстрела из лука, вода поднялась намного выше, чем он предполагал, практически до верхушки огромных свай. Из хижин, сделанных из пальмовых листьев, выбежали фигурки, рассредоточились вдоль глинобитных стен. Первые несколько стрел попали в воду вокруг каноэ. Квинн навел на защитников подзорную трубу: одни старики, давно уже не охотники. Он открыл свое зрение другим мирам, дамбы наслаивались друг на друга, а вокруг них скапливались воды всех вселенных. «Покажи мне, как лучше, как правильно, покажи мне, где брешь». И тут он увидел ее четко, словно ангел встал над куполом храма: точку чуть к северу от центра в огромном изгибе из земли и дерева, где расстояние между сваями было чуть больше, вырвал правильный ответ из множества возможностей во вселенной.

Лучники игуапа под командованием Квинна вели шквальный огонь, пока гребцы выжимали из себя последние силы. Каноэ столкнулись с огромными деревянными пирсами. С ревом Квинн вскочил на плотину и набросился на охранников, держа меч обеими руками. Некоторые из стариков посмелее подняли палки, но потом возраст и осторожность взяли свое, и они скрылись на южной стороне запруды.

– Пусть уходят! – приказал Квинн. – Мы не воюем со стариками и детьми.

Пока игуапа привязывали лодки вплотную друг к другу между пирсами, закладывая бочки со взрывчаткой как можно ближе к дамбе, Квинн изучил ее устройство. Верхняя часть была шириной в восемь шагов, из глины, утрамбованной поверх плетеной перегородки. Земляной вал, уже позеленевший от лесных побегов, имел наклон в сорок пять градусов. Высота до глинистого дна мертвой Риу ду Ору в десять раз превышала человеческий рост. И снова Квинн поразился энергии и прозорливости своего врага. Сможет ли любое количество взрывчатых веществ смести такую махину из земли и дерева, такое сосредоточение воли и силы? Им нужна лишь крошечная трещинка. Остальную работу сделает вода, неисчислимые массы воды, которыми на многие лье запружена долина Риу ду Ору.

Стрела вонзилась в глину буквально в пяди от ноги Квинна. Еще восемь военных каноэ появились с юга и быстро двигались в сторону плотины, которая была уже в пределах досягаемости для их лучников.

– Я бы удивился, если бы отец Гонсалвеш вверил защиту своей дамбы только старикам и детям, – пробормотал Квинн. –

Закладывайте фитиль. Нельзя терять ни минуты.

Готово. Игуапа вскарабкались на дамбу. Вайтака вставил конец фитиля в бочку, разматывая его за собой, пока лучники Квинна прикрывали индейца огнем. Старики вспомнили о чести и снова схватились за палки. Льюис и Вайтака поспешили к северному берегу: подкрепление перестало стрелять, теперь они стремительно гребли в сторону бомбы.

– Надо взрывать сейчас, – сказал Вайтака.

– Мы слишком близко.

– Маир, сейчас или никогда.

– Господи, помилуй! – прошептал Квинн, аккуратно достал тщательно охраняемый огнепроводный шнур из ведра и поднес к концу запала.

Тот сгорел в мгновение ока. Взрыв колоссальной силы сбил с ног Квинна и игуапа. Оглушенный, с трудом переводя дух, Льюис увидел, как огромная волна поднялась и с силой ударила по плотине в тот самый момент, когда столп воды взмыл вверх на высоту равную той, с которой плотина нависала над высохшим руслом реки. На его пенной макушке переворачивались и кувыркались военные каноэ, взлетевшие, словно листья на ветру.

– Господи, помилуй!

Квинна окатило фонтаном брызг, а потом дождем из щепок. В голове звенело после взрыва, все тело болело. Он медленно поднялся на ноги. На дальней стороне старики прекратили атаку. Мальчики гуабиру встали в лодках, оцепенев от изумления. Те воины из подкрепления, кому удалось выжить во время взрыва, плыли к опрокинутым каноэ. Облако дыма и пара рассеялось. Дамба выстояла. Мир замер. Затем старики снова взялись за оружие и пошли в атаку, а мальчики бросились на помощь раненым, барахтавшимся в воде. Дамба выстояла.

* * *

Фалькон, мокрый до нитки, протиснулся сквозь щель в бамбуковом частоколе и оказался в самой первой траншее. Сухая земля забилась за щеки. Пиявки присосались к телу там, где сползли чулки. Слуга-игуапа нанес пасту из древесной коры. Над головой постоянно проносились камни, деревянные снаряды и стрелы. Затем Фалькон услышал эхо с вершины холма и встал – к черту пиявок, – чтобы увидеть, как пять залпов горячих камней выписывают в воздухе арку и падают между канонерок с впечатляющим шипением. Пока камнеметы перезаряжали, а на кострах, пылающих на вершине холма, нагревали свежую порцию

булыжников, заговорили баллисты, полетели горящие стрелы. Фалькон придумал обмакивать их в смесь смолы и камеди – страшная угроза для канонерок, груженных ядрами и порохом. Под шквалом огня и отравленных стрел тяжело было тушить цепкое пламя. Когда взорвалась первая лодка, по холму прокатился радостный крик, а затем и второй, когда фальконеты отошли в варзеа, прекратив без конца бомбить артиллерию Зембы.

Фалькон поднялся наверх через соединенные друг с другом траншеи, мимо батальонов суровых юношей: игуапа с их золотыми лицами и странными черепами; кайбаше с пластинами, вставленными в губу, хотя по возрасту им еще рано было проходить ритуалы инициации, но война делает любого мальчика мужчиной; манао с выбритыми тонзурами. Каждый держал копье и деревянный меч, ждал приказа помощников Зембы из числа имбангала. Фалькон бросился на землю, прикрыв руками голову, когда началась новая бомбардировка. Он животом почувствовал, как содрогается вершина холма, и им овладела слепая первобытная паника – за что хвататься, если сама земля трясется?

За ним раздался приглушенный рев – боевое ликование гуабиру. Поправив на носу зеленые очки, Фалькон увидел, что вершина холма лежит в руинах, требушет разбит вдребезги, две баллисты горят. Но артиллерия Зембы снова ответила. Горячие камни полетели через древесный полог, и теперь за дело взялись тяжелые лучники, которые лежали на спинах, зажав лук между ногами и натягивая тетиву двумя руками сразу.

Сам Земба ждал с резервными силами и крестом Богоматери Всех Миров в траншее рядом с батареей. То и дело прибегали девушки-гонцы, которые докладывали обстановку, получали от него приказы и убегали.

– Аиуба.

– Генерал, вода все еще поднимается. Передовую затопит в течение часа.

– Вижу. Думаете, у Маира ничего не получилось?

– Я лишь предлагаю увести женщин и детей, стариков и больных, пока путь еще открыт.

– Они наверняка погибнут в лесу.

– Они наверняка погибнут и тут. Это не энтрада. Это уничтожение.

Земба колебался лишь миг:

– Уводите женщин и детей.

Гонцы, сидевшие у его ног, склонили головы, сосредоточившись на приказах. Фалькон, двигаясь зигзагом, спустился по склону, чтобы передать известие Кайше и ее людям.

– Я тебя не оставлю, – с жаром возразила она. Женщины с маленькими детьми покинули траншею, малыши ревели от страха. – Кто-то должен за тобой присмотреть.

Новый взрыв ударил по холму. Когда дым и пыль рассеялись, батарея замолчала. С вершины холма раздался громкий крик. Земба стоял, подняв копье и держа над головой крест Носса Сеньора де Тодуз уж Мундуш, горящий на солнце. Фалькон повернулся и увидел, как каноэ выплывают из лесных зарослей.

Их было так много, что между бортами практически не оставалось участков открытой воды. Португальцы в красных камзолах, гуабиру с раскрашенными женипапу лицами. Канонерки вели огонь на уничтожение, но крик раздался снова, и его подхватили воины имбангала и иау, а потом мориша и слуги, Кайша, и сам Фалькон, когда он выхватил меч, выскочил из укрытия и с ревом понесся на врага.

* * *

Квинн стоял, бесчувственный, словно глиняная статуя святого. Это был мир, в который ему не доводилось попадать: немая отчаянная земля за пределами боевого клича, за пределами славной ярости и радости сражения, когда держишь жизнь обеими руками и можешь ее сломать. Это поражение. Это провал. Тихий, присыпанный пеплом мир. Истинная покорность и смирение, где колени преклоняются сами собой, а кольцо целуешь без гордыни или стеснения. Он смотрел, не обращая внимания на летящие стрелы, на плотину. И тут раздался визг, будто у земли выдергивали зуб. По поверхности озера пошла рябь, затем снова, снова и снова. Массивные стволы деревьев, крепкие, словно железо, ломались с взрывной силой. Квинн ощутил, что плотина трясется под ногами. По глине начали расползаться трещины. Верхушки свай наклонились к воде.

– Маир, мне кажется…

Вайтаке мог не заканчивать предупреждение. Квинн, игуапа, старики и мальчики в маленьких каноэ кинулись в бегство, когда большой участок плотины обрушился в озеро и буквально взорвался под напором пенящейся воды. Стволы деревьев разметало, словно прутики. С каждой секундой поток отрывал все новые и новые куски земляных укреплений и дерева. Щель превратилась в отверстие, и теперь уже падали целые куски плотины.

– Люди! О, Богоматерь Миров! Люди! – воскликнул Вайтака.

Гуабиру пытались добраться до берега, до перевернутых

каноэ, до рассыпавшейся плотины, но течение было слишком сильным. Их крики слились с треском раскалываемого дерева и ревом воды, воинов перемалывало в мельнице из дерева и земли, они то уходили под воду, то снова выныривали. Квинн прочел молитву и поцеловал крест на четках. И тут земля под ногами пошла трещинами, и он бросился бежать к северному берегу, а за его спиной плотина раскололась, покачнулась и рухнула, разбившись на огромные глыбы. Теперь она превратилась в один гигантский водопад, несущий вырванные ветки и мертвых существ, а речное ложе внизу стало светлокремовым потоком. Стволы деревьев выпрыгивали из воды, как снаряды, чтобы удариться друг о друга и снова пойти на дно. Наводнение вырывало с корнем кусты и деревья на берегу. Риу ду Ору вырвала новое русло у варзеа, подхватывая еще и булыжники, чтобы добавить их в разрушительную стену из воды и дерева.

Квинн вскарабкался по земляной насыпи, соединявшей дамбу и терра фирме. Он чувствовал на своей груди бамбуковый футляр, который дал ему Фалькон, вытащил его и взвесил на ладони. Он представил, как в суматохе наводнения этот футляр будет плыть никем не замеченный среди бревен лесных деревьев, из Риу ду Ору в Игуапару, затем в Катримани, в Риу-Бранку, в Риу-Нигру, а потом и в Амазонку, а оттуда в море, где течения отнесут его к берегам Ирландии или Португалии и выкинут на белый песок прибрежной полосы. Но история еще не закончилась. Он снова сунул футляр за пазуху.

Пироги вытащили на берег и оттолкали выше границы затопления, благо они были легкие.

– Вайтака, как думаешь, можно плыть против течения?

Тот изучил реку, русло которой менялось с каждой секундой по мере того, как размывалась дамба отца Гонсалвеша.

– Можно пройти через варзеа, только осторожно.

– А мне нужно быстро.

– Можно осторожно и быстро.

– Отлично. Вайтака, мне нужна твоя помощь, будешь грести. Мне все еще надо нанести визит отцу Диегу в качестве адмонитора.

* * *

Солдатские ботинки и голые ноги индейцев шлепали по воде, пока каноэ двигались к берегу. Лучники побросали луки, выхватили ножи, чтобы схлестнуться с атакующими в ближнем бою. На склоне холма образовался оползень из тел индейцев: кто-

то бежал, кто-то соскальзывал, кто-то падал. Во главе всех стоял Земба, он на бегу метал легкие копья и практически парил по воздуху, когда перемахивал через тела и наполовину затопленные траншеи. Среди индейцев несся и доктор Робер Фалькон с мечом, поднятым над головой, словно у кирасира, он изрыгал ярость и непристойности, каких не ожидаешь услышать из уст члена Французской академии наук.

Наступающие ряды столкнулись с такой силой, что холм Надежд Всех Святых сотрясся до основания. Фалькон оказался с мечом против штыка португальского пехотинца. Он уклонился от удара и одним ударом отрубил парню ногу, а Кайша добила с помощью копья. Робер кинул ей окровавленный мушкет, а себе оставил меч противника. Пока он оценивал трофей, откуда ни возьмись на него набросился гуабиру с копьем, но Кайша проколола его штыком насквозь, а потом провернула мушкет. Парень издал душераздирающий крик и соскользнул с лезвия. Девушка с удовлетворением кивнула.

Вооруженный двумя мечами Фалькон сражался как безумный, крошил все вокруг, перерубив заодно боевой штандарт противника с обнаженной женщиной, увитой зеленой лианой, но, когда один противник падал, на его место поспевали еще трое, а к берегу причаливали все новые и новые каноэ с индейцами-новобранцами, в наряде которых было что-то от униформы – камзол, бриджи, а иногда только треуголка. Индейцы перепрыгивали с одной лодки на другую, чтобы присоединиться к сражению. А вода продолжала пребывать.

Земба вел за собой свой народ, словно неумолимый герой легенд, крест Богоматери Всех Миров то и дело поднимался над полем боя, то прорывался в одном месте, то участвовал в кровавом наступлении в другом. Но Богоматерь Затопленного Леса командовала водой, и нападавшие были красным приливом. Город Бога оттеснил Изумительный город за первый и второй ряд траншей. Отбросив в сторону мысли, рассудок и язык, доктор Фалькон в бешенстве рубил двумя мечами направо и налево, и ему было хорошо. Очень хорошо. Он в ужасе и экстазе понял суть греха, от которого страдал Квинн: пребывать исключительно в настоящем моменте, чувствовать происходящее кожей, когда обостряется восприятие, каждую секунду или ты, или тебя, ощущать роскошь полного контроля над другим человеком. Искусство защиты, и даже все те приемы, которым его обучили жители портовых районов, меркли по сравнению с восторгом битвы.

Перья летели над окровавленным холмом. Перед Фальконом мелькнул красный камзол и сияющий меч.

– Араужу! – воскликнул Робер, перекрикивая шум битвы. – А вот и дуэль!

Офицер побежал к нему навстречу, а Фалькон отбросил второй, трофейный, меч. Внезапно Араужу остановился и выхватил пистолет. Кайша загородила француза. Залп, облако дыма, и Кайша упала головой вперед. Французский, португальский, лингва-жерал, игуапа – Фалькон кричал что-то бессвязное. Пошатываясь, она поднялась на ноги, потом широко улыбнулась, разжала левую ладонь и показала кровавый стигмат, где пуля прошла навылет.

– Убей его, муж мой!

Араужу бросил бесполезный пистолет в Фалькона, но тот ловко увернулся. Робер жестом пригласил соперника на бой, а сам встал в стойку. Офицер отдал честь и тоже занял позицию. Новый залп артиллерийского огня с воем врезался в верхушку холма, но там не осталось ничего, кроме обломков дерева и обрывков плоти. Фалькон сделал ложный выпад, а потом пошел в атаку. Араужу несмотря на европейский лоск, не практиковал искусство защиты, так что через пять движений Фалькон выбил из рук соперника оружие, и португальский капитан обнаружил, что ему в грудь уперся кончик лезвия.

– Сеньор, мы с вами оба фидалгу, и я сдаюсь вам на милость.

– Увы, сеньор, я – не фидалгу, – ответил Фалькон и четким движением проткнул ему легкое.

Снизу раздались какие-то крики. Фалькон, вытиравший меч о камзол Араужу, поднял голову и увидел, что крест Носса Сеньора де Тодуз уж Мундуш бешено раскачивался в кольце индейцев-новобранцев. Земба прыгал и кружился, а его копье и меч резали и пронзали. Противники падали, отползали в сторону окровавленные, но с каждой минутой их становилось все больше. Фалькон бросился на помощь. За спиной он чувствовал присутствие Кайши, перевязавшей раненую руку шейным платком Араужу, на этот раз она держала копье опущенным, чтобы выпускать кишки врагу. Ужасная, удивительная женщина. Крест задрожал, крест упал, а потом Земба подхватил его и прижал к тыльной стороне потрепанного щита. Фалькон бросился в круг солдат и принялся рубить и кромсать. Земба издал крик, изогнулся дугой и упал в воду на колени, из раны на сухожилии хлестала кровь, а на лице застыло выражение неизмеримой печали и удивления.

– Уводи их отсюда, тут всё, – задыхаясь, проговорил он и бросил крест, словно дротик. Ленты, украшающие Богоматерь Всех Миров, развевались в воздухе, Кайша протянула окровавленную руку и поймала его.

Земба улыбнулся, в его глазах стояли слезы. Наемник в набедренной повязке-танга и камзоле ткнул его копьем. Кончик лезвия вырвался из горла Зембы, и тот повалился вперед в жижу, все еще улыбаясь.

* * *

Над Сидаде Маравильоза поднялся столп дыма. Это был знак войскам вверх и вниз по течению Риу ду Ору. Снова дали залп пушки Носса Сеньора да Варзеа. Квинн и Вайтака гребли, не сбиваясь с ритма, прячась у корней и за ветвями. В подзорную трубу Льюис видел из укрытия за поваленным деревом базилику примерно в половине лье вниз по течению. Гонсалвеш счел, что португальских канониров и гуабиру, которые заряжают пушки, будет достаточно для защиты. Восточный край базилики остался без присмотра, а среди выступающих опор и орнаментов можно было легко спрятаться. Вайтака и Квинн плыли вдоль ватерлинии в сторону проушины для швартовочного троса, которую единогласно без слов сочли лучшим местом для высадки. Вайтака схватился за трос, уцепился за него ногами и пополз, словно ленивец. Меч Квинна мгновенно застрял в узкой проушине. Негромкий стук – и вот он уже внутри, в вонючем и липком мраке кормового отсека.

– Прежде всего освободи рабов, – велел Квинн. – Тогда вы с легкостью захватите пушки.

Вайтака кивнул и достал стальной нож. Остальное он знает наизусть. Перерезать якорный конец, а потом вместе с рабами напасть с тыла на армию Гонсалвеша.

Мне досталась самая сложная задача, подумал Квинн. Но и самая нужная. Рядом с чашей для омовения рук раздавались голоса мальчиков, они мыли потир и дискос перед праздничной мессой. Черное на черном. Квинн пробрался незамеченным.

Льюис был готов к тому, что внутреннее убранство базилики станет для него духовным ударом, но сейчас ослабленные органы чувств пошатнулись, как от удара физического. Он прошел по центру нефа: по левую руку – небеса, по правую – осуждение на вечные муки и повсюду – Страшный суд. Христос распростер свои руки над огромной алтарной преградой. Сердце, пронзенное шипами, зияло. Квинн достал меч. За хорами столп света падал на алтарь. Голова распятого амазонского Христа была увенчана странным венцом. А перед усеянной звездами Богоматерью Затопленного Леса стоял на коленях человек в простом черном одеянии. Гром пушек сотряс базилику, словно барабанный бой.

Платье Богоматери, сотканное из света, задрожало, от потолка отвалились куски, посыпался сине-золотой снег. Квинн поднялся на хоры, держа меч.

– Убьете меня в моем же собственном храме, как святого Томаса Бекета? [250]

– Я – адмонитор, меня направил отец де Магальяйнш, и я приказываю во имя Господа подчиниться мне.

– Помнится, я уже отказывался, и снова отказываюсь.

– Молчите! Хватит! Вы вернетесь со мной в миссию Ордена в Салвадоре.

– Орден в Салвадоре. Но кому-то из нас, однако, предназначено высшее служение.

Гонсалвеш поднялся на ноги и повернулся к ад-монитору. Казалось, Богоматерь Затопленного Леса заключила его в объятия своей зелени.

– Вы упорствуете, смешной вы человечишка.

– Тогда я вынужден вас заставить, – сказал Квинн и поднял меч так, чтобы лезвие коснулось нескольких звезд запрестольного образа.

– Врасплох вам меня не застать, – отец Диегу отдернул подризник и продемонстрировал испанский меч на поясе.

– Оружие в доме Господнем, – посетовал Квинн, отступив, чтобы оказаться на открытом пространстве нефа, подальше от предательского алтаря и хоров.

– Да будет вам, мы везде в доме Господнем. Если вы имеете право носить оружие в том свинарнике, который называете городом, то и здесь должно быть так же.

Гонсалвеш склонил голову в странном яростном жесте, похожем на птичий, и вдруг снаружи раздался гул голосов, выстрелы, лязг металла. Глаза отца Диегу расширились от злости.

– Ваши бывшие рабы захватывают артиллерию, – пояснил Квинн. – Давайте не будем откладывать. Попробуем. Ваш учитель против моего. Лион против Толедо.

Он выбежал в открытый неф. С криком, словно хищная птица, Гонсалвеш скинул мешавший ему стихарь и выхватил меч. Он налетел на Квинна, лезвие танцевало в мерцающем шквале ударов, что застало Маира врасплох и вынудило отступать, практически дойдя до притвора. Кряхтя от напряжения, Льюис начал защищаться и оттеснил Гонсалвеша обратно почти до самого алтаря. Они разошлись, отдали честь и стали кружить друг вокруг друга, ослепленные потом в изнуряющей жаре базилики.

И еще раз. Обмен ударами перед крестной перегородкой. Квинн преследовал Гонсалвеша, слегка царапнул его бок, но

Диегу сразу оправился и начал оттеснять Льюиса, нанеся боковой удар по голове противника – невидимый и неминуемый, от которого Квинн еле успел увернуться, а не то лишился бы макушки. Маир почувствовал, как пол под ним движется, и заметил тень сомнения на худом мальчишеском лице отца Диегу.

– Швартовы перерезаны, – пропыхтел он. – Мы отплываем.

Они оба ощутили, как базилика развернулась в потоке, попав в плен уходящей воды. Издав крик на ирландском, Квинн ринулся на Гонсалвеша. В этот бросок он вложил весь свой вес и силу. Диегу резко увел меч в сторону. Квинн упал навзничь, и испанец кинулся к нему, Льюису удалось спастись лишь тем, что он инстинктивно поставил блок, от чего от обоих мечей полетели во все стороны искры. Он снова поднялся на ноги, тут же был оттеснен к кафедре, но снова Квинн пошел в атаку. Два иезуита сражались, попеременно перехватывая друг у друга инициативу, вдоль бокового придела. Но Квинн понял по холоду, охватившему промежность, что он перенапрягся во время подрыва плотины и погони за базиликой. Преимущество в силе и размере больше не работало, а если взять чисто владение мечом, то тут Гонсалвеш – мастер.

Контратака последовала незамедлительно. Квинн отступил через зияющее сердце Христа на хоры, посчитав, что в узком пространстве с деревянными перегородками Диегу с его танцующим стилем будет попросту не развернуться. Они снова дрались в хорах, рассыпав псалтыри и молитвенники, пока Льюис не оказался у самого алтаря. Отступать некуда. Отсюда выхода нет. В нем закипела ярость. Он не может умереть в этом глупом месте, на языческом алтаре, от рук худого женоподобного испанца. Тогда все, над чем он так долго корпел, будет выброшено на ветер, утонет в этом далеком и безмолвном лесу. Квинн призвал ярость, своего старого демона и надежного союзника. Она жарко и сладко загорелась внутри, но, подумав, он пригасил ее. Гонсалвеш знал о его занозе, заранее обдумал тактику на случай бешенства и неукротимой страсти противника. Квинн обратил внутренний взор ко многим мирам. Лишь на миг, но в своем видении увидел все, что мог сделать Диегу. Увидел гнев и недоумение на лице, когда оттеснил его от алтаря, опережая в каждом движении, сквозь хоры и зияющее сердца Христа в неф. А под изваянием Иисуса Варзеи, на вытянутых руках которого расцветали два парных апокалипсиса, для праведных и неправедных, Квинн выбил меч из рук соперника.

– На колени. Подчиняйтесь, – задыхаясь, произнес Квинн, нацелив кончик лезвия прямо Гонсалвешу в глаз. – Подчиняйтесь власти, данной мне обществом Иисуса.

Диегу опустился на колени. Не отрывая взгляда от противника, он достал из-за ворота рясы четки, чтобы поцеловать их и подчиниться приказу. Но тут Квинн увидел вспышку света – и половина его меча упала на пол. Гонсалвеш поднял нож.

– Неужели вы думаете, что нас призвали защищать Царство Божие не вооружив как следует?

Он нанес резкий удар, оставив от меча Квинна лишь бесполезный обрубок, а заодно разрезал поднос для даров, принесенных по обету, на две аккуратные половинки. Светильники упали и покатились, оставляя за собой свет из горящего масла. Языки пламени лизали пол, двигаясь к алтарной преграде. Квинн наклонился, слегка присел, как принято в ножевом бою, и поспешно оторвал от рясы рукав, превратив его в накидку, которую держал как плащ матадора.

– Хитро, – сказал Гонсалвеш, нанеся очередной удар, после чего в воздухе осталась синяя дымящаяся арка. – Но неэффективно.

Квинн видел, что огонь пополз наверх по резным узорам перегородки, Господь корчился в пламени. Льюис держался подальше от ножа, но так, чтобы Гонсалвеш стоял спиной к разгорающемуся пожару.

– Когда Враг соблазнил вас?

– Вы ошибаетесь? Я – не враг. Я – Орден. У них есть механизмы и энергия, которые вы даже представить не можете. Неужели вы думали, что я построил дамбу без посторонней помощи?

Ложный выпад, хлесткий удар – и кончик лезвия прожег длинный разрез на ткани. Квинн позволил себе на секунду погрузиться в мультивселенную. Во многих видениях он видел себя коленопреклоненным, выпотрошенным, лежащим на полу, с внутренностями, намотанными вокруг коленей. Но там, в изобилии миров, таился и ответ отцу Диегу. Испанец снова нанес удар – и потустороннее лезвие с визгом полетело, чтобы разрубить Квинна от плеча до пояса. Тот отпрянул и в ту самую обжигающую секунду увидел единственную возможность. Он накинул тряпку на голову Гонсалвеша, ослепив его, затем схватился за свободный конец и раскрутил противника. Диегу шагнул в сторону горящего алтаря. Хрупкая перегородка качнулась. Гонсалвеш сорвал с лица накидку и побежал, спасаясь от пожара. Слишком медленно и слишком поздно. Огромный полыхающий Христос в огненном ореоле с горящим сердцем и огнем, вырывающимся из пальцев, что превращало и рай, и ад в чистилище, рухнул и пригвоздил Диегу Гонсалвеша к полу.

Квинн загородил рукой лицо и осторожно подошел к

преисподней из горящего дерева. Ничто живое не выжило бы в таком костре. Пламя перепрыгивало с ангела на ангела, перекинулось на верхний ряд окон, гладило орнамент на потолке. Скамейки и перегородки хоров уже полыхали. Почти без сил, оцепенев от благоговения, Квинн наблюдал, как огонь поглощает Богоматерь Затопленного Леса. Базилика разваливалась на части, горящие деревяшки сыпались с потолка, помещение заволокло дымом. Кашляя, Квинн поспешил прочь из деревянного ада. С оглушительным грохотом провалилась крыша, и языки пламени перебросились на ангелов-хранителей и на паруса. Квинн даже удивился масштабам разрушения. Каждую секунду течение относило церковь все дальше от безопасного места к водопадам на разрушенной плотине. Льюис нырнул в воду. Из-под полога леса выплыли каноэ. Среди гуабиру виднелись и золотистые лица. Квинн поплыл в сторону Вайтаки, и тут огонь добрался до порохового склада. Апокалиптический взрыв заставил всех птиц с криками подняться с насиженных мест. Квинн видел, как ангелы Богоматери Затопленного Леса взметнулись в воздух, а потом упали, ударяясь друг о друга. Горящие обломки, шипя, проплывали мимо. Когда Квинну помогали вскарабкаться в каноэ, он увидел, как полыхающая громадина медленно поворачивается под напором течения.

* * *

Полный разгром. Крест Богоматери Всех Миров стоял в траншее под разрушенной верхушкой холма, как знак и надежда для людей. Португальские стрелки открыли огонь из мушкетов. Гуабиру добивали раненых. Фалькон оперся на меч и внезапно ощутил тяжесть всех миров, захотел лечь среди мертвых, стать их частью. В воде плавала куча уже начавших раздуваться трупов. Он наклонил голову и увидел, как вода утекала прочь от подошв его промокших и потрескавшихся ботинок. Река уходила. Тела начали двигаться, дергаться, их уносило в глухие уголки варзеа. И ангелы, ужасные гости, сеющие гнев, на мачтах Носса Сеньора да Варзеа, тоже двигались. Очень медленно, но постепенно набирая скорость, базилика поплыла вниз по течению. Фалькон теперь стоял на твердой земле.

Маир тогда сказал, что видел киломбо меж огнем и водой, меж факелом и потопом.

– Но не здесь! – закричал Фалькон. – Не в этом мире!

Теперь армия Носса Сеньора да Варзеа поняла, что вода пошла на убыль, воины Гонсалвеша повернулись и вытаращили

глаза, видя, как их ангелы-хранители исчезают за верхушками деревьев. Дым стал темнее и гуще, а потом с южной стороны небо осветила яркая вспышка, тут же затмив солнце. Вверх взметнулся столп дыма в форме гриба, а через несколько секунд холм Надежды Всех Святых сотряс взрыв. Улыбка на лице Фалькона переросла в удивительный, безумный хохот.

– Так им! – заорал он, размахивая мечом над головой. – Последний залп в честь Маира. Бей их!

* * *

Каноэ слегка покачивалось на белой воде. Серый утренний свет пробивался через низкие облака после дождя. Обрывки тумана цеплялись к деревьям. В такой серый день они тянулись к реке, темной, полной гнилья и свежих веток. Каноэ то и дело подпрыгивало среди камней и бревен, от него чуть щепки не отлетали, оно едва не село в песок на брюхо. Гребцы направили его между двумя обрушившимися валунами, каждый был размером с церковь. Золотой крест, закрепленный на носу, подпрыгивал, но не падал. Он сиял, как маяк, словно бы свет шел изнутри.

Мужчина на берегу снова поднял руки, но дым от его костра и так уже было ни с чем не спутать. «Одному Богу известно, где в такой влажный день он нашел хоть что-то горючее», – подумал Фалькон. Впрочем, сейчас нужен был как раз дым, а не огонь.

Штурман подвел к берегу маленькую пирогу. Робер вприпрыжку побежал по гальке к берегу. Прибрежную полосу усеивали листья, прутики, а то и целые ветки и стволы, утонувшие и раздувшиеся животные, дурно пахнущая рыба. Он услышал скрип днища о песок. Кайша вышла на берег и уверенным движением воткнула в землю крест Богоматери Всех Миров.

– Доктор Фалькон.

Льюис сидел на камне с тлеющей сигарой, зажатой в руке. Туман просачивался через деревья.

– Отец Квинн.

Мужчины коротко поцеловались, как то предписывал этикет.

– Ну, мы живы.

На ремешке вокруг плеча у Квинна висел футляр, в котором лежала история Изумительного города.

– Я несказанно рад, мой друг, что вы меня не послушались и не стали кидать рукопись в воду, – заявил Фалькон. – Наверное, историю Изумительного города нужно закончить, а вот историю

Города Бога только предстоит начать.

– С вашего разрешения, отныне это будет совсем другая история, – сказал Квинн. – Которая разлетится в дальние края.

– Разумеется. Знаете, о вас уже слагают легенды. Маир предсказывает будущее. У Маира есть нож, которым можно разрезать все что угодно, даже человеческие сердца, чтобы докопаться до их потаенных желаний. Маир может путешествовать между мирами и в другой конец времени. Маир снова придет в час, когда люди будут в нем нуждаться, и отведет их из этого мира в лучший, где маниока растет круглый год, охота всегда успешна, в мир, который не смогут найти ни бандейранты, ни пай.

– Я ожидал всяких историй, но не последней.

Авангард флотилии Сидаде Маравильоза появился из-за изгиба реки по всей ее ширине, покачиваясь на белой воде.

– А чего вы ожидали, если разрушили цитадель врага, преломив тем самым ход битвы, а потом, когда победа была совсем рядом, взяли и исчезли с поля боя?

Фалькон тогда сорвал себе голос, когда орал, стоя на холме с мечом в руке. Кайша подняла крест Богоматери Всех Миров и подхватила тот же крик на своем родном языке. Уничтожение Носса Сеньора да Варзеа повергло армию Города Бога в ужас. Многие гуабиру рухнули на колени прямо в хлюпающей грязи, сжав четки. Другие бежали с поля боя. Солдаты регулярной португальской армии дрогнули, поняв, что численное преимущество отнюдь не на их стороне. Да и вода побежала прочь от их флотилии, завихряясь вокруг тел убитых, осушая траншеи проворными ручьями и ручейками, покидая вытащенные на берег каноэ.

– Бей их!

Сначала это был одинокий крик, но потом все до единого жители киломбо, черные и краснокожие, перешли через холм, дрались врукопашную, палками, мечами, размахивали трофейными штыками, кричали и ликовали. Кайшу подхватили на руки, крест Богоматери Всех Миров реял над их головами, а потом Фалькона поймал и потащил людской поток. Португальцы строили линии защиты, но, когда контратака вонзилась в их ряды, из варзеа высыпала вторая волна воинов, которые промчались мимо ошарашенных гуабиру и ударила им в тыл. Племенная верность взяла верх. Колеблющиеся гуабиру, видя натиск освобожденных братьев, тоже взялись за оружие и присоединились к бывшим рабам. Линии обороны сломались. Солдаты побежали к канонеркам. Игуапа устроили погоню, рубили и забивали португальцев, когда те пытались вытолкать

крупные лодки на глубину. Теперь по холму бежали женщины и дети. Женщины перевязывали раненых, дети утаскивали тела убитых. Пламя битвы погасло. Фалькон оперся на свой меч, он устал до мозга костей, ему было тошно от мыслей о резне, устроенной под темным пологом тропического леса. Никто из этих бедняг никогда не увидит Сан-Жозе-Тарумаш снова. И внутри этого холодного осознания скрывалось нечто еще более жуткое. Он больше никогда не увидит Париж, не сможет дразнить Мари-Жанну в саду Тюильри, никогда не поднимется с Жаном-Батистом на холм Фурвьер. Его мир отныне будет зеленым и плесневелым – тепло, вода и преломленный свет, туманы, и дымки, и серые излучины бесконечных рек. Каноэ, луки и животных, которых лишь слышишь, но видишь только урывками. Мир без перспективы, где горизонт простирается до следующего дерева, лианы или излучины реки. Растительный мир, огромный и медленный.

Квинн пошевелил угли тлеющего костра.

– А вы думали, что сделаете с Городом Бога?

– Разрушу.

На лице Квинна мелькнуло удивление. Потом иезуит сказал:

– Да, разумеется. Он слишком большой и слишком уязвимый. Разделите их, отправьте в леса. Как вы считаете, сколько удастся удерживать бандейратов?

– Одно поколение, если повезет. Болезни уничтожат краснокожих раньше, чем рабовладельцы.

– Все люди беспомощны перед легендами, но если сможете, то сделайте кое-что для меня. Развейте сказку, что якобы я снова приду и заберу их в Новый Иерусалим.

Мимо проплывал основной флот. Семьи и друзья, целые народы и племена двигались по бурной воде сквозь обрывки тумана: дети в тонких и хрупких одеяниях из коры, пекари и пака в бамбуковых клетках, груженных на плоты, священные лягушки-курупайра в терракотовых горшках, мешки, наполненные всей маниокой, какую только можно было собрать с дважды разоренных полей. Сумасшедший желтый клюв тукана, который пытался усесться на носу одного из каноэ, – прекрасное цветное пятно. Много дней ушло на спуск по водопадам: лодки аккуратно спускали на лианах по глиняным склонам, испуганную скотину опускали в клетках или на ремнях, а люди шли по тропинкам, которые были скользкими от брызг, забиты всяким мусором, оставшимся от дамбы. Даже в разрушенном состоянии она оставалась самым впечатляющим заградительным сооружением на Риу ду Ору.

Серая река казалась черной, когда ее наводнили плоты,

которым нужно было пройти между двух камней. Некоторые узнали Маира и подняли весла в знак приветствия, проплывая мимо. А дальше пошли плавучие тюрьмы: гуабиру, которых охраняли с помощью фальконетов из числа доставшихся от португальцев. Они выкупили свои жизни, договорившись о союзе городов: Сидаде Маравильоза и ослабленного войной Сидаде де Деус.

– Как вы верно заметили, мы беспомощны перед нашими легендами, – сказал Фалькон, поскольку он перестал быть Аиуба, желтоголовиком, французом, а превратился в защитника Изумительного города, зембу. Кайша тоже стала героиней войны, сеньорой да Крус, знаменосцем нового народа.

– Я буду возвращаться так часто, как смогу, – пообещал Квинн. – В этом деле я все еще новичок, и есть дисциплины и методы самообороны, о которых мне неизвестно. Идет война, но я всегда состоял в военном ордене.

Серый теплый дождь гладил лицо Фалькона. Он моргнул, открыл глаза и тут увидел калейдоскоп картинок. Каждый камень, каждое дерево, каждая птица и каждый обрывок тумана, Льюис Квинн, его трость и костер рассыпались на тысячу отражений, обрамлявших все вокруг. Они были словно позади реальных предметов и впереди, сбоку, везде, они соединялись друг с другом, но одновременно отличались в большей или меньшей степени. Пока Фалькон пытался осознать, что же такое видел, видение пропало.

– Этим можно управлять, – объяснил Квинн. – Я пока еще неопытен по сравнению с другими путешественниками между мирами, но обладаю достаточным талантом, чтобы делиться своими видениями.

– Такой хаос, такая неопределенность перед глазами – как вы вообще понимаете, что реально, а что фальшивка? Как вы находите путь в подлинный мир?

– Ну они все подлинные. Это во-первых. Мы обитаем в последнем отзвуке времени, сне внутри снов. Наши жизни, наши миры проживались тысячу, а то и десять тысяч раз до этого. Орден верит, что надо и дальше спать, ведь все остальное холод и мрак. Но некоторые полагают, что нужно проснуться, ведь только тогда мы увидим утро. Поскольку наши жизни проживались десятки тысяч раз, а наш мир перерождался снова и снова, в каждом перерождении есть какая-то ошибка, какой-то огрех, неточная копия. Происки врага, если хотите. В нашем времени такой ошибкой стала курупайра, окошко во все множество миров и ту реальность, что лежит за ними, а значит, и надежда для нас.

Большая часть Сидаде Маравильоза уже преодолела изгиб

реки, теперь настал черед детей, они, мокрые и с улыбками до ушей, плыли в маленьких юрких каноэ. Ребятишки помахали Кайше. Девушка выпрямилась, сжимая крест Богоматери Всех Миров раненой рукой. Фалькон покачал головой:

– Я не верю в такой мир.

– А он существует вне зависимости от вашей веры. – Квинн поднялся. – Мне пора. Они ждут меня.

Он мотнул головой в сторону кромки леса, темной и сырой. Фалькону показалось, что там, в полумраке, стоят две женщины: одна белая с золотыми кудрями, вторая азиатка, судя по разрезу глаз и оттенку кожи, с волосами, выкрашенными в темнорыжий цвет. А еще под пологом чащи Квинна ждал какой-то чернокожий мужчина. Все эти фигуры подрагивали на самом краю ощущений Фалькона. Затем он побрел по камням в сторону пляжа, а когда обернулся, то увидел лишь тлеющий костер.

Игуапа уплыли. Пироги детей растаяли в тумане. Кайше вернула крест на нос лодки. Гребцы оттолкнулись веслами и отплыли. Тут крикнул Вайтака: в излучине реки что-то виднелось. На мгновение Фалькону показалось, что это перевернутая военная лодка. Предмет отплыл в сторону и оказался в стоячей воде. Гребцы вытащили его. Ангельский лик, невыразительный, но улыбающийся, смотрел в небо сквозь изменчивую серую дымку. В руках ангел держал меч с тремя лезвиями. Статуя свалилась с одной из башенок, венчавших базилику Носса Сеньора да Варзеа. Фалькон столкнул фигуру обратно в реку, и подернутая рябью, журчащая вода, которая стремительно текла по камням, подхватила ангела и унесла прочь.

Глоссарий

Abiá (абья): новообращенный до инициации.

Agogô (агого): металлический перкуссионный инструмент, который используется в кандомбле и капо-эйре.

Aiuri (айури): совет племени.

Alabé (алабе): ведущий барабанщик и певец, жрец в кандомбле.

Aldeia (алдейя): миссионерская деревня индейцев, обычно иезуитская.

Alva (алва): описание цвета кожи – белокожий. Считается редким в Бразилии.

Amaci (амаси): травяной отвар для обряда очищения.

Assentamento (асентаменту): различные предметы, травы и вода, которые употребляются в пищу и почитаются как символ единения человека и ориша.

Axé (аше): преобразующая сила, магия, сила, которая становится причиной событий.

Baiana (байяна): происходит от названия штата Баия, обозначает традиционный костюм женщин из Салвадора.

Baile (байле): «танец», слово используется в Рио для обозначения вечеринок, на которых появился популярный у кариока жанр музыки байле-фанк.

Bairro (байру): официальный городской район.

Barracão (барракан): основной церемониальный зал террейру.

Bateria (батерия): барабанный оркестр в самбе.

Bauru (бауру): горячий сэндвич с ветчиной и сыром, часто на сладком хлебе, который готовят в Сан-Паулу.

Berimbau (беримбау): струнный инструмент африканского

происхождения, используется в капоэйре.

Bicha (биша): буквально «сука», используется в гей-сообществе для обозначения гомосексуалиста, играющего роль женщины.

Bolar (булар): спонтанный транс, который обычно предшествует инициации в качестве иау.

Caboclo (кабокло): помесь индейца и белого, частое явление среди низших слоев общества на Амазонке, термин в современной Бразилии воспринимается как слегка оскорбительный. См. мамелуко.

Cafezinho (кафезинью): «маленький кофе», крепкий, сладкий кофе, который подается в маленьких чашках и пьется на ходу.

Caiçara (кайсара): тюрьма для рабов на берегу реки.

Camarinha (камаринья): святая святых в террейру, оставленная для маи ду санту и ее супруга. В колониальной Бразилии так называли городской совет.

Captaincy (капитанство): территориальное деление колониальной Бразилии, сегмент земли, который ограничен двумя линиями, которые тянутся параллельно экватору, пока не натолкнутся на линию раздела по Тордесильясскому договору – демаркационную линию между португальскими и испанскими территориями. Капитанствами управляли донаторы.

Catadores (катадорес, они же катадоры): неофициальные сборщики мусора.

CBF: Бразильская футбольная конфедерация.

Chopperia (шупперия): бар, продающий бочковое пиво.

Cidade Maravilhosa (Сидаде Маравильоза): «Изумительный город», также гимн Рио.

Conselho Ultramarino (консельо ултрамарино): королевский совет, управлявший колониальной Бразилией.

Corda vermelha (корда вермелья): «красная веревка», высший ранг в капоэйре, аналог черного пояса в других боевых искусствах.

Cor-de-canela (кор-де-канела): цвета корицы, один из ста тридцати четырех типов кожи, которые различают в Бразилии.

Crente (кренчи): «верующий», член любой из множества евангелических христианских сект в Бразилии.

Dende (денде): пальмовое дерево, плоды которого и масло из них являются важным подношением ориша.

Descanso (дескансу): «охлаждение» по прибытии террейру – охлаждение головы.

Doces (досес): пирожные, сладости, которые обычно подают в Бразилии на завтрак.

Donatory (донатор): полуфеодальный управляющий капитанством в колониальной Бразилии.

Ebó (эбо): жертвоприношение ориша.

Ebomi (эбоми): старейшина террейру, прошедший инициацию более семи лет назад.

Egbé (эгбе): община, сформировавшаяся в террейру.

Ekedi (экеди): обычно женщины-служительницы в террейру, которые сами не впадают в транс, но помогают тем, кто одержим ориша.

Engenho (энженьу): сахарная плантация, включая землю, строения, рабов и животных, которые ее обрабатывают.

Entrada (энтрада): экспедиция за рабами.

Enxofrada (эншуфрада): желтоватый цвет кожи.

Escaupil (эскаупил): доспехи из ткани или кожи, подбитые растительным пухом, которые носили бандейрантес; считались непробиваемыми выстрелом.

Exu (Эшу): бог перекрестков, посланник между богами и людьми. Часто статую Эшу ставят на входе в террейру, а самого Эшу описывают как типичного маландру из Рио.

Farofa (фарофа): мука из маниоки, часто ее жарят в масле до

получения орехового привкуса.

Favela (фавела): неофициальные бразильские трущобы.

Fazenda (фазенда): усадьба, на которой выращивают кофе или сахар, или же ранчо.

Feijoada (фейжоада): знаменитое блюдо Рио – проваренные на медленном огне кусочки свиного мяса, бразильских сосисок. В Рио его всегда готовят с добавлением черных бобов (фейжаус), хотя в остальной части Бразилии обычно используют фасоль.

Feitor (фейтор): торговец или владелец небольшой мануфактуры, управляющий факторией.

Fidalgo (фидалгу): рыцарский класс в Португалии.

Furacão (фуракан): ураган.

Furo (фуру): поперечный канал между двумя рукавами русла реки.

Futebol (фучебол): прекрасная игра, настоящий футбол.

Futsal (футсал): мини-футбол, в который играют на крытой площадке меньшим по размеру, но более тяжелым мячом. Очень динамичная и популярная игра.

Gafieira (гафиейра): танцевальный зал и сама танцевальная вечеринка. В Сан-Паулу это эквивалент кариока байле в Рио.

Gatinha (гачинья): молодая разбитная девушка.

Gelosias (желозияс): деревянные ставни на окнах верхних этажей колониальных домов.

Guaraná (гуарана): бразильская ягода с высоким уровнем кофеина, которая используется при производстве серии бодрящих продуктов, в том числе популярных сладких безалкогольных напитков.

Ianques (янкес): транслитерация слова «янки».

Iâo (иау): посвященный в типичной синкретической афробразильской религии.

Igapó (игапо, игапу): время от времени подтопляемая местность.

Jacaré (жакаре́): кайман.

Jogo (жогу): игра или состязание в капоэйре. В отличие от других боевых искусств, в капоэйре именно «играют», тем самым подчеркивается важность смекалки, маландру.

Kibe (кибе): сильно зажаренные мясные шарики. Блюдо пришло из ливанской кухни, часто подается на завтрак.

Ladeira (ладейра): крутая лестница типа улицы в фавеле, обычно преодолеть ее можно только пешком или на мототакси.

Lanchonete (ланшунете): маленькое кафе или ларек, где можно купить ланч.

Lavrador de cana (лаврадор де кана): мелкая сахарная плантация, хозяин которой владеет максимум пятью-шестью рабами.

Lingua geral (лингва-жерал): «общий язык», упрощенная версия языка тупи, которая используется как универсальное средство общения. В восемнадцатом веке был распространен шире, чем португальский.

Loira (лойра): бледная кожа и белые волосы.

Maconha (маконья): марихуана.

Mãe do santo (маи ду санту): жрица кандомбле.

Malandragem (маландражен): целая философия в капоэйре, построенная на понятиях «малисийя» и «жейту».

Malicia (малисия): термин капоэйры, который означает «уловку», то есть способность увидеть и воспользоваться незаслуженным преимуществом, если подвернется случай.

Maloca (малока): индейский дом, в котором живут несколько поколений.

Mameluco (мамелуку): еще одно понятие для обозначения кабокло, обычно на военной службе.

Moqueca (мокека): рыбное блюдо с кокосовым молоком и маслом денде.

Morbicha (морбиша): глава деревни.

Morena-fechada (морена-фешада): очень темная кожа, почти мулат.

Morro (морру): крутые холмы, характерные для Рио.

Mulatinho (мулачиньо): мулат с более светлой кожей.

Orixá (ориша): бог, сила природы, божественный предок, архетип, выражение божественного в кандомбле.

Pãe do santo (паи ду санту): жрец в кандомбле.

Pão de queijo (пан де кейжу): сырные булочки.

Paulista (паулиста): житель Сан-Паулу (штата).

Paulistano/a (паулистано/а): житель(ница) Сан-Паулу (города).

Patúa (патуа): амулет, который надевают, чтобы отвратить злых духов в капоэйра.

PCC: основная криминальная группировка в Сан-Паулу. В Рио фавелы разделены между ADA (Амигус-дус-Амигус) и CV (Комманду Верьмелью).

Peças (песас): колониальный термин для обозначения рабов.

Pelourinho (Пелоуриньо): место позорного столба для рабов, кроме того, так назывался район в Салвадоре, где он установлен.

Pernambucano (пернамбукану): выходец из штата Пернамбуку на северо-востоке Бразилии.

Pichação (пишасан): граффити, в Бразилии обычно рисуют с помощью малярного валика.

Pistoleiro (пистолейру): наемный убийца.

Preto (прету): черный как описание цвета кожи. Расистские термины используются куда свободнее в Бразилии, чем в Северной Америке.

Puta (пута): шлюха, обычно используется в смысле «сука».

Recôncavo (Реконсаву): территория вокруг Тодузус-Сантус в сердце колониальной Бразилии.

Reducione/reduction (редукции): группа деревень под властью иезуитов.

Réveillon (ревейон): массовая церемония в Рио на Новый год, когда люди собираются на пляже и приносят цветы в дар богине Йеманжа. Вероятно, более популярное действо, чем карнавал, и определенно без такой тяги к коммерческой выгоде.

Roda (рода): круг, где происходят поединки в капоэйре.

Rodovia (родовия): автомагистраль.

Rodoviária (родовьярия): автовокзал.

Sampa (Сампа): так жители Сан-Паулу называют свой город.

Seleção (Селесан): сборная Бразилии по футболу.

Sertão (Сертон, Сертау): полузасушливый регион на северо-востоке Бразилии.

Soldado (солдаду): солдат – в банде гангстеров.

Taipa (тайпа): кирпичи из необожженной глины.

Tanga (танга): изначально так назывался треугольник ткани, закрывающий гениталии, теперь разновидность трусиков-бикини.

Telenovela (теленовелла): безумно популярные и плохие мыльные оперы, основа бразильского телевидения.

Terra firme (терра фирме): территория незатопляемых лесов.

Terreiro (террейру): церковь в кандомбле или умбанде, обычно это переделанный городской или пригородный дом.

Travesti (травесчи): трансвестит.

Uakti (уакти): амазонское лесное чудовище.

Umbanda (умбанда): версия кандомбле, которую обычно практикуют белые.

Vaqueiro (вакейру): погонщик крупного рогатого скота.

Varzea (варзеа): регулярно затопляемая, пойменная зона реки.

Yemanja (Йеманжа): божество йоруба; «мать, чьи дети, как рыбы», в кандомбле превратилась в морскую богиню, которую почитают во время празднования на пляжах Рио на Новый год.

Благодарности

Даниэле Продол, Паулу Продол и Клюсе Насименто за помощь с португальским и жаркие дискуссии за чаем с досе по поводу тонкостей толкования различных идиом. Любые вопиющие ошибки в этой области – это полностью моя вина.

Заку Эпплтону за помощь с биотопливом. Хейди Хоупаметса и Сикси Расанену за обед, капоэйру и физику.

Выборочный список для чтения

Интеллектуальным крестным отцом этого романа стал Дэвид Дойч с его «Структурой реальности»[251]. Она вышла уже довольно давно, но все равно за последнее время это самая захватывающая книга, которую я читал.

На английском издано на удивление мало книг о Бразилии. О Кубе, например, стране, которая может потеряться в районе плотины Итайпу, написано в десять раз больше. Тем не менее вот несколько работ, которые мне кажутся особенно интересными.

Джон Хемминг «Красное золото» – бесподобный, прекрасный и мрачный текст, исчерпывающая история бразильских индейцев.

Дэвид Г. Кемпбелл «Земля призраков» – прекрасно написанный и человечный рассказ об экологии и племенах, населяющих западную Амазонку.

Роберт М. Левайн и Джон Д. Крочитти «Бразильская хрестоматия» – неоценима хотя бы за 134 оттенка кожи.

Эвклид да Кунья «Мятеж в глуши» – классическая, потрясающая история восстания Канудос и его жестокого подавления.

Алекс Беллос «Фучебол» – бразильский корреспондент «Гардиан» написал лучшую книгу об этой прекрасной игре, а также, я так полагаю, настоящее пособие про то, как быть бразильцем.

Плей-лист «Бразильи»

Siri: No Tranco
Suba: Tantos Desejos (Nicola Conte Remix)
Samba de Coco Raizes de Arcover: Godê Pavao
Acid X: Uma Geral
Bebel Gilberto: Tanto Tempo
Suba: Na Neblina
Fala: Propozuda R'n'Roll
Salomê de Bahia: Taj Mahal (Club Mix)
Céu (feat. Pyroman): Malemôlencia
Milton Nascimento: Travessia
Carlinhos Brown/Mestre Pintodo do Bongo: Ai
Bebel Gilberto: Sem Contenção (Truby Trio Remix)
Mylene: Nela Lagoa
Tijuana: Pula
Carlinhos Brown: Água Mineral
Pagode Jazz: Sardinha's Club
Suba: Voce GostaBonde Das Bad Girls: Montagem S
Suba: Abraço
Milton Nascimento: Cio da Terra

notes

Примечания

1

Улица (порт.) (Здесь и далее – *прим. пер.)*

2

Денежная единица Бразилии.

З

Бразильский футбольный клуб из Рио-де-Жанейро.

4

Проспект (порт.).

5

В Бразилии сейчас население разговаривает на бразильском варианте португальского языка, например, в конце слова звук «s» в португальском языке звучит как «ш», но в бразильском варианте – как «с» (кроме варианта кариока, то есть в Рио-де-Жанейро). В главах, относящихся к современности и будущему, транскрипция названий и терминов дана по бразильскому варианту. Там же, где действие происходит в XVIII веке, имена и топонимы транскрибируются по португальскому варианту, поскольку бразильский вариант начал активно формироваться только после 1822 года.

6

Рио-де-Жанейро разделен на две части: Зона-Сул и Зона-Норте. В первой проживает средний класс, а вторая – это промышленный район, заселенный простыми работягами.

7

Обозначает принадлежность к штату и городу Рио-де-Жанейро – так в Бразилии помимо прочего называют и выходцев из этого города.

8

Музыкальный стиль, пользующийся популярностью в бразильских трущобах, темы песен в стиле байле-фанк – жизнь уличных банд, подвиги местных бандитов и наркодилеров, и некоторые направления даже официально запрещены в Бразилии.

9

Одна из фавел (трущоб) Рио-де-Жанейро и крупнейшая фавела страны – ее население составляет около семидесяти тысяч человек.

10

Национальный парк в Бразилии.

11

Автомагистраль, шоссе. (порт.)

12

В оригинале герой называет себя Мальясан («Качалка») по названию популярного бразильского сериала, который шел в России под названием «Новый Геркулес».

13

Речь о захвате заложников в автобусе № 174 в Рио-де-Жанейро в 2000 году, в ходе которого один из преступников был задушен полицейскими.

14

Одна из первых фавел в Рио-де-Жанейро.

15

Бразильский фильм о жизни обитателей трущоб.

16

«Дорогая» (порт.).

17

Гуарана (высушенная масса из измельченных семян древовидной лианы, произрастающей в Бразилии) является сырьем для производства энергетических напитков, поскольку обладает большим содержанием кофеина.

18

Имеется в виду игра «Grand Theft Auto: Vice City Stories», действие которой разворачивается в 1986 году в вымышленном городе Вайс-сити.

19

Клип «Save prayer» группы «Дюран Дюран» снимался на Шрианке.

20

Речь о криминальной группировке Primeiro Comando da Capital (сокращенно PCC) – это крупнейшая преступная организация в Бразилии, насчитывающая более тринадцати тысяч человек, половина из которых сидит в тюрьме. Банда, которая, как утверждают ее члены, борется в том числе и за права заключенных, регулярно устраивает мятежи в исправительных учреждениях Бразилии.

21

Энергетический напиток на основе гуараны.

22

Одна из разновидностей беримбау (бразильского однострунного ударного музыкального инструмента), гунга обладает самым низким тоном, помимо этого есть еще две разновидности беримбау: медиу (средний тон) и виола (высокий тон). Все три вида беримбау используют в современных школах капоэйры (бразильское боевое искусство).

23

Так называется круг, образуемый участниками, в котором играют капоэйристы.

24

Базовое движение в капоэйре, при котором игрок постоянно передвигается, готовясь уйти от удара или провести удар самому.

25

Жейту – это термин, который обозначает бразильскую культуру «решения вопросов».

26

Речь о сущности капоэйры, которая передается словом «малисия» (порт. malicia) – умение хитрить, вводить партнера в заблуждение относительно ваших намерений и планов в игре. Необходимо изобразить свою мнимую незащищенность и открытость для удара, а при попытке атаковать провести изящную контратаку.

27

Палка, на которую натягивают струну.

28

Мастер капоэйры.

29

Красный пояс, который присваивается в капоэйре мастерам первой степени, фактически поясами являются разноцветные веревки.

30

Местре Бимба (настоящее имя Мануэль душ Рейш Машаду 1900–1974) знаменитый мастер афробразильского боевого искусства капоэйра Режиональ.

31

Еще одна ветвь капоэйры, созданная легендарным местре Пастинья (1889–1981).

32

Бразильская синкретическая религия, сочетающая в себе черты католицизма, спиритизма и афробразильских традиций, в настоящее время ее приверженцами являются около миллиона человек.

33

Быстрый ритм.

34

Бразильский народный парный танец.

35

Разновидность комбинированного удара.

36

Одна из базовых стоек в капоэйре, в данном случае при транслитерации учтена произносительная норма диалекта Рио-де-Жанейро, в котором «t» произносится как «ч», это положение, когда капоэйрист сидит на полностью согнутой ноге, выставляя вперед прямую ногу, одна рука опирается на землю рядом с прямой ногой, вторая – закрывает голову.

37

Так называемый «полумесяц циркулем» – круговой удар в горизонтальной плоскости пяткой с опорой на руки и одну ногу.

38

«Полумесяц в прыжке» – круговой удар в горизонтальной плоскости, но двумя ногами.

39

Основанная в 1963 году в Рио-де-Жанейро группа Senzala de Capoeira является одной из самых известных групп капоэйры в мире, само слово «сензала» означает «дом для рабов».

40

Бразильский народный музыкальный инструмент африканского происхождения, который часто используют для создания ритмической полифонии в капоэйре, представляет собой сдвоенный металлический колокольчик, на котором играют ударяя по нему палочкой.

41

Гигантский парк в Рио-де-Жанейро, одна из самых больших парковых зон в мире, занимает площадь более миллиона квадратных метров.

42

Бросок захватом за обе штанины или лодыжки партнера с рывком на себя.

43

Хитрый, умный капоэйрист.

44

Травка, марихуана.

45

Название фавелы.

46

Времена года в Бразилии прямо противоположны европейским, поэтому «зимний сезон» на телевидении – это июнь, июль и август.

47

Переходный слой между тропосферой и стратосферой.

48

Мини-футбол, в который играют в крытых залах и более тяжелым по весу мячом.

49

Христианская пятидесятническая церковь.

50

Прозвище футбольного клуба Сан-Паулу «Коринтианс», которое можно перевести как «командища».

51

Популярный в Бразилии спорт, сочетающий в себе качества пляжного волейбола и футбола.

От английского «shades» (солнечные очки).

53

Сокращение от «недетерминированный полиномиальный».

54

Традиционные бразильские сырные булочки, которые часто подают на завтрак.

55

Государство в Западной Африке.

Сампа – прозвище Сан-Паулу.

57

Разновидность большого парусного судна со смешанным парусным вооружением.

58

«Крю» – название неформальных групп художников, занимающихся граффити-артом, «Флешбек крю» реально существующая ныне команда из Рио-де-Жанейро, состоящая из пяти художников, а название на португальском специально пишется с ошибкой, таким образом художники высмеяли привычку соотечественников коверкать английские слова.

59

Стиль бразильской музыки, представляющий своеобразную смесь кул-джаза с различными местными ритмами.

60

Крепкий бразильский вариант эспрессо.

61

Этим словом обозначается танцплощадка, дискотека, кроме того, так называется популярный в Бразилии стиль клубной самбы.

62

«Нижний город», район Салвадора, который стал передовой линией обороны всей Баии и местом жительства низших сословий и простолюдинов, именно в Нижнем городе находились многочисленные рынки и торговые ряды, доки, казармы и портовые сооружения.

63

Фабрика по производству сахара вместе со всей территорией, включая плантацию сахарного тростника.

64

Бухта в штате Баия, одна из крупнейших в Бразилии.

65

Ныне город Вила-Рика (Богатый город) носит название Оуру-Прету. В XVIII веке, во времена «золотой лихорадки», сюда устремились тысячи золотоискателей.

«Христос Искупитель».

67

Имеется в виду «Фиана Эйринн», как называли небольшую полунезависимую дружину воинов, в которую входил Финн Маккул и его соратники, легендарные герои кельтской мифологии.

68

Этническая группа в составе бразильцев, – португало-индейские метисы.

69

Крупнейшая река на Пиренейском полуострове, в Испании носит название Тахо.

70

Верхний город.

71

«Лестница», – так называют переулки внутри фавелы, которые напоминают уступами лестницу.

72

Метис, помесь белого человека с индийцем в Бразилии. В русском языке иногда фигурирует искаженный вариант «мамелуко».

73

Название района в Салвадоре.

74

Речь об иезуитской коллегии (закрытом среднем учебном заведении).

75

Адмонитор (лат. admonitor – напоминающий) – должность в ордене иезуитов. Задачей адмонитора является наблюдение за настоятелем и вынесение ему замечаний относительно его личных качеств и методов управления.

76

Язык племен тупи, населявших побережье Бразилии на момент появления португальцев в современной Бразилии. Другое название лингва-жерал (букв. «обобщенный язык»).

77

Антониу Виейра (1608–1697) – португальский и бразильский миссионер-иезуит, считавшийся одним из самых выдающихся миссионеров-проповедников своего времени.

78

Старинный струнный инструмент наподобие цитры.

79

Струнный щипковый инструмент, басовая разновидность лютни.

80

Бандейранты (порт. bandeirantes, «знаменосцы») – участники масштабных экспедиций (бандейрас) XVI–XVIII веков на удаленные от побережья территории португальских колоний в Америке.

81

Элемент облачения католических священников – длинная полоса материи, надеваемая на плечи, причем оба конца висят спереди.

82

Элемент литургического облачения в католицизме. Это облачение из белой ткани, доходящее до середины бедра, может быть украшено кружевами.

83

Капельмейстер, руководитель хоровой капеллы.

Департамент в Боливии.

85

Доменико Циполи (1688–1726) – итальянский композитор эпохи барокко, вступил в орден иезуитов и отправился в Аргентину в составе духовной миссии, где на протяжении нескольких лет занимал пост музыкального руководителя местной иезуитской церкви.

86

Монастырский двор, окруженный галереей.

87

Заморский совет (порт.) – административный орган, существовавший с 1642 по 1833 г.

88

Педро да Сильва Нунес – извечный враг иезуитов и ярый борец с бюрократией, буквально заваливший португальский суд петициями с призывами реформировать систему администрирования.

89

Иезуитские редукции – часть общей стратегии католической церкви XVII–XVIII веков по созданию резерваций (исп. reducciones de Indios) для христианизации коренного населения Нового Света.

90

Экспедиции за индейцами вглубь страны, меньшие по масштабу, чем бандейрас.

91

Крупнейший левый приток Амазонки.

92

Человек, происходящий из благородной семьи и получающий свой особый статус по наследству, португальский аналог испанского «идальго».

93

Третий орден св. Франциска (т. н. терциарии) – учрежден св. Франциском около 1221 года.

Смесь листьев коки с известью и золой овощей.

95

Обширная заболоченная тектоническая впадина в Бразилии.

96

В 1728 году Жан-Батист Фалькон усовершенствовал ткацкий станок, сделав его практически программируемым.

97

Речь о французском моряке Рене Дюге-Труэне (1673–1736) – во время войны за испанское наследство он командовал французской эскадрой, которой удалось победить в нескольких крупных сражениях. Наиболее удачным и известным из них является захват города Рио-де-Жанейро в 1711 году.

98

Тропикалия или тропикализм – музыкальное течение, возникшее в Бразилии и названное по аналогии с психоделией, которое представляет собой смесь традиционной бразильской музыки с психоделическим роком, фанком, джазом и авангардом.

99

Район (порт.).

100

Бразильские пирожные (порт.).

101

Волшебным Квадратом или Бразильским Четырехугольником называли схему атаки сборной Бразилии (четыре игрока – Роналду, Адриану, Кака и Роналдинью).

102

Прозвище бразильской сборной по футболу, в переводе означает «избранные», в русской прессе встречается неверное написание «Салесао».

103

Жюль Риме был вдохновителем проведения чемпионатов мира по футболу, главный приз носил его имя вплоть до 1970 года.

104

Бразильская форма колдовства вуду.

105

Аше дословно переводится «да будет так», обычно этим словом обозначаются те принадлежащие божествам силы, которые сконцентрированы в священных предметах культа, это энергия, которая движет вещами и событиями.

106

В переводе с португальского «столб для порки» – именно так называлась площадь, где устраивали публичные порки и торговали рабами.

107

Речь о системе незакрепленных рабочих мест, у работника нет своего собственного рабочего стола, а есть общие столы, которые можно использовать по необходимости.

108

Богемный и злачный район Рио.

109

Национальный девиз Бразилии, используемый с момента её образования, написанный на ее флаге.

110

Кайпиринья – популярный бразильский алкогольный коктейль, который готовится из кашасы, лайма, льда и тростникового сахара.

111

В переводе с португальского «солдат» – так называют гангстеров в банде.

112

Национальное блюдо Бразилии – мясо, приготовленное на вертеле.

113

Социальная и субэтническая группа, в том числе проживающая и в Бразилии, близкая по духу американским ковбоям. Испанское произношение «гаучо».

114

Коктейль, который готовится по аналогии с коктейлем «кайпиринья», но за основу берется водка.

115

Музыка карнавального типа с элементами хип-хопа и «электро».

116

Буфетная стойка (порт.).

117

Арабское блюдо, которое пользуется популярностью в Бразилии. Котлетки с булгуром. В XX в. вслед за португальскими поселенцами в Бразилию приехали сирийцы и ливанцы, внесшие в итоге свой вклад в национальную кухню.

118

Братство Милосердия – монашеское и религиозное общество, основанное в Италии после чумы 1548 года на принципах всеобщей доброты и помощи. Цель братства изначально была в бескорыстной помощи страждущим и больным и полностью анонимной благотворительности.

119

Деревянные ставни на окнах колониальных домов.

120

Охотничье метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны обёрнутые кожей круглые камни и т. п.

121

Погонщики крупного рогатого скота.

122

Клуб и неофициальное учёное сообщество видных деятелей британского Просвещения.

123

Клуб и неофициальное учёное сообщество видных деятелей британского Просвещения.

124

Торжественная религиозная церемония, включавшая в себя процессии, богослужение, выступление проповедников, публичное покаяние осужденных еретиков и чтение их приговоров.

125

Рабы.

126

В мифологии йоруба богиня-мать, покровительница женщин, воплощение реки Огун. Данный культ широко распространился среди чернокожего населения Латинской Америки, слившись с католической традицией почитания Богоматери.

127

В переводе означает «Долина Рассвета». Это религиозная община мистического толка, созданная в 1969 году и насчитывающая ныне около десяти тысяч человек.

128

Самый известный и престижный отель в Рио-де-Жанейро.

129

Прозвище Виктории Бекхэм, «Шикарная перчинка» (англ.).

130

Прозвище Бекхэма.

131

Термин «длинный хвост» ввел в обращение Крис Андерсон в своей статье для описания успешных бизнес-моделей для Интернета.

132

Обиходное название матча между Уругваем и Бразилией в финале.

133

Жанры бразильской музыки.

134

Псевдоним бразильского композитора, аранжировщика, певца Антониу Карлуша Жобина.

135

Бразильский композитор, певец, актёр, поэт и прозаик.

136

Американский эстрадно-джазовый певец и актер итальянского происхождения.

137

Традиционное для португалоязычных стран блюдо из фасоли, мясных продуктов и фарофы.

138

Песня бразильского композитора Антонио Карлоса Жобина, написанная в 1958 году.

139

Прозвище Зизинью.

140

Прозвище Рио.

141

Храмы умбанды.

142

Духи, эманации единого бога в ряде афробразильских культов, в том числе и в Умбанда.

143

Мистическое учение сродни шаманизму, Баркинья – одна из ветвей Санту-Дайме.

144

От слова «bênção» («благословение»), то есть «благословляющий».

145

Крепкий алкогольный напиток, получаемый путём дистилляции чистого экстракта сахарного тростника.

146

Бразильское блюдо из морепродуктов.

147

Экономическая теория, согласно которой для борьбы с инфляцией необходимо увеличить предложение товаров, а для стимулирования их производства необходимо увеличить капиталовложения и снизить налоги.

148

Многоступенчатое культовое сооружение в Древней Месопотамии и Эламе, типичное для шумерской, ассирийской, вавилонской и эламской архитектуры.

149

Традиционное блюдо бразильской кухни, в основе которого маниоковая мука, обжаренная на масле.

150

Старинная мера длины в геодезических съёмках, равная 1,949 метра.

151

Шарль Мари де ла Кондамин (1701–1774) – французский астроном, геодезист и путешественник. В 1736–1746 годах был в научной экспедиции в Южную Америку для измерения дуги меридиана под экватором с целью доказать, что Земля не идеальный сферический шар, как было принято считать в то время.

152

В ткацком станке так называют две деревянные планки, соединенные нитченками, т. е. петлями для подъема нитей основы.

153

Имеются в виду «Духовные упражнения» («Exercitia Spiritualia») святого Игнатия Лойолы, которые представляют собой сочетание испытаний веры, размышления, созерцания, молитвы словесной и мысленной.

154

Влажнотропические леса и саванны в пойме Амазонки.

155

Деревня (порт.), кроме того, так называли и организованные поселения, в которых иезуиты селили обращенных в христианство индейцев.

156

Мифический музыкант у туземцев тукану, живущих в бассейне реки Амазонки. Согласно легенде, у этого существа есть отверстия в теле, которые способны производить звук, когда он бежит по ветру.

157

Белый.

Медиумы, чаще женского пола, в переводе с йоруба это слово значит «невеста».

159

Перкуссионный оркестр.

160

Ведущий барабанщик, в кандомбле – жрец, играющий на музыкальных инструментах.

161

Организаторы праздников и помощники медиумов.

162

Основной зал храма-террейру, где проходят церемонии.

163

В переводе с кечуа «лиана духов» – так называется напиток, оказывающий психоактивный эффект, изготовляемый местными жителями бассейна Амазонки, и сама лиана, служащая основным компонентом этого напитка.

164

Персонаж бразильского фольклора, маленький мальчик с одной ногой, который носит красную волшебную шапку и любит курить трубку. Согласно легенде, он постоянно озорничает: то задувает огонь у людей, то пугает скот, то наводит страх на путников.

165

Имеется в виду концерт Rolling Stones, состоявшийся в Рио-де-Жанейро в феврале 2006 года, самый большой концерт в истории рок-музыки, на котором было 1,5 миллиона зрителей.

166

Старейшая и самая популярная в Рио школа самбы.

167

Новена (от лат. «novena», что значит «девять») – у западных христиан девятидневное моление.

168

Богоматерь из Апаресиды или Богоматерь Апаресида – статуя Девы Марии, святой покровительницы Бразилии. Ее храм находится в Апаресиде, в штате Сан-Паулу. Он занимает второе место среди крупнейших католических зданий в мире, после собора Святого Петра в Ватикане.

169

Район Токио, своеобразная модная мекка, здесь собираются десятки молодых людей, одетых в лучших анимешных традициях, среди прочего очень популярны ярко-розовые волосы.

Стиль приготовления пищи, в таких кафе повар готовит продукты на железной сковороде рядом с посетителями, и блюдо прямо с пылу с жару попадает в тарелки.

171

Термин, принятый для обозначения этнических японцев, которые иммигрировали из Латинской Америки обратно в Японию.

172

Группа людей, объединенных общими интересами.

173

В каноэ гребут стоя на одном колене.

174

Широкомордый кайман.

175

Португальское грузовое парусное судно.

176

Бразильское название плодов растения генипа, красящий пигмент проявляется на теле сине-черным цветом.

177

Геральдический девиз иезуитов, в переводе с латыни означает «К вящей славе Божией».

178

Название горы Корковаду в переводе значит «горбатая».

179

В переводе с португальского «уличный фонарь».

180

Гора необычной формы, ставшая одним из символов Рио-де-Жанейро.

181

Знак в нотном письме, обозначающий продление ноты или паузы на неопределённое время.

182

Популярный бразильский журнал.

183

Таким термином в Бразилии называют белокожих людей со светлыми волосами.

184

Церковь (порт.).

185

Байяна (от названия штата Байя) – традиционный костюм женщин из Сальвадора.

186

На сленге серферов «зайками» называют девушек, которые приходят на пляж смотреть серфинг.

187

Так в Бразилии называют нанесение надписей или каракулей на стены зданий и другие поверхности. Пишасан как форма самовыражения стоят отдельно от граффити и считаются новой формой искусства.

188

Известный в Бразилии уличный художник.

189

Обязательства. (порт.)

190

Круговой удар в капоэйре, наносится в горизонтальной плоскости пяткой с опорой на руки и одну ногу.

191

«Гуарана Антарктика» – известнейший напиток-бренд Бразилии, который изготавливается на основе гуараны.

192

Отец (порт.).

193

Большая хижина, в которой живут несколько поколений индейцев. Иногда селения индейцев бассейна реки Риу-Негру состояли из одной малоки.

194

Название хины. На основе хины производили лекарство от малярии, которым очень интересовались иезуиты.

195

«Ангел Господень» (лат. Angelus Domini, Angelus) – католическая молитва, названная по её начальным словам.

196

Затерянные в лесах деревни беглых рабов.

197

Вид грызунов.

198

Деревенский староста.

199

Батраки в Латинской Америке.

200

Бразильский футбольный тренер, шесть раз возглавлявший сборные на чемпионатах мира, в 1994 году привёл сборную Бразилии к победе на чемпионате мира в США.

201

Негачива с опорой на обе руки, при этом тело находится близко к земле.

202

Изначально слово означало «амулет», после фильма про Остина Пауэрса стало популярно другое его значение – «жизненная сила».

203

Мокека – это запеченная рыба, приправленная кокосовым молоком, пальмовым маслом, перцем, луком и кориандром.

204

Один из видов качественной марихуаны.

205

Футбольный стадион в Бразилии, расположенный в Сан-Паулу, официальное название стадиона «Сисеру Помпеу де Толедо».

206

Болотистый лес в бассейне Амазонки.

207

Территория незатопляемых влажных тропических лесов.

208

Священники в индейском племени.

209

Х-образный крест.

210

Имеется в виду город на западе Франции, расположенный на побережье Атлантического океана.

211

Так в капоэйре называется хитрый прием, обычно слово имеет негативный оттенок. Кроме того, это еще и обозначение всей философии капоэйры.

212

Бразильский автогонщик, пилот «Формулы-1».

213

Жители Бразилии встречают Новый год в белой одежде. Верующие приносят дань богине воды Йеманже.

214

Это традиционная сольная песня местре (или человека, «ведущего» роду).

215

Пальмовое масло, используемое для приготовления блюд и в ритуалах афробразильских религий.

216

Смелость (порт.).

217

Максимальное количество кислорода, которое организм способен использовать во время тренировки, как правило, в течение короткого промежутка времени и в период наивысшей интенсивности упражнений.

218

Трасса, на которой проводят Гран-при Бразилии, один из этапов гонки «Формулы-1».

219

Интересно, что в нашем мире Кондамин начал свое путешествие в Южную Америку с целью доказать гипотезу Исаака Ньютона о том, что Земля имеет форму не идеальной сферы, а скорее приплюснутого на полюсах шара, на два года позже Фалькона. В этой версии Бразилии эту теорию, как видно, доказал именно Фалькон.

220

Французская единица длины, использовавшаяся до введения метрической системы, равна 1,949 м.

221

Народное название растения Tibouchina grandifolia (трибухина крупнолистая). Названо так потому, что листья покрыты короткими ворсинками, напоминающими шерсть.

222

(Дан. 5:25–28). По-арамейски означает буквально «мина, мина, шекель и полмины» (меры веса), в церковнославянских текстах «мене, текел, фарес». Согласно библейскому преданию, это слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона от рук Дария Мидийского.

223

Растительная шерсть, добываемая из внутренностей плодов баобабовых деревьев.

224

Сокращение от «Amigos dos Amigos» («Друзья друзей») – так называется одна из крупнейших криминальных группировок, контролирующий фавелы Рио.

225

Сокращение от «Comando Vermelho» («Красная команда») – название еще одной организованной преступной группировки.

226

Cansei de Ser Sexy, сокр. CSS (порт. «устала быть сексуальной») – музыкальная группа из Сан-Паулу (Бразилия).

227

Юноша, рожденный в смешанном браке тайваньки и бразильца, прославившийся, когда после смерти родителей развернулась целая война за опекунство над ним.

228

Особое состояние человека, приходящего в церковь, успокоение души, уход от мирских забот. В буквальном переводе «охлаждение».

229

Нелегальная лотерея, появившаяся в конце XIX века, когда основатель зоопарка в Рио придумал эту лотерею для привлечения посетителей в свой зоопарк. Вскоре Рио охватила настоящая страсть, и правительству пришлось запретить лотерею, однако она продолжила свое существование.

230

Травяной отвар, который используется для очищения перед ритуалами.

231

Французский термин, обозначающий празднование Рождества, в Бразилии употребляется, когда речь идет о массовых новогодних гуляниях на пляже.

232

Имеется в виду концерт Rolling Stones, состоявшийся в Рио-де-Жанейро в феврале 2066 года, самый большой концерт в истории рок-музыки, на котором было 1,5 миллиона зрителей.

233

Опускание на корточки, одно из простейших движений для обороны в капоэйре.

234

Оборонительная позиция на четырех опорных точках спиной вниз.

235

Так называемый «удушающий» удар.

236

Подсечка в стойке.

237

Дикая кошка.

238

Вид птиц семейства пеликанообразных, обитающий в Северной, Центральной и Южной Америке, а также на Кубе.

239

Исторический термин для описания внутренних, малоизвестных европейцам (португальцам) районов континентальной Бразилии, а также современные штаты и области континентальной Бразилии.

240

MST— сокращение от «Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra», что означает «Движение безземельных крестьян» – важнейшее общественное движение в Латинской Америке.

241

Крупнейшие нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая компании Бразилии.

242

Единицей административно-территориального деления заморских владений Португалии были капитанства под управлением капитанов-донаторов, которые получали большую власть над выделенной территорией, но должны были обеспечить ее заселение и развитие.

243

Слово-гибрид, образованное из слов «bland» и «android» для обозначения людей, которые слепо следуют основным тенденциям массовой культуры.

244

Технологии невидимости, которые позволяют вертолетам оставаться незаметными для радаров.

245

Греческое существительное паруси(!!!удар)а (встречается также написание «парусия») буквально означает «присутствие рядом» и происходит от предлога пара(!!!удар) («рядом») и уси(!!! удар)а («бытие»). Это понятие христианского богословия для обозначения незримого присутствия Господа Иисуса Христа в мире с момента Его явления и пришествия Его в мир в конце света.

246

Жрица кандомбле.

247

Излучение, возникающее при прохождении энергетически заряженных частиц через прозрачную среду, например воду, со скоростью, превышающей скорость света в этой среде.

Фиа опровергает точку зрения, что у черной дыры нет иных свойств, кроме гравитационного поля, именно по этому поводу физики шутят, что «черная дыра не имеет волос».

249

Спасайся, кто может! (франц.)

250

Томас Бекет (в старых русских переводах – Фома Бекет или Фома Кентерберийский) вступил в конфликт с Генрихом II и был убит, возможно, по наущению короля на ступенях алтаря Кентерберийского собора, впоследствии был канонизирован.

Издание на русском языке: Дэвид Дойч. Структура реальности. Наука параллельных вселенных. Альпина Нон-Фикшн, 2015.